

Стивен ФРАЙ
ТЕННИСНЫЕ МЯЧИКИ НЕБЕС
[Фантом Пресс, 2000г]

Коллеге

*Мы – теннисные мячики небес,
Они соединяют нас и лупят,
Как захотят.*

Джон Уэбстер

«Герцогиня Мальфи», акт V, сцена 3

1. Заговор

Всё это началось давно, ещё в прошлом веке, – веке, когда влюблённые писали друг другу письма и посылали их, запечатывая в конверты. И временами, чтобы выразить свои чувства, они прибегали к разноцветным чернилам или опрыскивали почтовую бумагу духами.

*Плау-Лейн, 41
Хэмпстед
Лондон, С33
Понедельник, 2 июня 1980
Милый Нед!*

Прости мне этот запах. Надеюсь, ты вскрыешь письмо в каком-нибудь укромном месте, когда будешь совсем один. Чтобы никто к тебе не приставал и не отвлекал. Духи называются «Rive Gauche» ¹, так что я чувствую себя Симоной де Бовуар, а ты, надеюсь, почувствуешь себя Жаном Полем Сартром. Хотя нет, лучше не надо, потому что он, по-моему, ужасно с ней обходился. Я пишу это наверху, после ссоры с Питом и Хиллари. Ха-ха-ха! Пит и Хиллари, Пит и Хиллари, Пит и Хиллари. Тебе не нравится, когда я их так называю, ведь правда? Я так люблю тебя! Если бы ты увидел мой дневник, ты бы просто умер. Сегодня утром я исписала целых две страницы. Составила список всех твоих восхитительных, прекрасных качеств – когда-нибудь, когда мы будем вместе, я, возможно, позволю тебе заглянуть в него, и ты умрёшь ещё раз.

Я записала, что ты старомоден.

Во-первых, при самой первой нашей встрече ты встал, когда я вошла в зал, – мило, конечно, но ведь дело было в «Хард-рок кафе», а я вышла из кухни, чтобы принять твой заказ.

Во-вторых, каждый раз, как я называю маму с папой Питером и Хиллари, ты краснеешь и поджимаешь губы.

В-третьих, когда ты в первый раз беседовал с Питом – ну ладно, будь по-твоему, – когда ты в первый раз разговаривал с мамой и папой, ты не мешал им разглагольствовать о частном образовании, частной медицине, о том, как всё это ужасно и какое поганое у нас правительство, – и ни разу не сказав ни слова. Ну, то есть, о том, что твой папа тори и член парламента. Ты замечательно говорил о погоде и не очень понятно – о крикете. Но так и не проболтался.

Собственно, из-за этого мы сегодня и разругались. Твоего папу показывали в дневном выпуске «Уик-энд уорлд», ты, наверное, видел.

(Да, кстати, я люблю тебя. Господи, как я тебя люблю.)

– Откуда они их выкапывают? – рявкнул Пит, тыча пальцем в экран. – Ну откуда?

– Выкапывают что? – холодно поинтересовалась я, приготовившись к сваре.

– Кого, – поправила меня Хиллари.

– Вот этих пережитков в твидовых пиджаках, – сказал Пит. – Ты только посмотри на старого пердуна. Какое он имеет право говорить о шахтёрах? Да если ему кусок угля свалится в тарелку с коричневым виндзорским супом ², он даже не поймёт, что это такое.

– А помнишь молодого человека, который был у нас на прошлой неделе? – Сторонний наблюдатель наверняка заметил бы, что спросила я это с ледяным спокойствием.

– Гарантии занятости, а! – завопил Пит прямо в экран. – Когда это тебе приходилось беспокоиться насчёт гарантий занятости, ты, мистер Итон, мистер Оксфорд и мистер Гвардеец?

Затем он повернулся ко мне:

– Что? Какой молодой человек? Когда?

Если ему задаёшь вопрос, он неизменно проделывает этот фокус – сначала скажет что-нибудь ни к селу ни к городу, а уж после ответит тебе одним (или несколькими) собственными. Он меня с ума сводит. (Как и ты, милый Нед. Только ты сводишь меня с ума, потому что я люблю тебя всей душой.) Если отца спросить: «Пит, в каком году была битва при Гастингсе?» – он ответит: «Опять они урезали пособие по безработице. В реальном исчислении – уже на пять процентов за последние два года. Пять процентов. Сволочи! Гастингс? А зачем тебе? С чего вдруг Гастингс? Битва при Гастингсе была не чем иным, как стычкой военщины с разбойниками-баронами.

1 «Левый берег» (фр.)

2. Суп из телятины и овощей

Единственная битва, о которой каждому следует знать, это битва между...» – и заведёт свою обычную волынку. И ведь знает, что доводит меня до белого каления. Думаю, может быть, и Хиллари – тоже. Как бы там ни было, я стояла на своём:

– Молодой человек, которого я к нам приводила. Его имя Нед. И ты отлично его помнишь. Мы познакомились в «Хард-рок» две недели назад.

– Слоан Рейнджер в крикетном джемпере, ты об этом, что ли?

– Никакой он не Слоан Рейнджер!

– А на мой взгляд, похож. Хиллс, как по-твоему, походил он на Слоана Рейнджера?

– Он определённо был очень вежлив, – сказала Хиллари.

– Вот именно. – И Пит повернулся к своему дурацкому телевизору, по которому как раз показывали твоего отца, выступающего перед йоркширскими шахтёрами, что, должна признать, было действительно смешно. – Ты только взгляни! Старый фашист впервые в жизни оказался севернее Уотфорда ³, голову дам на отсечение. Если не считать тех случаев, когда он приезжал в Шотландию, чтобы подстрелить куропатку. Невероятно. Невероятно.

– Бог с ним, с Уотфордом, ты-то когда в последний раз забирался северней Хэмпстеда? – спросила я. Вернее, крикнула. Что было, думаю, только справедливо, потому что он вывел меня из себя. И вообще, он бывает иногда таким ханжой.

Хиллари проиграла обычную пластинку «не-смей-так-разговаривать-с-отцом», после чего вернулась к своей статье. Она теперь ведёт новую колонку, «Лишнее ребро», и очень легко выходит из себя.

– Ты, видимо, забыла, что докторскую степень я получил в Шеффилдском университете ⁴, – произнёс Пит таким тоном, будто это обстоятельство позволяло претендовать на звание «Северянин десятилетия».

– Подумаешь! – фыркнула я. – Суть дела в том, что Нед приходится сыном как раз этому человеку.

И я торжествующе указала пальцем на экран. Увы, на экране в это время объявился ведущий.

Пит в благоговейном трепете повернулся ко мне.

– Этот юноша – сын Брайана Уолдена? – хрипло осведомился он. – Ты встречаешься с сыном Брайана Уолдена?

Оказывается, ведущий, Брайан Уолден, тоже состоит в парламенте, только от лейбористов. И в мозгу Пита мгновенно возникла картинка: я, а рядом со мной сын социалистического принца. Я просто видела, как Пит пытается быстренько просчитать шансы втереться в доверие к Брайану Уолдену (как тесть к свёкру), заполучить на следующих выборах местечко в парламенте и триумфально прошествовать от унылой службы в Управлении народного образования Центрального Лондона к блеску и роскоши палаты общин и национальной славе. Питер Фендеман, смутьян-диссидент и герой рабочего класса, – я видела все эти фантазии в его алчных глазах. Отвратительно.

– Да не этого! – сказала я. – Вон того!

На экране опять появился твой отец, на этот раз он с бумагами под мышкой подходил к дверям Дома десять ⁵.

Я люблю тебя, Нед. Люблю сильнее, чем приливы любят Луну. Сильнее, чем Микки любит Минни ⁶ и Винни-Пух любит мёд. Люблю твои большие тёмные глаза, твою милую круглую попку. Люблю твои спутанные волосы и красные-красные губы. Они правда такие

3. Округ на северо-западной границе Лондона

4. Фешенебельный район на севере Лондона. Шеффилд расположен в 257 км к северо-западу от Лондона

5. Даунинг-стрит, 10, официальная лондонская резиденция премьер-министра

6. Персонажи диснеевского мультфильма «Приключения Микки-Мауса»

красные, спорим, ты этого не знал. Красные губы, о которых столько пишут поэты, встречаются совсем у немногих. А твои – наикраснейшие из красных, они краснее всех красных губ, о каких я когда-либо читала, и я хочу, чтобы они прямо сейчас блуждали по всему моему телу, – но всё равно, как бы ни были твои губы красны, глаза велики, а попа кругла, всё равно я люблю не их, а тебя. Когда я увидела тебя стоящим у шестнадцатого столика и улыбающимся мне, то подумала, что у тебя вообще нет тела. Я вышла из кухни в дурном настроении и увидела перед собой эту сияющую душу. Этого Неда. Этого тебя. Нагую душу, улыбающуюся мне, точно солнце, – и я поняла, что умру, если не смогу провести с тобой остаток моих дней.

И всё же как мне хотелось сегодня, чтобы отец твой был лидером профсоюза, учителем средней школы, редактором «Морнинг стар»⁷, хоть самым Брайаном Уолденом – кем угодно, только бы не Чарльзом Маддстоуном, героем войны, гвардейским бригадиром в отставке, бывшим колониальным администратором. А сильнее всего мне хотелось, чтобы он был кем угодно, но не членом кабинета министров в правительстве консерваторов.

Но ведь это же неправильно, так? Тогда и ты был бы не ты, правда?

Когда до Пита и Хиллари дошло, они принялись перебегать глазами с меня па экран и обратно. Хиллари оглядела даже кресло, в котором ты сидел в тот день. Просто сверлила его взглядом, словно желала продезинфицировать, а после сжечь.

– Ах, Порция, – сказала она тоном, который принято называть «трагическим».

Пит, разумеется, сначала стал красным, как Ленин, но потом проглотил гнев заодно с разочарованием и начал Разговор. Торжественный. Он понимает мой подростковый бунт против всех тех принципов, в уважении к которым и в вере в которые меня воспитывали. Нет, более того, он этот бунт уважает.

– Знаешь ли ты, Порш, что я по-своему горжусь тобой? Горжусь твоим боевым задором. Ты восстаёшь против власти, а разве не этому я тебя всегда и учил?

– Что? – завизжала я. (Нужно быть честной. Другого слова не подберёшь. Это был визг, и ничто иное.)

Он развёл руки в стороны и пожал плечами – с самодовольством, которое будет изводить меня до самого дня моей смерти.

– Хорошо. У тебя были свидания с олухом года, принадлежащим к высшему свету, тем самым ты привлекла к себе внимание папочки. Пит готов выслушать тебя. Давай поговорим, идёт? Я хочу сказать...

Я спокойно встала, покинула комнату и поднялась к себе, чтобы всё обдумать.

То есть... мне следовало бы так поступить, но куда там!

На самом деле я просто-напросто заорала:

– Иди ты на хрен, Пит! Ненавижу! Ты просто жалок! И знаешь, что ещё? Ты сноб. Отвратительный, презренный сноб!

После чего я вылетела из комнаты, жахнула дверью и поскакала наверх, чтобы выплакаться. Владыка Бессмертных, говоря словами Эсхила, завершил свои игры с Порцией.

Уф! И ещё раз уф.

Во всяком случае, теперь они знают. Ты уже сказал своим? Наверное, они тоже полезли на стену. Их возлюбленного сына заманила в свои сети дочь еврейского интеллектуала левых убеждений. Если только преподавателя истории, получающего полставки в Политехническом институте Северо-восточного Лондона, можно назвать интеллектуалом, в чем я сильно сомневаюсь.

Но ведь любви без препятствий не бывает, правда? Я о том, что, если бы папа Джульетты бросился Ромео на шею и сказал: «Я не

7. Газета английских коммунистов

теряю дочь, я приобретаю сына», а мама Ромео разулыбалась от счастья: «Джульетта, душечка, добро пожаловать в семью Монтекки», пьеска получилась бы куцая.

Так или иначе, через пару часов после этой «мучительной сцены» Пит постучал в мою дверь с чашкой чая. Точность, Порция, точность. Не дверь была с чашкой чая, а Пит, – впрочем, ты меня понял. Я решила, что меня ожидают новые напасти, однако на деле... Хотя нет, на деле так оно и вышло. Ему только что позвонили из Америки. У брата Пита, моего дяди Лео, случился в Нью-Йорке сердечный приступ, и, когда приехала «скорая», он был уже мёртв. Как ужасно! Жена дяди Лео, Роза, умерла в январе от рака яичников, а теперь вот и он. Ему было сорок восемь. В сорок восемь лет умереть от сердечного приступа! Так что мой бедный двоюродный брат, Гордон, приезжает в Англию, чтобы пожить с нами. Это именно он вызвал «скорую» – ну и всё такое. Представляешь, видеть, как прямо на твоих глазах умирает отец. А он к тому же и единственный их ребёнок. Наверное, он сейчас в ужасном состоянии, бедняжка. Надеюсь, ему у нас понравится. Насколько я знаю, его воспитали в строгой вере, я и вообразить не могу, какое впечатление произведёт на него наша семейная жизнь. Наши представления о кошерной пище ограничиваются булочкой с беконом. Я с Гордоном никогда не встречалась. И всегда воображала, что у него чёрная борода, – чушь, конечно, поскольку он примерно наших с тобой лет. Семнадцать-восемнадцать, что-то в этом роде.

Итоги дня таковы: мир в семье Фендеманов нарушен, а у меня появится на следующей неделе брат, будет с кем поболтать. И я смогу разговаривать о тебе.

А это, о мой Недди, куда больше того, чего я дождалась от тебя. «Выиграл матч. По-моему, играл довольно прилично. Много читаю. Очень часто думаю о тебе». Цитирую самые интересные места.

Я знаю, ты занят экзаменами, но ведь и я тоже. Не огорчайся. Любое твоё письмо приводит меня в трепет. Я смотрю на буквы, изучаю твой почерк, представляю, как рука твоя движется по бумаге, и этого довольно, чтобы я начала корчиться, будто истомлённый любовью уторь. Я воображаю, как волосы, пока ты пишешь, спадают тебе на лоб, и это заставляет меня извиваться и пену пускать изо рта, подобно... подобно... ладно, об этом мы ещё поговорим. Я думаю о твоих ногах под столом, и во мне начинают играть и искриться миллионы триллионов клеток. От того, как ты перечёркиваешь «t», у меня занимается дух. Я прижимаю конверт к губам, представляю, как ты лизнул его, и голова моя начинает кружиться. Я свихнувшаяся, спятившая, скучная, сопливая и слезливая барышня, и я люблю тебя без меры.

И я хочу, хочу, хочу, чтобы на следующий триместр ты не возвращался в свою школу. Брось её и будь свободен, как все мы. Тебе же не обязательно поступать непременно в Оксфорд, правда? Я бы ни за что не стала поступать в университет, который требует, чтобы я торчала в нём весь зимний триместр после того, как все основные экзамены сданы, а все друзья разъехались, – торчала из-за какого-то дополнительного вступительного экзамена. Сколько можно надувать щёки? Почему не вести себя, как нормальный университет? Поедем лучше со мной в Бристоль. Время мы там проведём куда веселее.

Впрочем, что это я к тебе пристаю? Ты должен делать то, что хочешь делать.

Я люблю тебя, люблю, люблю, люблю.

Только что пришло в голову. А вдруг преподаватель истории искусств в ту субботу не повёл бы ваш класс в Королевскую академию? Вдруг он взамен потащил бы вас в Тейт или в Национальную галерею? И ты не попал бы на Пиккадилли, не завернул бы позавтракать в «Хард-рок кафе», и я не стала бы самой везучей, самой счастливой, самой обезумевшей от любви девушкой на свете.

В мире столько... э-э... (Порция заглядывает в антологию Томаса Гарди, которую она, предположительно, изучает.) В мире столько непредвиденного.

Ну вот.

Целую воздух вокруг себя.
Люблю и люблю и люблю и люблю и люблю.
Твоя Порция (поцелуй).
Только один, потому что не хватило бы и квинтильона.

7 июня 1980

Моя милая Порция!

Спасибо за чудесное письмо. После твоей (более чем справедливой) критики ужасного слога моих писем написание этого обещает стать делом более чем мудрёным. Из тебя слова просто-напросто бьют, как струя из кайзера (так это, кажется, пишется?), а я для подобного рода штук недостаточно пылок. Да и почерк твой более чем совершенен (разумеется, как и всё в тебе), мои же каракули более чем неразборчивы. Я думал о том, чтобы ответить на твоё особое добавление (потрясающее, кстати сказать), опрыскав конверт одеколоном или лосьоном «после бритья», но у меня нет ни того ни другого. Льняное масло, которым я натираю мою крикетную клюшку, тебе, наверное, соблазнительным не покажется? Думаю, что нет.

Мне так жаль, что ты поссорилась с родителями. Быть может, тебе стоит объяснить Питеру (видишь, я смог это написать!), что я более чем беден? Мы никогда не проводим отпуск за границей, у отца только и хватило средств, чтобы послать меня сюда, и – хоть это, конечно, не произведёт на человека левых или ещё каких убеждений особого впечатления, – но у отца всё время уходит на поездки в провинцию, к своим избирателям, да на попытки не дать развалиться нашему дому. Будь у меня братья или сестры, мне, может быть (кстати, где, боже милостивый, подцепила ты своё «может быть?»), пришлось бы донашивать их одежду, как теперь я донашиваю его. Я единственный в школе ученик, который даже в те дни, когда нам разрешено не облачаться в форму, разгуливает в кавалерийской сарже и старых наездничких жакетах. А то и в допотопном отцовском канотье, почти оранжевом от старости и с обтрёпанными полями. Когда мама была ещё жива, она, вот честное слово, вязала для меня носки, совсем как старая викторианская дама. Так что если отец у меня и фашист (хотя я, честно говоря, в этом не уверен), то фашист более чем бедный. Сообщаю также, что я рассказал ему о моем знакомстве с одной лондонской девушкой, и он остался этим очень доволен. И даже не полез на стену, когда я поведал ему, что по субботам ты после школы подрабатываешь официанткой в ресторане с подачей гамбургеров. Он даже сказал, что ты, похоже, человек, не лишённый инициативы. Что до еврейства, оно его очень заинтересовало, отец спросил, не бежала ли твоя семья от Гитлера.

Он имел какое-то отношение к суду над военными преступниками в Нюрнбурге (или «берге»?) и... нет, я вовсе не хочу сказать, что мой отец лучше твоего, на самом деле твои родители показались мне очень милыми, просто тебе нет нужды беспокоиться о том, что он тебя не одобрит или ещё что. Он ждёт не дожждётся знакомства с тобой, а я жду не дождусь возможности познакомиться тебя с ним. Люди очень часто принимают отца за моего деда, потому что он старше большинства родителей – если ты понимаешь, что я хочу сказать. По-моему, он очень хороший, но я, конечно, более чем пристрастен. Как бы там ни было, у меня никого, кроме него, нет. Мама умерла родами. Я тебе не говорил? Прости. Я – первый ребёнок, а ей уже было под пятьдесят.

Как ужасно то, что случилось с твоим американским дядей! Мне его очень жалко. Надеюсь, Гордон окажется приятным малым. Замечательно, что у тебя наконец появится брат. Все мои кузены – типы просто жуткие.

Просто жду не дождусь конца триместра. Слава богу, последний экзамен уже позади. Я так усердно готовился к нему, что у меня чуть ли не кровь носом шла, и всё же, мне кажется, я мог бы сдать получше.

Скучные школьные новости – номер один: меня назначили главным старостой.

Трам-парарам!

У нас это называется «старшина школы». Всего на один триместр, но мне и без того хватает забот с подготовкой к Оксфорду, так что это серьёзно. (Насчёт поступления чуть ниже.) Как бы там ни было, когда доживаешь до моих лет, власть над другими людьми утрачивает всю свою привлекательность. И оборачивается тяжким трудом плюс бесконечные совещания с директором школы и классными «мониторами» – староста класса называется у нас «монитором», только не спрашивай меня почему.

Номер два: в августе парусный клуб устраивает вояж к берегам Шотландии. Учитель, который его возглавляет, пригласил и меня. На две недели – те самые, на которые ты с родителями уедешь в Италию, то есть те самые, когда мы всё равно будем далеко друг от друга. Всё остальное лето я просижу в квартире отца на Виктории, и ты, надеюсь, станешь проводить со мной столько времени, сколько сможешь! Или ты собираешься снова устроиться на работу в «Хард-рок»?

Так вот. Оксфорд. Мне тоже несносна мысль, что придётся вернуться туда в сентябре, когда ты ещё будешь свободна как птица. Я без разговоров бросил бы всё и поступил с тобой в Бристоль. Дело не в том, что меня так уж заклинило на Оксфорде, просто я знаю, что, если не буду учиться там, это разобьёт сердце отца. Его прапрадед учился в Сент-Марке, а после него и каждый из Маддстоунов. Тут даже один из дворигов назван нашим именем. Ты можешь подумать, что из-за этого мне легче поступить, но на деле всё наоборот. На деле я должен показать себя на вступительном экзамене лучше, чем практически кто бы то ни было, – доказать, что меня принимают в университет за собственные мои заслуги, а не за фамилию и семейные связи. Для отца это значит так много. Надеюсь, написанное мной не выглядит хронически патетичным. Я – единственный его сын и просто-напросто знаю, как он будет счастлив навещать меня здесь, обходить со мной колледжи, показывать места, в которых он любил бывать, и так далее.

Хорошо бы и ты ко мне приехала. Может, протащить тебя в следующем триместре в школу, выдав за новичка? Все, что от тебя потребуется, – это говорить пописклявее да иметь смазливый вид, а у тебя и то и другое получается так мило. Хотя нет, не мило, – разумеется, ты прекрасна. Самое прекрасное существо, какое я когда-либо видел и когда-либо увижу. (И пищишь ты тоже замечательно.)

Я люблю твои письма. И до сих пор не могу поверить, что всё это правда. Что же с нами происходит, на самом-то деле? У многих наших ребят тоже есть подружки, но я уверен – они к ним относятся совсем по-другому. Показывают направо-налево их письма, треплются, доказывая, какие они молодцы. Должно быть, отсюда следует, что для них всё это не более чем шутка. А у нас с тобой дело нешуточное, верно?

Ты писала о странной причуде Судьбы, отправившей компанию школьников в Королевскую академию, о том, что, если в не это, мы, скорее всего, не попали бы в «Хард-рок кафе».

Мысль более чем жуткая. А с другой стороны, когда ты подошла к столу, за которым нас сидело, по-моему, семеро, почему ты взглянула на меня дважды? Не считая того обстоятельства, что я вскочил, будто слабоумный, на ноги. Очень неприятно тебя разочаровывать, но вскочил я вовсе не из вежливости. А потому, что увидел тебя. Своего рода инстинкт. Я могу показаться тебе сумасшедшим, но я словно бы знал тебя всю жизнь. Больше того, когда я думаю об этом, я готов поклясться, что знал – сейчас ты выйдешь из той вращающейся двери. Весь день я чувствовал себя как-то странно. Чувствовал себя другим – ты понимаешь, о чем я? – а ко времени, когда мы добрались до ресторана, пропотев два часа в галерее и отшагав полмили по Пиккадилли, я просто знал – со мной вот-вот что-то произойдёт. И когда ты пошла в нашу сторону (ты очень смешно похлопала себя по переднику и проверила, торчит ли за ухом карандаш, – я помню каждую подробность), меня просто подбросило на ноги. Я почти уж воскликнул: «Наконец-то!» – но тут ты посмотрела мне в глаза, мы улыбнулись друг другу – и все. Но ведь ты, наверное, заметила и других наших ребят? Большинство из них, уж точно, выше меня и красивее. Тот же Эшли Барсон-Гарленд – он в двадцать раз интереснее меня и в двадцать раз умнее.

Это напомнило мне... Я сделал сегодня утром, в биологическом кабинете, кое-что более чем ужасное. Это довольно трудно описать, и чувствую я себя из-за этого кошмарно. Тебе тут тревожиться не о чем, но получилось всё странно. Я прочитал дневник

Барсон-Гарленда. Вернее, часть дневника. Никогда ничего такого не делал, просто не понимаю, что на меня нашло. Я тебе всё расскажу при встрече.

При встрече. При встрече. При встрече.

Просто НЕ МОГУ перестать думать о тебе. И от этого со мной случаются всякие неприличные вещи.

Ещё до моего рождения отец служил в Судане комиссаром округа. Помню, он как-то рассказывал мне, что приезжавшие из Англии молодые люди ходили обычно в отглаженных шортах, а когда навстречу им попадались красивые нубийки, разгуливавшие обнажёнными по пояс, а то и вовсе голышом, им приходилось поворачиваться лицом к стене или даже садиться на землю, чтобы скрыть, что они, как выразился отец, «несколько перевозбуждены в нижнем этаже». Так вот, мне достаточно просто представить тебя за чтением моего письма, достаточно просто подумать, что ты скоро увидишь эти слова, и я несколько перевозбуждаюсь в нижнем этаже. Да какое там «несколько».

Так что теперь, когда я скажу, что думаю о тебе, и думаю напряжённо, ты поймёшь, о чем речь. Ну вот, даже сам покраснел. Я обожаю тебя до того, что мне остаётся только смеяться над самим собой.

С любовью, возведённой в степень, равную бесконечности плюс ещё единица.

Целую, Нед.

Нед так никогда и не понял, что толкнуло его на этот безобразный, ужасный поступок. Возможно, злой рок, возможно, дьявол, в существование которого он искренне верил.

Он вытянул книжицу из сумки Эшли Барсон-Гарленда, положил её себе на колени и открыл на первой странице, не успев даже осознать, что делает. Правая его рука лежала на столе и всё ещё притворялась перелистывающей учебник по биологии.

Нед опустил глаза и приступил к чтению.

Это был дневник. Да и чем ещё мог он быть? На вид ему было года четыре, по меньшей мере. Нед думал потом, что именно возраст книжицы и привлёк его внимание, когда он увидел, как та торчит из сумки. Эшли таскал её с собою повсюду, и это заинтриговало Неда.

И все-таки очень странно, что он так поступил. Нед вообще-то не считал себя человеком, сующим нос в чужие дневники.

Читать было трудно. Не из-за почерка – мелкого, но ясного и энергичного; просто слог Барсон-Гарленда был – как бы это сказать? – темноватым. Да, вот правильное, умное слово. Слог был темноватым.

С каждой прочитанной Недом строкой дремотный шумок класса отступал всё дальше и дальше, пока Нед не остался один на один со словами, чувствуя лишь, как на шее быстро и виновато пульсирует вена.

3 мая 1918, Дидзбури

Первым делом – выговор. Если им с толком распорядиться, он приблизит тебя к ним. Тут ты уже прошёл половину пути. Но помни, не только выговор – вся манера речи. Следи за тем, как голос исходит изо рта, помни, что апертура рта ограничена, помни о расположении губ, об угле, под которым необходимо держать голову, о том, как ты киваешь, как склоняешь голову, как двигаешь ладонями (ладонями, а не руками, они всё же не итальянцы), о направлении взгляда.

Вспомни: всякий раз, когда ты слышал в автобусе, как они произносят твоё имя, у тебя кровь прилиwała к щёкам. На один мгновенный подпрыг сердца ты уверялся в том, что они, повторяя и повторяя твоё имя, разговаривают о тебе. Искренне верил, что они

непонятно откуда знают тебя. Считают своим, но только попавшим, вследствие какого-то трагического вывиха судьбы, не туда, куда следует. В самую первую поездку в автобусе, помнишь, они раз за разом повторяли твоё имя? Может быть, ты с ними ещё подружишься? Как ты тогда разволновался! Они увидели это в тебе. Это твоё свойство. Они узнали его. Неуловимое качество, отличающее тебя от других.

Но потом до тебя дошло. Они разговаривали вовсе не о тебе. Они и понятия не имели, что ты существуешь. Их Эшли был совсем другим. Занятым Эшли...

«А что, Эшли, смешно». «Эшли, ну просто умора».

Несмотря на первый укол разочарования, потрянувший тебя, словно удар тока, когда ты понял, что говорят они не о тебе, ты был – хотя бы отчасти – согрет гордостью, чувством причастности. День-другой ты даже ходил этак вразвалочку, верно? Может быть, твоё имя, имя, которое ты так ненавидел, имя, которое тебя позорило, которое ты считал столь мелкобуржуазным, может быть, если один из них тоже носит его, может быть, оно, в конце концов, вполне нормально. А вдруг «Эшли», на самом-то деле, имя крупнобуржуазное, а то и – как знать? – аристократическое.

Но кто же из них Эшли? Нелепо, но один или два светозарных дня имя это звучало так часто, что ты начал подумывать: может быть, все они – Эшли? Потом тебе пришло в голову, что «Эшли», возможно, используется ими вместо слова «друг», что это их аналог уродливого «кореша», который каждый день режет тебе ухо на твоей бетонной спортивной площадке, лежащей всего-то за несколько улиц от их каменного квадратного двора. А потом до тебя дошло ещё раз.

Не было никакого Эшли. Эшли не существовало. Было лишь «actually»⁸.

А что, действительно смешно. Действительно, ну просто умора.

И ты действительно мог, Эшли, действительно мог всерьёз поверить, будто они говорят о тебе! Ты вправду думал, что их ленивые взгляды действительно могут, Эшли, хотя бы скользнуть по тебе? Порой на пути их взглядов могло оказаться твоё лицо, но неужели ты на самом деле поверил, будто отличительные черты твоего лица, да и само лицо, могли быть действительно замечены ими, Эшли?

И всё же они замечали тебя. Ещё как замечали. Ты смотрел на их кожу и волосы и дивился, как это возможно, чтобы они настолько отличались от нашей кожи и наших волос? От кожи и волос обычных людей. Что это – генетический дар? Ты отмечал ключевой значок румянца на их щёках, жарко-алого, куда более яркого, чем грязновато-кармазиновые кровоподтёки, пятнавшие щёки мальчишек твоей школы. Ты отмечал также – у некоторых – такую бледность и прозрачность кожи, что тебе оставалось только гадать: быть может, дело тут в их диете? Или диете их матерей в ту пору, когда они ещё болтались у тех в животах.

Но, конечно, глубже всего въелся тебе в мозги Флаг. Флаг Благословенных. Их Флаг. Его веяние. Веющая бахрома. Бахрома, которая веяла. Флаг Веющей Бахромы. И то, как он тебя мучил. Какая огромная пустота разливалась в тебе, когда ты смотрел на Флаг. Как во французе, далеко-далеко от дома учуявшем запах «Голуаз». Как в затерявшемся в Азии англичанине, в чьи уши внезапно вливается музыкальное вступление к «Арчерам»⁹. Потому что ты всегда, в сокровенной твоей глубине чувствовал, что их флаг был на самом-то деле – твоим. Был бы, если бы не ужасная ошибка. И пустота, что разливалась в тебе, боль, которую ты ощущал, порождались вовсе не завистью или алчностью. В действительности, Эшли, они порождались утратой, порождались изгнанием. Ты был отлучён от своих – и всё из-за Ужасной Ошибки.

8. На самом деле; действительно; по-настоящему (англ.) произносится как «экшэли» или «экшуэли»

9. Ежедневный радиосериал Би-би-си о жизни вымышленной деревенской семьи

Сколько времени проводил ты с ними в автобусе – минут пять? Самое большее – шесть. Ты смотрел, как они в него забираются, как бросаются на задние сиденья, иногда чья-то рука опускалась на твой подголовник, и близость этой руки к твоей голове заставляла её кружиться, ты готов был съесть воздух вокруг тебя, столь силен был твой голод по всему, чем они были. По всему, что было у них. Наверное, они нарушали правила. Ускользали в Лондон, не надев школьной формы. Прекрасной, нелепой формы – фраки и полосатые брюки, которым они предпочитали свитера и вельветовые штаны. А Флаг веял, привольно плескался над канотье и цилиндрами.

В последний день, день перед Броском На Север, ты подобрал под сиденьем канотье, так? Он поначалу не сообразил, что сел в автобус, оставив канотье на голове. Они принялись дразнить его, и он, хохоча, в шутливом отвращении к себе самому, метнул канотье в сторону водителя. Ты почти открыл рот, собираясь сказать ему, когда он проходил мимо, что шляпа закатилась под сиденье прямо перед тобой, но промолчал. Устыдился твоих северно-лондонских гласных. Ты подобрал канотье и сохранил его. Неглубокую соломенную шляпу с синей лентой. А потом надевал её, не так ли? У себя в спальне. И сейчас надеваешь. Ты надеваешь её, ведь так, жалкий, отвратный, никчемный... И всё равно не помогает, верно? Волосы твои слишком жёстки, чтобы взлетать в воздух, будто тейский лосось или полы костюма с Савил-роу ¹⁰, не волосы, а щетина, болотная поросль, мещанский коврик для ног. На самом-то деле ты не надеваешь канотье Дж. Х. Г. Этериджа (отметь эти четыре буквы... класс), канотье Дж. Х. Г. Этериджа просто иногда оказывается на твоей головке. Точно так же, как этот дневник – на столе, а этот стол – на полу. Пол не несёт стол, стол не несёт дневник. Тут присутствует пропасть, колоссальная пропасть различия. И именно эта пропасть, именно она составляет причину того... того, что ты так часто сдёргиваешь эту соломенную шляпу с головки, ведь так? Ведь так, ты, жалкая кучка ничтожества?

Как же произошла Ужасная Ошибка? Ужасный ряд ошибок.

Как могло твоё сознание возникнуть из его заурядного семени и её унылых яйцеклеток? Первой ужасной ошибкой было появление на свет. Эту путаницу, зашедшую так далеко, можно объяснить, прибегнув к идее о переселении душ. В прежних воплощениях ты был одним из них, и теперь остаточные воспоминания об этом терзают тебя. Возможно, ты подкидыш или внебрачный плод опрометчивости какого-нибудь герцога, отданный на воспитание этим жалким людям, которых тебе приходится называть родителями.

Прежде всего имя. Эшли. Эшли. ЭШЛИ. Сколько его ни пиши и сколько ни произноси, ничего не поможет. Оно отдаёт пивным, сигарным смрадом коммивояжёров в притемнённых очках и коротких дублёнках. «Эшли» к лицу учителю физкультуры – Эшли говорит: «Твоё здоровье, кореш» и «Глянь-ка, солнышко вышло». Эшли водит «воксхолл» ¹¹. Эшли носит нейлоновые рубашки и штаны из шерсти с полиэфирным волокном, рекламируемые как «брюки для досуга». Эшли обедает в час второго завтрака, а ужинает, когда люди обедают. Эшли говорит «уборная». В Рождество Эшли вешает на окна с двойными рамами китайские фонарики. Жена Эшли читает «Дейли мейл» и украшает телевизор кружавчиками. Эшли мечтает о гудронной подъездной дорожке. Эшли никогда ничего не добивается в жизни. Эшли проклят.

Этим именем наградили тебя мамаша с папашей.

Никогда не говори «папаша и мамаша».

Мама и папа, ударение на последнем слоге. Мама и папа. Хотя, вероятно, это лишнее. Так можно и пудинг перемаслить. (Заметь: всегда «пудинг» и никогда «десерт» или – упаси господи – «сладкое»..) Уж лучше «мать» и «отец».

Этим именем наградили тебя мать и отец. И самое криминальное состоит в том, что оно лишь чуть-чуть не дотягивает. Рой, или Ли,

10. Лондонская улица, на которой расположены ателье дорогих мужских портных

11. Марка английского легкового автомобиля

или Кевин, или Дин, или Уэйн – вот настоящие имена. «Echt Lumpenproletariat»¹². Деннис, Десмонд, Леонард, Норман, Колин, Нэвилл и Эрик омерзительны, но хотя бы честны. А что такое Эшли? Имя наподобие Говарда, Линдсея и Лесли. Оно почти годится. Оно, похоже, старается сгодиться. И это, разумеется, самое грустное.

Американцы такого рода забот не знают, верно? С именами и с тем, что из них проистекает. В сущности, единственный Эшли, о котором можно сказать, что в нём присутствовал определённый класс, и был американцем. Эшли из «Унесённых ветром». Он был такой классный, что его даже называли Ишли. В фильме Лесли Говард и не пытался снабдить его американским выговором. Лесли и Говард. Два отвратительных имени по цене за одно. Но с другой стороны, Лесли Говард не был англичанином. Он был венгром, и, конечно, ему, только что сошедшему с борта парохода, Лесли и Говард показались высшим шиком.

Слово «шик» долой. Никогда не произноси.

Но ведь показались. Показались шиком. Вот в чем загвоздка. То, что людям кажется фешенебельным, весьма далеко от того, чем в действительности является Эшли. Ты можешь считать, что серебряные столовые ножи для рыбы – это черт знает какой высший класс, однако никакие ножи для рыбы никакого отношения к настоящему классу не имеют. С таким же успехом можно обернуть их в салфеточки и затем проститься со всякими надеждами на место в приличном обществе.

Однако речь не о месте в приличном обществе. Речь о боли.

Послушай, некоторые мужчины, взрослея, проникаются ощущением, что попали не в то тело, так? Что внутри них сидит женщина.

Разве не может случиться, что некоторые, взрослея, оказываются патрициями, заточенными в тела плебеев? Знающими, просто знающими, что они родились не в том слое общества.

Однако речь не о классе. Речь о голоде.

Да, но, Эшли, бедный простофиля, неужели ты действительно веришь, будто тебя примут в их мир? Или тебе не известно, что попасть в этот мир можно, только родившись в нём?

Как всё это несправедливо! Человек может, если захочет, стать американцем. Может стать евреем. Может, подобно Лесли Говарду, стать не просто англичанином, но олицетворением Англии. Он может стать лондонцем, мусульманином, женщиной, мужчиной, даже русским. Но он не может стать... стать... чуть не написал «джентльменом». Да, но правильное ли это слово? Аристократом, шишкой, денди из частной школы... одним, из них. Ты не можешь стать одним из них, даже если в самой глубине своей ощущаешь себя одним из них, даже если знаешь своим сокровеннейшим «я», что таково твоё право, твоя судьба, твоя потребность и твой долг. Даже если знаешь, что ты лучше них. И это правда. Ты сыграл бы эту роль с гораздо большим изяществом. Сыграл бы с непринуждённостью, опровергающей всякую мысль о том, что ты вообще играешь что бы то ни было, если это не слишком затейливо сказано. Сыграл бы естественно, без усилий, с само-собой-разумеющимся выражением. Но тебе отказали в такой возможности, и всё из-за ужасной ошибки, какой стало твоё появление на свет.

Бросок На Север – вот ещё один гвоздь в крышке твоего гроба. Ещё одна составляющая Ужасной Ошибки. Папаша твой умер, а мамаша получила место учительницы в Манчестере, в школе для глухонемых. Папаша был офицером. Офицером ВВС, как тебе ни горько в этом признаться, не какого-нибудь шикарного армейского полка. Летать он никогда не летал, так что романтикой тут и не пахло. Но хоть офицер, и на том спасибо. Будь честен, в ВВС ему пришлось вступить простым рядовым. Настоящего офицерского класса в нём не было. Ему пришлось попотеть, чтобы пробиться в офицеры, и, господи, как же тебя это злит, верно? Потом он умер – осложнения на почве

12. Законченный люмпен-пролетариат (нем.)

диабета, довольно буржуазной, чтобы не сказать пролетарской, болезни, – и ты, мама и твоя сестра Карина перебрались на север. (Карина! Карина, господи ты мой боже! Ну что это за имя? Скажи, что дочь герцога Норфолкского зовут Кариной, никто и не поморщится. А вот между фразами «Знакомы ли вы с леди Кариной Фицалан-Говард?» и «Это Карина Гарленд» – дистанция огромного размера.) Ты покинул старый Харроу, лишился близости к ним, к их фракам, цилиндрам, блейзерам и канотье. Тебе было двенадцать. Мало-помалу к тебе начал липнуть северный выговор. Не слишком явственный, так, самая малость, но твой чувствительный, внимательный слух он резал примерно так же, как бросается в глаза волчья пасть. Ты начал произносить «One» и «None»¹³ так, словно они рифмуются с «Shone» и «Gone», а не с «Shun» и «Gun»¹⁴, ты смягчал «g» в «Ringing» и «Singing»¹⁵. В школе ты рифмовал даже «Mud» с «Good» и «Grass» с «Lass»¹⁶. И правильно делал, потому что иначе тебя просто били бы как неженку с юга, но часть этой лингвистической грязи ты притаскивал с собою домой. Впрочем, мамаша ничего не замечала.

А потом настал тот день.

В тот день она пригласила к вам на чай кое-кого из своих глухих учеников. После их ухода ты сказал: боже милостивый, они даже жестикулируют с манчестерским акцентом. Это ты пошутить хотел. Мама взвилась и обозвала тебя снобом. Она впервые открыто произнесла это слово. Оно повисло в воздухе, и ощущение от него было примерно такое же, как если бы кто-то пукнул в тихом кафе. Я притворился, будто не услышал его, но оба мы понимали – чему-то пришёл конец, потому что оба поперхнулись и покраснели. Я принялся возиться со шнурками моих ботинок, а её внимание целиком поглотила крышка чайника.

Вот тогда я и начал писать всё это и... ага, я перешёл к рассказу от первого лица. Я написал «я».

Ладно, неважно, всё это вскоре станет прошлым. Внимание, я вот-вот присоединюсь к ним. И они ничем не смогут мне помешать. Я умнее их, храбрее и лучше. Я готов к любому экзамену, им не удастся мне отказать.

Но я должен быть готовым к тому, чтобы ещё учиться и учиться. Образование, вот что идёт в счёт. Знание жизни, если вы простите мне эту расхожую фразу. Я добавлю к своей фамилии девичью фамилию матери. Почему бы и нет? Они делали это столетиями. Я буду Барсон-Гарленд. По-моему, звучит неплохо. Черт возьми, я бы заделался и трёхстволкой. Барсон-Барсон-Гарленд, как вам такое? Небольшой перебор, по-моему. Но Барсон-Гарленд – неплохо. Смягчает Эшли, делает это имя почти сносным.

Но прежде всего – выговор. Когда я поступлю, выговор у меня уже будет, так что они ни о чем не догадаются. Я уже выписал себе – для упражнения:

Не говори «good», говори «gid»¹⁷.

Не говори «post», говори «paste»¹⁸.

Не говори «real», говори «mil»¹⁹.

Не говори «go, говори ²⁰.

13. «Один» и «ни один» (англ.)

14. «Светил» и «ушёл» (англ.); «избегать» и «стрелять» (англ.)

15. «Звон» и «пение» (англ.)

16. «Грязь» и «добро» (англ.); «права» и «девушкой» (англ.)

17. «Хорошо» и «ценуроз» (вертячка – болезнь у овец) (англ.)

18. «Столб» и «паштет» (англ.)

19. «Действительность» и «перила» (англ.)

20. «Иди» и «гомик» (англ.)

Не говори...

Стукнула наружная дверь кабинета биологии, и Нед, подняв глаза, увидел за стеклом внутренней двери голову Эшли. Нед захлопнул дневник, торопливо затолкал его обратно в сумку и, плотно прижав кулаки к щекам, тут же сгорбился над учебником по биологии клеток, так что густые волосы его свесились на лицо, точно плотный шёлковый занавес.

В этой позе напряжённого внимания он и пребывал, когда рядом с ним уселся Барсон-Гарленд. Нед оторвал глаза от учебника и улыбнулся. Он надеялся, что прижатые к лицу кулаки объяснят, отчего он так раскраснелся.

– Ну, что там? – прошептал он.

– Ничего особенного, – ответил Барсон-Гарленд. – Директор хочет, чтобы я произнёс речь в Актовый день.

– Черт возьми, Эш! Это же здорово.

– Да ну, ерунда... ерунда.

«Ерунда» прозвучала у Барсон-Гарленда как «еранда»; он сразу поправился, а Нед постарался сделать вид, будто ничего не заметил. Полчаса назад он и не заметил бы. Во внезапном приливе тёплых, дружеских чувств он опустил руку на плечо Эшли.

– Я чертовски горд за тебя, Эш. Всегда знал, что ты гений.

Послышался высокий, брюзгливый голос доктора Сьюэлла:

– Если вы уже усвоили всю информацию, Маддстоун, и вам нечем заняться, кроме болтовни, вы, несомненно, сможете выйти к доске и отметить на этом рисунке хлоропласт.

– Так точно, сэр. – Нед вздохнул и, направляясь к доске, обернулся, чтобы послать Барсон-Гарленду сокрушённую улыбку.

Барсон-Гарленд не улыбался. Он смотрел на высушенный, плоский стебель четырёхлистного клевера, лежащий на табурете Неда Маддстоуна. Тот самый стебель, что провёл три мирных года между страницами его дневника.

Кто-то с силой ударил в дверь комнаты Руфуса Кейда. После двадцати секунд паники и сквернословия Кейд плюхнулся в кресло, в бешеной спешке окинул взглядом комнату – всё чисто – и тоном, в котором, как он надеялся, спокойствие мешалось со скукой, крикнул:

– Войдите!

В дверном проёме показалось сардоническое лицо Эшли Барсон-Гарленда.

– А, это ты.

– И никто иной.

Эшли уселся, с удовлетворённым презрением наблюдая за тем, как Кейд, наполовину вывалившись из окна, выплёвывает мятные леденцы, – ни дать ни взять, пассажир, блюющий через бортовые поручни парома.

– Чарующий аромат лаванды, казалось, наполнил комнату, – сообщил Эшли. В благожелательном удивлении приподняв брови, он взял со стола баллончик аэрозольного освежителя воздуха и осмотрел его.

Кейд, так и не разогнувшийся, шарил в цветочной клумбе под окном.

– Мог бы и сказать, что это ты.

– И лишить себя наслаждения присутствовать при этой пантомиме?

– Очень смешно... – Кейд выпрямился, держа в пальцах помятый, умело свёрнутый косячок и стряхивая с него кусочки сухих

листьев.

Эшли не без удовольствия наблюдал за ним.

– Какая деликатность движений. Так археолог обметает землю с только что откопанной этрусской вазы.

– У меня ещё и бутылка «Гордонса» есть, – сказал Кейд. – Маддстоун вернул пятёрку, которую задолжал мне, представляешь?

– Вполне. Я случайно видел, как гордый папочка вручил ему десятку как раз перед сегодняшним матчем.

Кейд извлёк из кармана «зиппо».

– В награду за то, что на следующий триместр его назначили главной свиньёй?

– Насколько мне представляется, именно так. А также за то, что он капитан крикетной команды и побил школьный рекорд удачных подач. За то, что он обаятелен, мил, любезен и добр. За то...

– А ты ведь не любишь его, верно? – Кейд набрал полные лёгкие дыма и протянул косячок Эшли.

– Благодарю. По моему убеждению, ты тоже его не любишь, Руфус.

– Ну да. Ты прав. Не люблю.

– Это, случаем, не связано с тем обстоятельством, что он не включил тебя в первый состав крикетной команды?

– Да и хрен с ним, – ответил Кейд. – Плевать. Просто он... мудака он, вот и все. Воображает себя Господом всемогущим.

Высокомерный наглец.

– Тут с тобой согласятся очень немногие. Насколько я понимаю, общественное мнение школы сводится к тому, что наш Неддик неизменно и подкупающе скром.

– Ага. Ладно. Меня ему не надуть. Он ведёт себя так, будто у него всё уже в кармане.

– Как оно на самом деле и есть.

– Кроме денег, – с наслаждением уточнил Кейд. – Папаша его гол как сокол.

– Да, – негромко подтвердил Эшли. – Как сокол.

– Я не к тому, что в этом есть что-то дурное, – с вульгарной поспешностью добавил Кейд. – Я хочу сказать... сказать, что деньги не... ну, ты понял...

– Ещё не все? Я часто над этим задумываюсь. – Эшли выговаривал слова холодно и чётко, как и всякий раз, когда бывал зол, а это случалось с ним часто. Гнев питал его, гнев служил ему одеждой, он был многим обязан гневу. Бестактность Кейда больно уколола его, но злость лишь заставляла думать яснее. – Не сформулировать ли нам это следующим образом: деньги для всего прочего то же, что самолёт для Австралии. Самолёт не есть Австралия, но он остаётся единственным известным нам практически средством её достижения. Так что, возможно, говоря метонимически, самолёт – это, в конечном итоге, Австралия и есть.

– Так что, джину?

– Почему бы и нет.

От досады к удовольствию, и на большой скорости. Эшли находил затруднительным долго сердиться на существ, стоящих на эволюционной лестнице так низко, как Кейд.

– Ну и речь ты закатил... потрясно, – сказал Кейд, вручая Эшли бутылку и стеклянный стакан. Эшли отметил, что бутылка наполовину пуста, между тем как Кейд выглядит наполовину набравшимся.

– Тебе понравилось?

– Ну, ты же её на латыни произносил, так? Хотя, да. Звучало здорово.

– Теперь впору и расслабиться.

– Может, музыку какую-нибудь включить?

– Какую-нибудь музыку? – Эшли с привередливым и вполне осозанным отвращением оглядел гордость Кейда – полку, плотно забитую записями. – Что-то я никакой музыки тут не наблюдаю. Что такое, к примеру, «Honky Chateau»? Замок, полный гусей? Кларет, от которого рвать тянет?

– Это Элтон Джон. Прошлогодний диск. Ты наверняка её слышал. А, черт!

Негромкий стук в дверь заставил Кейда замереть. Но прежде чем он успел в очередной раз приступить к привычной процедуре сокрытия улики, в двери обозначился Нед Маддстоун.

– О господи, простите. Совсем не хотел... Эй, ради бога, не беспокойся. Я не... я хочу сказать, какого черта, триместр почти закончился. Отчего же не повеселиться? Я просто...

– Да ладно, присоединяйся, Нед, мы тут, ну, сам понимаешь, маленько празднуем, – вставая, сказал Кейд.

– Блеск! Ты очень добр, только я... видишь ли, я сейчас отправляюсь обедать с отцом. Он остановился в «Георге». Я подумал, что, может, найду тебя здесь и ты захочешь присоединиться к нам? Э-э... то есть вы оба. Конечно. Знаете, последний вечер триместра и всё такое.

Эшли улыбнулся про себя, отметив, как неловко Нед включил в их общество Руфуса.

– Мне очень приятно, – уже отвечал Руфус, – но, сам понимаешь. Я, если честно, слегка набрался. Не думаю, что от меня будет много проку. Скорее всего, я вам только помешаю.

Нед в тревоге повернулся к Эшли:

– А ты, Эш, у тебя ничего не намечено?

– Буду польщён, Нед. Правда, польщён. Ты позволишь, я поднимусь к себе и переоденусь во что-нибудь более приличествующее вечеру, – он скорбно ткнул пальцем в облачение, так и оставшееся на нём после произнесения речи. – Ты иди. Встретимся в «Георге», если ты не против.

– Отлично. Отлично. Просто отлично, – с радостной улыбкой сказал Нед. – Ладно, решено. Что ж, Руфус, тогда до августа?

– Не понял?

– Ты же пойдёшь с Падди в плавание?

– А. Да, – ответил Кейд. – Конечно. Абсолютно.

– Значит, увидимся в Обане. Жду не дождусь. Ладно. Тогда пока. Хорошо.

После того как Нед, пятясь, покинул комнату Кейда, в ней повисло молчание. Как будто солнце за тучу зашло, с изрядной горечью подумал Эшли.

И он, Эшли Барсон-Гарленд, вынужден сносить покровительство этого безмозглого, лохматого, смазливого, отмытого до скрипа, невинноглазого, безупречно-безупречного, смахивающего на наливное яблочко куска...

Разумеется, он понял всё – Эшли совершенно ясно понял всё по глазам Неда. Жалобную мольбу о прощении. Дружеское сочувствие. Нед слишком туп, чтобы понять то, что ему стало известно. Если бы кто-то другой из учеников школы залез в дневник, он уже разнёс бы прочитанное по всей школе, Эшли уже задразнили бы, набросились на него всей сворой. Он не пользовался особой любовью и хорошо это знал. Не был одним из них. Глаз он не резал, но одним из них не был. Он слишком не резал глаз. Эти кретины, сыновья чистокровных кобыл и племенных жеребцов из высшего общества, они были хамоваты, непривлекательны и совершенно не заслуживали дарованных им привилегий. Его, Эшли Барсон-Гарленда, они к себе не подпускали, потому что он был недостаточно туп. Сколько в этом иронии! Впрочем, поскольку в его дневник сунул нос именно Нед, тайне Эшли ничто не угрожало.

И всё же, говорил себе Эшли, никакую тайну нельзя считать надёжно укрытой, если она известна двоим. Мысль о том, что сведения о его жизни, любой части его жизни, хранятся отдельно от него в голове другого человека, была нестерпимой.

Он уже обдумал возможность того, что намеренно оставил сумку открытой под носом у Неда. Почему, когда его позвали к директору, он не взял сумку с собой? Эшли точно знал, что раньше он никогда не был так небрежен со своим дневником. Прежде всего, он никогда не таскал дневник с собой по школе. Дневник лежал в его комнате, в накрепко запертом ящичке письменного стола. Следует отметить также, что рядом с Недом он сидел только на одном уроке – на биологии. Так что же, выходит, он хотел, чтобы Нед прочёл дневник? Нет, не стоит загонять самого себя в угол. Дешёвые психологические домыслы ничего ему не дадут. Куда важнее вопрос: какие именно страницы прочитал Нед Маддстоун? Поскольку Нед – это Нед, рассудил Эшли, он начал с начала. И вряд ли успел зайти слишком далеко. Скорочтение не принадлежало к числу его достоинств.

И что Нед сделал потом? Помолился, надо полагать. Представив это себе, Эшли едва не фыркнул. Да, Нед мог отправиться в часовню, пасть на колени и попросить о наставлении и руководстве. И какого же рода наставление мог предложить Неду его сияющий, рыжеволосый, отмытый разрекламированным шампунем Христос? «Иди и будь Эшли как брат его. Сын мой Эшли напуган и исполнен ненависти к себе. Иди же, и да воссияет любовь и милость Божия на лице его и да исцелится он».

Сострадание. всё тело Эшли напряглось. Ему хотелось впиться Неду в горло. Зубами вытянуть жилы и нервы и выхаркнуть их на пол. Нет, не так. Этого мало. Ему нужно не это. Такой сценарий всего лишь оборвал бы мучения Неда. Эшли требовалось нечто куда более изящное. Он испытывал злобу незнакомой ему разновидности, злобу, которую он не сразу смог точно определить. Ненависть, вот что это такое.

Кейд прикончил остатки джина.

– Ты что, и вправду собираешься обедать с его предком? – спросил он.

– Собираюсь, ещё как собираюсь, – благосклонно ответил Эшли.

– А меня он вовсе и не намеревался приглашать, – сказал Кейд. – Мудак.

Он двинул кулаком по подлокотнику кресла, выбив облачко пыли.

– Мать его, за кого он меня держит? Ведёт себя, как учитель или ещё кто. Такой, сука, весь добропорядочный. Манжа говённая.

– Манжа? – переспросил Эшли. – Это мне нравится. Манжа. Временами ты меня удивляешь, Руфус.

– Ещё дёрнешь? – Кейд протянул ему бычок, в котором осталось всего полдюйма длины. – Я хотел сказать «ханжа».

– Да нет, не хотел. Может, и думал, что хотел, однако мозг не проведёшь. Ты ведь, разумеется, читал «Психопатологию обыденной речи»?

– Херня, – отозвался Кейд. Эшли встал.

– Ладно, я, пожалуй, пойду переоденусь. Какая радость – вылезти из этой сковывающей движения дряни.

Тут он соврал. Мало что доставляло Эшли радость большую, чем воскресная форма – брюки в полоску, фрак и цилиндр.

– Жопа, – сказал Кейд. – Мудацкая, распромудацкая жопа.

– Ну что же, спасибо, дорогой.

– Да не ты. Маддстоун. Что он, мать его, о себе воображает?

– Вот именно, – отозвался, выходя, Эшли. – Приятных сновидений.

«Пошёл ты, – рявкнул про себя Руфус Кейд, разваливаясь, когда закрылась дверь, в кресле. – Ты тоже жопа, Эшли Бастард-Гарленд. Взглянем правде в лицо, все мы жопы. Ай! – Последние четверть дюйма самокрутки обожгли ему нижнюю губу. – Все жопы, кроме Неда, мать его, Маддстоуна. Что обращает его, – довёл Кейд до своего сведения, – в самую главную жопу из всех».

На лицах Пита и Хиллари застыло невыносимо самодовольное выражение, неизменно возникавшее после ночи любви. Порция пыталась как-то изменить атмосферу, перемещаясь по кухне с большими против обычному шумом и раздражением, хлопая дверцами шкафов с такой силой, что столовые приборы в них тренькали в ответ, точно гамелан. Неистовое тосканское солнце било в окно, освещая в середине кухни большой стол, за которым Пит отрезал от длинного батона ломти хлеба.

– Этим утром, – говорил он, – мы полакомимся «проскиутто»²¹ и моццареллой из молока буйволицы. Имеется также вишнёвый джем и джем абрикосовый, а Хиллс сварит нам кофе.

– С тех пор как мы здесь, мы только этим каждое утро и лакомимся, – сказала, присаживаясь со стаканом апельсинового сока в руке, Порция.

– Знаю. Разве это не замечательно? Мы с Хиллс поднялись сегодня пораньше, сходили в деревню за свежим хлебом. Ты только понюхай. Давай. Понюхай.

– Пит! – Порция оттолкнула протянутый ей батон.

– Кто-то тут встал сегодня не с той ноги...

Порция взглянула на отца. Расстёгнутая цветастая рубашка, браслет из слоновьего волоса, деревянные сандалии и, с содроганием отметила она, тесные бордовые плавки, подчёркивающие каждую выпуклость и каждый изгиб его гениталий.

– Ради бога... – начала было она, но замолкла при шаркающем появлении двоюродного брата.

– Ага! – весело произнёс Пит. – Оно проснулось. Оно проснулось и нуждается в кормёжке.

– О, хай! – воскликнула Хиллари, которая обзавелась странной привычкой слегка американизировать свою речь, когда обращалась к Гордону. Это тоже выводило Порцию из себя.

– Чем сегодня займёмся? – спросил Гордон, сдвигая стоящую на скамье рядом с Порцией хозяйственную сумку и усаживаясь.

– Ну, – бодро откликнулась Хиллари, тоже садясь и ставя на стол кофейник, – мы с Питом подумывали, не заглянуть ли на «палио»²².

– Ну уж нет, Хиллари, – сказала Порция с безнадёжным выражением взрослого человека, пытающегося втолковать что-то ребёнку. – Помнишь, мы познакомились с семейством, которое было там на прошлой неделе? Жокей слетел с лошади прямо перед ними, и у него из ноги торчала голая кость. Этого рассказа даже ты забыть не могла.

– Да, но в Италии не одно только «палио», дорогая, – сказал Пит. – Как раз этим вечером состоится «палио» в Лукке. Не такое эффектное и опасное, как в Сиене, по, как меня уверяли, довольно занятное.

– Лукка? – встрял уже набивший рот хлебом Гордой. – А где это, Лукка?

– Недалеко, – ответил Пит, наливая кофе в большую чашку, в которую он уже плеснул горячего молока.

Сверху плавали ошметки пенки. Порцию от одного взгляда на них затошнило. – Я так или иначе хотел туда попасть. Говорят, это мировая столица оливкового масла. Можно посмотреть, как его выдавливают. Думаю, утром мы могли бы поплавать, почитать, а после не спеша тронуться в путь – поедем просёлками, позавтракаем где-нибудь в холмах. Как вам такой план? Пенка прилипла к его усам. Порция никогда ещё так не стыдилась отца. Как Хиллари удаётся терпеть на себе подобное существо, и прежде было для Порции загадкой.

21. Острая копчёная тонко нарезанная ветчина

22. Скачки, традиционно проводящиеся в июле-августе и городах Италии. Самые первые проходили в Сиене

Теперь же, когда она знала, что в мире существуют мужчины, подобные Неду, загадка эта приобрела обличие вечной космической тайны.

– Мне нравится, – сказал Гордон. – А тебе, Порш?

– Целиком и полностью.

Порция воздержалась от того, чтобы обречённо пожать плечами. Вести себя с родителями на манер избалованного ребёнка ещё куда ни шло, но в глазах Гордона она старалась выглядеть умудрённой жизненным опытом. На самом-то деле ей хотелось сказать: «То есть в Лукке мы появимся, когда все кафе и магазины уже закроются, так? И, как обычно, пять часов прослоняемся по совершенно пустому, безлюдному городу, ожидая, когда его жители проснутся после сиесты. Восхитительный план, Пит».

Вместо этого она удовлетворилась замечанием:

– В Лукке жил Арнольфини.

– Чего? – спросил Гордон.

– Есть такая картина Ван Эйка, – сказала Порция, – называется «Бракосочетание Арнольфини». Арнольфини, изображённый на ней, жил в Лукке. Он был купцом.

– Да? Откуда ты знаешь такие вещи?

– Не помню, должно быть, читала где-то.

– А я никогда не изучал историю искусств.

Сообразив, что фраза: «Я тоже, но вовсе не обязательно „изучать“ что-нибудь, чтобы знать о нем» – прозвучит высокомерно, Порция прикусила язык. По правде сказать, она в последние дни стала совершенно нетерпимой. А Гордон ей нравился. Нравилось спокойствие, с которым он принимал все случившиеся с ним ужасы. Вроде бы и она ему нравилась – легко ведь, думала Порция, понравиться тому, кто нравится тебе. Это не тщеславие, обычный здравый смысл.

– Ага, сдаётся, я слышу музыкальное дребезжание «фиата», – сказал Пит, клоня голову в направлении подъездной дорожки. – Быть может, почта из Англии.

Порция вскочила. Вся мрачность мигом слетела с неё. Как наркоман нуждается в дозе, так и она нуждалась в письме.

– Я схожу, – вызвалась она, – мне нужно практиковаться в итальянском.

Хиллари крикнула ей в спину:

– Порш, ты же знаешь, результаты будут известны только на той неделе! И потом, миссис Уоррелл обещала позвонить нам сюда, если появится что-нибудь похожее на письмо от экзаменационной комиссии...

Но Порция уже выскочила из дома в резкую белизну дня. Нужны ей результаты экзаменов! Да ей вообще ничего не нужно. Только письмо от Неда, пусть от Неда будет письмо.

– Buongiorno, Signor Postino! ²³

– Buongiorno, ragazza mia. ²⁴

– Come va, questo giorno? ²⁵

– Bene, grazie, bene. E lei? ²⁶

23. Добрый день, синьор Постино! (ит.)

24. Добрый день, радость моя (ит.)

25. Как прошёл день? (ит.)

26. Хорошо, спасибо, хорошо. А у вас? (ит.)

– Anche molto bene, mille grazie. M-m... una lettera per mi? ²⁷

– Momento, momentino, Signorina. Eccola! Ma solamente una carta. Mi displace, cara mia. ²⁸

Открытка, всего лишь открытка. Справившись с разочарованием, Порция дрожащей рукой приняла её. Он же в плавании, твердила она себе. На письма нет времени. А кроме того, взглядевшись в открытку Порция, ощущавшая всё нарастающее упоение, увидела, что Нед исписал её самым мелким почерком на какой только был способен, да ещё и вывел адрес виллы красными чернилами, чтобы тот выделялся на фоне крохотных синих буковок, покрывавших почти каждый квадратный миллиметр карточки. Он ухитрился втиснуть узенькие вереницы слов даже между строками адреса. Это было лучше, чем получить письмо, – увидеть, сколько усилий потратил он на открытку. В тысячу раз лучше. Порцию переполнил такой восторг, такая любовь, что она едва не разрыдалась.

– Ciao, bella!

– Ciao, Signor Postino!

Порция перевернула открытку и, прикрыв ладонью глаза от солнечных бликов, изучила фотографию на лицевой стороне. Маленький рыбацкий порт поблёскивал под лучами солнца куда более мягкого, чем то, что слепило сейчас её. «Гавань Тобермори», – гласила выведенная старомодным жёлтым курсивом надпись. Снимок, похоже, сделали годах в пятидесятых. Маленький грузовичок «моррис-минор» стоял у мола. Тут Порция заметила, что среди теснящихся в гавани рыболовных судов притулилась нарисованная красными чернилами яхточка. Корпус её украшали нервная улыбочка и глаза, придававшие яхте испуганный вид, какой приобретает локомотивчик «Томас», когда ему случается затесаться в общество больших, сердито взирающих на него локомотивов. С неба на яхту указывала стрелка, а в самом верху картинке было написано: «Пиратский корабль „Неддик“ стал на якорь».

– Новости от красавца мужчины? – Гордон вышел под солнечный свет с «Миром по Гарпу» ²⁹ и чашкой кофе в руках. Опустившись в шезлонг на краю террасы, он сквозь тёмные очки уставился на Порцию.

Та кивнула, не пытаясь скрыть своё счастье. Гордон, потянувшись правой рукой через левое плечо, почесал лопатку. Кожа на локтевом сгибе, баюкавшем, пока Гордон почёсывался, подбородок, выглядела почти чёрной от загара – пока он не выпрямил руку.

– Он ведь где-то плавает, да?

– В Шотландии.

– Никогда не ходил под парусом.

– Я тоже. Меня бы наверняка более чем вывернуло наизнанку.

В последнее время Порция все чаще произносила слова «более чем». Они часто встречались в письмах Неда, и Порция воспринимала этот оборот как его собственность. Произнести их было всё равно что надеть его старую рубашку – уютную, наполняющую душу Порции гордостью.

– Угу. – Гордон покивал – серьёзно, словно Порция высказала некую глубокую, интересную мысль. Затем поднял с пола террасы флакон с маслом для загара. – Не намажешь меня?

– Давай...

Положив открытку на стол, Порция взялась за флакон.

27. Тоже очень хорошо, большое спасибо. Нет ли письма для меня? (ит.)

28. Минутку, минутку, синьорина. Вот! Только одна открытка. Мне очень жаль, дорогая (ит.)

29. Роман современного американского писателя Джона Ирвинга

Волна кокосового аромата поднималась от её ладоней, пока она потирала их одну о другую. Нанося масло на кожу Гордона, она заметила в волосах на его пояснице серебристые нити, перистые, завивающиеся, – всё это походило на поле пшеницы после грозы, – на плечах, по которым волосы змеились, сходясь к шее, они были темнее. Порция чувствовала под ладонями их хрупкую шероховатость. Грудь Гордона заросла плотными черными завитками, да и щетина на подбородке была гуще, чем у Пита, бывшего вдвое старше. Дело не в национальных особенностях. Пит такой же еврей, как Гордон. Не исключено, что это как-то связано с английским климатом. Порция вспомнила Неда, его гордое заявление, что за лето он «попробует» отпустить усы.

Она плеснула немного масла в ямку на спине Гордона. Нед был юношей крепким, однако она не думала, что у него под кожей перекачиваются такие же плотные и твёрдые мышцы, как у Гордона. После полудня Гордон неизменно упражнялся в тенистом мощёном дворике за виллой, отжимаясь, подтягиваясь, приседая, – Пита это откровенно забавляло, а Хиллари неуклюже изображала безразличие. Порция следила за Хиллари, следившей из кухни за Гордоном, между тем как Пит следил за Порцией, следившей за следящей Хиллари, и Порция знала, что Пит думает о собственных вялых, обвислых мускулах и придумывает социо-политическое объяснение, способное оправдать их состояние и даже обратить таковое в предмет гордости.

В Нью-Йорке Гордон входил в школьные команды по теннису и лакроссу³⁰. Он страшно возмутился, узнав, что в Англии в лакросс играют почти исключительно девушки из частных школ. «И он совершенно прав, – писал Порции Нед. – Лакросс – игра тяжёлая, грубая, требующая большой физической силы. Я её боюсь до смерти. А потому и считаю, что лучше оставить её вам, девицам».

Порция улыбалась, представляя себе будущее. Воображение рисовало ей дни, когда она будет втирать лосьон для загара в спину Неда, – в ещё предстоящие им каникулы, в местах, которые ещё будет время навоображать. Странно, думала Порция, она до сих пор совсем не знает его тела. Ни разу не видела его в шортах или в плавках. Никогда не видела обнажённым. Однажды, когда они целовались, Порция почувствовала, как что-то прижалось к её бедру. При этом воспоминании кровь жарко прихлынула к лицу и она внутренне захихикала, припомнив наивность, заставившую её поначалу решить, что у Неда что-то лежит в кармане, быть может, на следующей неделе, в квартире его отца, они поднимутся вверх. Быть может...

– А где эта «Гавань Тобермори»?

– Эй! – Порция вырвала открытку из рук Гордона. – Это же личное! О нет!

Она в ужасе глядела на открытку. Собственный её масляный палец, мазнув по открытке, уничтожил целую строчку, тщательно выписанную Недом.

– Нет! – взывала Порция. – Она пропала! Пропала! Как ты мог? Ты... ты говнюк!

– Послушай, извини. Я только...

Но Порция, из глаз которой брызнули слезы, уже летела к дому. Гордон проводил её взглядом, пожал плечами и поправил защитного цвета шорты – эрекция, когда лежишь на животе, сопряжена с большими неудобствами.

Интересно, думал Гордон, уж не влюблённость ли Порции так его распаляет? Он считал, что и сам влюблён не меньше, просто фраза «Она меня возбуждает» казалась ему более точной. Даже большинство английских ребят, как он заметил, скажут скорее «Она мне нравится», чем «Я её люблю».

Откровенность Порции, выплеснувшей на Гордона свои секреты, едва он появился в Лондоне, сбила его с толку сильнее, чем непривычная еда, непонятный выговор и невразумительная география города. Он ожидал от английских Фендема-нов холодной

30. Индейского происхождения игра в мяч – две команды по 10 человек пытаются с помощью клюшки забросить мяч в ворота противника

скрытности и скованной сдержанности – отец обычно ссылался на эти качества, когда принимался обосновывать незыблемую логичность своего переезда из Англии в Америку. Откровенность Порции не только смутила Гордона, она ещё и уязвила его. Как будто её чувства гораздо глубже чьих бы то ни было ещё. Сама её способность так свободно и выразительно описывать их мешала Гордону прямо и честно рассказать что-нибудь о себе, и это его злило. У него тоже имелись чувства, сейчас, например, он чувствовал, что ему хочется схватить эту целку, завалить на постель и насандаливать, пока у неё глаза на лоб не полезут.

Во всем этом присутствовала безумная несправедливость. Порция задвинула его так далеко в угол, что места у него осталось не больше, чем у дикого зверя в клетке. Что совершенно нечестно. Он не какой-нибудь там. Он тоже мужчина, чувствительный, с мужским чувствительным сердцем. Он может быть обаятельным. Может быть романтичным. Но она же не даёт ему такой возможности. Мистер Чудо, мистер Совершенство поглотил всё её существо. Гордон по глазам Порции видел, что всякий раз, когда она тепло говорит с ним, она на самом-то деле говорит с Недом. И все её разговоры о Неде привели к тому, что эта поганая, педрильная, англо-гойская жопа теперь не выходила у Гордона из головы. В него словно бы паразит вселился, и звали паразита Недом Маддстоуном.

Если в отец и мать умерли годом раньше, Гордон познакомился бы с Порцией как раз в то время, когда она была готова отдаться кому угодно. Но вышло так, что он запоздал. Ко времени его появления дверь для него уже захлопнулась. Так что теперь он испытывал желание вышибить её и разнести в щепу. Все, что ему требуется, – получить шанс. Шанс мягко постучать и заставить Порцию открыть, но для него дверь остаётся запертой, а ключ отдан Неду Маддстоуну.

Неду, мать его, Маддстоуну.

Гордон не считал себя дурным человеком, но в последнее время его стали посещать нехорошие мысли. Он утратил способность думать о потрясении, испытанном им, когда отец свалился на пол, рыча от боли и хватаясь за горло. Он забыл обо всех чувствах, какие питал к матери, сохранив лишь воспоминание о душившей его потребности побыстрее убраться из больницы на свежий воздух – подальше от исхудалой женщины с жёлтой кожей, трубкой в носу и испуганными глазами.

Во время перелёта Гордон ещё раз обдумал своё новое положение.

«Во-первых, они атеисты, – говорил он себе. – Значит, по субботам не нужно будет таскаться в синагогу. Во-вторых, они антисиионисты. Не придётся в августе переться в киббуц. В-третьих, они англичане, так что я буду избавлен от разговоров о моих „чувствах“ – наподобие тех, что мне пришлось терпеть после смерти мамы. В-четвертых, они неприлично богаты. Тётя Хиллари из семьи мультимиллионеров, розничная торговля или что-то ещё, стало быть, от сортирной ямы вроде Бруклина – ямы, в которой ещё и постреливают, – я отныне избавлен. У меня будет своя машина. Дважды в год мы станем ездить на отдых. Барбадос там или Гавайи».

А что вышло?

«Вот твой велосипед. Мы не поклонники автомобилей».

«Э. П. Томпсон читает сегодня в фабианском обществе лекцию о культурном империализме, у нас сорок пять минут, чтобы добраться туда».

«Мы арендовали виллу в тосканских холмах. Порш хочет посмотреть в Сиене полотна Дуччио, а Хиллс собирает материал для нового романа».

«Гордон, давай поговорим о том, что ты чувствовал, когда умерли Роза и Лео, хорошо?»

«Тебе страшно понравится. В походах ДЯР³¹ всегда так весело. К тому же они имеют очень большое значение».

31. «Движение за ядерное разоружение», организация английских сторонников мир

Херовую шутку сыграла с ним жизнь. Но хуже всего...

«У меня есть возлюбленный...»

«Его зовут Недом...»

«Вот! Это он, сидит в самом центре, с крикетным мячом в руках...»

«Смотри, Гордон! Это он сам себя нарисовал, когда заскучал на уроке французского...»

«Ты посмотри на его улыбку...»

«Смотри, ещё одно письмо...»

«Смотри...»

Нед, мать его перемать, Маддстоун.

Нед стоял, перегнувшись через планшир «Сиротки», брызги летели ему в лицо. Море поблёскивало под усеянным звёздами небом, точно мокрый уголь. Сегодня океан принадлежал Неду.

В своих каютах спали Падди Леклер, школьный инструктор по парусному спорту, и пятеро других членов команды. Когда стало ясно, что из-за нескольких лишних часов, проведённых на Джайентс-Козуэй³², идти обратно в Шотландию придётся ночью, Нед сразу вызвался нести вахту. В прошлом он мог бы сделать это из чувства долга или товарищества, однако сегодня знал – им руководило желание побыть в одиночестве, подумать о Порции и просто насладиться существованием. В ночи, подобной этой, на привольно идущей под парусами яхте начинает казаться, что весь мир принадлежит тебе. На суше, думал Нед, человек неизменно стоит ниже животных, он всегда оторван от природы. Автомобили и вообще машины, может, и хороши, но они отпугивают всё живое. А в море можно общаться с природой, не истощая её. Надо будет написать об этом Порции в следующем письме. Любовь обратила его в подобие философа. Кто-нибудь поумнее, тот же Эшли Барсон-Гарленд, счёл бы это неизмеримо глупым, но ведь Эшли невдомёк, что Неду нравится быть несколько глуповатым. Иногда это очень удобно. В конце-то концов, ум Эшли нисколько не облегчает ему жизнь. Скорее, наоборот – делает глубоко несчастным. А Неду, в его нынешнем состоянии несокрушимой восторженности, несчастье представлялось таким же непостижимым и чуждым, как прыщи или плохая координация движений – ну вот когда хочешь взять одну вещь, а рука почему-то хватает другую. Нед знал, на свете есть люди, страдающие от этих напастей, но мог лишь дивиться тому, что бедолаги не избавляются от них и не живут потом в своё удовольствие.

Быть влюблённым – значит принадлежать к сообществу тех, к кому судьба надумала отнестись с особым вниманием. Прежде Нед и вообразить не мог, что можно получать такое наслаждение просто от того, что живёшь. Его успехи в спорте, приятная внешность, покладистый характер, популярность – он и на миг не думал о них с удовлетворением, – его всё это скорее смущало. А вот то, что он Влюблён, Влюблён с самой что ни на есть большой «В», переполняло Неда такой гордостью, что он себя почти не узнавал. В миллионный раз он пустился в догадки – неужели Порция действительно испытывает такие же чувства? Возможно, её чувства сильнее. А возможно, – сильнее его. Возможно, она думает, что её чувства сильнее, – и потому никогда не поверит, как сильно...

Внезапно донёсшийся снизу голос заставил его удивлённо обернуться.

– Маддстоун!

Вглядевшись, Нед различил на корме чью-то высунувшуюся из люка голову.

32. «Дамба гигантов», мыс на севере Северной Ирландии

– Да? – крикнул он в темноту. – Кто это?

– Спустись вниз, Маддстоун.

– Руфус? Это ты?

– С Падди неладно. Он как-то странно хрипит. Спрыгнув в люк, Нед на ощупь двинулся к капитанской каюте.

Тело Падди Леклера, освещённое лишь кормовым огнём да мерцающим светом шкалы рации, грузно осело в кресле у штурманского стола, лицо капитана уткнулось в карты.

Нед с опаской приблизился к нему.

– Шкипер?

– Он умер? – шёпотом спросил Кейд.

– Не знаю, – ответил Нед и протянул руку к шее Леклера. – Шкипер! Падди! С вами всё в порядке?

Тут он ощутил под пальцами удары пульса и облегчённо выдохнул.

Леклер вдруг громко закашлялся и сделал попытку встать. Нед с ужасом увидел длинную нить окрашенной кровью слюны, свисающую изо рта на заваленный картами стол.

– Это ты, Нед? Ты?

– Да, шкипер, это я. С вами всё хорошо?

– Э-э, да нет, не сказал бы... кто это с тобой? – Леклер глянул Неду за спину, в глазах его появился испуг.

– Сэр, это всего лишь Руфус, сэр.

– Это ты, Руфус?

– Да, шкипер.

Дыхание вырывалось из груди Леклера короткими залпами, лицо его блестело от пота.

– Ладно, – просипел он. – Окажи мне услугу, юный Руфус. Сходи на корму, к рундуку по правому борту.

Руфус, совершенно белый, кивнул.

– Помнишь, я тебе показывал рундук, в котором лежат сигнальные ракеты? Умница. Соседний с ним заперт на висячий замок. Вот ключ... – Леклер подтолкнул к Руфусу лежавшую на столе связку ключей, – вон тот, золотистый. Открой рундук и принеси мне бутылку «Джеймсона»...

– Шкипер, вы уверены?.. – спросил Нед. – Если вы нехорошо себя чувствуете...

– Я знаю, что мне нужно, значит, уверен, – сказал Леклер. – Ты, юный Нед, останешься здесь. Давай, Руфус. Да побыстрее.

Руфус, развернувшись, с шумом полез по трапу на главную палубу.

– Вот колода, – буркнул Леклер. – Из этого моряк никогда не получится.

Нед положил ему руку на плечо.

– Падди, не сердитесь на меня, по я правда думаю, что пить вам не стоит. Что бы в вас ни разладилось, я уверен, вам вовсе не станет лучше от...

– Успокойся, Нед. Нет там никакого виски, да и ключ я ему дал не тот. Просто так у нас будет немного времени. – Леклер хохотнул, радуясь собственной хитрости, и тут же снова закашлялся, обрызгав лицо Неда слюной и кровью.

– О господи, шкипер. Послушайте, я вызову по рации вертолёт.

– Подай мне вон ту сумку, – словно не слыша его, сказал Леклер.

– Эту?

– Эту самую, дружок, давай её сюда. А теперь, Нед, смотри мне в глаза.

Нед посмотрел Леклеру в глаза, которые помнил весёлыми и голубыми. Теперь они были налиты кровью, наполнены вызванными кашлем слезами.

– Я могу доверять тебе, Нед, правда?

– Конечно, шкипер.

– Тогда, черт подери, ответь мне, мальчик! – Леклер схватил Неда за запястье и с силой стиснул его. – Что для тебя дороже всего на свете? Есть что-нибудь, о чем ты думаешь вот в эту минуту?

Нед кивнул – смеющаяся Порция встала перед его глазами.

– Хорошо. Теперь поклянись этой самой святой для тебя вещью, что ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу, и ни единой живой душе об этом не скажешь. Ни единой!

Нед снова кивнул.

– Вслух! Поклянись вслух.

– Клянусь, Падди, я клянусь.

– Хорошо... хорошо. Я тебе верю. Тогда вот что... – Леклер порылся в сумке. – Возьми этот конверт. Он запечатан. Если я не доберусь до берега живым и здоровым, доставь его. Лично. Он должен попасть прямо в руки... – Леклер жестом велел Неду приблизиться и прошептал ему на ухо имя и адрес. Жаркое дыхание его шумом отдавалось у Неда в ушах. – Ну вот! Запомнил?

– Думаю, да.

– Повтори. Только шёпотом.

Прикрыв ладонью рот, Нед прошептал Леклеру на ухо:

– Лондон, ЮЗ-1, Херон-сквер, тринадцать, Филип А. Блэкроу.

– Запомнил. Не забудешь?

– Нет, никогда. Обещаю.

– Ну, значит, все. Запрячь конверт подальше, чтобы никто его не увидел, и никому о нём ни слова. И не забудь имя с адресом. В конце концов, не такая уж трудная и страшная просьба, верно?

Леклер отпустил руку Неда и, хватая ртом воздух, откинулся на спинку кресла. Нед смотрел, как с лица его сходят те немногие краски, какие оно ещё сохраняло.

– Можно, я теперь вызову по радиации помощь, шкипер?

– Мы подойдём к берегу часов через пять-шесть. Да и время теперь уже мало что значит.

– Но что с вами? Что случилось?

– Всего-навсего приступ, – негромко ответил Леклер, улыбаясь и закрывая глаза. – Прощальный поцелуй рака. Всего-навсего.

Руфус Кейд вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Нед, с великой нежностью погладив умирающего по голове, набросил ему на плечи спальный мешок.

За утро Эшли Барсон-Гарленд написал семьдесят писем. Семьдесят спокойных, умиротворяющих и – хотя то была лишь его оценка – прекрасно составленных писем. Писем к старым леди, неспособным разобраться в изменениях закона о пенсионном обеспечении, писем к безработным бездельникам, предпочитающим вваливать вину за отсутствие у них самоуважения на правительство, писем к исступлённым фашистам, считающим, что сэр Чарльз Маддстоун «питает слабость к преступникам», писем к бесконечно печальным

личностям, решившим открыть члену парламента глаза на Христа.

Сколько, однако же, шума создаёт население страны! Сколько у него навязчивых претензий на особое к себе внимание. Сколько некомпетентности и обид. Воистину жизнь политика состоит из лжи, лжи и ещё раз лжи. Не из той, о которой думают люди, не из череды невыполненных обещаний и циничных опровержений, на которые так любят жаловаться газеты и скептически настроенные завсегдатаи баров, нет, тут речь о лжи совсем иного толка. Позволять людям думать, будто их ожесточённые, невежественные мнения важны и полезны, – вот что, на взгляд Эшли, представляло собой величайшую ложь. Казалось, в стране живут миллионы людей, не понимающих, что причины их проблем кроются не в той или иной несправедливости либо социальном недуге, но в узости их собственного самосознания, вследствие которой они готовы винить кого угодно и что угодно, но только не свои горечь и раздражительность; потакание этой в высшей степени ложной иллюзии – вот это и было верхом нечестности. Есть люди, уверенные, что жить полной жизнью им мешают наводнившие Англию азиаты, само существование королевской семьи, интенсивность уличного движения под окнами их домов, козни профсоюзов, власть, которую присвоили себе бессердечные работодатели, нежелание здравоохранительных служб всерьёз принимать состояние их здоровья, коммунизм, капитализм, атеизм, – да все, что угодно, но только не собственная их пустота, слабоумная неспособность толком взяться хоть за какое-нибудь, черт подери, дело. Эшли хорошо понимал разочарование, которое испытывал Калигула при мысли, что у народа римского не одна-единственная шея. Если бы только у англичан был один зад на всех, думал Эшли. Каким пинком он бы его наградил!

На столе справа от него лежали незапечатанные конверты с ожидающими подписи письмами. Каждое было изящно отпечатано на парламентской писчей бумаге с зелёной решёткой палаты общин поверх имени сэра Чарльза – отпечатано чисто, безупречно, совершенно. Эшли передвинул все четыре стопки, поместив их слева от пресс-папье, – так сэру Чарльзу, когда он появится, будет удобнее подписывать. Внимание к подобного рода деталям внушало Эшли гордость за себя. Он был идеальным служащим – интеллигентным, вдумчивым, дотошным и скромным, – и в данный момент это его вполне устраивало.

Эшли извлёк из стоявшего у ноги кейса свой дневник. Осталось заполнить всего пять с половиной страниц – а там понадобится новая книжица. Интересно, удастся ли найти такую же? Магазин на площади Св. Анны, в котором он купил эту, закрылся два года назад. Другой цвет обложки его, разумеется, устроил бы, но сама книжица должна быть точно такой же. Если удастся найти их в продаже, надо будет купить по меньшей мере десяток – хватит до конца жизни. Хотя хватит ли? Эшли произвёл в уме быстрые вычисления. Два десятка – так будет вернее. «Непобедимая» – гордо значилось на её обложке. Название времён Империи, из тех, коими наделялось все подряд – от настенных писсуаров до карманных ножей. Он полистал дневник, с удовлетворением отметив, что почерк его стал более уверенным и изысканным. Последняя запись была сделана пять недель назад. Втиснуть в оставшиеся страницы ему предстоит немало. Он начнёт, словно бы продолжая последнее своё предложение: «В настоящую же минуту мне придётся выбросить из головы это бесстыдное вторжение, поскольку необходимо заняться речью, которую я должен произнести от имени выпускников».

30 июля

Неужели со времени завершения триместра прошло всего пять недель? Речь моя стала, разумеется, торжеством остроумия, эрудиции, вкуса и – пожалуй, можно выразиться и так – чувства такта. Как таковую, ни единый человек в зале её не понял, даже те, кто с грехом пополам разбирает латынь. Родители, учителя и ученики знали ровно столько, сколько требуется, чтобы представить себе, насколько умна моя речь, и по завершении её наградить меня смущёнными, сочувствующими, ободряющими улыбками, которые англичане привычно приберегают для тех, кто страдает от неизлечимого рака или наличия мозгов, – причём наличие последних – вещь, на их взгляд, куда более прискорбная. В конце концов, люди, в большинстве своём, способны представить себе, что больны раком, но не

способны и близко подобраться к представлению о том, что у них есть мозги. Нед познакомил меня с отцом, и тот отвесил мне поклон, вернее, ближайшее из позволительных в наши дни подобие поклона.

– Ваших родителей нет здесь сегодня, мистер Барсон-Гарленд?

– Моя мать учительница, сэр, – ответил я, получая удовольствие и от слова «сэр», и от того, что сэр Чарльз тоже получает от него удовольствие. Удовольствие доставляли мне и неловкость, испытываемая Недом, и возможность наблюдать, как он старается придумать, что бы такое ему сказать, не привлекая внимания к моей матери и семье вообще.

– А, прекрасно, – отозвался его отец. – Она, должно быть, очень гордится вами.

На прощанье Нед легонько, по-приятельски ткнул меня кулаком в бок. Он, разумеется, знает, какая такая учительница моя мать. И может быть, догадался даже, что я попросил её здесь не появляться.

«На Актный день приезжает всего горстка родителей, – написал я ей, – тебе будет скучно».

Подразумевал же я следующее: «Посмей только явиться и опозорить меня своим ярким ситцевым платьем, дешёвыми духами и отвратительной шляпкой – и я от тебя отрекусь».

Смею сказать, мать прочитала всё между строк, поскольку матерям это свойственно, и смею сказать, я того и хотел, поскольку это свойственно сыновьям.

Вытерпев тошнотворные поздравления и рюмку хереса, поднесённую мне директором («А, вот и наш карманный Демосфен»), я улизнул после завтрака на крикетный матч – и лишь затем, чтобы оказаться свидетелем того, как отличился Нед Маддстоун, продемонстрировав стиль, неоспоримо превосходящий тот, что присущ команде бывших выпускников. Всякий, кто заговаривал со мной, поглядывал одним глазом на Неда у очередных воротец, и я просто нутром чуял, как мой собеседник сравнивает рослость, блондинистость и улыбчивость Неда с моей приземистостью, брюнетистостью и хмуростью. Смерд этих сравнений заставил меня вернуться обратно в школу, и я заглянул к Руфусу Кейду, купавшемуся в зловонной – марихуана, водка и обиды – духоте своей комнаты. И вот что интересно. То ли из желания сделать мне приятное, то ли по какой-то иной причине, но он признался, что терпеть не может Неда Маддстоуна. Я уже давно ощутил его неприязнь к Неду и прямо спросил о ней. То был инстинкт. И я оказался прав. Он ненавидит Неда. Стыдится этой ненависти и оттого ненавидит ещё пуще. Замкнутый круг отвращения и обид, слишком хорошо мне знакомый.

И кто же тут появился? Разрумянившийся, торжествующий, в запачканной ало-зелёной фланели, разгорячённый своей победой, – кто, как не сам Нед Маддстоун? Он пригласил меня отобедать с его отцом в «Георге». Чувство вины, ясно читавшееся в его глазах, было почти смешным. «Ты можешь считать себя аутсайдером, – говорили эти глаза, – но я считаю, что ты один из нас».

Ни черта. Если бы он считал меня Одним Из Нас, он сказал бы: «Эшли, зануда ты этакий, как насчёт того, чтобы пообедать со мной и отцом в „Георге“?» – а он вместо того засуетился и пригласил также и Руфуса, умудрившись сделать болезненно очевидным, что приглашает только из вежливости. Руфус пойти отказался, сославшись на то, что пьян, и это, полагаю, усугубило его ненависть к Неду. Я же приглашение принял, причём с совершенно искренним удовольствием.

Я надел единственный мой костюм.

– Очень приятно, что вы присоединились к нам, мистер Барсон-Гарленд. – Сэр Чарльз пожал мне руку на манер, принятый при дворе. – Как глупо, не могу удержаться, чтобы не называть вас так. Нед не сообщил мне вашего имени.

– Эшли, сэр, – сказал я, а Нед, смутившись, зарылся в меню.

Я много говорил за обедом. Не так много и не так напористо, чтобы показаться человеком, тянущим на себя одеяло, но достаточно, чтобы произвести впечатление.

– Похоже, вы основательно разбираетесь в политике, – заметил за сыром сэр Чарльз.

Я пожал плечами и развёл руки в стороны, как бы желая сказать, что, хоть я, может, и подобрал на берегу несколько занятных камушков, однако, как и Ньютон, сознаю, что передо мной простирается океан непознанного.

– Не уверен, что это сможет вас заинтересовать...

Вот тут он и предложил мне поработать у него летом политическим аналитиком.

– Большая часть этой работы в действительности похожа на секретарскую, – предупредил он. – Однако я думаю, что она даёт ни с чем не сравнимую возможность разобраться в том, как действует система. Если за лето у вас всё сладится, я буду рад сохранить это место за вами до вашего возвращения в конце осени. Нед сказал мне, что в августе вы тоже будете поступать в Оксфорд.

– Отец, какая блестящая идея! – восторженно вскричал Нед (как будто она принадлежала не ему! За какого же идиота он меня принимает?). – Я самое большое разочарование папы, – добавил он, обращаясь ко мне, – мне так и не удалось проникнуться интересом к политике.

– Сэр Чарльз, – произнёс я. – Не знаю, с чего начать, чтобы поблагодарить вас...

– Глупости, глупости, – отмахнулся сэр Чарльз. – Если вы такой хороший работник, как мне представляется, благодарить придётся мне. Стало быть, предложение принято?

– Понимаете, сэр, я живу в Ланкашире. У меня нет никаких... – Ланкашир, как же. Именно так я обычно и говорю. Любой «шир» звучит лучше, чем Манчестер.

– Надеюсь, вы согласитесь пожить на Кэтрин-стрит? Дом невелик, зато в нём уже более ста лет обитают политики. Там есть даже собственный парламентский звонок ³³, хотя вам он особо досаждать не будет. Палата летом не заседает. Но если вы останетесь с нами и на следующий год, он будет трезвонить так, что у вас возникнет желание сломать его. Верно, Нед? – И он, глянув на сына, приподнял бровь, подразумевая, видимо, какой-то семейный анекдот.

– В детстве меня этот звонок здорово доставал, – пояснил Нед, отвечая на мой вопросительный взгляд. – Палата заседала в самое причудливое время, и звонок то и дело будил меня в два-три утра. Как-то ночью я забил между колоколом и язычком кусок картона. Папа пропустил голосование и нажил кучу неприятностей.

– Я провёл в офисе парламентского партийного организатора четверть часа, которые никогда не забуду, – сказал сэр Чарльз.

Нед притворным шёпотом сообщил:

– Отец и сейчас говорит, что это было покруче того, что гестапо творило с ним во время войны.

– И это чистая, абсолютная правда, уверяю вас.

Так Нед впустил меня в свою жизнь. Жизнь, в которой небрежное упоминание о парламентском звонке и неприятностях с гестапо так же привычны, как ссылки на расписание автобусов и на эпизоды из «Далласа» в моей семье. Если бы я не увидел четырёхлистного клевера, выпорхнувшего из моего дневника, подобная щедрость согрела бы и очаровала меня. Но поскольку я точно знал, что её породило, я и на секунду не обманулся.

Мне подыскали в Кенсингтоне квартиру, которую я делю с аналитиком из Центрального совета Консервативной партии. Квартиры в Кенсингтоне являются, похоже, основной валютой этого мира. Они внушают ленивое чувство чего-то...

Между двумя звуками, с которыми открылась и закрылась наружная дверь, Эшли успел быстро сунуть дневник в кейс, пододвинуть к

33. Проведённый в дом члена парламента электрический звонок, извещающий о начале голосования

себе копию «Хансарда»³⁴ и начать переписывать в блокнот одну из речей сэра Чарльза.

Он услышал, как кто-то поднимается по лестнице, и спросил себя, не покажется ли странным, что он не вышел навстречу. Может, притвориться, что ничего не слышал? Нет, пожалуй, не стоит.

– Нед? – не оборачиваясь крикнул он. – Это ты, Нед?

– Эш!

Эшли рывком встал и, когда Нед в обществе девушки и юноши примерно одних с ним лет – темноволосых, милостивых и очень загорелых – вошёл в комнату, успел соорудить на лице мину приятного удивления.

– Это Порция. Вообще говоря, вы уже встречались.

– Как поживаете? – с благопристойной серьёзностью осведомился Эшли. – Мы и вправду встречались. В «Хард-рок кафе», хотя вы меня вряд ли помните – ваш взгляд, насколько я тогда заметил, был устремлён в другом направлении.

– Конечно, помню. Хай!

Порция пожала ему руку. Вытереть ладонь о брюки Эшли не успел и потому внимательно вглядывался в лицо девушки, пытаясь понять, как она отреагировала на влажную липкость его ладони.

– А это Гордон, кузен Порции.

– Как поживаете? – спросил Гордон.

Эшли с не лишённым удовольствия интересом отметил, что англичанка Порция довольствовалась простым «Хай!», между тем как американец Гордон предпочёл формальное «Как поживаете?». Его всегда забавляли попытки людей произвести впечатление, полностью противоположное их подлинной сути.

– Удивлён? – спросил Нед, неловко похлопав Эшли по плечу. Он тоже загорел, но его загар был слегка золотистым, обычным для человека с очень белой кожей, – как если бы более густой загар представлял собой нечто чужеродное, исполненное дурного вкуса.

– Ну, твой отец говорил, что ты не вернёшься до завтра.

– Плавание завершилось, э-э, раньше намеченного. – На миг лицо Неда приобрело озабоченное выражение. – Так что мы решили уехать из Глазго ночным поездом.

– Вот как? – удивился Эшли, которому всё это было превосходно известно.

– Так или иначе, – Нед повеселел, – я оказался в Лондоне как раз вовремя, чтобы встретить Фендеманов в Хитроу. Неплохо, а?

– Какой приятный сюрприз для них, – подтвердил Эшли.

Гордон стеснённо оглядывал комнату. Эшли показалось, что тот чувствует себя лишним. И то сказать, электрические искры, проскакивавшие между Недом и Порцией, даже у Эшли вызвали чувство, почти похожее на смущение.

– Мой старик завалил тебя работой? – спросил Нед, с усилием отрывая взгляд от улыбки Порции.

– Захватывающей! По-настоящему захватывающей.

– Так ты работаешь у отца Неда? – спросил Гордон.

– Да. На самом деле мне уже следовало бы... хотя, постой, у меня идея... не хочешь пойти со мной? Мне нужно зайти в палату. Заодно я её тебе и показал бы.

– В палату?

34. Официальный стенографический отчет о заседаниях палат английского парламента

– В палату общин. Парламент. Конечно, только если тебе это интересно...

– Ещё бы! Отличная мысль.

– Блестящая! – Нед расплылся в радостной улыбке. – Эш, как мило с твоей стороны! Уверен, Гордон захочет увидеть место, с которого всё началось. Колыбель демократии и всё такое.

– Ну и прекрасно. Я только кейс прихватю, – сказал Эшли, раздражённо поёжившись от дурацкого замечания Неда. «Колыбель демократии», подумать только! А то он не знает, что американцы считают колыбелью демократии Вашингтон, так же как французы – Париж, греки – Афины, а исландцы – разумеется, Рейкьявик, и всё ровно на тех же основаниях? Типичное бездумное высокомерие.

– Э-э, мы бы остались здесь, если никто не против, – продолжал между тем Нед. – Порции нужно быть в четыре на собеседовании насчёт работы. В Найтсбриджском колледже. Я, пожалуй... ну, в общем, отвезу её туда.

– И что, хорошая работа?

– Название у неё пышное, но всё сводится к тому, чтобы учить иностранцев говорить «Эти помидоры слишком дороги», – ответила Порция. – Хотя платят там больше, чем в кафе «Хард-рок».

Они с Недом уже держались за руки. Каждая секунда, проведённая ими вне объятий друг дружки, была для них мукой – это прямо-таки бросалось в глаза. Эшли решил, что мука эта порождается, по большей части, традиционными затруднениями любовников, разобраться в которых они по тупоумию не способны. Им хотелось утаить свою страсть, но при этом они не сознавали, что им так же отчаянно хочется выставить её напоказ.

Эшли подумал, что его сейчас вывернет наизнанку.

– Я решил, что самое лучшее – оставить их наедине, – сказал он, закрывая входную дверь дома. Взгляд, брошенный на окно верхнего этажа, делал его, как он полагал, в достаточной мере похожим на светскую сплетницу. – Мы и двух шагов не успеем сделать, как они уже предадутся известным шалостям.

Гордон не ответил, но, поджав губы, уставился в землю. Эшли с любопытством вглядывался в него. Что это – американский пуританизм или нечто более серьёзное?

Господи боже! Едва эта мысль стукнула Эшли в голову, как он понял, что всё так и есть. И едва не расхохотался. Кузен Гордон влюблён в Порцию, с непререкаемой уверенностью сказал он себе.

Неотъемлемая, считал Эшли, особенность интеллекта, которую обычно упускают из виду, состоит в том, что он наделяет человека интуицией более глубокой и инстинктами более тонкими, чем те, что отпущены всем прочим. Дуракам приятно тешить себя иллюзией, что они пусть и неумны, но зато способны возмещать отсутствие ума чувствами и озарениями, которые интеллектуалам не по плечу. Бред, думал Эшли. Именно ложные верования такого рода и делают дураков дураками. Истина же в том, что человек поумнее обладает бесконечно большим объёмом ресурсов, позволяющих ему приходиться к заключениям, минуя промежуточные шаги, – а это и называется интуицией. В конце концов, что такое «интеллект», как не способность проникать в суть вещей? Римляне понимали это, как и многое другое, куда лучше бриттов.

Они свернули за угол и по Кэтрин-стрит пошли к Вестминстеру. Гордон, решив, похоже, что его молчание могут принять за грубость, заговорил. Он рассказал Эшли, как в аэропорту дядя с тётёй практически навязали его общество Неду и Порции.

– Почему бы вам, ребята, не поехать вместе автобусом в город? – сказала Хиллари. – Перекусите где-нибудь. Может, в кино сходите. О багаже мы позаботимся сами.

Пит сунул в ладонь Гордона десять фунтов и похлопал его по плечу, а Порция недовольно закусила губу, между тем как Нед изо всех сил пытался изобразить радость.

– Да, тактика знакомая, – сказал Эшли. – Кстати, если тебе не хочется, тащиться в палату общин вовсе не обязательно. Большинство людей считают её наиболее точным подобием ада. И я отлично их понимаю.

– А американцев туда пускают?

– Мне достаточно будет помахать вот этим, – ответил Эшли, извлекая свой пропуск и стараясь не выглядеть при этом излишне довольным.

– Думаешь заняться политикой?

– Возможно. Возможно. – Как Нед?

– Не понял?

– Нед ведь пойдёт по стопам отца, верно?

– Вот уж не думаю, – возразил весьма позабавленный Эшли. Ему представился Нед Маддстоун: как он в белом, запачканном травяной зеленью крикетном костюме отбрасывает со лба прядь волос и поднимается с правительственной скамьи, чтобы произнести речь о колебаниях курса валют и процентных ставках. – Политика и Нед не очень-то сочетаются.

– Да? А Порция мне говорила другое.

– И что же?

– Она сказала, что Нед намерен со временем занять в парламенте место отца.

– Что ж, может быть, и займёт, – спокойно откликнулся Эшли, но в душе его разгоралась привычная злоба. Неужели Нед всерьёз полагает, что место в политике может переходить от отца к сыну, как письменный стол или трость со складным сиденьем? А что, с горечью подумал он, вероятно, может; в конце концов, это ведь Англия. Пока же лето слишком драгоценно для Неда, чтобы тратить его на политику: нужно ещё успеть потрахаться, и поиграть в крикет, и потрахаться, и походить под парусом, и потрахаться, и потрахаться, – вот и пусть Эшли, манчестерский ломовик, повкалывает в этом году секретарём, как тебе это, папа, старичок? Успеет ещё поразвлечься и после Оксфорда, как по-твоему, папочка, дорогой? А в один прекрасный день, когда я буду «готов войти в дело», я вызову к себе доброго старого Эшли и назначу его своим политическим помощником. Бедняга Эшли, он будет мне так благодарен... пока же пускай подучится. Пусть наберётся какого ни на есть опыта. Самое милое дело! Давай пригласим его на обед, предложим работу, он будет так благодарен. Да и меня перестанет мучить совесть за то, что я прочёл его неприятный дневник, все-таки, надо признать, я поступил нехорошо. Подкинем ему денег, и будет он у нас письма печатать Да конверты лизать – и даже сказать не успеет: Надменная Сучья Жопа Из Высшего Распроети Его Класса...

– С тобой всё в порядке?

– М-м? Да, нормально, нормально... просто задумался, – Эшли рассеянно улыбнулся Гордону, словно пробуждаясь от несколько эксцентричных грёз. – Итак, – весело произнёс он, – ты, стало быть, впервые увидел великого Неда?

Гордон неуверенно кивнул:

– Великого Неда?

– Прости мне этот всплеск сарказма. Нед очень популярен в школе. Он чрезвычайно одарён, однако... хотя нет, не слушай меня. всё это не моё дело.

– Постой, он встречается с моей кузиной, так что мне нужно знать все, что о нём следует знать, – сказал Гордон. – Порция думает, что у него даже говно не воняет. Но ты же учился с ним в школе. Ты его знаешь дольше, чем она.

– Ну, скажем так: мне бы не понравилось, если бы с ним встречалась моя кузина. Это трудно объяснить. Большинство находит его очаровательным, честным, обладающим всеми качествами, какие делают мужчину привлекательным. Мне же он кажется холодным,

надменным и лживым. Ого... – Эшли поднял взгляд на Биг-Бен, начавший отбивать половину часа. – Двенадцать тридцать. Если ты не против, давай заглянем в паб за углом. Я договорился там позавтракать с другом. В палату, коли будет желание, можно заглянуть и потом.

– погоди. послушай, если я тебе помешал...

– Ничуть. Руфус тебе понравится. И ты ему. Вернее, твои десять фунтов. На эти деньги можно купить немало выпивки.

– Ну ладно, если...

– Я пошутил. Руфус богат как Крез. Уверен, ты обнаружишь, что у вас много общего.

Нед лежал в постели и смотрел в потолок. Рядом, прижав к щеке кулачок и свернувшись, точно котёнок, спала Порция.

Он ещё не рассказал ей о ночном кошмаре на борту «Сиротки», о виденной им смерти Падди Леклера. По дороге из Хитроу, в автобусе, они беседовали почти как чужие, Нед старался, чтобы Гордон не чувствовал себя лишним, да и Порция казалась в присутствии кузена странно скованной. Неду не хотелось пугать её, однако случившееся его потрясло. Он никогда раньше не сталкивался со смертью, ответственностью и страхом лицом к лицу, а тут они свалились на него все сразу.

Возвращаться в Шотландию с мертвецом на борту было занятием малоприятным. Да ещё и Руфус Кейд повёл себя как-то странно. Представлялось естественным, что именно Нед поведёт яхту обратно в Обан, и все, кроме Кейда, согласились с тем, что это правильно и разумно. Нед безо всякого тщеславия сознавал, что он лучший во всей команде моряк, да и разве то, что Леклер доверился ему перед смертью, не доказывало его право командовать судном? Конечно, он не мог поделиться этим секретом ни с Кейдом, ни с кем другим. В течение пяти часов, до самой зари, на всем их печальном обратном пути Кейд угрюмо придирился к каждому решению Неда и при всяком удобном случае из кожи вон лез, стараясь подорвать его авторитет. Прежде с Недом такого не случалось, и потому он чувствовал недоумение и обиду.

И только когда они шли через гавань Обана к молу, на котором их ожидали, посверкивая голубыми огнями, машины «скорой помощи» и полиции, Нед понял, в чем дело.

Кейд, смущаясь, подошёл к нему.

– послушай, Маддстоун, извини, – глядя в палубу, сказал он. – Наверное, всё это сбило меня с катушек. Я не хотел придиричься к тебе. Конечно, ты и должен был нами командовать.

Нед коснулся его руки.

– Да черт с ним, Руфус, забудь об этом. С учётом всех обстоятельств, ты вёл себя блестяще.

Весь остальной день прошёл как в путаном сне – показания в полиции, телефонные звонки, бесконечное ожидание, – но в конце концов Нед получил разрешение отправиться со всей командой в Глазго, чтобы поспеть на ночной эдинбургский поезд. Быть начальником – дело тяжёлое.

Голова Порции шевельнулась на его груди, и Нед обнаружил вдруг, что смотрит ей прямо в глаза.

– Привет, – сказал он.

– Привет.

И они рассмеялись.

Эшли смотрел, как Гордон приканчивает второй свой «Гинесс».

– Ты же видел её, Эшли, – сказал Гордон, рыгнув и отерев с губ пену. – Она прекрасна. Ты бы назвал её прекрасной?

– Безусловно, Гордон, – ответил Эшли, у которого лежало в кейсе несколько старых греческих антологий, представлявших ему куда более возбуждающими.

– И вообще, – продолжал Гордон, – в моей стране за чужаков не выходят. Просто не выходят, и все. Не положено, неправильно.

Руфус сидел, хмуро уставясь в пинту «Директора», которую он уже сдобрил тремя тройными виски.

– За чужаков? А кто у вас там чужаки?

– Гордон и Порция евреи, – пояснил Эшли. – Выходить за людей другой веры у них не принято.

– А я католик, – сообщил Руфус. – И у нас то же самое.

– Да она в мою сторону и не смотрит, – пожаловался Гордон. – Ни хера не смотрит. Вы понимаете, о чем я?

– О том, что она на тебя не смотрит? – сказал Руфус.

– Точно. Вот ты понял. Не смотрит, и все.

– Ясно. Тебя это, наверное, чертовски расстраивает.

– Ещё бы!

– Я бы тоже расстроился, точно тебе говорю. Эшли был рад, что Гордон с Руфусом так быстро нашли общий язык, он боялся только, что не сможет справиться с двумя пьяными сразу. Эшли хоть и старался в последнее время узнать о вине все, что о нём следует знать, однако спиртное и уж тем более опьянение – своё или чужое – не доставляло ему никакого удовольствия. Впрочем, он этого не показывал и умел, не производя впечатления чопорного трезвенника, растянуть одну порцию выпивки на срок, за который его собутыльники успевали управиться с несколькими.

– Так что у вас там случилось, Руфус? Говоришь, Леклер умер на обратном пути?

– Господи, Эш, я же тебе рассказывал. Он отправил меня за бутылкой сраного «Джеймсонса», а когда я вернулся, Святой Нед уже баюкал его в своих объятиях, воркуя, как затраханый голубок. Я и охнуть не успел, как он назначил самого себя капитаном. А об меня он вообще разве что ноги не вытирал. Да ещё имел наглость сказать потом, что, «с учётом обстоятельств», я вёл себя блестяще. Подразумевая, естественно, что это он блестяще вёл себя – с учётом обстоятельств. Подонок. Ну, правда, ему-то и пришлось потом возиться с полицией, со «скорой» и со всеми бумагами. Ха! Спорим, об этом он не подумал. – Руфус с трудом поднялся на ноги. – Ну и ладно. Хрен с ним. Ещё выпьем?

– Отчего же нет, – согласился Эшли. – То же самое, пожалуйста. Джин с тоником и льдом, но без лимона.

– А эта штука и впрямь до нутра пробирает, – сказал Гордон, протягивая Руфусу пустой стакан. – Только на этот раз, пожалуй, хватит полпинты.

– Полджина, пинту «Гинесса» и лимон. Без льда, но с тоником. всё понял. – Руфус, пошатываясь, двинулся к бару.

– Он и вполтину не так пьян, как прикидывается, – сказал Эшли. – Отец у него алкоголик, вот он и примеряет на себя эту роль.

Гордон некоторое время смотрел вслед удаляющемуся Руфусу, а затем повернулся к Эшли:

– А тебе нравится видеть людей насквозь, верно?

– Ну, – ответил немного удивлённый Эшли, – судя по твоему замечанию, тебе тоже.

– Верно. Туше. Так скажи мне наконец, о ком вы тут толковали?

– В школе он был кем-то вроде инструктора по парусному спорту, – ответил Эшли с таким выражением, словно речь шла о местном ассенизаторе. – Все эти яхтсмены очень любили его – на свой невыносимый манер, друзья-товарищи, обычное дело в яхт-клубах. Он всё время организовывал в каникулы плавания для тех, кому они по карману. Или для тех, кому это неопишимо скучное занятие пришлось по душе, – добавил он.

– В Штатах я слышал о случаях, когда эти деятели оказывались извращенцами, – припомнил Гордон. – Ну, знаешь, на яхте со школьниками вокруг Карибских островов. Чего там ещё делать-то?

– Да, однако, не думаю, что тут было то же самое. Что бы ты ни читал об английских частных школах, в них подобные вещи случаются крайне редко.

– И куда они отправились?

– Отплыли с запада Шотландии, потом, кажется, обогнули Джайентс-Козуэй и вернулись назад. А в прошлом году... куда вы плавали в прошлом году, Руфус?

Руфус вернулся и, держа в зубах пакетик арахиса, сгружал стаканы на стол.

– М-м?

– В прошлом году. Куда ходили члены парусного клуба?

– Хукин Голод.

– Куда?

– Хук-ван-Холланд ³⁵. – Руфус разорвал зубами пакетик и подтолкнул его по столу поближе к Гордону. – Из Саутуолда через Северное море на Флашинг. Потом по каналам до Амстердама и тем же манером назад.

– И, насколько я знаю, Леклер никогда к тебе не приставал? Не угрожал нежному цветку твоей девственности?

– Пошёл ты!

– Просто пришло вдруг в голову.

– Вообще-то я не прочь вернуться туда, – сказал Руфус. – В Амстердам то есть. У них там девки голые в окнах, а травы больше, чем ты за всю жизнь видел.

– Ты покуливаешь? – спросил у Руфуса Гордон.

– А Папа Римский, по-твоему, срёт в лесу? – промурлыкал Эшли, беря арахис.

Гордон понизил голос и взволнованно спросил:

– Слушай, не подкинешь мне немного? Я, как сюда попал, так ни разу и не покурил. Однажды сказал об этом Порции, но она посмотрела на меня, как на кучу дерьма.

– Да на здоровье, – Руфус дружелюбно взмахнул рукой. – Ты чем балуешься, травкой или гашишем?

– Травкой, – ответил Гордон.

– Без проблем. По правде, у меня с собой очень серьезная...

При мысли, что разговор сведётся к наркотикам, сердце Эшли упало. Куда забавнее было слушать, как Руфус и Гордон жалуются друг другу на Неда. К сожалению, Неда и наркотикам в одном разговоре встретиться не дано. Если только...

– А пожалуй, занятно было бы посмотреть, – сказал Эшли, чопорно прихлёбывая джин, – как Маддстоуна уводят люди из отдела наркотиков. Славненький скандал, немного позора, небольшое такое крушение для нашего святого и его папочки – вам не кажется? И только представьте, как будет шокирована наша милая Порция.

Руфус хихикнул, а у Гордона отвисла челюсть. – Он ведь собирался отвести её... как называется это место? Что-то нелепо претенциозное... Найтсбридж-колледж, вот, – мечтательно продолжал Эшли. – Предположим, полиция узнает, что мерзкий торговец

35. Мыс в Северном море, Нидерланды

наркотиками уже много дней околачивается около колледжа, снабжая студентов запрещённым зельем. Вообразите картину: нашего золотого мальчика уводят в наручниках.

– Да, но как...

– Куртка его осталась висеть внизу, на перилах лестницы. Все, что от нас требуется, – это небольшая ловкость рук.

Стоя голышом у окна своей спальни, Нед смотрел на Лондон. Через час с небольшим придётся спуститься вниз, приготовить омлет. Если в не это, разве он не остался бы в спальне до скончания дней? Оба они могли бы остаться здесь навсегда. Да только Порции надо подготовиться к собеседованию. Но после они вернутся сюда и поднимутся прямо к нему в комнату. Конечно, завтра утром в город возвратится отец, к его приезду надо будет привести себя в презентабельный вид, но до завтра ещё бездна времени. Он ждёт не дожждётся возможности познакомить Порцию с отцом, и, конечно, они мгновенно подружатся. Череда годов, которые они проведут все вместе, открылась Неде. Порция и папа на Рождество, в родильном доме, на отдыхе. Улыбки, смех, взаимное расположение, любовь... ему хотелось плакать от восторга.

Взгляд его задержался на троице, шагавшей по улице. Эшли и Гордон. И с ними кто-то ещё. Нед улыбнулся, узнав неуклюжую походку Руфуса Кейда. Где это они повстречались? В любое другое время он с радостью принял бы их, однако...

Нед, отроду не отличавшийся необщительностью или эгоизмом, подкрался к двери и осторожно повернул ключ в замке. Звук, как ни был он слаб, разбудил Порцию.

– Ты запираешь дверь?

– Боюсь, что так, – прошептал Нед. – Они возвращаются. Думаю, стоит притвориться, что мы уже ушли.

Порция смотрела на приближавшегося к ней Неда, и острое счастье пронизывало её, как ветер пронизывает траву, она задрожала и покрылась мурашками от наслаждения, показавшегося ей почти болезненным.

– Не покидай меня никогда.

– Не бойся, – прошептал Нед, забираясь в постель.

Снизу донёлся голос Эшли:

– Мы вам не помешаем. Я тут позабыл кое-что. А вы, молодые люди, наслаждайтесь обществом друг друга.

Приглушенный смех Гордона и Руфуса показался им упоительным. Как чудесно, когда над тобой посмеиваются!

Нед вздохнул, ощущая полнейшую удовлетворённость и радость. Есть ли во всей вселенной человек, столь неизмеримо везучий? Он молод, здоров, счастлив, и нет у него во всем мире ни горестей, ни врагов.

2. Арест

Нед задрожал и поплотнее завернулся в одеяло.

– Извините, – сказал он. – Как вы думаете, не может ли кто-нибудь принести мою одежду?

Стоявший в дверях полицейский перевёл взгляд с потолка на Неда:

– Замёрз, что ли?

– Нет, но, видите ли, на мне только...

– Середина лета, так?

– Да, конечно, но...

– Ну и сиди.

Нед смотрел на стол, на свёрнутую из фольги пепельницу и пытался заставить мозг сосредоточиться на происходящем.

В четыре он отвёз Порцию в колледж. Они позвонили у огорчительно заурядной двери на пятом этаже здания, стоящего на узкой улочке на задах «Скоч хаус»³⁶.

– Я поболтаюсь снаружи, – сказал он, целуя её на прощанье так, словно они расставались бог весть на какой срок. – Как освободишься, зайдём в «Харродз»³⁷, отпразднуем мороженым с содовой.

Он провёл на тротуаре с полчаса, весело прикидывая, хороший ли это знак, что Порция застряла там так надолго. Будучи оптимистом, Нед, естественно, решил, что хороший.

К двери подошла компания молодых не то испанцев, не то итальянцев (точно сказать Нед не мог). Они уже возились с замком, когда Нед, повинувшись внезапному порыву, решил войти вместе с ними. Вид респектабельно одетого спутника вполне мог склонить чашу весов в пользу Порции.

– Простите, – сказал он, – вы не будете против, если я войду с вами?

Молодые люди в замешательстве уставились на него. Если таков средний уровень знания английского здешними студентами, Порции придётся здорово потрудиться.

– Я... ПРОСТО... СПРАШИВАЮ... НЕ... МОГЛИ... БЫ... ВЫ... – начал он, но не успел ещё договорить, как всё и случилось. Появившись словно бы ниоткуда, двое мужчин схватили Неда под руки и потащили к машине. Последнее, что услышал слишком изумлённый, чтобы вымолвить хоть слово, Нед, когда его заталкивали на заднее сиденье, – это хриплый хохот каких-то людей, стоявших в тускло освещённых дверях ближайшего паба.

– Ч-что вы делаете? – спросил он. – Что вы делаете?

– Ты бы лучше спросил себя, что ты наделал, – ответил, когда машина, взвизгнув покрывками, рванулась с места, один из мужчин. Пошарив в кармане Недовой куртки, он вытащил оттуда сложенный из фольги пакетик.

В полицейском участке его обыскали с большей доскональностью. Все, кроме трусов, унесли на проверку, а Неда оставили в этой вот комнате, где он и сидел уже больше получаса, пытаясь понять, что же могло произойти. Когда дверь наконец отворится и кто-нибудь придёт сюда, решил Нед, он настоит на телефонном звонке отцу. Полицейские ведь не знают, что имеют дело с сыном члена кабинета министров. Сэр Чарльз был человеком мягким, неизменно вежливым, однако во время войны он командовал бригадой, а после шесть лет руководил небольшой, но все-таки частью Империи. В Судане ему приходилось выносить смертные приговоры и присутствовать при их исполнении. Занимая пост министра по делам Северной Ирландии, он увеличил срок интернирования без суда и санкционировал применение разного рода крайних мер. «Сильная инфекция требует сильнодействующих средств», – сказал он однажды Неду, не вдаваясь, впрочем, в подробности. С таким человеком шутки плохи. Неду стало почти жалко полицейских. Нет, он, конечно, заверит отца, что обходились с ним хорошо и обиды он ни на кого не держит.

И вот дверь комнаты для допросов наконец-то отворилась.

– Привет, сынок.

– Здравствуйте, сэр.

– Я сержант уголовной полиции Флойд.

36. Магазин в Лондоне, торгующий товарами шотландского производства

37. Один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона

– Если вы не против, я хотел бы позвонить...

– Сигарету?

Флойд подтянул стул, уронил на стол пачку «Бенсон энд Хеджес», зажигалку и сел напротив Неда.

– Нет, спасибо. Я не курю.

– Не куришь? – Нет.

– Пол-унции травы в кармане – и ты не куришь?

– Простите?

– Поздновато для «простите», ты не находишь? Таскать наркоту для собственного удовольствия – это одно, а вот толкать иностранным студентам... Судье это не понравится.

– Я не понимаю.

– Ну конечно, не понимаешь. Сколько тебе лет?

– Семнадцать с половиной.

– Семнадцать с половиной? С целой половиной?

Стоявший у двери полицейский присоединился к веселью.

– Ну да... – сказал Нед, чувствуя, как в глазах копятся слезы. Что уж он такого особенного сказал? Ведь это правда.

Флойд посерьёзnel, закусил губу.

– Ладно, забудем о наркотиках. Скажи-ка мне, что для тебя означают слова «внутри, внутри, внутри»?

Нед беспомощно смотрел на него:

– Простите?

– Не такой уж и трудный вопрос. «Внутри, внутри, внутри». Объясни, что это такое.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. – Неду казалось, что он тонет. – Прошу вас, я хочу позвонить отцу.

– Хорошо, начнём с начала. Имя?

– Так, все замолчали, вот и умницы.

Нед и сержант обернулись, как один человек.

В дверях стоял, ласково улыбаясь, одетый со скромным изяществом мужчина лет двадцати с небольшим.

– А вы, черт возьми, кто такой? – разгневанно осведомился Флойд.

– На пару слов, сержант, – сказал, поманив его пальцем, молодой человек.

Флойд открыл рот, намереваясь что-то сказать, но нечто в ласковом выражении лица молодого человека заставило его передумать.

Дверь снова закрылась. Нед слышал, как в коридоре сержант Флойд воскликнул с почти неуправляемым гневом:

– При всем моем уважении, сэр, я не вижу необходимости...

– При всем моем уважении, Флойд, таков порядок. Уважение. Вот что нам действительно нужно. Так, а это я, с вашего разрешения, заберу. Бумаги получите позже.

Ещё раз открылась дверь, молодой человек заглянул в неё и сказал:

– Вы не могли бы пройти со мной, старина?

Нед вскочил и последовал за ним по коридору, мимо разгневанного сержанта Флойда.

– Можно я позвоню? – спросил Нед.

– Какая глупость с их стороны, – словно не слыша вопроса, сказал молодой человек, – раздеть вас почти догола. А, вот и мистер

Гейн.

Он указал на широкоплечего мужчину в хлопчатобумажной куртке, прислонившегося к пожарной двери в конце коридора. В руках мужчина держал кипу аккуратно сложенной одежды, поверх неё лежали подошвами вверх туфли.

– Это мои вещи! – сказал Нед.

– Верно. Только, боюсь, сейчас у нас нет времени на туалет. всё улажено, мистер Гейн?

Широкоплечий кивнул и толкнул решетчатую дверь. Молодой человек спустился вместе с Недом по нескольким ступенькам во двор и повёл его к стоящему в углу, на самом солнцепёке, зелёному «роверу».

– Давайте забирайтесь на заднее сиденье. Мы с вами устроимся там, а мистер Гейн пусть ведёт машину, хорошо?

Нед поморщился, когда его голые ляжки коснулись обшивки сиденья.

– Немного жжётся? Сожалею, – весело произнёс молодой человек. – Надо нам было оставить машину в тени, а, мистер Гейн? Ну да ладно, замки на автоматику, мистер Гейн. Нечего нам тут мешкать.

– Куда мы едем? – спросил Нед, накрываясь одеялом, чтобы защитить и ноги, и собственное достоинство.

– Моя фамилия Дельфт, – услышал он в ответ. – Как у производителя этой кошмарной бело-голубой плитки. Оливер Дельфт, – он протянул Неду руку. – А вы?..

– Эдвард Маддстоун.

– Эдвард? Вас и дома называют Эдвардом? Или как-то по-другому – Эд, Эдди, Тед или Тедди?

– Обычно – Недом.

– Нед. Совсем неплохо. Тогда и я буду звать вас Недом, а вы зовите меня Оливером.

– Так куда же мы едем?

– Ну, нам ведь нужно многое обсудить, не так ли? Вот я и подумал, что лучше выбрать для этого приятное, тихое место.

– Да, но понимаете, моя девушка... она не знает, где я. И отец...

– Боюсь, дорога нам предстоит дальняя. Я бы на вашем месте подремал немного. Определённо подремал бы, – посоветовал Дельфт, откидываясь на спинку сиденья.

– Она будет волноваться...

Однако Дельфт, похоже мгновенно заснувший, ничего не ответил.

После ночной вахты на «Сиротке», а затем и хлопотливого дня Нед так и не смог уснуть в тряском поезде Глазго – Лондон. На следующий день, то есть сегодня – неужели вправду сегодня? – ему пришлось ехать в аэропорт, а оттуда назад на Кэтрин-стрит. Там-то он провёл некоторое время в постели, однако поспать не поспал. Порция подремала немного, но Нед был слишком счастлив, чтобы заснуть.

И вот теперь, несмотря на странность происходящего, на Неда напала зевота. Последним, что он увидел, прежде чем заснуть, было зеркальце заднего обзора и следящие за ним холодные глаза мистера Гейна.

– Вам придётся простить мне столь топорное обхождение с яйцами, – сказал Оливер Дельфт. – Я начал мою карьеру с омлета аих fines herbes ³⁸, но теперь, боюсь, скатился к присыпанной зеленью болтунье. Зато не подгорает! Это, если хотите знать, самое точное её

38. Со специями (фр).

описание. – Улыбаясь, он пододвинул тарелку к Неду.

– Спасибо. – Нед принялся уплетать яичницу, сам удивляясь тому, насколько он голоден. – Очень вкусно.

– Польщён. Пока вы едите, давайте поговорим.

– Это ваш дом?

– Это дом, в который я иногда наезжаю, – сказал Дельфт. Он стоял со стаканом вина в руке, прислонясь к кухонной плите «Ага».

– Вы полицейский?

– Полицейский? Нет-нет. Боюсь, ничего столь волнующего. Всего лишь скромный труженик из низших эшелонов правительства.

Работа у меня скучная. Мы здесь для того, чтобы внести полную ясность в один-два вопроса.

– Если вы о наркотиках, которые нашла у меня полиция, то, клянусь, я ничего о них не знаю.

Дельфт снова улыбнулся. Улыбка давалась ему с трудом. Он смертельно скучал, да и необходимость находиться здесь вызывала у него раздражение. От долгого приятного уик-энда, который он предвкушал, остались рожки да ножки.

Пять минут... пять проклятых минут – вот что встряло между Оливером и свободой. Он уже запер стол, уже расписался в журнале прихода и ухода, когда в комнату влетела Морин, взволнованно лепеча что-то о срочной депеше из полицейского управления в Уэст-Энде.

– А разве Степлтон не пришёл? Мне уже пора сдавать смену.

– Нет, мистер Дельфт. Капитан Степлтон ещё не появился. Кроме вас, здесь никого.

– Вот сволочь, – от всей души выругался Оливер. – Ну ладно, дайте взглянуть.

Он взял у Морин бумажную лету и внимательно прочитал все, что было на ней напечатано.

– Так. Кто из костоломов у нас нынче дежурит?

– Мистер Гейн, сэр.

– Пусть греет двигатель. Буду через три минуты.

Хоть тут повезло. Мистер Гейн был из числа подчинённых Оливера, он, по крайности, не станет осложнять жизнь, попусту хорохорясь и наступая на чувствительные мозоли.

Кого Оливер совсем уж не ожидал обнаружить в полицейском участке на Савил-роу, так это испуганного школьника. всё происшедшее выглядело полной нелепицей. Явная ошибка, сказал он себе, едва увидев жалкое, недоумевающее лицо всклоченного юнца, подёргивавшего – вверх-вниз – коленом под столом комнаты для допросов. Дельфту и самому-то было всего двадцать шесть, но он успел повидать достаточно, чтобы сразу понять: Нед Маддстоун невинен, как новорождённый цыплёнок. Новорождённый почтовый голубь, подумал он. Хорошее выражение, надо будет использовать его в отчёте. Начальство Оливера было достаточно старомодным, чтобы получать удовольствие от ловко ввёрнутого словца.

Теперь он смотрел через стол на этого ребёнка.

Нед сидел за кухонным столом, всё ещё подёргивая упирающейся пальцами в пол ногой, всё ещё храня умоляющее выражение на невинном лице.

– Честное слово, – говорил он. – Готов поклясться на чем угодно. Хоть на Священном Писании!

– Успокойся, – сказал Оливер. – Не думаю, что нам понадобится Писание. Да в этом доме греха оно навряд ли сыщется, – прибавил он, оглядывая кухню с таким видом, словно та находилась не в английском загородном доме, а в луизианском борделе. – Можешь, если тебе это доставит удовольствие, поклясться на «Иллюстрированной кулинарии» Маргариты Паттен, однако особой необходимости я в этом не вижу.

– Так вы мне верите?

– Разумеется, верю, дурачок. всё это какая-то идиотская ошибка. Однако, раз уж мы здесь, почему бы тебе не объяснить, что означают слова «внутри, внутри, внутри».

– Да не знаю я! – воскликнул Нед. – Вот и полицейский спрашивал о том же, а я этих слов никогда и не слышал. Нет, слово «внутри» я, конечно, слышал и раньше, но...

– Ну вот, в этом мы и попытаемся разобраться, – сказал Оливер. – И как только всё выяснится, ты вернёшься к своей жизни, а я к своей, чего нам обоим и хочется.

Нед с силой покивал:

– Абсолютно! Но...

– И отлично. Теперь давай-ка взглянем на это, ладно?

Оливер подошёл к столу и положил на него листок бумаги.

Нед озадаченно уставился на листок. На нём был отпечатан список имён и адресов. Нед сразу узнал имена министра внутренних дел, лорда-канцлера и министра обороны; за ними шли другие, тоже смутно знакомые. Внизу листка были заглавными буквами написаны от руки слова:

ВНУТРИ ВНУТРИ ВНУТРИ

– Что это значит? – спросил он.

– Листок принадлежит тебе, – ответил Оливер. – Так что ты мне и скажи.

– Мне? Я его никогда раньше не видел.

– Тогда что он подделывал во внутреннем кармане твоей куртки?

– В карма... Ох! – В голове Неда забрезжила догадка. – А он... он лежал в конверте?

– Именно в конверте! – подтвердил Оливер. – Ты совершенно прав! Вот в этом!

В руках Оливера оказался белый конверт, который в полиции, к его неудовольствию, не долго думая разодрали. Оливер сразу заметил за клапаном конверта маленький волосок – меру предосторожности, позволяющую получателю, в случае, если кто-нибудь сунет нос внутрь, сразу это заметить. Можно, конечно, найти точно такой же конверт и пустить письмо в дело, но неизвестно ведь, какие ещё хитрости этого рода сдуру уничтожили полицейские. Собственно, они и не виноваты, признал Оливер. Они проводили рутинный обыск, полагая, что имеют дело всего-навсего с запасом наркотиков, который таскает с собой дрянной мальчишка.

– А почему это так важно? – спросил Нед. – И что это значит?

– Ну-с, поскольку ты признал, что листок твой, думаю, ты и должен ответить на эти вопросы.

Нед неловко поёрзал на стуле.

– Но, понимаете, я... мне его дали.

– Н-да. Боюсь, мне нужны кое-какие подробности.

– Один мужчина.

– Ну что же, это исключает из рассмотрения миллиарда два людей или около того, однако нам этого маловато, не так ли? Хорошо бы ещё немного сузить зону наших поисков.

– Он умер.

– После чего вручил тебе конверт.

– Нет, он умер только вчера.

– Сделай мне одолжение, Нед, перестань нести чушь. Кто он и как получилось, что он отдал тебе конверт?

«Поклянись этой святой для тебя вещью».

Нед едва не расплакался от огорчения. Ему отчаянно хотелось быть честным. Хотелось порадовать этого милого человека, но ведь слово нужно держать. Нарушив священную клятву, не навлечёт ли он на себя ужасные беды?

«Что для тебя дороже всего на свете?»

Какого поступка ждала бы от него Порция?

– А это очень важно, чтобы я вам рассказал? Настолько, чтобы заставить меня нарушить торжественную клятву?

– Послушай меня, юный скаут, – сказал Оливер. – Я тебе кое-что объясню. Тебе этого знать не следует, но я уверен, лишнего болтать ты не станешь. Вина хочешь?

– А молока у вас нет?

– Молока? Сейчас посмотрю. – Оливер склонился над холодильником и заглянул внутрь с такой подозрительностью, будто это был первый холодильник, увиденный им в жизни. – Молоко, молоко, молоко... а, вот оно. Так вот, Нед, – продолжал он, – моя работа требует, среди прочего, чтобы я постарался остановить людей, которые взрывают в нашей стране бомбы. Боюсь, есть только пастеризованное. Да ещё и обезжиренное. Подойдёт?

– Вполне. Большое спасибо.

– Сам я его на дух не переношу. Сразу начинаю сопливиться. Взрывы бомб, Нед, устраивают, как ты, наверное, читал в газетах, разного рода мерзавцы. Они закладывают их в пивных, в клубах, в офисах, на вокзалах и в магазинах, убивая и калеча простых людей, которые ни на кого зла не держат – разве что на управляющих их банков, начальников и супругов. Да пей ты прямо из пакета, дружок. Так вот, некоторые из этих бомбистов с удовольствием звонят в полицию или в редакцию какой-нибудь газеты, дабы объявить о своих достижениях, – коли слово «достижения» тут уместно. Или же, если в них ещё осталось хоть что-то человеческое и они хотят только разрушить здание, предупреждают полицию о том, что следует убрать с места взрыва людей. Пока понятно?

Нед кивнул, ладонью стирая с лица белые усы.

– Хорошо. Но для того, чтобы помешать первому попавшемуся старому придурку позвонить и оставить ложное предупреждение или просто взять всё на себя шулки ради, между нами, правительством, и ними, *bona fide*³⁹ террористами, заключено более или менее работающее соглашение. Звоня в полицию или в газету, заложивший бомбу человек произносит кодовую фразу, доказывающую, что он действительно самый что ни на есть террорист. Ты за мной успеваешь?

– Да.

– Отлично. Так вот, самая последняя кодовая фраза, которой временная Ирландская республиканская армия пользуется, предупреждая о заложенной бомбе, – и фраза эта установлена всего несколько дней назад – состоит из трижды повторенного слова «внутри».

– Но...

– Так что теперь ты, возможно, понимаешь, почему сержант уголовной полиции Флойд, да хранит его Бог, малость разволновался, обнаружив этот листок в кармане твоей куртки. И вероятно, ты сможешь понять, почему он позвонил в мою контору и почему я прошу тебя рассказать мне, как листок оказался у тебя. Тот, кто тебе его дал, был террористом ИРА, Нед. То есть человеком самого дурного толка. Из

39. Честными (лат)

тех, чьи представления о политическом протесте сводятся к отрыванию рук и ног у маленьких детей. Так что какую бы клятву он с тебя ни взял она решительно ничего не значит. Поэтому назови мне его имя.

– Падди Леклер, – сказал Нед. – Его звали Падди Леклер. Он был инструктором по парусному спорту. Мы шли по морю, и ему вдруг стало очень плохо. Он дал мне конверт перед самой смертью.

– Ну вот, видишь. Ты и назвал его, – сказал Оливер, похлопав Неда по спине. – Не так уж было и трудно, правда?

– Я не... Я и понятия ни о чем не имел. Понимаете, он же работал в школе, ну и так далее. Если бы я хоть на минуту...

– Конечно, малыш, конечно.

– Вы думаете, это как-то связано с моим отцом?

– Твоим отцом? С какой стати... а, так ты, выходит, из этих Маддстоунов? Родственник сэра Чарльза? Он кем же тебе приходится, дедом?

– Отцом, – словно оправдываясь, ответил Нед. – Я... я поздний ребёнок.

– Во второй мой год в Сент-Марке я жил во Дворе Маддстоуна, – сказал Оливер. – И из окна моей комнаты открывался прекрасный вид на огромную каменную статую Джона Маддстоуна, основателя колледжа. Ты на него совсем не похож. Знаешь, в «восьмую неделю»⁴⁰ мы его красили в синюю краску. Так, так. Да, думаю, твой друг Падди Леклер здорово веселился, отдавая тебе это письмо. Такого рода фокусы очень нравятся типам вроде него.

– Он не был моим другом, – вспыхнул Нед. – Просто школьным инструктором.

– Извини.

Нед снова взглянул на листок:

– Выходит, это люди, которых ИРА собирается убить?

– На первый взгляд выглядит именно так, – согласился Оливер. – Однако выглядеть и быть – не всегда одно и то же.

Нед ещё раз прошёлся по списку имён.

– Не понимаю, что ещё это может значить, – сказал он. – Тут одни политики, генералы и так далее, верно?

– Ну, может быть, нам хотят внушить, что эти люди намечены в жертвы. Возможно, твой друг Леклер был уверен, что ты из любопытства вскроешь письмо, заподозришь неладное и покажешь его отцу. Не исключено, что вся идея сводится к тому, чтобы мы засуетились, потратили попусту уйму времени и сил на охрану этих людей, между тем как настоящая жертва – кто-то совсем другой. А может быть, конверт был заражён каким-нибудь смертоносным вирусом и весь план сводился к тому, что ты заразишь отца, а он, в свой черед, – весь кабинет министров. Не исключено, что Леклер оттого-то и умер – по причине неосторожного обращения с микробами.

– О господи! Но...

– Много есть всяких «может быть». Может быть, они подбросили тебе марихуану и стукнули в полицию, чтобы выманить меня и проследить до этого дома. Может быть, они сейчас сидят неподалёку в фургоне, нацелив миномёт на эту самую комнату. Таких возможностей тысячи и тысячи. Кто знает? Всякого рода «может быть» столько же, сколько секунд в столетии. Но одно могу тебе сказать наверняка, – продолжал Оливер, усаживаясь напротив Неда. – Мы так ничего и не узнаем, пока ты не расскажешь мне всё от начала и до конца. Надеюсь, ты с этим согласен?

– Конечно. Абсолютно.

40. Неделя празднования окончания учебного года в Оксфорде

– Хорошо. Я был с тобой совершенно откровенен, отплати мне тем же. Расскажи все, что знаешь, и ты даже глазом моргнуть не успеешь, как мистер Гейн отвезёт нас обратно в Лондон. Обещаю, ты вернёшься домой, в лоно семьи, ещё до десятичасовых «Новостей». Полагаю, против магнитофона ты возражать не станешь?

– Нет, – сказал Нед. – Нисколько.

– Превосходно. Посиди здесь, попей молочка. Я мигом.

Ур-ра! Мысли Оливера, пока он переходил в гостиную, летели впереди него. Если быстро вернуться на службу, набросать предварительный отчёт и оставить Степлтона звонить в Службу безопасности, к полуночи можно будет удрать за город. Возможно, ему все-таки удастся спасти этот уик-энд.

– Как вы здесь, Гейн? Где «Ревокс»?

– В буфете под полкой, сэр. Сейчас принесу. Оливер взял со стола кроссворд из «Ивнинг стандард»⁴¹, над которым трудился могучий интеллект мистера Гейна.

– Вот в чем ваша ошибка. Макака.

– Сэр?

– Шесть по горизонтали, «примат». Вы написали «собака», а следовало «макака».

– А-а.

– Кстати, почему «собака»?

– Ну, мистер Дельфт, сэр, – сказал Гейн, вручая Оливеру магнитофон, – знаете – устал как собака, устал как макака.

– Да, действительно. – Оливер в который раз подивился причудливости мыслительных процессов мистера Гейна. – Ладно, всё займёт не больше часа. Будьте героем, заправьте «ровер», хорошо? В гараже должны быть канистры.

– Уже сделано, сэр.

– Умница. Да, и ещё, Гейн... – Сэр?

– Вы уверены, что за нами не было хвоста?

– Сэр! – В голосе мистера Гейна слышалась обида.

– Да я, собственно, так и не думал. Просто хотел убедиться.

– Итак. Начнём с самого начала. Когда ты познакомился с Падди Леклером?

Вопросы шли и шли, один за другим. Нед говорил уже больше часа, а до последней ночи на борту «Сиротки» они всё ещё не добрались. Оливер хотел выяснить все подробности не только каждого из прежних плаваний, но и каждого происходившего во время учебного года собрания парусного клуба.

– Ты хорошо справляешься, Нед, очень хорошо. Теперь уже не долго осталось. Так, на чем мы остановились? Ах да. Ирландия. Джайентс-Козуэй. Ты отсутствовал два часа, бродил по скалам, пока все остальные играли на пляже. Точно два часа?

– Может быть, и полтора. Два – это самое большее.

– А когда ты вернулся, он был один?

– Я определённо никого с ним не видел.

– Потом вы пошли в Обан и плыли всю ночь? В какое время вышли?

41. Ежедневная вечерняя газета консервативного направления

– Восемь тридцать пять. Я сам занёс время в вахтенный журнал. Я же говорил.

– Я просто проверяю. Просто проверяю. Теперь опиши мне обстановку. Луна сегодня совсем молоденькая, так? Вон она, в окне. Стало быть, две ночи назад было очень темно. Вы шли морем, не удаляясь от пустынного берега. Темень, я полагаю, наступила такая, что хоть глаз выколи, но от силы на час с небольшим, в это-то время года. Я прав?

Вопросы продолжались. Оливер, естественно, был дотошен – так его учили, однако на сей раз он старался выяснить всё до точки ещё и потому, что не хотел вторично встречаться с Недом, упустив сегодня какую-то подробность. Работы в предстоящие недели будет предостаточно, придётся допросить директора школы, других членов этого чёртова парусного клуба, свидетелей в Обане, Тобермори, Голландии, ещё в дюжине мест.

– ...Я сразу понял, что он серьёзно болен... послал Кейда за бутылкой виски... нет, «Джеймсонс»... похоже, его это развеселило... заставил меня поклясться... самым святым для меня...

Оливер допил остатки вина.

– Прекрасно, прекрасно. А откуда взялся конверт?

– Ну, наверное, купил где-нибудь. В магазине. Он об этом ничего не сказал.

– Нет-нет. Откуда Падди достал его? Из кармана? Из сейфа? Откуда?

– А, понял. Из небольшой такой сумки. Она лежала на штурманском столе.

– Какого цвета?

– Красного. Красный нейлон.

– Имя производителя на ней значилось? «Адидас», «Файла», что-нибудь?

– Н-нет... почти уверен, что нет.

– Ладно, ладно. Твой приятель Руфус Кейд ничего услышать не мог, так?

– Да, определённо.

– Ты уверен? Оттуда, где ты находился, был виден люк?

– Нет, но Падди его видел, и, если бы Руфус вернулся, он заметил бы.

– Неплохо. Пойдём дальше.

– Ну, тут он попросил меня доставить письмо.

– На конверте ничего не написано. Или он воспользовался симпатическими чернилами?

– Нет. – Это предположение вызвало у Неда улыбку. – Он заставил меня запомнить адрес.

– А именно?..

– Лондон, ЮЗ-1, Херон-сквер, тринадцать, Филип А. Блэкроу.

Оливер Дельфт дёрнулся, точно от удара током. Каждый нерв его затрепетал. Сердце вдруг скакнуло куда-то, в глазах на миг потемнело.

Нед встревоженно глядел на него:

– Вам плохо?

– Просто свело ногу. Судорога. Ничего серьёзного.

Оливер встал, выключил магнитофон и отошёл от стола, налегая на правую ногу словно бы в стараниях размять сведённую судорогой мышцу. Теперь самое главное – оставаться спокойным, совершенно спокойным, не терять самообладания.

– М-м, послушай, – сказал он, – я отойду на минуту. Подожди меня здесь, хорошо? Сделай себе бутерброд или ещё что. В

холодильнике осталось молоко. Мне нужно кое-что сделать. Позвонить. Найти для тебя какую-нибудь одежду. Ну и так далее. Ты не против?

Нед радостно закивал.

Мистер Гейн продолжал борьбу с кроссвордом.

– всё в порядке, мистер Дельфт, сэр?

– Скользящий нам попался стервец, – вздохнул Оливер. – Придётся использовать Д-16. Я поднимусь наверх, подготовлю все. Ошва богу, до Лондона всего полчаса езды.

Брови мистера Гейна взлетели вверх.

– Д-16? Вы уверены, сэр?

– Разумеется. Ещё бы я не был уверен. Это террорист, Гейн. Из самых крайних. Вызовите пару ваших людей, чем тупее и жёстче, тем лучше. Когда они доберутся сюда, воспользуются их машиной. Ваша понадобится мне. Встретимся завтра в Д-16, я привезу все документы. Давайте, давайте, звоните. Только убедитесь сначала, что телефон чист. Да идите же! Какого хрена вы ждёте?

Гейн рванул к двери, он был испуган – впервые за четыре года он видел своего начальника хотя бы частично, но утратившим власть над собой.

Оливер стоял посреди комнаты, мысли в его голове обгоняли одна другую.

Невероятно, невероятно! Имя и адрес, ясно и громко произнесённые прямо в микрофон, – ладно, первым делом стереть запись. Да нет, не стереть. Нужно же что-то и Лондону скормить. Деша из управления в Уэст-Энде занесена в журнал, о ней знает Морин, а есть ещё этот сержант из уголовки.

Боже ты мой, мальчишка-то сын члена кабинета министров! Если он где-то намажет, ему это дорого обойдётся.

Оливер заставил себя мысленно отступить назад, сосредоточиться. С сержантом и производившими арест полицейскими справиться будет несложно. Уже к полуночи они подпишут «Акт о неразглашении» и поклянутся вечно хранить молчание, об этом он позаботится лично. К тому же имени Неда Маддстоуна в полиции не знают. Оливер вошёл в допросную как раз в тот момент, когда Флойд спросил у Неда, как того звать.

Теперь уж о долгом уик-энде нечего и мечтать, это ясно. И о коротком тоже. Помимо всего прочего, надо что-то придумать с записью. Ему, разумеется, нужна лента с записанными на ней именем и адресом, но только не с этим адресом и не с именем Филип А. Блэкроу.

Конечно, услышать это имя было для него жутким потрясением, с другой стороны, думал Оливер, можно считать, что он получил от Бога подарок. Приди деша на пять минут позже, она попала бы не к нему, а к Степлтону. И если бы Степлтон услышал фамилию Блэкроу...

Нет, в конечном счёте Господь более чем милостив. Мальчишку взяли на улице. Никто ничего не знает. Никто ничего не знает. И этот простенький факт даёт ему почти неограниченную власть над обстоятельствами. Теперь от него требуется только одно – точная работа.

Первое побуждение, охватившее Оливера едва ли не до того, как Нед договорил имя и адрес, состояло в том, чтобы немедленно его ликвидировать, однако теперь он отбросил все мысли об этом. В его мире, что бы там ни твердили газетчики и сочинители детективных романов, убийство всегда оставалось крайней мерой – и до того уж крайней, что её почти и не принимали в расчёт. Не из соображений какой-то там совести, просто всегда существовал иной выбор. Враг может в один прекрасный день обратиться в друга, друг – во врага, ложь может стать правдой, правду могут признать ложью, покойника же никогда и никакими средствами оживить не удастся. Гибкость – вот что важнее всего.

И кроме того, смерть имеет свойство развязывать языки. Мёртвые, естественно, помалкивают, зато живые говорят как заведённые, а

Оливеру, если он хочет выбраться из этого пикового положения невредимым, как раз живые-то и понадобятся. Он не сомневался, что может целиком положиться на Гейна, однако следует видеть и дальнейшую перспективу. Оливер мог представить себе далеко не один угрожающий поворот событий, а наберётся немало и таких, он это понимал, которые ему и в голову никогда не придут, жизнь есть жизнь. Всегда ведь существует опасность, что в Гейне ни с того ни с сего пробудится совесть или он вдруг уверует в Бога, преисполнится раскаяния и пожелает очистить душу признанием. Да если на то пошло, и старомодный, обременённый сознанием собственной вины либерализм штука тоже опасная. В конце концов, Гейн может попросту пристраститься к бутылке, а это грозит неосторожностью в речах, если не шантажом. Оливеру случалось видеть его пьяным – причём в стельку, – да, голова у этого малого столь же крепка, как всё остальное, однако кто знает, во что он обратится лет через десять, двадцать или тридцать? Ничто не вечно, всё изменчиво, а потому смерть, с её вечностью и неотменностью, может оказаться самым рискованным выбором. Парадоксально, но верно.

Оливер принадлежал к разряду людей, решительно неспособных понять, почему все так носятся с «Гамлетом». Для него мысль и действие составляли единое целое. Он ещё поднимался наверх, чтобы поискать в шкафу одежду, а превосходный план уже сложился в его голове до последних деталей.

Гордон вернулся домой в самый разгар бурной ссоры Порции с родителями.

– Он не такой, как все! – кричала она на Хиллари. – Не смей так говорить!

– Скорее всего, встретил каких-то друзей, направлявшихся в «Харродз», и думать про тебя забыл, – предположил Питер. – Он из людей этого типа. Никакого чувства долга. Посмотри, как они ведут себя в Палестине. Взгляни на Ирландию. Напрочь лишённый подбородка болван, если хочешь знать моё мнение.

– Палестина? Ирландия? При чем тут вообще Палестина?

– Ну-ну-ну, – пробормотал Гордон бросившейся ему на грудь Порции. – Остынь, Пит. Ты же видишь, она расстроена. Что случилось, Порш? Поссорилась с Недом?

– Конечно, нет, – всхлипнула она. – Ах, Гордон, он пропал!

– Пропал? Что значит пропал?

– То и значит. Исчез. Я... я пошла договариваться насчёт работы. Он должен был ждать меня на улице, а его там не оказалось. И в отцовский дом на Кэтрин-стрит он тоже не вернулся. Я несколько часов пробродила около дома, он так и не появился. Тогда я подумала, что он, может быть, позвонил сюда, прилетела домой, но и здесь от него никаких известий не было, ничего. И вообще, – она повернулась к Питеру, – что значит «лишённый подбородка»? У Неда замечательный подбородок. Больше того, Неду не приходится, как некоторым, прятать его под чахлой, травленной молью бородёнкой.

– Ну, насчёт этого мы ничего наверняка сказать не можем, – откликнулся Питер, размахисто складывая номер «Морнинг стар». – Давай подождём, пока он повзрослеет достаточно, чтобы обзавестись бородой, идёт?

– Совершенно недопустимый тон, – фыркнула Хиллари. – В сущности говоря, это род эмоционального изнасилования. Вот именно. В самом простом и чистом виде. Изнасилования.

Порция, повернувшись к матери, зарычала.

– Ладно, ладно. – Гордон умиротворяюще положил руку на плечо Порции и повернул её лицом к себе. – Давайте на этом и остановимся. Ты туда ещё не звонила?

– Звонила? Куда?

– Домой к Неду. Вернее, к его отцу. На... Кэтрин-стрит, так, по-моему?

– Конечно, звонила. Как только пришла сюда.

– К телефону кто-нибудь подошёл?

– Он просто трезвонил и трезвонил, – ответила Порция, бросаясь к телефонному аппарату. – Сейчас попробую ещё раз.

– Выглядит, в общем-то, странновато.

– А то я не понимаю! Это я и пыталась втолковать им обоим, так они же не слушают!

– А с отцом Неда ты связаться не пробовала?

– Я не знаю номера. Он на какой-то встрече с избирателями.

– Ну да, скорее всего гоняется где-нибудь за несчастной лисой.

– На дворе июль, Пит! – заорала Порция. – В июле на лис не охотятся!

– Ах, прошу прощения, ваше высочество. Сожалею о моем ужасном невежестве по части всяких тонкостей светского календаря. Боюсь, я расходую слишком много времени на всякую ерунду вроде истории и социальной справедливости. На вещи же воистину важные, к примеру на то, как высшие классы организуют свой год, у меня его вечно не хватает. Придётся как-нибудь заняться этим всерьёз.

Большей части этой прекрасной речи Порция не услышала, потому что одно ухо заткнула пальцем, а к другому плотно прижала телефонную трубку.

– Не отвечает, – сказала она, – его там нет.

– Или просто трубку не берет... – вставила Хиллари.

Гордона так и подмывало включить телевизор, узнать, не попало ли уже что-нибудь в новостные программы, однако он понимал, что должен сейчас вести себя как самый что ни на есть нежный, участливый брат. Для Порции это суровое испытание, а публичный скандал, который наверняка вот-вот разразится, будет способствовать всё большему и большему их сближению. Нужно разыгрывать свои козыри умело и ни в коем случае не спешить.

– Слушай, может, мне туда смотаться? – предложил он. – На Кэтрин-стрит. А ты оставайся у телефона, вдруг он позвонит.

– Ах, Гордон, а тебе не трудно?

– Да нет, конечно.

– А вдруг он позвонит после твоего ухода? Как я тебе сообщу?

– Ну, найду телефон-автомат и буду связываться с тобой каждый час.

– Только вернись до полуночи, – крикнула ему вслед Хиллари. – Если он не объявится, утром решишь, что делать дальше. Я не хочу, чтобы ты ночь напролёт слонялся по улицам.

– Конечно, конечно. Непременно вернусь, – пообещал Гордон.

Он выкатил из гаража свой велосипед и поехал в Хайгейт, к дому, принадлежащему родителям Руфуса Кейда, предвкушая приятный вечерок с травкой и весельем под выпуск «Новостей».

Нед устал, но чувствовал странный подъем. Приятно говорить с человеком, который впитывает каждое твоё слово. Как только он решил рассказать Оливеру обо всем, старания извлечь из памяти всё до последней мелочи стали доставлять ему удовольствие. Он даже начал гордиться точностью и доскональностью своих воспоминаний.

А какая получилась история! Ему не терпелось пересказать её Порции, если, конечно, Оливер разрешит это сделать. Отцу-то он непременно расскажет. И может быть, Руфусу, он же был на яхте той ночью. Оливер, скорее всего, так или иначе будет расспрашивать Руфуса, да и всех остальных членов парусного клуба. Какой скандал ожидает школу!

Вот только марихуана в кармане так и оставалась полной загадкой. Вероятно, думал Нед, кто-то из испанских студентов, с которыми он заговорил у дверей колледжа, увидел за его спиной приближающихся полицейских и, чтобы спасти свою шкуру, сунул травку ему в карман.

Оливер вернулся с полиэтиленовым пакетом – из тех, что выдают в супермаркетах.

– Детали, детали, – произнёс он. – Моей конторе, с прискорбием должен признать, без деталей и жизнь не в жизнь. Ну вот, через пару секунд можешь всё это надеть. Твою одежду, увы, залило в багажнике маслом.

Нед взял пакет, заглянул внутрь. Пара дашгопских теннисных туфель, серые брюки, свитер и твидовая куртка.

– Превосходно! – сказал он. – Большое спасибо. Оливер опять включил магнитофон.

– Забудь. Стало быть, так. Ты вроде бы говорил, что у тебя есть девушка.

– Да, Порция. Но она ничего не знает. Вообще-то, я хотел бы ей позвонить.

– Всему своё время. А скажи-ка, чем занимается её отец?

– Ну, он читает историю в Политехническом институте Северо-Восточного Лондона.

Оливер готов был сам себя обнять на радостях. О таком он и мечтать-то не мог. Преподаватель истории! Да ещё и в Политехе, подумать только...

– Понятно, – кивнул он. – И просто для отчёта, не можешь ли ты назвать мне его полное имя и адрес?

– М-м, Питер Фендеман, Плау-лейн, четырнадцать, нет, простите, сорок один, Хэмпстед, Лондон, С33. Но зачем?..

– Сделай одолжение, повтори ещё раз, ладно? Просто имя и адрес.

– Питер Фендеман, Плау-лейн, сорок один, Хэмпстед, Лондон, С33.

– Отлично.

Ещё и еврей, судя по фамилии. О, дивный день! Когда всё вот так встаёт по местам, сказал себе Оливер, нос задирать особенно нечего. Это Божьих рук дело.

– Нед, ты был великолепен! Я и выразить не могу, до чего мне жаль, что мы вынуждены были приволочь тебя сюда и заставить терпеть всё эти глупости. Послушай, мне придётся сейчас нестись во весь дух в другую сторону, нужно кое-что выяснить в Шотландии, так что я откланиваюсь. В дальнейшем о тебе позаботится мистер Гейн.

Нед с жаром потряс протянутую Оливером руку.

– Спасибо, мистер Дельфт. Большое вам спасибо.

– Просто Оливер. И спасибо тебе, Нед. Знаешь, ты сегодня сделал большое дело. Ещё будешь гордиться собой.

– А как же наркотики?

– Наркотики? Какие наркотики? – Оливер снял с магнитофона бобину с лентой. – всё уже забыто Нед. И даже лучше, чем забыто, – ничего этого не было. Полиция тебя не забирала, она о тебе и не слышала никогда. Имени твоего там не знают, не знают даже, как ты выглядишь. Это я тебе обещаю – завтра утром все документы насчёт твоего ареста исчезнут навсегда.

«И если в ты знал, сколько во всем этом правды. Чудесной, восхитительной правды!»

– Ничего себе! – Нед улыбнулся, чувствуя, как его омывает волна облегчения. – Если бы это попало в газеты, отец был бы... ну, уничтожен.

Оливер взглянул на часы:

– Боюсь, тебе придётся ещё немного побыть здесь. Машина у нас одна, я вынужден забрать её. Но мы уже вызвали другую, скоро приедет. Я бы на твоём месте оделся. Приятной тебе поездки домой. Если что-то понадобится, просто обратись к мистеру Гейну.

Свитер пришёлся впору. Ничего не скажешь. От него пахло гнилым луком, но размер был именно тот, что надо. Куртка и теннисные туфли оказались слишком тесны, а брюки, похоже, шили на человека в пять футов ростом и с талией в сорок восемь дюймов. О брючном ремне Оливер не подумал, пришлось Неду обшарить кухню в поисках какой-нибудь бечёвки. Он отыскал её в одном из ящиков и пять раз обмотал вокруг поясицы. И как раз потянулся за ножом, чтобы обрезать лишнее, когда услышал, как отворяется дверь.

– А, здравствуйте, мистер Гейн, – сказал он, радостно оборачиваясь. – Вы не могли бы...

Гейн сделал шаг вперёд. Прежде чем Нед понял, что происходит, его правая рука оказалась заломленной за спину, да так высоко, что кость выдрало из суставной сумки. Хруст и внезапная дикая боль заставили Неда завопить. А когда здоровенный кулак Гейна обрушился на его висок, Нед рухнул на колени и завопил снова. Когда же Гейн с невероятной силой несколько раз ударил его сзади по шее, Нед утратил и способность кричать.

Мистер Дельфт, думал Гейн, глядя на бесчувственное тело Неда, как всегда, оказался прав. Мерзкий типчик, да ещё и слабак. Совсем хилый. И делов-то – всё равно что крылышко оторвать у цыплёнка. Разве тут по-настоящему развернёшься? Он услышал, как к дому подъезжает фургон. Задержавшись лишь для того, чтобы с силой, с приятным хрустом врезать Неду ногой по рёбрам, Гейн вышел в прихожую.

– Оливер, дорогой, какой приятный сюрприз. Жаль только, что ты меня не предупредил. Мне совершенно нечем тебя угостить.

– Я пришёл не завтракать, мама, – сказал Дельфт, уклоняясь от материнских объятий. – Я пришёл поговорить.

– Ах, дорогой, звучит просто пугающе. Ну что же, пойдём в гостиную. Мария на кухне, моет плиту, бедняжка. Прошлым вечером со мной случилось просто феерическое несчастье, ты бы никогда в такое не поверил. Двое молодых людей из Австралии, они обслуживают званые обеды – самые лучшие рекомендации, сокрушительно красивы, впрочем, среди голубых это теперь не редкость, – но их суфле просто взорвалось, Марии пришлось сбегать в магазин, купить американское мороженое, знаешь, это новое, пятьдесят семь разновидностей. У меня был монсиньор Коллинс и несколько пугающе богатых людей, которых я хотела умаслить, прежде чем вытряхнуть из них деньги на Ораторский фонд. Господи, какой здесь воздух спёртый, верно? Это все сигары Джереми, по-моему. Я открою окно?

– Нет, мама, просто присядь.

– Очень хорошо, дорогой. Ну вот.

– Кстати, а где Джереми?

– В офисе, разумеется, В последнее время он работает как лошадь. Оно бы и ладно, лишь бы не переусердствовал, как твой бедный отец. Или как ты, уж если на то пошло. У тебя ужасно усталый вид, дорогой. Просто изнурённый. Впрочем, у меня есть и хорошие новости. Если ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы купить для тебя акции, я их мигом раздобуду.

– Сколько можно повторять, мама? Это незаконно.

– Ох, я знаю, я не очень хорошо вела себя с авиалинией «Колин», но это же дело семейное и, стало быть, в счёт не идёт. А кроме того, отец Хендри как-то на исповеди сказал мне, что внутренние сделки, как ты их называешь, это никакой не смертный грех, а обычный, человеческий, так что я не думаю, чтобы он так уж много значил.

– Послушай, мама, – сказал Оливер, встав перед камином, – давай обойдёмся без этой великосветской болтовни, у меня от неё уже голова кругом идёт.

– Ах, Оливер, пожалуйста, не стой там. А то ты становишься похожим на викторианского патриарха. Такой насупленный.

Напоминаешь мне папу, каким он бывал, когда я плохо себя вела. Вот и умница! Иди, присядь рядом со мной и не будь таким напыщенным. Скажи-ка мне, что тебя гложет?

– Ну, раз уж ты его упомянула, давай поговорим о твоём отце.

– Что за странная мысль, дорогой!

– Не о великом дяде Бобби, о твоём настоящем отце. Мы с тобой никогда его не обсуждали, верно?

– А разве тут есть что «обсуждать», как ты выразился?

– Разумеется. И я всегда это знал.

– Всегда знал что, дорогой?

– Знал о твоих чувствах к нему. Как ты всегда им гордилась. Видел это по твоему лицу в тех редких случаях, когда ты о нём упоминала.

– Папа был великим человеком. Великим. Если в ты знал его, то просто обожал бы. И гордился им так же, как я. В некоторых отношениях, должна сказать, вы с ним до странного похожи.

– Очень надеюсь, что нет. Он был изменником.

– Не надо так говорить. Умереть за свою родину – это не измена, а героизм.

– Он умер вовсе не за свою родину. Он был англичанином. Стопроцентным англичанином – «Сердцевина дуба»⁴², сельские пастбища, майское дерево, баранья отбивная и всё такое. В его жилах не было даже капли ирландской крови.

– Он любил Ирландию, и Ирландия любила его! Верность стране, в которой ты родился, пуста и безвкусна. Только верность идее – вот что имеет значение. Ты ничего в этом не понимаешь. Ты не знаешь принципа, даже если тебе его сунут под нос. Просто проштампуюшь его скучным служебным штампиком, продырявишь дыроколом и сплaviшь в архив.

– Тем не менее убийство, когда я его вижу, я узнаю.

– Убийство? О чем ты говоришь? Папа в жизни своей никого не убил.

Оливер извлёк из кармана белый конверт.

– По-моему, это тебе.

– Святые небеса! – воскликнула мать, на миг вернувшись к прежней своей повадке. – Как волнительно! Это что, приглашение?

– По-моему, там всё на месте. Видишь, и волосок торчит из-под клапана. Открой конверт, мама.

– Но тут же не написано, что это для меня...

– Мне из самых надёжных источников известно, что адресатом является Филиппа Блэкроу, Херон-сквер, тринадцать, и никто иной. Я точно повторяю то, что мне было сказано, – во всяком случае, достаточно точно. Можешь мне верить, мама, письмо предназначается тебе – этакий подарок от покойника.

– Покойника?..

– Боюсь, что так. Падди Леклер умер два дня назад. Последнее его желание сводилось к тому, чтобы этот конверт передали тебе. Мог ли я не выполнить просьбу умирающего?

– Если бы ты знал, как я страдала от того, что ты работаешь в Министерстве внутренних дел, – сказала мать, печально глядя на конверт, который вертела в руках. – Помню, как ты радовался, что тебя туда взяли, я ещё подумала тогда: какой позор, мой сын лишён

42. Известный с 1770 г. военно-морской марш

честолюбия настолько, что выбрал для себя подобную карьеру. Видимо, я ошиблась в тебе. Ты всё же похож на деда, но только ты – зеркальное его отражение, сражающееся на неправой стороне, выворотив все его достойные качества наизнанку. Нож у тебя найдётся?

Оливер, вручив матери карманный нож, смотрел, как она вскрывает конверт.

– А вот тут ты допустил ошибку, дорогой, – почти торжественно изрекла она. – Письмо должно быть вложено чистой стороной кверху, как глупо, что ты этого не заметил.

– Меня, видишь ли, не было там, где его вскрывали.

– А где его вскрывали?

– Не суть важно.

– Что ж, спасибо за доставку; Оливер, дорогой. И что теперь? Меня арестуют? Интернируют без суда?

Пристрелят на месте? Отвезут в один из ваших секретных сумасшедших домов и накачают торазином?

– Мы подобными вещами не занимаемся, мама.

– Разумеется, нет, дорогой. Это всё ужасные слухи и сплетни. Вы также не стреляете на поражение, не пытаете, не лжёте, не шпионите, не подслушиваете и не шантажируете, верно?

Оливер, услышав скрип на лестнице, обернулся, быстро пересёк гостиную и распахнул дверь.

– А, Мария, вам нужна помощь?

– С добрым утром, мистер Оливер. Извините, что помешала. Я просто подумала, может, вы или миссис Благгро захотите выпить по чашечке кофе? Или печеньец? Я много всяких напекла.

– Нет, Мария, спасибо. Если нам что-то понадобится, мы к вам сами заглянем, – сказал, затворяя дверь, Оливер.

– Какая вы заботливая! – успела воскликнуть его мать. – Спасибо, Мария, дорогая.

Закрыв дверь, Оливер подошёл к окну и встал, оглядывая Херон-сквер. Сквозь балконную решётку он видел, как на стоянку заезжает отмытый до блеска бирюзовый «бентли». На одном из трёх отведённых для местных жителей кортов центрального парка играли в теннис. С большинства глядевших на площадь лепных фасадов свисали прикреплённые к оливкового цвета древкам государственные флаги. Дома здесь были до того велики и роскошны, что лишь в нескольких ещё жили люди, большинство же особняков занимали теперь посольства и офисы крупных компаний.

– Я хочу узнать только одно, – сказал Оливер. – Почему? Интересный вопрос, не правда ли? Почему? У тебя есть всё – гораздо больше того, о чем мечтает большинство людей. Богатый муж, который тебя обожает, здоровье, друзья, роскошь, положение... так почему же?

Для Филиппы Блэкроу, жившей своей страстью столько, сколько она себе помнила, ответ на этот вопрос был до того ясен, что выразить его словами казалось ей почти невозможным. Закурив, она подняла глаза на сына, лицо которого темнело на фоне окна.

– После того как англичане расстреляли твоего деда, – сказала она наконец, – мы с мамой перебрались в Канаду, подальше от шума. Она умерла, когда мне было четырнадцать. Врачи так и не сумели понять, что с ней, но я знала – то, что принято было называть разбитым сердцем. В последнее время такое встречается всё реже, верно? Мы как-то утратили эту способность. Врачи говорят нам: не валяйте дурака. Животные, те ещё умирают от этого, но кому какое дело до животных? Я и по сей день уверена, что, будь папа жив, мама не заболела бы. Англичане убили обоих моих родителей. Ну а потом мамин брат, дядя Бобби, удочерил меня, и я вернулась в Англию как его дочь. О папе он мне даже заговаривать не позволял. Стоило упомянуть его имя, как меня отправляли в спальню. Папой следовало называть дядю Бобби, а мамой – тётю Элизабет. всё выглядело так, словно мои настоящие родители никогда и не существовали. Папа был негодяем-зятем, обманом женившимся на бедной сестре дяди Бобби, и имя его из семейной истории вычеркнули. Они, видимо,

надеялись, что и я забуду его, но я не забыла. Чем меньше о нём упоминали, тем больше я им гордилась и тем сильнее становилась во мне решимость отомстить несправедливому, жестокому, трусливому режиму, который убил его. Ты думаешь, у меня есть больше того, о чем мечтает большинство? Мне всё равно, о чем оно мечтает. У меня всегда было меньше того, о чем мечтала я. Все, о чем я мечтала, – это семья. Отец и мать. Большинству о подобной роскоши мечтать не приходится, для них она – нечто само собой разумеющееся. Вот о чем я постоянно думала, одна в моей спальне. Я думала, как думают все дети, о несправедливости. Несправедливость – самое страшное, что есть на свете, Оливер. Она порождает всё прочее зло, и только пустая душа может сносить её без гнева. Ты знаешь, тебя назвали в честь святого Оливера Планкетта, осуждённого на основании лживых показаний протестантов и приговорённого к повешению, вырыванию кишок и четвертованию, – здесь, на холме Тайберн, в который упирается Парк-лейн.

– А я-то полагал, – сказал Оливер, глядя вверх крыш на Марбл-Арч ⁴³, – что назван в честь Оливера Кромвеля, того самого человека, который его схватил. Ты нарисовала очень милую, очень чувствительную, очень ирландскую, если позволишь мне так выразиться, картину, мама, картину возвышенных страданий и благородных идеалов но я вроде бы помню, что блаженный Оливер Планкетт, как его, кстати сказать, называли в мои школьные годы...

– Святейший Папа недавно канонизировал его...

– Вот как? Должно быть, я проглядел заголовки. Пусть так, однако память твердит мне, что он умер, благодаря Господа за ниспосланные страдания и моля о прощении врагам своим. Как-то не помню, чтобы мне приходилось читать, что он визгливо клял всех англичан до единого и взывал к кровавой мести. Как ты полагаешь, вид разорванных на куски английских детей наполнил бы его сердце радостью?

– Я и не надеялась, что ты поймёшь. Собственно, я предпочла бы больше об этом не говорить.

– Не сомневаюсь, – сказал, отворачиваясь от окна, Оливер. – Но по крайней мере за одну особенность твоего детства мне следует быть благодарным.

– И за какую же?

– Великий дядя Бобби удочерил тебя, и моё истинное происхождение осталось незамеченным, верно? Он закопал твоего отца так глубоко, что, когда я проходил проверку, имя его не всплыло ни разу. Ты что же, всерьёз думаешь, будто правительство взяло бы меня на работу, знай оно, что я внук изменника-фения, шпиона, друга Кейсмента ⁴⁴ и Чилдерса ⁴⁵, ярого врага Короны?

– Ну, теперь, я полагаю, ты откроешь ему глаза?

– Нет, мама, этого я не сделаю. Ты ошибалась, считая, будто я лишён честолубия. Мы с тобой – единственные на всем божьем свете люди, знающие правду, так оно и останется в будущем. Я провёл кое-какие приготовления, и одно из них касается тебя.

– Неужто, Оливер? Ты что-то для меня приготовил? Звучит чрезвычайно интригующе! И много тебе пришлось потрудиться?

– Ты известишь своих друзей, что последнее письмо Леклера перехвачено. Ты опасаясь, что за тобой установлена слежка, и решила на время затаиться в глуши.

43. Сооружённая в 1828 г. триумфальная арка – главный въезд в Букингемский дворец

44. Кейсмент, сэр Роберт Дэвид (1864–1916) – английский дипломат, пытавшийся во время Первой мировой войны добиться от немцев помощи ирландским националистам и казнённый за измену

45. Чилдерс, Роберт Эрсин (1870–1922) – писатель, ирландский националист, казнённый за поддержку республиканцев во время гражданской войны, разразившейся после создания в 1922 г. Ирландского Свободного государства

– Неужели я так решила, дорогой?

– Решила, решила. Время от времени я буду навещать тебя, а ты – снабжать меня именами каждого работника каждой мастерской, в которой производят бомбы, сведениями о каждой ячейке, каждом отряде боевиков, каждом тайном складе оружия и каждом вербовщике, сборщике средств и сочувствующем, о каких ты когда-либо слышала. Любые данные, слухи и сплетни, не миновавшие твоих длинных ушей за долгие годы преступной, изменнической деятельности, ты передашь мне. Это в огромной мере ускорит мою карьеру и наполнит тебя материнской гордостью на все оставшиеся годы сельской жизни.

– Когда я рожала тебя, – сказала Филиппа, – у меня сработал кишечник. Много лет я гадала, не сбилась ли акушерка во всей той суматохе, не выбросила ли ошибкой ребёнка и не принесла ли мне для кормления завёрнутый в одеяло кусок дерьма. Теперь я знаю наверняка.

– Какие чарующие сантименты.

– А если я откажусь?

– Вот этого, мама, делать не следует. У меня достаточно возможностей изгадить жизнь тебе, Джереми, твоим приёмным детям и в особенности молодому человеку, благодаря которому я доставил тебе это письмо.

– Кто он?

– Ты его не знаешь, но он бы тебе понравился, уверяю. Теперь он обречён на вечные муки, подобные мукам распятого Христа, и всё за твои грехи. Даю тебе неделю, чтобы растолковать Джереми, как ты устала от города и как тебе не терпится вкусить сельского покоя в Уилтшире. И если ты полагаешь, что сможешь скармливать мне бесполезную информацию, мама, подумай как следует. Я готов рискнуть и сдать тебя. Ты проведёшь остаток жизни в самой суровой тюрьме Европы.

Оливер шёл по площади, мурлыча «Лиллибуллерио»⁴⁶. Сияло солнце, от улиц исходил приятный запах размякшего гудрона. Бедная мама, думал он, как ей будет не хватать Лондона.

У гостиницы «Баркли» он вошёл в телефонную будку.

– Отдел новостей.

– Это временная ИРА ⁴⁷. У нас в руках сын британского военного преступника Чарльза Маддстоуна. В доказательство вам будет послана его одежда. Код «внутри, внутри, внутри». Всего доброго.

Нед, прикованный наручниками к деревянной стойке, сидел на полу фургона напротив двух мужчин, мерзее которых он в жизни своей не видел.

В пятнадцать лет, играя в регби, он сломал ключицу и полагал в ту пору, будто больнее человеку быть уже не может. Теперь он знал, что это не так. При любом повороте, любом ухабе, одолеваемом сидевшим на водительском месте мистером Гейном, Неда пронизывала слепящая боль, столь острая, что при каждой её волне в глазах вспыхивали оранжевые и жёлтые сполохи, кровь ревела в ушах и казалось, будто сами внутренности его вот-вот разорвутся от ужаса. Боль изматывающая, безостановочная возникала в плече и вырывалась оттуда неистовыми, яростными языками пламени, бившими, опалая Неда, в каждый уголок тела. Старания сохранять

46. Это название носят две уместных здесь песни – антикатолическая песня XVIII в. и марш диверсионно-десантных отрядов времен Второй мировой войны

47. Основанная в 1919 г. Ирландская республиканская армия (ИРА) в 1970 г. раскололась на умеренную «официальную ИРА» и применяющую тактику террора «временную ИРА»

неподвижность, не напрягаться при каждом вдохе и выдохе не оставляли Неда сил, чтобы сказать хоть слово, – пока он наконец не почувствовал, что фургончик выехал на шоссе. Сравнительная ровность движения позволила попытаться объясниться.

– Мистер Дельфт... – начал он. Мужчины обратили к нему взгляды. – Мистер Дельфт сказал, я поеду домой... он сказал, я...

Мистер Гейн, обгоняя грузовик, резко взял вбок, Неда мотнуло вперёд, и в плече что-то взорвалось. Осколки, визжа и сверкая, разлетелись по всему его телу.

Пять минут спустя он предпринял ещё одну попытку и шёпотом выдавил.

– Я должен был... ехать домой...

Миг-другой мужчины с безмолвным интересом созерцали его, потом отвернулись.

Нед почти утратил ощущение времени и пространства. Он не знал, как долго провалялся на полу кухни – пять минут или пять часов. Не знал, как долго они уже едут и в каком направлении. Окна в фургоне отсутствовали, единственное, что позволяло судить о времени суток, это ощущение, что число машин на дороге возросло. Значит, час теперь утренний.

Он снова попробовал заговорить:

– Моё плечо... оно... я думаю, оно ело... ело... сломано.

Удивительно, но даже при той мгле непонимания, что заволокла его рассудок, Нед ещё пытался быть вежливым. Он мог ведь сказать, что плечо ему сломали, мог сказать, что сломал его мистер Гейн.

Мужчины посмотрели друг на друга.

– Ты случайно плечи вправлять не умеешь? – спросил один.

– Да я к нему пальцем, на хер, не притронусь, – ответил второй. – Этот пидор все свои грёбаные штаны обосрал. Вонючка.

Разбитый нос Неда, в котором пузырилась кровь, не воспринимал окружающей его вони, однако Нед понял теперь, что за мягкая каша перекачивается между его ягодицами.

– Простите... – роняя слезы, выдавил он. – Я не знал. Простите, но только...

– Заткнись наконец, мать твою, понял?

– Мистер Дельфт сказал... сказал, что я поеду домой. Он рассердится... и отец... отец важный человек... прошу вас, пожалуйста!

Чтобы прекратить это утомительное нытьё, они принялись по очереди избивать Неда и били, пока он не впал в беспамятство.

Мне редко случается признаваться, что я сбит с толку, однако нынешним утром исчезновение Неда Маддстоуна в течение какого-то времени представлялось мне удивительнейшей из загадок, какие только можно вообразить. Впечатление было такое, что его просто смело с поверхности земли. Как это типично, думал я в ранние часы дня, после очередного выпуска телевизионных, а следом и радионовостей, – они не позволили просочиться наружу даже обрывкам сведений. На полицию нажали, мне это было совершенно ясно. Какого-то гнусного лакея из Центрального управления подключили к этому делу, и он всё прикрыл. Меня так и подмывало спросить у Тома, в доме которого, в полуподвале, располагается моя квартира, не слышал ли он чего-нибудь. Том работает в штаб-квартире партии на Смит-сквер и посвящён в самые разные тайны. Уж я-то знаю, я часто читаю его бумаги, когда он, пьяный, валяется наверху в кровати. Я подавил это искушение, не желая, чтобы ко мне потом лезли с расспросами. Но то, что информация об аресте Неда так и не вышла наружу, меня расстроило.

Нам с Руфусом следовало оповестить и прессу, не только полицию, гневно повторял я себе, а мне это не пришло, по наивности, в голову. Это следует учесть на будущее. Когда-нибудь, решил я, на моем письменном столе будет стоять табличка: «В конце концов, это ведь Англия», и ни одного важного решения, не взглянув на неё, я принимать не стану. Сейчас-то я уже понял, что был несправедлив и к

полиции, и к правящей верхушке, однако идея насчёт таблички всё равно хороша.

При нормальном ходе событий сэр Чарльз должен был в середине дня появиться на Кэтрин-стрит, чтобы провести ежедневное совещание с помощниками. Однако, с учётом отсутствия каких бы то ни было новостей, мне представлялось очевидным, что он, скорее всего, приехал туда ещё ночью, чтобы внести залог за сына и так или иначе перекрыть кислород прессе. Тем не менее я был полон решимости добиться того, что пресса этим делом займётся, даже если это потребует от меня ещё одного анонимного звонка из телефонной будки. Но первым делом следовало в точности выяснить, что происходит на Кэтрин-стрит. Надежда услышать объяснения сбитого с толку Неда, увидеть, как он смущённо уверяет отца в своей невинности, наполнила меня сладостными предвкушениями. Поверил ли ему отец? Или без ужина отправил в постель? И я решил, что буду демонстрировать Неду ту же тактичность, смотреть на него теми же собачьими глазами, проявлять то же неуклюжее сочувствие, с каким он, с его непроходимой глупостью, лез ко мне.

Как ни хотелось мне попасть на Кэтрин-стрит по возможности скорее, в поезд метро, идущий к Виктории, я сел в своё обычное время, в половине десятого. Приятно было бы оказаться там пораньше, однако важно ничем не показать, что я ожидаю от сегодняшнего дня чего-то большего, чем следует ожидать от совершенно нормальной пятницы.

Свернув на Кэтрин-стрит, я с радостью увидел у дома полицейскую машину. Дела, похоже, шли на лад. Присутствие здесь полиции никак не вязалось со сколько-нибудь согласованными, удачными попытками замять всю историю; в лучшем случае – с крайне неумелыми. Если бы удалось надавить на полицию, она вряд ли светилась бы здесь, вряд ли оставила бы машину прямо у входной двери. Возможно, люди из отдела наркотиков обшаривают сейчас дом сверху донизу, возможно, войдя, я увижу вывороченные паркетины и книги, валяющиеся среди осколков фарфора. Какая милая перспектива. Я оглядел фасад и вроде бы заметил чьё-то лицо, прижатое к оконному стеклу в кабинете на втором этаже.

Я вошёл, поднялся по лестнице, сооружая на лице выражение, состоящее, как надеялся, из приятной смеси умеренного любопытства и бесстрастной готовности к любым сюрпризам.

Сэр Чарльз сидел за столом, разговаривая с двумя полицейскими. Лицо, которое я увидел в окне, было лицом Порции, девушки Неда. Она и сейчас стояла у окна и тревожно оглядывала улицу, вертя туда-сюда головой и туманя дыханием стекло.

– Эшли, слава богу! – едва я вошёл, вскричал, взволнованно вскакивая, сэр Чарльз.

– В чем дело, сэр Чарльз? Что-нибудь неладно?

– Вы не видели Неда?

– Неда? Нет, сэр, со вчерашнего дня не видел. А что? Он разве не здесь?

– Никто не видел его со вчерашнего вечера, с четырёх часов!

– О господи! – воскликнул я. – Но это странно...

Полицейские с любопытством посматривали на меня, я уважительно склонил в их сторону голову.

– Джентльмены, это мистер Барсон-Гарленд, мой аналитик, – сообщил сэр Чарльз.

Полицейские встали со стульев и с серьёзным видом пожелали мне доброго утра.

– Эти любезные офицеры очень помогают мне, Эшли. Тем не менее до сей поры всё остаётся полной загадкой.

Очень помогают? Столичной полиции следовало бы присмотреться к тому, как взаимодействуют её подразделения. Клоуны из отдела наркотиков всё ещё не удосужились сообщить этим несчастным топтунам, что именно они держат у себя Неда.

Должен признаться, я и не подозревал, что такая мелочь, как хранение травки, позволяет продержаться человека в камере всю ночь. Но тут до меня дошло, что при аресте Нед мог, желая оградить отца, и не назвать своего имени. Возможно, подобная неуступчивость вкупе с вызывающими манерами Маддстоуна до того разозлила полицейских, что они засунули Неда в камеру, просто чтобы преподать

ему урок.

– А в больницы вы звонить не пытались? – спросил я. – Или даже в полицейские участки. Может быть, на него напали или...

– Да, да, – сказал сэр Чарльз, снова усаживаясь. Он привычно занял начальническое место за письменным столом, полицейские же почтительно сидели напротив – фуражки на коленях, записные книжки в руках, словно у секретарей, приготовившихся писать под диктовку. – Мы испробовали все. Сообщение о пропавшем без вести разослано по всем полицейским участкам и больницам Лондона. Скоро сюда подъедут офицеры из Специальной службы ⁴⁸. Понимаете, – сэр Чарльз понизил голос, – при положении, которое я занимаю, нельзя сбрасывать со счетов и возможность того, что дело касается вопросов безопасности.

Что-то в том, как он произнёс «при положении, которое я занимаю», очень и очень напомнило Неда. Тот же способный довести до исступления маддстоунский покаянный тон – как будто высокое положение, власть и родовитость суть смутительные промахи, которые следует понять и простить.

Один из полицейских обратился ко мне:

– Когда вы в последний раз видели мистера Маддстоуна, сэр?

Я поразмыслил над этим вопросом.

– М-м, где-то в середине дня. всё утро я проработал с корреспонденцией... – я обратил взгляд к столу сэра Чарльза, где так и лежала стопка неподписанных писем, – собственно, вот с этими письмами. Потом отправился... в котором часу мы ушли, Порция?

Порция, отвернувшись от окна, уставилась на меня пустыми глазами. Видно было, что она не спала всю ночь, а вопроса моего не услышала, только своё имя.

– Я ушёл вместе с вашим кузеном Гордоном, – напомнил я ей. – Хотел показать ему парламент. Вы помните? Не можете сказать, когда это было?

– В середине дня, – тусклым голосом ответила она. – Вы ушли в середине дня. А потом вернулись.

– Вернулись? – приподнимая брови, удивился я. – Не помню, чтобы... ах да, конечно, вы правы. Я зашёл забрать кейс, это было примерно... думаю, около трёх, однако Неда я в тот раз не увидел. Вы с ним поднялись наверх и... вы были чем-то заняты, – торопливо поправился я, за что один из полицейских наградил меня подобием улыбки. – Вы ещё собирались после сходить куда-то, договориться насчёт работы, верно? И что было потом?

Порция, запинаясь, рассказала, что было потом. Я сразу понял, что она уже повторяла эту историю множество раз – другим людям и – снова и снова – себе самой, словно надеялась, что, рассказывая, сможет разобраться в случившемся, отыскать ключ к загадке. Когда она после собеседования вышла на улицу, Неда там не было. Она подождала его на Кэтрин-стрит, вернулась домой, звонила, звонила, а в семь утра ей наконец удалось упросить служащего палаты общин связаться с сэром Чарльзом. Тот приехал прямо сюда и позвонил в полицию, которая до сих пор ничего не смогла обнаружить.

– Простите, мисс, – прервал её один из полицейских. – Вы ведь не поссорились с мистером Маддстоуном, верно? Ни размолвки, ничего в этом роде?

Порция уставилась на него:

– Размолвка? Между мной и Недом? Нет, это было невозможно. Мы никогда... мы и не могли никогда... Мы были как...

Сэр Чарльз подошёл к ней с носовым платком и обнял за плечи. Полицейские обменялись взглядами, потом заметили, что я

48. Отдел Департамента уголовного розыска, выполняющий функции политической полиции и занимающийся персональной охраной государственных деятелей

наблюдаю за ними, и уставились в свои записные книжки. всё это было очень трогательно.

– Могу ли я чем-то помочь? – заговорил я. Позвонить куда-нибудь?

– Вы очень добры, Эшли, но не думаю, что... – начал сэр Чарльз.

– Стоит подумать о журналистах, сэр, – сказал один из полицейских. – Они могут оказаться очень полезными. Возможно, мистер Барсон-Гарленд мог бы позвонить кому-то из ваших знакомых газетчиков.

Сэр Чарльз напрягся. Пресса не принадлежала к числу любимых его общественных институтов. Она посмеивалась над ним за «отсталость» и выговор, из-за которого герцог Эдинбургский обретал сходство с архивным клерком. Как правило, пресса именовала его Гавкинстоуном, Психстоуном и сэром Чарльзом Чокнутым.

– Вы действительно считаете это необходимым? – озабоченно спросил он. – Они же только...

Громкое дребезжание дверного звонка вынудило нас на время отложить дальнейшее обсуждение роли прессы в обществе. Порция ахнула, вырвалась из рук сэра Чарльза, подскочила к окну и глянула вниз.

– Ох. Там какие-то трое, – упавшим голосом сообщила она.

– Это Специальная служба, сэр.

Замерший посреди ковра сэр Чарльз выглядел теперь ровно на все свои годы. Мне пришло в голову, что Порцию он обнял, чтобы не только успокоить её, но и самому остаться на ногах.

– Я открою, – вызвался я.

Так это утро и тянулось. Одна из новостей, появившаяся наконец к середине дня, сильно озадачила меня. Я поделился ею с Руфусом и Гордоном во время очередного нашего завтрака в пабе, стоящем в тени Биг-Бена.

– Похоже, полиция нанесла визит в Найтсбридж-колледж, – сказал я. – Вроде бы четверо испанских студентов видели, как молодого светловолосого англичанина запихали в машину и увезли. Договориться между собой о том, был ли это «воксхолл» или «форд», они не смогли, и их потащили куда-то, чтобы посмотреть фотографии Неда.

– А, дьявол! – воскликнул Руфус. – Они же его сразу узнают.

– Я что-то не врубился, – сказал Гордон. – Копаю ведь уже известно, что это он. Ради Христа, они же сами его и забрали.

– Чем больше проходит времени и чем больше полицейских вовлекается в дело, тем менее правдоподобным выглядит то, что они вообще забирали его, – пробормотал я, однако Гордон в этот миг слушал Руфуса.

– Машина, конечно, была «воксхоллом», – убеждённо говорил тот, – и сомневаться нечего. Трёхрежимный «кавалер». И выглядели они, по-моему, как парни из отдела наркотиков. Кожаные куртки, небритые, в линялых пятисот первых, в «адидасах». Классический отдел наркотиков. Такие у них представления о маскировке. Даже трогательно.

– Господи, ну и каша. Так ты думаешь, его держит отдел наркотиков и они там не знают, что он объявлен в розыск? Может, позвонить им ещё раз?

– Гордон, это очень опасная идея, – сказал я. – Послушай меня. И вбей себе наконец в голову, что какие бы джинсы и обувь ни предпочитали люди, которых мы вчера видели, они были не из отдела наркотиков. И вообще не из какого бы то ни было отдела.

Я провёл очень жаркие полчаса, убеждая эту парочку, что если мы признаемся хоть в каком-то своём участии во всей этой истории, то лишь сильнее её запутаем.

– Это простое совпадение и ничто иное, – объяснял я им. – Неда похитили. Вот очевидное и единственное объяснение. Случайно получилось так, что похитители выбрали именно это время и это место. Если вдуматься, всё вполне логично. Вчера у них появилась первая за долгое время возможность. Несколько месяцев он провёл в школе, потом был в плавании. А вчера – вчера они могли

проследить Неда с Порцией от дома до Найтсбридж и, увидев, что он остался на улице один, схватили его. Это произошло на наших глазах. Мы, естественно, подумали, что это арест. А полиция, скорее всего, не приняла наш звонок всерьёз и решила не связываться. Или, – добавил я, – они там услышали, как Руфус хихикал около будки, и поняли, что имеют дело с обычным школьным розыгрышем. Чем всё это и было.

На мой взгляд, объяснение звучало довольно беспомощно, однако они на него купились и некоторое время переваривали эту версию. Гордон, как я и предполагал, первым обнаружил слабое место.

– Если его похитили, почему никто не требует выкупа?

К этому я был готов и мрачно ответил:

– Похитители похитителям рознь. Отец Неда два года занимал пост министра по делам Северной Ирландии.

Когда до них дошёл смысл сказанного, челюсти у обоих отвисли.

– Понимаете теперь, – продолжал я, – почему нам следует затаиться и не говорить никому ни слова? К нам всё это не имеет никакого отношения.

– Если не считать того, что мы свидетели, – сказал Гордон. – Мы могли бы дать показания...

– Там же были испанские студенты, они отлично опишут тех людей. А мы находились на другой стороне оживлённой улицы. Нет уж, поверьте мне, ничего, кроме лишней путаницы, мы тут не добавим.

Паб я покинул в уверенности, что на них можно положиться – ничего неблагоприятного они не сделают и не скажут. Вернувшись на Кэтрин-стрит, я обнаружил, что попасть в дом могу теперь, только предъявив свой пропуск в палату общин поставленному у входной двери полицейскому.

В кабинете Маддстоуна имелось подобие шезлонга – плюш, позолота, – из тех, в которых обычно позируют живописцам экзотические принцессы. Поднявшись наверх, я увидел обмякшего в нём сэра Чарльза, с лица которого сбежали все краски. Порция сидела, припав к нему, – или это он к ней припал – по лицу её катились слезы. Ясно было, что в моё отсутствие поступили очень серьёзные новости.

Какой-то человек – с виду от двадцати до тридцати лет – разговаривал по телефону, присев на краешек стола. Когда я вошёл, глаза его обшарили меня с ног до головы, породив неприятное чувство, что, сколь бы ленивым и благосклонным ни показался мне осмотр, человек этот видит меня насквозь, до самого доньшка, и увиденное его не очень-то впечатляет. Оперативник из разведки, сказал я себе, стараясь стряхнуть неприятное чувство. Умение смотреть так на людей, без сомнения, оттачивается одновременно с умением пользоваться шифрованными книгами, микроплёнкой и капсулами с цианистым калием.

– Что случилось? – спросил я. Сэр Чарльз открыл глаза и попытался что-то сказать. Бедняга окончательно развалился на куски. Если таковы наши политические лидеры, нечего и удивляться, что страна пошла к чертям собачьим. Когда я приду к власти, меня никому так просто сломать не удастся.

«Когда я приду к власти». Странно. Очень странно. Впервые в жизни я облёк эту мысль в слова. Я вечно твердил себе, что стану преподавателем, и сейчас, записывая её, испытываю непонятное облегчение. Возможно, я всегда это знал.

Ну-ну.

– Вы кто? – спросил человек у стола, мягко кладя трубку и улыбаясь мне.

– Эшли Барсон-Гарленд. Личный помощник сэра Чарльза.

– Эшли Барсон-Гарленд, Эшли Барсон-Гарленд... – Он взял две лежавшие у телефона записные книжки. – Ну и почерк же у наших друзей в синем... ага, да, вот оно. Эшли Барсон-Гарленд. Здесь сказано, что вы школьный товарищ Эдварда и проводите для сэра Чарльза исследования. Но, позвольте, в таком случае вам должно быть года двадцать два? Или двадцать три?

– Через две недели мне исполнится восемнадцать, – слегка покраснев, ответил я. В школе новички нередко принимали меня за учителя, и мне не нравятся напоминания о том, что выгляжу я старше своих лет.

– Виноват, опростоволосился. Моя фамилия Смит.

Смит, подумать только. Намеренное оскорбление. Я подошёл, чтобы пожать ему руку, и у него хватило наглости оглядеть после этого свою ладонь, а затем снова моё лицо, отчего я опять покраснел.

– Ну-с, мистер Барсон-Гарленд, – сказал он, и я обнаружил, что открыто выказанное отвращение бесконечно менее оскорбительно, чем полное отсутствие выражения, царившее на его лице, пока он вытаскивал из рукава носовой платок и вытирал ладонь. – Боюсь, покамест вы завтракали, поступили новости довольно дурные...

Тон, которым было произнесено «покамест вы завтракали», похоже, должен был внушить мне, что я повинен в некоем ужасном нарушении долга, порождённом свойственным мне сибаритством. Между тем это сэр Чарльз настоял, чтобы я поел, а полицейские согласились с ним, сказав, что я ничем больше помочь им не в силах.

– Дурные новости? – повторил я, сопротивляясь искушению объяснить про завтрак и тем самым подвергнуться новым унижениям.

– Похоже, что час назад некто позвонил в редакцию газеты «Таймс» и взял на себя ответственность за похищение Эдварда Маддстоуна. Мы исходим из предположения, что звонивший сказал правду.

– Но кто? Почему?

– Человек заявил, что он представляет ИРА. Что касается «почему»...

Сэр Чарльз словно бы застонал, и Порция покрепче прижала его к себе.

– О господи, – прошептал я. – Так я был прав.

– Вы были правы? – Смит с выражением снисходительного удивления приподнял брови.

– Ну, такая мысль приходила мне в голову. Я хочу сказать, это выглядит возможным объяснением, сами понимаете. С учётом... с учётом... всего, – неловко закончил я.

– А вы сообразительны, мистер Барсон-Гарленд. Что ж, может быть, вы пустите вашу сообразительность в ход и немного поможете нам? Если вы не против.

Я с готовностью кивнул.

– Конечно. Всем, чем хотите.

– «Таймс» дала нам время проверить эту информацию, прежде чем они ею воспользуются, а они воспользуются непременно. Я подумал, что, возможно, сэру Чарльзу и присутствующей здесь юной леди следовало бы покинуть дом до того, как развернутся врата ада и журналисты устроят здесь цирк. Может, вам известно какое-нибудь подходящее подземелье? Где вы живете, мистер Барсон-Гарленд?

– Тредвэй-Гарденз, – ответил я. – Это всего лишь небольшая квартирка.

– И вы, э-э, делите её с кем-либо? Вопрос прозвучал достаточно невинно, но у меня снова возникло впечатление, что он отыскал во мне нечто забавное.

– С Томом Гроувом. Он работает в штаб-квартире партии, это его дом, а я живу в полуподвале. Обо всем договорился личный парламентский секретарь сэра Чарльза, – объяснил я, злясь на себя за то, что считаю нужным вдаваться в подробности.

– Понятно, – сказал Смит. – Что ж, давайте-ка двигаться туда, да побыстрее.

– Боюсь, я не вожу машину.

– Об этом, моя улисточка, предоставьте позаботиться мне.

Пока я пишу эти строки, сэра Чарльз спит наверху, в спальне Тома. Смит вызвал врача, и тот накачал старика успокоительным.

Бедного Тома Гроува вытурили из дома. Порцию, так и пребывавшую вне себя от горя, полтора часа назад увезли для дальнейших расспросов. Похоже, ей придётся туго, но, полагаю, власти знают, что делают. Сам Смит удалился куда-то, чтобы «перебраться кое-какую грязную посуду», что бы это ни значило, сказав, однако, что завтра утром он «ещё сунет голову в мою дверь», а мне пока хорошо бы «занять вторую линию обороны». Все-таки он невыносимо самодоволен.

В квартире наступила приятная тишина, никаких журналистов нигде не видно. Какая-то часть меня немного жалеет Неда, но другая заверяет, что, где бы он ни был и что бы с ним ни происходило, это пойдёт ему только на пользу.

Ну и хватит пока. Надо посмотреть шестичасовой выпуск «Новостей».

Как ни противилась этому Порция, вечера, проводимые дома, вскоре обратились в рутину. Долгое время она старалась продлить состояние вечного кризиса, препираясь с Питом и Хиллари обо всем и ни о чем, но от недели к неделе вспышки её становились всё более вялыми. Жизнь шла заведённым порядком, и сопротивляться ему девушка не могла, каким бы предательством ни представлялось ей это заурядное существование.

Если бы не Гордон, думала Порция, она сошла бы с ума. С великим тактом и душевной деликатностью он предложил Порции, чтобы та – вместо ожидания новостей и бдений у постели сэра Чарльза в тщетной надежде увидеть хоть какие-то признаки выздоровления – сделала ему огромное одолжение и показала Лондон. Ну, то есть, всю эту хренотень, до которой так падки туристы. Глупое, конечно, занятие, однако прогулки хоть на несколько часов в день отвлекли бы её от мыслей о Маддстоуне-младшем и Маддстоуне-старшем. Да и Гордон был бы ей очень признателен: он уже начинал томиться тоской по дому, а в Лондоне так и не разобрался.

Пит, сознававший, что принуждать Порцию выполнить данное ею обещание – поработать во время летних каникул – было бы жестоко, снабдил их карманными деньгами, которых вполне хватало на разного рода входные билеты, и Порция с Гордоном проводили долгие дни, бродя по галереям, храмам, музеям и королевским дворцам.

– Вы бы завели блокноты да делали записи, – сказал Пит. – Архитектура Лондона – это своего рода трактат о переходе власти и денег из одних рук в другие. От церкви к королям, от них к аристократии, к классу торговцев, к банкам и, наконец, к международным корпорациям. Что-то вроде слоёв в скальных породах.

Гордон с Порцией совету его не вняли и – вместе с толпами юных туристов – просто жали на кнопки в Музее наук, веселились, глядя на дворцовую стражу и пытаясь заставить часовых, стоящих в их будках у Сент-Джеймского дворца, шелохнуться или повести глазами. Порция обнаружила, что, водя Гордона по своим любимым художественным галереям и объясняя ему картины, она начинает испытывать подобие удовольствия, о котором в последние недели и думать забыла. Хорошо все-таки иметь возможность отвечать на вопросы, быть кому-то полезной и нужной.

Пит так ни разу и не поинтересовался, как обстоят дела с блокнотами, на которых он так настаивал. Ему хватало возни с летними студентами Политехнического. Один из них порадовал Пита, создав дискуссионную группу для анализа британского колониализма в Северной Ирландии, и Пит изводил Управление народного образования петициями о выделении средств, которые позволили бы этой группе посетить Белфаст и «на месте», как он выражался, разобраться, что там к чему. Хиллари же, занятая новым романом, была только рада сбить Порцию с рук умнице-кузену. И всё же два раза в неделю Порция по-прежнему посещала сэра Чарльза. Журналисты больше не торчали у ворот больницы, и Порция воспринимала это с облегчением, но и с тревогой, поскольку то был знак, что общество начинает терять интерес к происшедшему. Подоспели новые события, и заметки об исчезновении сына одного из членов кабинета министров постепенно перекочевали с первых полос на последние страницы, а потом о нём и вовсе вспоминать перестали. На самом пике этого

интереса – когда премьер-министр страны прервала отдых на юге Франции и, стоя на ступенях больницы, заверила камеры, что будут приняты все необходимые меры и отмщение ждать себя не заставит, – похищение Неда было сенсацией летнего периода, именуемого в журналистских кругах (как с отвращением обнаружила Порция) «сезоном глупостей». Однако, по мере того как газетные фотографии Неда уменьшались в размерах, а ИРА, судя по сообщениям прессы, отрицала свою причастность к исчезновению Маддстоуна-младшего, стали появляться статьи с предположениями, будто вся эта история была просто-напросто результатом семейной ссоры, приступа подросткового бунта – из тех, что происходят каждый день. И пресса со вздохом облегчения вернулась к привычному августовскому параду трёхсоткилограммовых женщин, двухвостых собак и бобов волокнистой фасоли, которые, когда их раскусывают, совершенно отчётливо произносят на древнееврейском слово «Армагеддон». Серьёзные журналисты разъехались по летним отпускам, а те, кто «остался в лавке», предпочитали не переть против традиции. К тому же единственным, кого стоило бы проинтервьюировать, был сэр Чарльз, а он не говорил ни слова. Ни единому человеку.

В первую же неделю, последовавшую за исчезновением сына, у него случилось подряд два удара, и настолько серьёзных, что врачи не были уверены, сможет ли он когда-нибудь снова ходить или говорить. Первый удар привёл к полному параличу левой стороны тела, а второй – к коме. Порция сидение у его постели позволяло разговаривать без каких-либо опасений быть неправильно понятой.

– Ничего нового, папочка, – сообщала она, закрыв дверь отдельной палаты, и, пододвинув к койке кресло, принималась пересказывать сэру Чарльзу последние события. Обращение «папочка» вызывало в ней тайный, почти эротический трепет. – Кого-то видели в Скарборо, но это была очередная ложная тревога.

И она продолжала говорить, изливая все, что приходило ей в голову, снова и снова отыскивая возможность упомянуть имя Неда и приглядываясь к больному в надежде, что именно это упоминание окажется спасительным тросом, который позволит вытянуть сэра Чарльза из колодца беспомощности.

В один из таких дней, когда она в тысячный раз рассказывала о появлении Неда с друзьями в «Хард-рок кафе», в дверь палаты постучали. Врач, которого Порция раньше не видела, сообщил, что он переговорил с сестрой сэра Чарльза, Джорджиной.

– Возможно, настало время отключить систему жизнеобеспечения, – сказал он, – и позволить старику отойти с миром.

– Но ближайший его родственник – Нед, – возмутилась Порция. – Только он может принять такое решение.

– Прошло уже больше месяца. Необходимо смириться с фактом – никаких надежд на улучшение нет. Мисс Маддстоун обещала обдумать всё и через неделю сообщить нам о своём решении. Насколько я понимаю, – добавил доктор, – вы ведь не член семьи.

Дома в Хэмпстеде Пит объяснил ей, что любое решение подобного рода, принимаемое в частной лечебнице, основывается на соображениях скорее финансовых, чем медицинских:

– Тут не обошлось без страховой компании, поверь мне. Такая круглосуточная интенсивная терапия штука не дешёвая. Скорее всего, люди, ведущие финансовые дела семьи, уже подняли шум и требуют отключить систему.

Гордон, услышав это, удивился:

– Я полагал, что в Англии существует система общественного здравоохранения.

– Система общественного здравоохранения? – фыркнул Пит. – Жди, как же...

О господи, опять он за своё, подумала Порция. Гордон мог бы уже и понять, что таких вопросов Питу лучше не задавать. Теперь его ничем не остановишь.

Но нет, Пит только ещё разводил пары, когда сверху спустилась Хиллари – спросить, какую одежду он намеревается взять в поездку, которую она пышно именовала «путешествием в Северную Ирландию в поисках фактов».

Порцию всегда удивляло, что мать – такая ярая, если почитать её книги или послушать, беззаветная феминистка – в повседневной

жизни тратит кучу времени на то, чтобы обслуживать нужды Пита, всё до единой. С самого детства Порция не видела, чтобы отец поднял с пола, не говоря уже – постирал, хотя бы носок. Хиллари готовила ему еду, следила за его одеждой, укладывала его чемоданы, и Порция ни разу не слышала от неё ни единой жалобы. Если все мужчины и вправду насильники, о чем Хиллари писала множество раз, непонятно, почему их нужно обслуживать так, точно они магараджи.

Пока Пит с Хиллари спорили о том, какой именно гардероб позволит ему выглядеть на улицах Западного Белфаста уверенным в себе, основательным и в доску своим, Гордон предложил Порции пойти куда-нибудь прогуляться.

– Ладно, – согласилась она, – давай сходим в «Фласк». Тебе там понравится.

– А это что, какой-нибудь парк?

– Паб. Тебе понравится.

Где находится «Харчевня Фласк», Гордон отлично знал и без Порции, поскольку уже бывал там дважды с Руфусом Кейдом. Однако ему хотелось, чтобы Порция получила удовольствие, познакомив его с этим заведением. Он давно уже обнаружил, что чем более беспомощным и несмышлёным выглядит, тем сильнее ей нравится. Ничего нового. Большинство знакомых Гордону девушек были точь-в-точь такими же.

– Только, ребятки, вернитесь до одиннадцати, – попросила Хиллари, – чтобы успеть попрощаться с Питом.

Они выходили из комнаты, когда в дверь громко позвонили, и сердце Порции слегка подпрыгнуло. Она уже научилась не впадать в волнение при каждом дверном или телефонном звонке, но ведь рано или поздно должен же раздаться тот звонок. Никогда же не знаешь...

– Посмотрите, кто там, – крикнул Пит. – Если ничего важного, нас нет дома.

Они уже спускались по лестнице, и тут входную дверь сотряс жуткий удар – в неё словно врезался грузовик. Затем последовал удар ещё более громкий, такой, что содрогнулось всё здание. От третьего дверь сорвалась с петель и с грохотом рухнула, круша плитки пола. В проем ввалились трое в противогазах и бронежилетах.

И в ту же секунду из гостиной наверху донёлся мелодичный звон разбиваемого стекла, а за ним – громкое шипение баллонов со слезоточивым газом и полные ужаса крики Пита и Хиллари.

Доктор Малло был человек простой. Очень простой. Жизнь он воспринимал рационально, не эмпирически. Горизонты его мира были строго ограничены, и это, считал он, приносило ему куда больше счастья, чем выпало подавляющему большинству его ближних. Молодой англичанин, к примеру, сидевший сейчас перед ним, был доктору несколько не интересен. Будучи опытным психиатром, доктор, разумеется, без особых усилий распознал в нём скрытую напряжённость, эмоциональную сублимацию и признаки эротической пристыженности, однако серьёзного внимания и изучения заслуживали лишь документы и деньги, лежащие перед доктором на столе. Откуда этот человек, откуда у него деньги, какими полномочиями наделяют его предъявленные им документы и каковы причины его нервозности – всё это были вопросы, задаваться которыми мог лишь эмпирик или, ещё того хуже, психолог. Единственные же вопросы, которые считал достойными рассмотрения доктор Малло, были те, что касались подлинности и количества денег плюс надёжности и серьёзности намерений их подателя.

– Этих средств, – сказал доктор Малло, – хватит на год лечения. Правда, при нынешней слабости фунта сумма, которую вы мне выдали, занижена, с сожалением должен заметить, примерно на процент с четвертью.

Оливер Дельфт извлёк из кармана толстую пачку двадцатифунтовых банкнот.

– Случай серьёзный, – подчеркнул он. – Необходимые суммы будут поступать в банк, который вы нам назовёте, ежегодно или, если

желаете, ежеквартально. Надеюсь, такая процедура вас устроит? К сожалению, моей семье, как вам, несомненно, известно, не в первый раз приходится прибегать к вашим услугам.

– Порой проблемы такого рода коренятся в глубинах генетической наследственности, – пояснил Малло, наблюдая за тем, как молодой человек отсчитывает деньги и выкладывает их на стол. – Достаточно, сто сорок фунтов, это на пятнадцать больше, чем требуется. Будьте любезны, распишитесь вот здесь и здесь. Сдачу могу предложить в долларах США или в швейцарских франках.

Оливер вернул пачку денег в карман и взял протянутую ему авторучку.

– В долларах, если вас не затруднит.

– Я заметил, что вы не указали имени вашего несчастного брата.

– Боюсь, вам ещё предстоит обнаружить, что имён у него слишком много, – с сокрушённой улыбкой отозвался Оливер. – В прошлом году он был законным наследником всего состояния Гетти. Этой версии он придерживался больше полугода – почти рекорд. В другие времена он был, дайте припомнить... тайным любовником Маргарет Тэтчер, злосчастным сиротой, палестинцем, занимающимся контрабандой оружия, членом датской королевской семьи, – в общем, что ни придумай, он уже всё попробовал.

– Да что вы? – промурлыкал доктор. – А теперь?

– Вернулся в политику. Считает себя сыном члена английского кабинета министров по фамилии Маддстоун. Отзывается только на имя Эд. Или Нед? Трудно сказать, как долго это протянется. Все, разумеется, почерпнуто из газет. Настоящего молодого Маддстоуна два дня назад похитили террористы. Вы, наверное, читали об этом?

Малло не ответил.

– Как бы там ни было, – продолжал Оливер, – такова его теперешняя мания. Грустно, конечно, расставаться с парнем, но, боюсь, дальше нам с ним просто не справиться. Он молод, очень крепок и может иногда впадать в страшное буйство. Он уже навёл на семью кошмарные неприятности. Делал вещи совершенно непростительные. По виду его ничего такого не скажешь, но ведь это, насколько я понимаю, не редкость.

– Да, действительно.

– Я слышал также, что мании подобного рода, как правило, не поддаются лечению. И зачастую оказываются чрезвычайно устойчивыми.

– Да, порою это, к сожалению, так – почти не помню примеров, чтобы пациенты поправлялись быстро. Однако, если отмечается некоторое улучшение...

– Думаю, с нашим больным это маловероятно, – перебил Оливер. – Впрочем, если семейные обстоятельства изменятся и мы найдём кого-то, кто согласится дать ему ещё один шанс, мы, разумеется, свяжемся с вами по обычным каналам. В противном случае...

– В противном случае, сэр, вы можете быть уверены, что он получит уход и лечение самого высшего качества. В случае же его кончины...

– Он очень дорог мне, и я не сомневаюсь, что вы и ваш персонал приложите все усилия, чтобы он прожил как можно более долгую и, по возможности, счастливую жизнь. Отец и дядюшки заверили меня, что в этом отношении на вас можно положиться.

– Естественно, естественно, – подтвердил доктор. – Наша диета и принятая у нас система физических упражнений отвечают самым высоким стандартам. Вас, несомненно, порадует также серьёзность, с которой мы относимся к вопросам гигиены, безопасности и здоровья наших пациентов. Кроме всего прочего, за нами строго следят соответствующие власти. У нас есть больные, без забот прожившие с нами больше тридцати лет. Трое из них были помещены сюда вашим, э-э, дедом.

– Вы увидите, что общество других людей и разговоры с ними сильно возбуждают моего несчастного родственника, – сказал,

вставая, Оливер. – Подпитывают его заблуждения. Возможно, самое лучшее – это держать его в одиночестве, пока он как следует не успокоится. Нужно, чтобы его воспоминания о прошлом поблекли.

– Разумеется, разумеется, тут вы можете на нас положиться. И когда же мы будем иметь удовольствие увидеть его?

– Мои друзья привезут его сегодня, ближе к вечеру. Я хотел бы, конечно, остаться, посмотреть, как он устроится, но, боюсь, неотложные дела...

– Что ж, это понятно. Если вы ничего больше не хотите посмотреть у нас, машина доставит вас прямо в аэропорт.

Нед пробудился от сна, в котором ему привиделись реки слюны и крови, изливающиеся изо рта Падди Леклера, и сразу понял, что где-то внизу под ним бурное море. Он попытался открыть глаза. На миг ему показалось, что веки накрепко слиплись от высохших пота и крови, но он тут же понял: на самом деле глаза его широко открыты. Просто видеть им решительно нечего. Он либо находится в полной темноте, где нет ни света, ни предметов, способных его отражать, либо ослеп. Инстинкт сказал ему, что нет, не слеп, просто вокруг пустота беспросветного мрака.

Изматывающая боль в плече заволакивала черным облаком всякое сознательное мгновение, и все-таки Нед обнаружил в себе способность мысленно упорядочить каждую из перенесённых им мук. Он мог, к примеру, по отдельности сосредотачиваться на мучительном жжении в разодранных запястьях, на тошнотворной пульсации в расквашенном носу, на колющей боли, причиняемой переломанными рёбрами, которые при каждом движении или вдохе вонзались в лёгкие. всё это жгло и жалило, точно рой растревоженных ос, однако за каждой мукой маячил язвивший Неда, как злое воспоминание с неумолимой жестокостью похрустывающий, скрежещущий плечевой сустав. Но тяжелее самой мучительной, самой ужасной из пыток было страдание переносить которое оказалось гораздо труднее, страдание, порождённое недоумением, одиночеством и элементарным страхом.

Ужас и замешательство сделали разум Неда настолько неповоротливым, что отличать прошлое от настоящего ему становилось всё труднее. В беспамятстве, в часы, которые вполне могли быть минутами или днями, ум хватался за образы всего, что было когда-либо дорого Неду, – за отца, за крикет, за летящую по ветру яхту, за любимый шерстяной блейзер, за горячую, чуть подсоленную овсянку, за вечерний звон школьного колокола. Образы эти сменялись без всякого порядка: пара серебряных щёток для волос, которые он нашёл на благотворительной распродаже и начистил до полного блеска; шестерни первого велосипеда; резкий кисловатый запах номеров «Нэшнл джиографик»; холодное молоко; только что заточенные карандаши; собственное голое тело в зеркале; имбирный пряник; стук хоккейных клюшек при вбрасывании мяча; запах тряпки для вытирания школьной доски... Но каждая картинка ускользала от него, как выскальзывает мыло из мокрой руки, и чем пуще старался Нед удержать её, тем быстрее она улетала.

Нед пытался помешать самому дорогому из образов открыто явиться ему, но в конце концов сил противиться у него не осталось. Нед призвал к себе Порцию, однако она не пришла. Её почерк, смех, лучезарное тепло её кожи, улыбающиеся в чувственной греховности глаза – всё это сгинуло.

И вот остался один лишь Христос. Христос явился ему и развеял пустоту отчаяния. Разбитые губы Неда с трудом повторяли слова молитвы. Он просил о сострадании, надежде и любви. И внезапно Иисус восстал и поплыл перед ним, изливая свет. Глядя в мягкие, любящие глаза своего Спасителя, Нед потянулся к нему, чтобы Христос взял его на руки и вынес из этого страшного места. Но тут к ним ринулся, рыча от ярости, разевая гигантскую пасть, Сатана. Он разодрал Сына Божьего на окровавленные куски и с торжествующим рёвом пожрал его черными челюстями.

Снова очнувшись в темноте, Нед услышал, как гудит двигатель фургона, как с глухим рокотом пролетают мимо другие машины. Возможно, море ему только причудилось.

Теперь его связывали с реальностью лишь боль и ровный шорох покрышек по гудрону. Он словно родился заново, родился в обжигающей пустоте одиночества и боли. Казалось, каждое мгновение содержит вечную муку и всё дальше уносит его от того, кем он был, уносит к новому существованию, в котором дружба, семья, будущее, любовь никакой роли не играют.

Впоследствии ему казалось, что он побывал в какой-то белой комнате. Он вроде бы помнил слепящие лампы дневного света, помнил, как усилилась исходящая от него, Неда, вонь, когда скальпель перерезал верёвку на его поясице и брюки свалились на пол. Он думал, что помнит и жалящий укол в руку, прилив совершенно новой боли, резкий удар в плечо, потоки тёплой воды и куда-то несущие его сильные руки.

А когда Нед опять пришёл в себя, оказалось, что он лежит посреди комнатки, в которой всё окрашено в кремовый цвет. Дверь, стены, потолок, стальная спинка кровати, решётка на единственном окне, облака в небе за нею – всё было кремовым. Насчёт пола ничего сказать было нельзя, потому что комната была крохотная и к тому же что-то прочно прижимало его к кровати. Подняв голову и вытянув шею, Нед увидел два стягивавших грудь и ноги толстых ремня из чёрной ткани и с застёжками, как на ремнях безопасности. От резкого движения шею обожгло, словно огнём, ребра, щёлкнув в груди, сместились, и Нед откинул голову на подушку, ища утешения и покоя в ноющей боли, затопившей его тело. Он был теперь спокоен и бездумно весел. Чёрный прилив кошмаров стих, и полный идиотизм положения, в которое он попал, начал понемногу его забавлять.

Он задремал ненадолго, а пробудившись, обнаружил, что комнату заливают всё тот же кремовый свет дня. На здоровом плече зудела кожа, и из глубины сознания вдруг выплыло воспоминание, как чьи-то рута! расстегнули ремни, заставили его сесть, как кожу проколола игла. Он как будто бы помнил, что, перед тем как снова впасть в забытьё, пробормотал заплетающимся языком «с добрым утром» и «спасибо». Глядя на кремовый потолок, Нед пытался собраться с мыслями. Но прежде, чем это ему удалось, он услышал чьи-то шаги, поскрипывание подошв по полированным полам. Шаги приближались, и Нед на дюйм приподнял голову. Где-то неподалёку открылась и снова закрылась дверь. Нед уронил голову на подушку.

В замке заскрежетал ключ, и Нед проснулся окончательно, сердясь на себя за то, что опять задремал. – Ну, здравствуйте, молодой человек! Вам уже намного лучше, не сомневаюсь.

В комнату, улыбаясь и помигивая, вошёл упитанный человечек в белой куртке дантиста. Говорил он с акцентом, определить происхождение которого Нед не смог. Мужчина помоложе, очень высокий, подтянутый, со светлыми, почти белыми волосами и бледно-голубыми глазами, остался стоять у двери, держа в руках стальную кювету.

– Вы были весьма нездоровы, друг мой, но мы позаботимся, чтобы вы почувствовали себя лучше и окрепли.

Нед попытался заговорить, однако упитанный человечек поднял ладонь:

– Нет-нет. У нас будет время побеседовать, несколько позже. Меня зовут доктор Малло, мы ещё успеем наболтаться с вами всласть, обещаю. А сейчас я хочу познакомить вас с Рольфом, который будет за вами присматривать. Вы причинили себе немало вреда, вашему телу потребуется время, чтобы исцелиться. Рольф поможет вам справляться с болью... – Он махнул верзиле, и тот приблизился, держа кювету в вытянутых руках, ни дать ни взять церковный служка, протягивающий дискос. А вы, в благодарность за это, будете вести себя очень спокойно, не волноваться, да?

Нед кивал, глядя, как доктор Малло извлекает из кюветы шприц и стеклянный пузырёк.

– Превосходно, это превосходно. Вы молодец.

Рольф наклонился и расстегнул ремень, стягивавший грудь Неда. Нед заставил себя сесть, доктор Малло воткнул иглу в пробку флакончика.

– О, но это же замечательно! Вы уже сами садитесь! – Лицо доктора Малло расплылось в одобрительной улыбке, он подтянул

повыше широкий рукав Недова халата и ваткой протёр кожу. – Боюсь, немного холодит. Ну-с, Рольф обладает большей, чем я, сноровкой в обращении с иглами, так что, надеюсь, больно вам не будет... Вот так! Ничего страшного.

Нед откинулся на подушку, и тотчас тёплая волна покоя унесла боль. Он улыбался доктору и Рольфу, который, склонясь над ним, застёгивал ремни.

– Соросо... так соросо. Судесно...

Доктор Малло, снова расплывшись в улыбке, обошёл кровать и встал по другую её сторону.

– Ну, что плечо – болит уже не так сильно?

– Нет, – пролепетал Нед, мозг которого уплывал куда-то в полном довольстве. – Я ничего не чувствую.

– Мы его перебинтовали покрепче. Человек вы молодой, думаю, оно скоро пойдёт на поправку. Так. Теперь спите и ни о чем не тревожьтесь.

Нед не помнил, как эти двое оставили комнату, а когда он проснулся, уже почти стемнело.

В следующие несколько дней Нед изо всех сил старался хотя бы двумя-тремя словами перемолвиться с Рольфом, который через равные промежутки времени навещал его, принося кювету и шприц, а время от времени – свежие бинты, пластиковую бутылку, в которую Нед мочился, и термосы с супом, пить который Неду позволялось только через блестящую стальную трубку.

Рольф оказался человеком до крайности необщительным. Нед решил, что он просто не понимает английского. Доктор Малло, которого Нед так больше и не видел, говорил с акцентом, который мог быть и немецким, и скандинавским, а отсюда вполне могло следовать, что и Рольф – иностранец.

Хотя нет, это Нед – иностранец. Что бы это ни было за место, до Англии от него далеко. И доказательство тому – чёрный кошмар мрака и боли, который длился не один день. Далёкие крики чаек навели Неда на мысль, что он находится неподалёку от моря, скорее всего даже на острове. А некий инстинкт подсказывал, что он на севере. Быть может, сам здешний свет внушал ему уверенность в этом, быть может, выговор доктора Малло – скандинавский, как решил наконец Нед. А тут ещё пронзительные голубые глаза Рольфа и его серебристая белокурость.

Нед научился использовать периоды физической боли и ясности ума, выпадавшие ему примерно за час до нового укола, для того, чтобы обдумывать своё положение. Вскоре он пришёл к выводу, что не природа света внушила ему мысль о севере, а ровность света, его постоянство. В какое бы время Нед ни проснулся, за окном всегда виднелось яркое небо или, самое большее, мягкие сумерки. В это время года, как Неду было известно, чем дальше на север заезжаешь, тем короче становится ночь. В ночь, когда они шли на «Сиротке» в Обан, в ночь, когда умер Падди Леклер, стемнело лишь на очень недолгое время.

Нед не сомневался в том, что коллега Оливера Дельфта, мистер Гейн, – сумасшедший или преступник. Он избил Неда, переломал ему кости и с помощью двух отвратительных, уродливых, злобных и свирепых психопатов, чьи мёртвые, зверские глаза будут теперь вечно его преследовать, увёз куда-то на край света. Здесь с ним обращаются с добротой и участливостью, но тем не менее держат привязанным к кровати в запёртой комнате с решёткой на окне. Что всё это может значить?

Где-то Оливер Дельфт и отец заняты его поисками. Возможно, мистер Гейн потребовал выкуп. В способностях Дельфта и влиянии отца Нед не сомневался, и это наполняло его уверенностью в том, что содеянное не сойдёт Гейну с рук.

Но пока-то, пока, что думает отец? А Порция, что с нею?

Странно, но в ярких, живых снах к нему приходил отец, а не Порция. Когда же он бодрствовал, представляя себе, что станет делать, вернувшись домой, когда думал о школе, о местах и людях, которых знал, образ Порции тоже никогда его не посещал. То, что надо прикладывать усилия, чтобы подумать о ней, Неда не особо тревожило. Наверное, он просто боится, что Порция сердится на него за это

исчезновение. Возможно, думает даже, что он сбежал. Быть может, боится, что чем-то разочаровала его, когда они были вместе в спальне, – вот он и улизнул, как трус, при первой же возможности. Когда всё наконец уладится, Нед отвезёт её в какую-нибудь сельскую гостиницу, и там они смогут узнать друг друга получше.

Первое время Нед тешил себя надеждой, что Рольф принесёт ему что-нибудь почитать. Теперь, когда ремни ослаблялись, он садился без особых усилий и потому полагал, что сможет держать книге. Чтение помогло бы скоротать время, которое ныне, когда боль утихла, а успокоительные средства всё реже и реже глушили разум, тянулось куда мучительнее, чем прежде. Кроме того, он получил в школе список обязательного чтения, а сейчас уже был конец летнего триместра, и Нед не хотел отставать от других. Вследствие всего этого Нед начал при каждом появлении Рольфа приставать к нему с одним и тем же вопросом:

– С добрым утром, Рольф. Я вот подумал... Здесь случайно нет никаких книг?

– Рольф, я правда двигаюсь уже достаточно свободно, чтобы читать...

– В общем, неважно, какие это будут книги, но если бы вы нашли что-нибудь по истории Европы...

– Может, стоит спросить доктора Малло, что он об этом думает, но я, честное слово, уверен, что чтение поможет мне быстрее поправиться...

– Вы не спрашивали у доктора Малло? Что он сказал?

– Рольф, пожалуйста! Если вы понимаете, что я говорю, нельзя ли мне почитать что-нибудь? Все, что угодно.

– Рольф, я хочу видеть доктора Малло. Понимаете? Вы... говорить... доктору Малло... прийти ко мне, да? Скоро. Я видеть доктор Малло. Это очень важно...

В душе Неда закипал гнев, и гнев этот заставил его совершить роковую ошибку. Не может быть, сердито решил он в одну из бесконечных, одиноких ночей, чтобы Рольф совсем ничего не понял. Он просто жесток, причём жесток намеренно.

И однажды утром Нед не выдержал:

– Что говорит доктор Малло о моих книгах? Скажите.

Рольф продолжал методично расстёгивать ремни, готовя Неда к уколу.

– Я хочу знать, что говорит доктор Малло. Скажите мне.

Рольф молча протянул ему пустую бутылку для мочи.

Кипя от горькой несправедливости происходящего, Нед сунул бутылку под одежду и начал наполнять её, а гнев между тем всё нарастал и нарастал.

Рольф склонился над ним со шприцем, и Нед, доведённый до иступления и размеренным спокойствием этой процедуры, и молчанием, резко рванул бутылку вверх и выплеснул её содержимое Рольфу в лицо.

По меньшей мере пять секунд Рольф простоял совершенно неподвижно, не мешая моче стекать по лицу и капать с подбородка.

Вспышка Неда мгновенно угасла, и он попытался, безуспешно впрочем, подавить смешок. Рольф неторопливо наклонился, положил шприц на снабжённый колёсиками столик, взял полотенце, аккуратно сложил его вчетверо и промокнул лицо. Что-то в холодной бесстрастности его поведения обратило веселье Неда в страх, и он, словно трёхлетний ребёнок, залепетал извинения:

– Пожалуйста, не говорите доктору Малло! Простите меня, Рольф, простите! Но я хотел только... мне так жаль, я не понимал, что делаю...

Рольф обеими руками показал Неде, что тому следует лечь, – обычный его жест, свидетельствующий, что он намерен застегнуть ремни.

– А как же укол? Укол, Рольф...

Рольф пощёлкал застёжками и теперь стоял, склонив голову несколько набок и глядя сверху на Неда.

– Рольф, мне действительно очень жаль, я обещаю...

Рольф положил обе ладони, одну поверх другой, на здоровое плечо Неда и, навалившись всем весом, принялся месить его, как пекарь месит тесто. Выворачиваясь из сустава, треснула кость.

Рольф легонько кивнул, развернул столик и выкатил его из комнаты. Через несколько часов Нед лишился голоса. Крик, казалось, изодрал его горло в клочья.

Последующие, растянувшиеся на целую вечность дни Нед лежал в одиночестве и скулил. Никем не посещаемому, не получающему никаких лекарств, купающемуся в собственном поту и моче, ему нечем было занять свой мозг, кроме двух страшных фактов и одного невыносимого вопроса.

Во-первых, Рольф вовсе не вышел из себя. Если в он сделал то, что сделал, в приступе гнева, в миг, когда Нед смеялся прямо в его залитое мочой лицо, тогда ещё могла сохраниться какая-то возможность примирения, возможность выпросить прощение. Тогда поступок его был бы ужасным, но человеческим.

Во-вторых – Нед плакал и плакал от жестокости случившегося – Рольф совершенно обдуманно занялся здоровым плечом Неда, левым. Правое, ещё не до конца сросшееся после увечья, он не тронул. А такая безжалостная, методичная жестокость никаких надежд не оставляла.

Третьим же шёл вопрос – вопрос, заслонявший собою все, пока Нед шептал и шептал его, обращаясь к себе самому.

За что? В чем его преступление? Именем Иисуса...

За что?

3. Остров

Наконец-то, наконец-то, наконец-то, наконец-то.

Бумага.

Две ручки.

Вернее, фломастера – это чтобы я не поранился. И не поранил кого-то другого.

Очень трудно описать чувство, которое возникает в сжимающей фломастер руке. Я давно уже не держал ручку. На каждое слово у меня уходит по сто лет. Я отвлекаюсь, с таким напряжением следа за рукой, что она начинает смущаться и забывает, как выводить простейшие буквы.

Примерно то же было с голосом. Иногда я по целым дням не произносил ни слова. Боялся разговаривать сам с собой. А иногда до меня доносились какие-то чужие голоса, звучавшие, как голоса безумцев. И мне не хотелось, чтобы мой звучал так же.

Когда я решаюсь заговорить с собой, то стараюсь говорить упорядоченно и разумно. «Сегодня я триста раз отожмусь до обеда и пятьсот раз после», – могу я сказать себе. Или: «Этим утром я повторю „Отче наш“, „Символ веры“, все известные мне гимны, а потом перечислю все столицы, какие смогу вспомнить». И вслух напоминаю себе, что, если какие-то из них забуду, отчаиваться не следует. Я уже понял: разочарование в себе, отчаяние – мои враги. Некоторое время назад я забыл столицу Индии. Глупо, конечно, но я очень долго визжал, плакал, бил себя в грудь и дёргал за волосы с такой силой, что в руках оставались окровавленные пучки, – и всё из-за того, что не мог вспомнить, какая в Индии столица. А потом, без всякой на то причины, я проснулся поутру со словами «Нью-Дели» на губах. Это название, вернее, его отсутствие в моей голове доставило мне столько страданий и боли, что я почти разозлился – и на то, что вспомнил его, и на то, что оно такое простое. Когда я что-нибудь забываю, даже на несколько дней, это не просто огорчает меня: всё моё тело

покрывается сыпью, я мучаюсь запором и впадаю в полное отчаяние. Я решил, что в дальнейшем, забыв даже самую простейшую вещь, буду только смеяться и улыбаться.

Был, к примеру, такой случай – год, что ли, назад, – я никак не мог припомнить имя моего школьного преподавателя биологии. И смеялся от удовольствия. Я действительно заставил себя смеяться от удовольствия при мысли, что мой мозг так глубоко похоронил доктора Сьюэлла. Да и с какой стати Нью-Дели или доктор Сьюэлл обязаны являться ко мне по первому зову? Такое отношение к памяти очень мне помогает. Теперь я не заставляю себя вспомнить то или это, не сужу о себе по способности вспоминать и в результате помню многие вещи куда более ясно. Пожалуй, надо будет завтра посидеть, перебрать в памяти все сданные мной когда-то экзамены. Правда, глянув на первые две исписанные страницы, я сказал себе, что за такой почерк любой экзаменатор счёл бы меня никуда не годным. Кроме того, теперь я знаю, что доктор Сьюэлл не был моим учителем биологии. И он, и школа – всё это плоды моего воображения.

Очень интересно было перечитать то, что я уже написал. Я заметил в себе склонность удваивать буквы. Я даже «годным» попытался написать с двумя «д». Мне кажется, это как-то связано с боязнью завершить то, что я делаю, слишком быстро. Я тут научился дважды обдумывать все, что собираюсь сделать. Каждую ложку еды, каждое отжимание, приседание и наклон, каждую прогулку по комнате я строжайшим образом планирую, всё это – полностью продуманные поступки. О! Как красиво! Полностью продуманные поступки!

...Полностью продуманные поступки...

Боже! Какая красота! Я раньше не обращал внимания на то, как выглядят на странице слова того или иного языка. Иностранцу, наверное, показалось бы, что от этой фразы просто смердит английским. Я потратил целые века, пробуя слова на вкус, перекатывая в горле, чтобы насладиться их звучанием, но никогда, никогда прежде не приходило мне в голову, что слова могут, даже при моем жутком почерке, ещё и выглядеть такими прекрасными, исполненными такого вечного изящества.

Кстати, слова «полностью продуманные поступки» и звучат прекрасно. По крайней мере, когда громко произносишь их в пустой комнате.

Думаю, то, что они означают, тоже прекрасно, особенно для человека в моем положении.

Ну вот, я смотрю на исписанные мной листы и всё оттягиваю момент, когда придётся связно и последовательно написать о себе и о своём положении, оттягиваю из боязни, что сделаю это слишком быстро, что может настать день, когда я обнаружу – написанное исчерпывает моё настоящее и больше мне сказать нечего.

Последовательно! Это ли я имел в виду? Я имел в виду «в исторической последовательности», и всё же слово «последовательно» тут не годится.

Хронологически – вот как. Нужно только расслабиться, и слова возвращаются ко мне.

Думаю, если я стану описывать всё случившееся хронологически, оно предстанет передо мной в другом свете. Я в этой комнате один, и в моем сознании в моей душе вся моя жизнь стала не чем иным, как странного рода игрой. Подобно любой игре, эта может быть забавной, а может – очень огорчительной. Подозреваю, что, если я перенесу её на бумагу, получится что-то вроде отчёта. И всё обратится в правду, а я не уверен, что станет со мной, когда я осознаю: всё это правда. Возможно, я действительно сойду с ума, возможно, обрету свободу. Стоит рискнуть и выяснить.

Начну со времени. На то, чтобы записать всё это, у меня ушло, думаю, пять часов. Я основываю мои выкладки на движении теней, на появлении еды и на подсчётах. Я предполагаю, что завтрак приносят в восемь. Вообще-то, неважно – в восемь, в семь или в девять, важен ход часов, а не их обозначение. Когда я (незадолго до ломки голоса) состоял в школьном хоре, нас учили читать ноты по интервалам. Совершенно несущественно, какая нота пелась первой, «до» или «фа», важен был промежуток между первой и второй, интервал. Вот чему учила Джулия Эндрюс детей... ладно, я не могу припомнить их имён, но злиться не стоит... Она учила мальчиков и

девочек петь «до-ре-ми». Примерно то же происходит и у меня со временем. У этого есть своё название. Тоническое что-то там...

Хорошо, завтрак, ну, скажем, в восемь. Если так, то обед – в половине первого. Я знаю это, потому что множество раз просчитывал промежутки времени, отделяющий завтрак от обеда. «Одна Миссисипи, две Миссисипи, три Миссисипи, четыре Миссисипи» и так далее. Это было очень тяжёлое время: день за днём, неделю за неделей я где-нибудь да сбивался со счёта и потом плакал от горя до самой ночи. Я начинал верить, что сбиваюсь намеренно, не желая больше быть хозяином времени. И всё же настал день, когда я в совершенстве – «без сучка без задоринки», так я это назвал – овладел искусством счёта и мог с уверенностью сказать, что между завтраком и обедом проходит четыре с половиной часа. Я установил, что результат (когда я не сбиваюсь) лежит между шестнадцатью тысячами и шестнадцатью тысячами пятьюстами Миссисипи. Шестнадцать тысяч двести секунд – это четыре с половиной часа, хоть вам и стало бы за меня стыдно, узнай вы, сколько мне потребовалось времени, чтобы обрести полную уверенность в правильности этого простого подсчёта. Разделить на шесть, а потом ещё на шесть не так уж и сложно, однако моему мозгу было трудно удерживать все цифры сразу.

16 200. В записанном виде это число не кажется таким уж большим. Шестнадцать тысяч двести. А если записать его словами – оно увеличится? Поверьте, когда подсчитываешь все Миссисипи одну за другой, кажется, что на это уходят часы. Так ведь они и уходят. Четыре с половиной часа.

В этой комнате только одно окно, под самым потолком, а за ним (я подпрыгивал на кровати) стоит дерево, которое я называю моей лиственницей. Вообще-то, я никогда толком не мог отличить лиственницу от дуба, но помню, что лиственницы высоки, а моё дерево тоже высокое, так что оно вполне может быть и лиственницей. Зимой, при низком солнце, я вижу, как её тень ползёт по потолку. Это могло бы сильно помочь мне в расчётах, да только я мало что знаю о Земле и о Солнце. Знаю лишь, что, когда появляется тень, значит, лето закончилось и вот-вот начнётся долгая зима, а когда тень исчезает, стало быть, наступила весна и впереди бесконечное лето.

Я пытался, как вы легко можете себе представить, подсчитывать дни и недели, но что-то меня остановило. Как-то раз я попробовал отмечать дни на стене, царапая метки ногтями, однако ногти быстро сточились, и я не смог продолжать. Пластмассовую посуду после еды неизменно уносят, а если бы я попытался делать пометки на стенах фломастерами, у меня бы их наверняка отобрали. Теперь-то у меня есть бумага, и я мог бы рисовать, как делают заключённые, ряды солдатиков, каждую неделю разделяя их чёрточкой, но, по правде говоря, мне не хочется знать, сколько прошло времени. Не могу сказать, какое количество зим и лет уже миновало. Иногда я думаю, что тех и других было три, иногда – пять.

Одно время мне казалось, будто я знаю, когда наступает воскресенье. Свет снаружи становился более ярким, атмосфера в доме менялась. Эхо шагов в коридоре, казалось, звенело как-то иначе, – глупость, конечно. Я говорил тому, кто приносил мне еду обычно Рольфу или Мартину: «Приятного воскресенья!» – но ответа не получал. Только один раз Мартин, который казался мне – совсем недолго – человеком получше, чем Рольф, буркнул: «Сегодня среда», и я почему-то страшно расстроился.

Меня перевели в эту комнату, когда зажали плечи. Первую я почти забыл, в чем, наверное, есть своего рода милосердие. Меня там привязывали к кровати, и я почти совсем упал духом. Рольф со мной не разговаривал. Доктор Малло не приходил. Воспоминания мучили меня сильнее, чем боль. Я всё ещё верил, что скоро всё закончится, понимаете? Думал, что снившийся мне отец придёт и освободит меня, что всё это ужасное недоразумение вот-вот разрешится. Теперь-то я знаю, что к чему. Доктор Малло объяснил мне, что мой дом здесь и другого у меня нет. Я был болен. Мой разум наполняли ложные воспоминания, рассеять которые способно одно только время. Если я потерплю, если не стану спешить, то смогу понять всё гораздо яснее.

Я очень больной человек, хоть и молодой. Фантазер, выдумавший для себя жизнь, которой не было. Ощущение своей неадекватности заставило меня уверовать, будто когда-то я вёл приятную, полную любви и уважения жизнь. Я вообразил, что был

счастливым, уравновешенным, всеми любимым юношей, сыном знаменитого, занимающего важный пост отца, что учился в прославленной частной школе. Зablуждение, по-видимому, распространённое. Многие несчастливые дети предпочитают – вместо того чтобы глядеть реальностям своей жизни в лицо – перебираться в примерно такой же мир. Для меня всё осложняется тем, что чрезмерная пылкость моих фантазий выжгла воспоминания о той жизни, которую я на самом деле вёл. Я не могу припомнить или вообразить её, как ни стараюсь. Выдуманная личность так срослась со мной, что даже сейчас, когда я уже знаю правду, мне не удаётся полностью избавиться от неё. Доктор Малло говорит, что моя болезнь одна из самых стойких и неподатливых, с какими он сталкивался за всю свою профессиональную жизнь, и эти его слова мне помогают. Тут поневоле хоть немного да возгордишься.

Чем больше я смиряюсь с правдой, тем легче становится моя здешняя жизнь. Бумага и фломастеры – это результат одержанной некоторое время тому назад «победы». Теперь я чаще вижу с доктором Малло. Возможно даже, что мы встречаемся регулярно – раз в две недели или в десять дней, трудно сказать. Восемь или девять визитов назад я расплакался и признался ему, что знаю – никакой я не Нед и все, что я принимал за свои воспоминания, на самом деле ложь, как он и твердил мне давным-давно. Наверное, он решил, что я говорю это из желания порадовать его, потому что поначалу ничего не изменилось. Он даже был очень строг со мной, обвинил меня в том, что я притворяюсь, будто согласен с ним, – чтобы облегчить себе жизнь. Однако, навестив меня ещё несколько раз, доктор сказал, что я одержал настоящую победу и, стало быть, мне можно доверять и кое-что мне разрешить. Я спросил, не означает ли это, что мне позволят читать книги. Книги – это потом, ответил доктор, книги могут быть опасны для человека, у которого связь с реальностью ещё настолько слаба. Для начала будет неплохо, если я получу бумагу, ручку и запишу все, что чувствую. Если доктор Малло уверится в том, что я отношусь к своему положению с должной серьёзностью, я смогу начать посещать библиотеку.

А как насчёт других пациентов? Можно ли мне будет встречаться с ними? Я заметил, что после полудня и по вечерам наступает время, когда раздаётся электрический звонок, а потом где-то далеко открываются и закрываются двери, слышится шарканье ног и временами короткий смешок.

Доктор Малло похвалил меня за наблюдательность и выразил надежду, что когда-нибудь я стану настолько сильным и уравновешенным, что смогу общаться с другими людьми, не подвергаясь при этом опасности. Ему приятно, что мне присуще самоуважение, которое заставляет меня поддерживать физическую форму, он надеется, что я смогу заняться и умственными упражнениями, подобными наклонам и приседаниям, с помощью которых я укрепляю тело.

Так что теперь мне следует делать всё очень медленно и не позволять себе чересчур возбуждаться. И не нужно преувеличивать мои кажущиеся достижения, потому что, если честно, во сне, а иногда и наяву тени ложных воспоминаний ещё наполняют мой разум, словно духи-искусители. Если я буду слишком оптимистично оценивать своё состояние, это не принесёт мне никакой пользы. Впереди у меня ещё очень долгий путь.

Снаружи доносится поскрипывание тележки. Скоро время лечебных процедур и ужина. Я должен отложить ручку, аккуратно выровнять на столе пачку бумаги и сидеть выпрямившись. Совсем не нужно, чтобы доктор Малло узнал, что я слишком разгорячился или вёл себя недисциплинированно.

Фон Трапп! Вот как звали детей в «Звуках музыки»! Вот видишь! Если расслабиться, всё действительно возвращается. «Певцы семейства фон Трапп»...

Это был чудесный, обнадёживающий день.

– Ну-с, Нед, друг мой, как вы сегодня?

– Очень хорошо, доктор Малло, но только – можно кое о чем попросить?

– Разумеется. Вы же знаете, что можете попросить меня о чем угодно.

– Я думаю, это неправильно, что вы всё ещё называете меня Недом.

– Мы уже говорили об этом. Я с удовольствием стану звать вас так, как вам захочется. Попробуйте предложить мне другое имя. Имя, которое вам памятно.

Нед наморщил лоб.

– Ну, иногда мне кажется, что я, может быть, Эшли.

– Вы хотели бы, чтобы я называл вас Эшли?

– Нет, не думаю. Что-то тут не так. Я уверен, что помню одного Эшли, наверное, он был чем-то похож на меня. Имя Эшли связывается у меня с притворством, с попытками казаться не тем, кто ты есть, но всё это немного запутано. Нет, вряд ли я – Эшли. Я надеялся, что, может быть, вы сами придумаете мне имя. Не исключено, что я скоро вспомню настоящее, а пока, как вы меня ни назовёте, всё будет лучше Неда. Имя Нед начинает меня раздражать.

– Очень хорошо. Я буду звать вас... – доктор Малло оглядел комнату, словно ожидая, что какая-то из находящихся в ней вещей подскажет ему подходящее имя. – Я буду звать вас Томасом, – сказал он после паузы, во время которой разглядывал картину, висевшую на стене за спиной Неда. – Как насчёт Томаса? Имя, сколько я понимаю, английское, а вы у нас – молодой англичанин. Уж это-то нам известно.

– Томас... – Нед с удовольствием произнёс это имя. – Томас... – повторил он счастливым тоном разворачивающего подарок ребёнка. – Очень хорошее имя, доктор. Спасибо. Мне оно очень нравится.

– Итак, мы станем звать вас Томасом, – решил доктор Малло. – Однако я должен убедиться в том, что вы понимаете, в чем состоит значение имени. Это попытка бегства от Неда, символ, скажем так, нового начала. Важно, чтобы вы относились к нему реалистично, не воображали, будто у Томаса имеется прошлое, в которое вы можете отступить. Это имя, которое мы только что придумали вместе, – для удобства и для того, чтобы отметить ваш успех. Ничего более.

– Абсолютно!

– Итак. Томас, мой юный друг. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, очень хорошо, – ответил Нед. – В последнее время я чувствую себя очень счастливым.

Звучание нового имени казалось ему чудесным, порождало чувство, которое позже, в своей комнате, он ещё разовьёт в себе и станет хранить, как сокровище. «Привет, Томас»; «Томас, рад тебя видеть»; «О, смотрите, а вот и Томас!»; «Добрый старый Томас...»

– А я наконец, – сказал доктор Малло, бросая взгляд на лежащую перед ним на столе высокую стопку бумаги и чуть приметно улыбаясь, – начал без особых усилий разбирать то, что вы пишете.

– Я теперь лучше пишу, правда? – с энтузиазмом согласился Нед. – Мне стало гораздо легче выводить буквы.

– И лучше, и медленнее, надеюсь? С большим спокойствием?

– Более чем.

– У вас отросла изрядная борода. Она вам не мешает?

– Ну, – рука Неда поднялась к лицу, – чтобы привыкнуть к ней, потребуется время. Чешется, и, думаю, я выгляжу с ней довольно странно.

– Нет-нет. Почему же странно? Борода – вещь самая естественная.

– Ну...

– Вы хотели бы увидеть себя с бородой?

– А можно? Правда, можно? – Упирающиеся пальцами в пол ноги Неда начали подпрыгивать.

– Я никаких противопоказаний не вижу.

Доктор Малло выдвинул ящик письменного стола, извлёк из него ручное зеркальце и через стол передал Неду, который опустил зеркальце на подёргивающиеся колени и отвернул в сторону лицо.

– Бойтесь взглянуть?

– Я... я не уверен...

– Упритесь ступнями в пол и сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов. Раз-два-три. Раз-два-три.

Колени Неда замерли. Он повернулся к доктору Малло, поднял зеркальце, дважды сглотнул и открыл глаза.

– Ну, и как вам?

Нед смотрел на лицо, которого он не знал. Лицо с не меньшими изумлением и ужасом взирало на него. Измождённое, с острыми скулами и запавшими глазами. Длинные, прямые, соломенного цвета волосы свисали на уши, борода же казалась жёстче и несколько отдавала в рыжину. Нед коснулся своего лица и увидел костлявые пальцы, погладившие подбородок лица в зеркале, подёргавшие его за усы.

– Вам знакомо это лицо?

Нед старался не встречаться взглядом с глазами, глядевшими на него из зеркала. Глаза обиженно отливали холодной синевой. Похоже, он им не нравился.

– Кто это? – крикнул Нед. – Кто этот человек?

Я не знаю его!

По бороде в зеркале текли слезы. Лицо облизало растрескавшиеся губы. Поджало их, с отвращением глядя на Томаса.

– Довольно. Верните мне зеркало.

– Кто он? Он меня ненавидит! Кто он? Кто? Это не я! Это Томас? Это не Нед. Кто это?

Доктор Малло нащупал под столом кнопку звонка. Глупо было решаться на подобный эксперимент. Зрелище неприятное, но и завораживающее тоже. Такой прискорбный дистресс, такое полное вытеснение личности. Малло вспомнил свою диссертацию, посвящённую работам Пиаже ⁴⁹. Если бы в нём ещё сохранилась энергия учёного, он мог бы написать об этом статью. Но дни профессионального честолюбия для доктора Малло давно миновали. Доктор смотрел, как Рольф входит в комнату, как с методичной распорядительностью, никогда его не покидавшей, отбирает у Неда зеркальце, как застёгивает наручники на запястьях молодого человека.

– Успокойтесь, Томас. Теперь вы, надеюсь, понимаете, что вам ещё предстоит проделать долгий путь. Пока же вас ожидает период покоя. Писать вы некоторое время ничего больше не будете, просто предавайтесь мирным размышлениям. Хлорпромазин, – прибавил он, обращаясь к Рольфу. – Семьдесят пять миллиграммов, я полагаю.

Глаза Неда не отрывались от зеркальца, стеклом вниз лежащего на столе. Он даже не замечал, что Рольф закатывает ему рукав. Разум его наполняло одно желание – снова увидеть этого измождённого человека и выдрать из глазниц его злые глаза.

Выпадали, очень нечасто, особые дни, когда еду на поднос Неда наваливали горой, а на столе появлялись вазы с цветами и

49. Жан Пиаже (1896–1980) – швейцарский психолог, исследователь детской психологии

свежими фруктами. В такие утра Мартин и Рольф выводили Неда из комнаты и ставили под душ, расположенный в конце коридора. Один держал его, другой отмывал дочиста губкой. Затем там же, под душем, но уже выключив воду, они стригли его и сбривали бороду. И комната, когда он возвращался, оказывалась тщательно вымытой. Ночной горшок исчезал, в воздухе витал сосновый аромат освежителя.

Во второй половине этих удивительных дней его посещал доктор Малло, а с ним ещё два человека, мужчина и женщина, – на них не было белых халатов, они приносили с собой в комнату атмосферу внешнего мира. Сумочка женщины и кейс мужчины зачаровывали Неда. От этих людей исходили странные запахи – настораживающие, чарующие и пугающие одновременно.

Все трое разговаривали на неизвестном Неду языке – на котором говорили Рольф и Мартин и который Нед когда-то давно счёл скандинавским. Он слышал, как в этих разговорах упоминалось его имя – теперь только «Томас», Недом больше никто его не называл.

Иногда женщина обращалась к нему. – Вы меня помните? – с сильным акцентом спрашивала она по-английски.

– Да, как поживаете? – отвечал Нед.

– Вы-то как поживаете?

– О, мне намного лучше, спасибо. Намного лучше.

– Вы всем довольны?

– Очень доволен, спасибо. Да. Я очень доволен. Как-то летом они появились опять, но на этот раз их было трое. К знакомой паре добавилась ещё одна женщина, моложе и намного пытливей. Нед заметил, что доктор Малло напрягается при каждом её вопросе и изо всех сил старается давать такие ответы, какие, по его представлениям, от него ожидали или хотели услышать.

– Как давно вы здесь, Томас? – Английский этой новой женщины был лучше, чем у доктора Малло, да и обращалась она прямо к Неду. Другие тоже задавали ему вежливые вопросы, но даже не пытались сделать вид, будто ответы их интересуют. Эта женщина, похоже, очень интересовалась Недом и с большим вниманием слушала то, что он говорил.

– Как давно? – Нед глянул на доктора Малло. – Я не очень уверен...

– Не смотрите на доктора, – предупредила женщина. – Я хочу узнать, сколько времени, по-вашему, вы здесь провели.

– Довольно трудно сказать. Возможно, года три-четыре. Или немного больше?

Женщина кивнула:

– Понятно. А зовут вас, насколько я знаю, Томасом?

Нед с энтузиазмом подтвердил:

– Да-да, именно.

– Но когда вы только попали сюда, вас звали Недом.

Нед обнаружил, что звук этого имени ему неприятен.

– Я тогда был немного не в себе, – объяснил он. – Много мусора в голове. Навоображал себе всякое.

– У вас есть друзья среди других пациентов?

Доктор Малло начал что-то объяснять молодой женщине, она выслушала его и быстро заговорила сама. Неду показалось, что некоторые из услышанных слов немного схожи с английскими – «лучше» и «истерия».

Странно было видеть, как словно уменьшившийся в размерах доктор Малло боится этой женщины. Доктор слушал её, склоняя голову набок, кивал и улыбался, быстро проводил языком по губам, что-то записывал на листке, прикрепленном зажимом к пюпитру, который он принёс с собой. Далеко не один только рост этой женщины, думал Нед, делает доктора маленьким рядом с нею, хоть она и была на целый фут выше его. всё поведение Малло напоминало Неду собственные потуги угодить Рольфу, а то и самому доктору.

Женщина опять обратилась к Неду:

– Доктор говорит, что вы с самого вашего появления здесь предпочитали не общаться с другими пациентами.

– Я... думаю, я не был к этому готов. Брови женщины приподнялись:

– Почему же?

Нед понимал, что ему не следует смотреть на доктора Малло, пытаться получить от него подсказку или ободрение. Доктору будет приятнее, если он проявит способность думать самостоятельно.

– Я хотел обрести побольше уверенности в себе, понимаете? Не хотел никому лгать о том, кем я был.

И ещё, – добавил он, – я говорю только по-английски и мне не хотелось, чтобы у меня возникли проблемы, связанные с непониманием моих слов.

Последняя мысль возникла сама собой, и Нед надеялся, что доктор будет доволен его изобретательностью.

Последовал ещё один быстрый обмен репликами, в котором приняли участие и вторая женщина, и её спутник. Доктор Малло с энтузиазмом кивал и что-то записывал. Нед заметил, что он очень старается выглядеть довольным.

– Мы скоро увидимся, Томас, – сказала молодая женщина. – Надеюсь, общество говорящих по-английски людей вам поможет. Пообещайте, что постараетесь разговаривать с другими пациентами, хорошо? С одним или двумя для начала. На случай, если вы разнервничаетесь, за вами будут присматривать. Думаю, вам понравится.

Нед кивнул и постарался принять вид храбрый и решительный.

– Хорошо. – Она обвела взглядом комнату. – Я вижу, у вас тут совсем нет книг.

– Я теперь опять пишу, – сказал Нед тоном почти оправдывающимся. – Даже сочинил несколько стихотворений.

– Не сомневаюсь, что, если у вас появится возможность читать, стихи ваши только улучшатся. Книги полезны для здоровья. До свидания, Томас. Мы встретимся при следующем моем приезде, и я надеюсь увидеть в вашей комнате книги. Тогда мы поговорим о том, что вы прочитали и каких друзей завели.

Вечером того же дня, когда Мартин принёс ужин и начал переставлять на тележку вазы с цветами и фруктами, Нед заговорил с ним плачущим тоном:

– Та женщина сказала, что мне придётся разговаривать с другими людьми. Это правда? Я не хочу. Я хочу быть один. Передайте доктору Малло, что я не хочу ни с кем знакомиться. Особенно с англичанами.

– Ты делать, как говорит доктор. Если доктор хочет, чтобы ты знакомиться с другие люди, ты знакомиться с другие люди, – ответил Мартин. – всё равно, английский не английский. Не ты выбирай. Выбирай доктор. И вот, смотри, – Мартин уронил на пол у кровати толстенный том английской энциклопедии, – ты читать.

Этой ночью Нед улыбался во сне. К нему вернулось давно забытое воспоминание о добром старике, читавшем ему «Сказки дядюшки Римуса». Что-то такое про Братца Кролика, Смоляное Чучелко и терновый куст. Он не очень хорошо понимал, чем важна для него эта сказка, но понимал, что важна.

Когда Мартин через застеклённую дверь ввёл в освещённую солнцем комнату явно недовольного пациента, Бэйб поднял глаза от шахматной доски. Гладко выбрит после вчерашнего официального визита, отметил Бэйб. Судя по соломенным волосам и синим глазам, ещё один чёртов скандинав. Какие же у них испуганные глаза. Ты только помни, испуг может быть и поддельным. Насторожен и внимателен – под личиной уступчивости и пеленой торазина. Знакомый видок. Наш друг, как я погляжу, провёл здесь немалое время. Во всяком случае, не рисковать по пустякам он научился. Но почему они держали его отдельно от нас? В чем состоит его большой секрет? – вот что нам интересно. И форму поддерживает самостоятельно, это тоже видно. Физические упражнения по полной программе. И кстати,

о физических упражнениях, Мартин, сальная скотина, наверняка уже к нему подъезжал. Ничего ему не обломилось, судя по тому, как сердито стискивает его лапа плечо молодого человека. Ну-ну. Хоть будет о чем поразмыслить.

Бэйб опустил глаза к доске и заныл-загудел на высоких тонах:

– А, так вон что ты задумал, свинья распутная? Ну, с этим-то я управлюсь, есть у меня пара приёмчиков...

«А здорово ты наловчился нести невразумительную чушь, Бэйб», – прибавил он про себя.

– Ты сидеть здесь, – сказал молодому человеку Мартин.

Иисус Христос, английский! Благословенный Господом английский язык. Искалеченный Мартином до смерти, согласен, но всё же английский.

Бэйб едва не выдал любопытства, распрямившись и взглянув через стол на вошедших.

Спокойнее, Бэйб, спокойнее. Существует масса причин, по которым Мартин заговорил по-английски. Мальчишка всё равно может оказаться финном, фламандцем или голландцем. Ниоткуда не следует, что он самый что ни на есть бритт из Бритландии. Не надо спешить с выводами. Английский – лингва франка всех шикарных международных заведений. На нём говорят в любом классном банке, борделе и сумасшедшем доме – отсюда и до Балкан.

Молодой человек, уже севший, попытался теперь встать.

– Я говорю – сидеть. – Мартин сердито придавил его плечи. – Ты сидеть, оставаться.

А ты-то почему ни слова не говоришь, мальчик?

Глаза Бэйба перебежали с одной шахматной фигуры на другую, пальцы подёргивали за нижнюю губу. Никто бы и не подумал, будто он осознает существование мира за пределами лежащих перед ним шестидесяти четырёх клеток, и уж совсем невозможно было догадаться, что всё его внимание сосредоточено на нескладном госте, заявившемся в солнечную галерею.

Мартин прошёлся по ней, оглядывая других пациентов, пока его собственный беспокойно ёрзал на пластмассовом стуле.

– Пожалуйста, можно я уйду? – в конце концов проскулил молодой человек.

Да охранят нас ангелы Господни! ⁵⁰. Не просто бритт. Англичанин! Такой же английский, как майское дерево! Английский, как пытка! Английский, как ханжество, педерастия и парламент. Четыре коротеньких слова, но я могу провести их грамматический разбор, разложить их на части так же легко, как простое «спасибо».

«Пожалуйста, можно я уйду?» Частная школа. И хорошая к тому же, не какая-нибудь дыра. Одна из трёх первоклассных – или я полный дурак, а таковым, свидетель мне Бог ⁵¹, я никогда не был.

«F3, слон g2, ладья отходит...»

Уинчестер, Итон, Харроу?

«Пешку с „с“ вперёд, потом жертвуем ею, чтобы расчистить место на ферзевом фланге...»

Не Уинчестер, полагаю. Слишком вежлив.

«Меняем слона на коня и все черные квадраты мои...»

Итон? Не думаю. Не та осанка. Осанки у итонца не отнять, даже здесь. Остаётся Харроу. *Semper floreat herba* ⁵².

50. В. Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена 4. Пер. М. Лозинского

51. Послание к Римлянам, 1, 9

52. «Пусть всегда зеленеет трава» (лат.)

– Бэйб, я хочу с тобой кое-кого познакомиться. Это Мартин, подойдя, заговорил уже по-шведски.

– Не хочу я ни с кем знакомиться, – на том же языке пробурчал Бэйб и так неуклюже произвёл размен, что фигуры посыпались с доски. – Оставь меня в покое.

– Мало ли чего ты не хочешь, старик. Его зовут Томас. Можешь научить его играть в шахматы.

Нед наклонился и поднял с пола чёрную ладью. Бэйб, даже не взглянув на него, вырвал фигуру из руки Неда и хлопнул ею по доске.

– Сидеть и играть шахматы, – приказал Неду Мартин. – Это Бэйб. Наш самый старый гость. Здесь даже перед доктор Малло, так, Бэйб?

– Я попал сюда ещё до того, как ты был капелькой семени, стекавшей по греховной ноге твоего папаши, ничтожный ты, извращённый, обгаженный пидер.

– Что? Что он говорит?

– Он говорит, что действительно провёл здесь долгое время, – ответил Нед. – Послушай, Мартин, мне обязательно нужно с ним разговаривать? Нельзя ли мне вернуться в мою комнату? Пожалуйста. Или хотя бы побыть одному?

– Ты разговаривать, – приказал Мартин. – Я вернуть к обеду. Сидеть. Разговаривать. Играть шахматы. И не ссорить друг друга.

Почти минута прошла в молчании – Бэйб расставлял фигуры, а Нед сидел, старательно изображая недовольство.

За спиной Бэйба он видел лужайку, полого уходящую вниз, к веренице деревьев, стоявших так тесно, что это наводило на мысль о реке. За окном виднелись другие пациенты, сидящие на скамейках, прогуливающиеся. Нед никак не мог поверить, что всё это стало возможным.

Яркий свет, запахи, исходившие от людей и мешавшиеся с кисловатым запахом нагретого солнцем вина, пьянили Неда. Он ощущал спиной подозрительный взгляд Мартина и потому не мог показать, как ему не терпится поговорить, – вместо этого он угрюмо сгорбился и уставился на шахматные фигуры с таким выражением, словно те были его врагами.

То, что этот старик, Бэйб, если Нед правильно расслышал, сказал прямо под носом Мартина, взволновало Неда невообразимо. Старик назвал его ничтожным, извращённым, обгаженным лидером, но говорил невнятно и быстро, чтобы значение сказанного до Мартина не дошло. Он, может быть, и безумен, и нехорош собой, но находиться с ним рядом определённo куда веселее, чем сидеть в пустой комнате.

– Ну вот, сынок, – произнёс вдруг старик. Взгляд его был прикован к доске, говорил он себе под нос, но Нед отчётливо слышал каждое слово. – Мартина ты облапошил. Чем более расстроенный у тебя будет вид, тем пуще ему это понравится. Сразу мне не отвечай, обопрись подбородком о ладонь, чтобы прикрыть губы, и сохраняй на лице раздражённое, недовольное выражение. Оно у тебя отлично получается.

Сердце Неда забилось быстрее. Он поставил локоть на стол, уткнулся ртом в ладонь.

– Вы англичанин?

– Черта с два!

– Мартин смотрит на нас?

– Стоит с чашкой кофе в руке и пялится на твой затылок, насупясь, как обозлённая навозная оса. Ты отверг его амурные притязания, так, паренёк? Нет-нет. Краснеть не надо. Он подъезжает с ними к каждому новому пациенту. Ты ход-то делать собираешься? Или хочешь сказать, что шахматам в Харроу не учат?

Нед ахнул и невольно поднял на старика взгляд.

Бэйб, выпятив губы, уставился на доску с таким видом, словно ничего и не говорил. Затем неторопливо произнёс нараспев:

– Зря я так сразу тебя огорошил. Чертовски люблю повыпендриваться, ты уж меня прости. Но если профессор Хиггинс умел проделывать эти штуки, почему не попробовать Бэйбу? Опустив взгляд на доску и сделав ход, ты, изнеженный азиатский нефрит.

Нед двинул вперёд пешку и сразу принял прежнюю позу, прикрыв ладонью рот.

– Как вы могли это узнать? Ну, то есть... не кто я такой, не что я здесь делаю. Вы заглядывали в бумаги доктора Малло? Или слышали наши с ним разговоры?

– Да успокойся же ты, юный Томас. Давай не будем спешить, как слоны, завидевшие посудную лавку. Или как любые другие слоны – бегущие к лавке, вбежавшие в лавку или выскакивающие из реки, дабы предаться насилию и разбою. Со временем ты привыкнешь к моему безумному обращению с метафорами и аллюзиями. Пока запомни одно: если сегодня и в следующие несколько дней мы будем вести себя правильно, Мартин оставит нас в покое и будет рад-радешенёк. Меня он считает сумасшедшим стариком, стариком странным, безвредным, комичным, отвратительным, но тебе не доверяет, не нравишься ты ему. Он и Рольфи считают своим делом защиту этого заведения от последствий глупой либеральной доверчивости доброго доктора Малло. Если тебя выпустили на люди, так это из-за вчерашней новой девицы. Или я ошибаюсь?

– Нет, всё верно! – выдохнул Нед.

– Ну вот... Господи Боже, юная обезьянка, тебе ещё много чему предстоит научиться по части шахмат. Ты о «вилке» когда-нибудь слышал?.. Ну вот, я так и думал. Она у нас реформаторша с крепко притороченной к млечно-белым грудям новой метлой. Малло и его команда ещё впадут по её милости в буйство какое не снилось и самым буйным из нас. Если тебе до сих пор не позволяли разговаривать с нами, тому должна быть причина, а нашему начальству отнюдь не по вкусу ходить на поводу у либеральной дамочки с современными доктринами в голове. Кто засунул тебя сюда? Нед молчал.

– Не хочешь об этом говорить? Я тебя принуждать не стану, мальчик.

– Нет, дело не в этом. Я просто не знаю.

– Ладно, а давно ли ты здесь?

– Я... – Нед не знал, что сказать.

– Тут легко потерять счёт времени. Но хотя бы отдалённые представления о последнем дне, в который ты ещё был свободным человеком, у тебя имеются?

– Тридцатое июля. Только я был болен... придумывал всякие вещи. Вообще-то мне не следует думать о том времени. Доктор Малло говорит, что я должен забыть все те ассоциации, галлюцинации...

– Галлюцинация – это одна из немногих вещей, которым здесь можно доверять. Значит, тридцатое июля. А год?

– Восьмидесятый, – сказал Нед, чувствуя, как в душе его нарастает волнение. – Больше того, Томас – не настоящее моё имя. Меня зовут...

– Этого я знать не хочу. Пока. Если они сменили твоё имя, не надо, чтобы кто-то слышал, как ты называешь мне прежнее. Давай, делай ход. Делай, делай. Попытайся вытащить эту бедную ладью из дерьма, если сумеешь.

Нед смотрел на плывшие перед его глазами фигуры.

– Вы позволите называть вас Бэйбом?

– Разумеется, ты можешь называть меня Бэйбом, и что за наслаждение откликаться на имя, произносимое голосом столь чистым и правдивым. И первое, что сделает Бэйб для Томаса, когда мы убедим нашу стражу, что заставить нас общаться была их идея, – научит его толком играть в schach, echeques, шахматы, chess, scacchi... называй как угодно, ибо в настоящий момент ты, юный балда, имеешь о них представление катастрофическое. А в довершение сказанного – шах и мат.

– Боюсь, все мои познания ограничиваются правилами.

– Я сейчас снова расставляю фигуры, а ты отвернись. И поникни этак истомлено, как безлистая лилия в Ленте. Тебе со мной скучно, ты находишь меня осмически омерзительным, иными словами, ты считаешь меня смердящим, как наивонючайшая из вонючек. Но, прежде чем отвернуться, ответь мне на один вопрос.

– Какой?

– Как долго, по-твоему, ты здесь пробыл?

– Ну, какой сейчас год, я не знаю, но что-то около... нет, не знаю. Три года? Четыре?

– Десять, друг мой Томас. В следующем месяце исполнится десять лет.

– Что?

– Не так громко! И держи глаза долу. Сегодня, милостью Божией, восемнадцатое июня тысяча девятьсот девяностого года.

– Но не может же... не может же быть так много! Тогда выходит, что мне двадцать семь. Это невозможно!

– Сожалею, что именно мне приходится говорить тебе это, Томас, но выглядишь ты лет на тридцать, а то и сорок семь. На висках у тебя седина, да и выражение глаз далеко не юное. Так, стоп, он опять ест нас глазами. Отвернись и смотри в сторону.

Мартин с подлой, саркастической улыбочкой на физиономии приближался к Неду.

– Быстро сыграли. Не умеешь шахматы? Позволяешь сумасшедшему старику бить тебя?

Нед покачал головой, указал на Бэйба:

– От него пахнет.

– Ты приходишь играть и говорить с Бэйбом каждый день. Каждый день на час дольше. Вам обоим на пользу.

– Но...

– Не «но». Не «но». Ты жаловаться, и я делать вас вместе всё время. Может, поселить вас вдвоём? Тебе нравится? Делить комнату с вонючим стариком?

– Нет! – гневно ответил Нед, – Не нравится! И ты не имеешь права меня заставлять!

В следующие два месяца Нед возвращался к себе в комнату со спрятанными на теле листочками бумаги. На них было расписано все, что Бэйб знал о теории шахмат, – атаки, защиты, гамбиты, комбинации и используемые в эндшпиле стратегии. Курс обучения Неда начался с партий, сыгранных Филлидором и Морфи, с шедевров века романтиков, с партий, которые, подобно живописным полотнам, носили собственные имена, такие, как «Вечнозелёная», «Два герцога» и «Бессмертная». От них Нед перешёл к эпохе Стейница и современному стилю, затем к изучению так называемой сверхсовременной позиционной теории, от которой голова у него пошла кругом. Далее последовало введение в дебюты и контрдебюты, язык которых вызывал у Неда приступы смешливости. «Каро-Канн» и королевская индийская, сицилийская и французская защиты, Джиоко Пиано и Рюи-Лопец. «Вариант дракона», Тартаковер и Нимцович. Отказной королевский гамбит и королевский гамбит принятый. Атака Маршалла. Связка Мароши. «Отравленная пешка».

– Мы не подружимся, пока не сможем вместе играть в шахматы. В тебе есть качества приличного игрока. Они есть во всяком. всё дело лишь в памяти и в нежелании относиться к себе как к молокососу. Если человек умеет читать и писать, значит, ему по плечу и шахматы.

Неду хотелось расспросить Бэйба о столь многом, но любые вопросы, задаваемые поверх доски, Бэйбом отвергались.

– Шахматы, паренёк. Впери своё недреманное око в доску и давай играть. Твой ход, да не забудь о задней линии.

В первую же неделю доктор Малло зашёл в солнечную комнату и отправил Бэйба прогуляться по лужайке.

– Я хочу поговорить с моим другом Томасом. Фигур я трогать не стану, – заверил он Бэйба, и тот удалился, шаркая и бормоча в

бороду ругательства. – Ну, как тебе здесь нравится, Томас?

– Немного непривычно, – неуверенно ответил Нед. – Он очень странный человек, к тому же я и половины того, что он говорит, не понимаю. Он бывает очень груб, но если я не разговариваю слишком много, то, похоже, против моего присутствия не возражает.

– А скажи-ка, с кем-нибудь ещё из пациентов ты беседовал?

– Да попытался пару раз, – ответил Нед. – Только я не знаю, кто из них владеет английским. Вчера огорчил вон того мужчину – сел с ним рядом в кресло, а он обругал меня по-английски.

– Да, этот доктор Майклз очень несчастный человек. Боюсь, от него тебе никакого толка добиться не удастся. Неуравновешен, но не опасен. Я рад, Томас, что ты оказался способным бывать здесь. А Бэйб не... – доктор Малло окинул доску взглядом, который Нед инстинктивно определил как решительно ни аза не смыслящий, – Бэйб не проявлял любопытства к тебе? Не перегружал твой мозг вопросами?

– Он меня вообще ни о чем не спрашивает, – разочарованным тоном ответил Нед, – только собираюсь ли я ходить да почему дёргаю коленями под столом.

– А! Видишь ли, я интересуюсь этим по одной лишь причине: крайне важно, чтобы тебя не подтолкнули опять к прежним фантазиям. Если кто-нибудь начнёт расспрашивать, кто ты и какова природа твоей болезни...

– Так ведь я и не знаю, что им ответить, доктор. Ну, скажу, что зовут меня Томасом, что я выздоравливаю. Мне не хочется говорить о себе.

– И правильно. А в шахматы Бэйб хорошо играет?

Нед пожал плечами.

– Думаю, что нет. Будь ты повнимательнее, ты поставил бы ему мат в четыре хода. – Доктор Малло встал и, удовлетворённо кивнув, удалился.

– Мат в четыре хода, клянусь моей задницей и задницами всех, кто их здесь отсиживает! – шепотком прошипел Бэйб, когда Нед передал ему этот разговор. – Сколько же в нём дерьма, лживости и фальши. Если не уберёшь пешку «h», так сам же мат и получишь, причём в один ход, о четырёх не мечтай.

– Когда мы сможем поговорить о чем-нибудь, кроме шахмат, Бэйб?

– Когда ты меня обыграешь.

– Но я никогда не сумею!

– А ты в это не верь. На сегодня я записал для тебя «нимцо-индийскую». Тебе понравится.

Недели шли, и Нед обнаружил, что шахматы увлекают его всё больше. Что ни ночь, он засыпал с диагональными линиями напряжения и энергетическими силовыми полями, создаваемыми в его уме каждой из фигур. Шахматы и власть человека над фигурами стали основой его внутренней жизни. Он научился легко прокручивать позиции в уме, не представляя себе доски в целом. Его вопросы, теперь целиком посвящённые шахматам, начинали доставлять удовольствие Бэйбу.

– А, вон оно что. Тут ты перепутал стратегию с тактикой. Напоминает мне мою давнюю учёбу в военной школе. Стратегия, видишь ли, это план сражения, Большая Идея. Мы выиграем сражение, если возьмём тот холм. Такова наша стратегия – взять холм. А как мы его возьмём? Вот тут наступает черед тактики. Мы можем обработать его арт-огнём, а затем двинуть вперёд танки. Можем бомбить его с воздуха. Или сделаем вид, что разворачиваем наши силы вокруг другого объекта, и одурачим врага, внушив ему мысль, будто холм нам ни черта и не нужен. А ночью направим туда отряд диверсантов с ножами в зубах и сажеей на физиономиях, чтобы они втихую заняли холм. Тактика может быть какой угодно, но служит она достижению одной стратегической цели. Ты всё понял?

Лишь позже Нед, чей ум целиком захватили подробности партии, задумался над словами «моя давняя учёба в военной школе». При возрасте Бэйба он, вероятно, сражался на войне. На Второй мировой. Когда Нед при первом знакомстве спросил, не англичанин ли он, Бэйб ответил: «Черта с два!» – и Нед принял это за подчёркнутое отрицание. Однако голос Бэйба, его выговор, манера речи были очень и очень английскими – богатый, сочный, упоительно старомодный английский язык, чем-то напоминавший Неду давние радиопередачи. Хотя в том, как он говорил, в выборе слов, в странных поворотах, придаваемых обыденным фразам, было нечто отнюдь не английское. Нечто от сценического ирландца или голливудского пирата. Надо будет как-нибудь расспросить его поподробнее.

Тем временем с начала его обучения прошло уже два месяца, и Нед предвкушал восхитительную неделю. Он впервые сыграл вничью. Бэйб, а не он протянул над доской руку и сделал предложение, которое Нед, возбуждённый, уже учуявший победу, отверг. После этого Бэйб принудил его к обмену ферзей и ладей, и партия завершилась вничью, на что и была обречена с самого начала. Однако Нед играл черными, а для черных ничья – результат всегда положительный. Равновесие в шахматной партии до того неустойчиво, объяснял ему Бэйб, что во время турниров преимущества первого хода достаточно, чтобы в большинстве случаев обеспечить победу тому, кто играет белыми. Поэтому Нед понимал: его ничья – это поворотный пункт.

На следующий день Бэйб легко выиграл черными, и в ту же ночь злой на себя Нед разработал скрупулёзный план, который назавтра мог позволить ему взять верх.

Он заснул, думая о том, что стоит попробовать принадлежащий Винаверу вариант французской защиты, которой, как он успел заметить, Бэйб не любил. А проснулся с совершенно отчётливо сложившейся в голове идеей выигрыша. В состав плана входили не только шахматы в чистом виде, но и психология, так что когда дежуривший в этот день Рольф привёл его в солнечную галерею, Нед выглядел недовольным и невыспавшимся.

– Я не должен был проиграть вчера, – начал он без обычного своего вежливого приветствия. – Вы заманили меня в западню. Жалкое было зрелище.

– Батюшки, – откликнулся Бэйб, выравнивая перед собой белые фигуры. – Мы нынче не с той ноги встали?

– Ладно, давайте играть, – хмуро буркнул Нед, в душе молясь, чтобы Бэйб двинул вперёд королевскую пешку, но глядя при этом на пешку «с», словно надеясь на английский дебют или индийский с отсроченным королевским гамбитом.

Бэйб, пожав плечами, пошёл на e-4, и Нед мгновенно повторил ход, двинув навстречу пешке Бэйба свою королевскую. Бэйб вывел коня на f-3, а Нед протянул руку к ферзевому коню, словно решившись на итальянскую или испанскую партию. Потом, неодобрительно хмыкнув, отёрнул руку и погрузился в раздумья. Ему понадобилось пять минут, чтобы сделать второй ход – скучный, по видимости сверхопасливый любительский ход на d-б, характерный для французской защиты. Бэйб продолжал, пощёлкивая фигурами, делать стандартные ходы, а Нед с заминками отвечал на них. Каждый ход ложился в рисунок, продуманный им ночью, выстраиваясь в ту самую линию Винавера, которую он замыслил, и сердце Неда билось всё быстрее. Настал миг, когда Бэйбу пришлось начать играть с крайней точностью, чтобы избежать западни, которая, как знал Нед, будет стоить ему потери активной пешки. Бэйб играл уже не так быстро, очевидных ходов не делал, и Нед, сидевший уткнувшись носом в доску, краешком глаза заметил, что Бэйб поднял голову, чтобы взглянуть на него. Нед не шелохнулся, он по-прежнему хмурился над доской, ничем себя не выдавая, и тут Бэйб, избегая западни, сделал единственно правильный ход. Однако Нед и не ставил на дешёвую тактическую ловушку, как непременно сделал бы две недели назад. Собственно, он был бы разочарован, попадись Бэйб в неё. Он знал, что позиция у него хорошая, – а только это и шло в счёт.

После получаса озабоченной, совершенно безмолвной игры Бэйб остался без пешки и вынужден был передвигать разрозненные фигуры так, чтобы избегать разного рода тактических кошмаров. В выигрышной позиции перед игроком открываются дюжины атакующих комбинаций, ловушек, заволаживающих жертв. Нед был занят обдумыванием эффектной жертвы ферзя, которая, как он считал, через

пять-шесть ходов приведёт к мату, когда Бэйб, пристукнув, положил короля набок и издал сдобный, низкий смешок.

– Переиграл по всем статьям, изворотливый сын горной шлюхи.

– Вы сдаётесь?

– Конечно, сдаюсь, бешенный ты бес и наоборот. Чудо, что доска ещё не развалилась на части, – при стольких-то дырах в моей позиции. Ты ведь спланировал всё это, так, мальчик? От недовольно надутых губ до приводящих в бешенство заминок. Да, силен. Силен, как Силен.

Нед с тревогой взглянул на него:

– Но ведь шахматы – это не просто смесь трюков и психологии, верно? Я к тому, что сама игра, в чистом виде, тоже была неплоха.

– Никакой игры в чистом виде не существует, паренёк. Есть игра хорошая и есть плохая. Хорошая игра – это не только умение проникнуть в сознание противника и в положение его коней, но ещё и умение слышать, как он дышит, понимать, что варится в его котелке. То, как ты передвигаешь фигуру, для хорошей игры столь же важно, как клетка, на которую ты её ставишь. Известно ли тебе, что ты только что изобразил «винт Смыслова»? Именно его. Самый что ни на есть «винт Смыслова».

– Что?

– Василий Смыслов, советский чемпион мира. Я однажды видел его игру. Мастер эндшпиля, хитрый, как лис, с которым теперь и тебя можно сравнить. Делая ход, он ставил фигуру и ввинчивал её в доску, неторопливо вжимая и поворачивая, словно хотел закрепить навсегда. Фокус простенький, но на противников он нагонял страх. Ты, когда ставил сегодня ладью на седьмую клетку, проделал то же самое. Но что ещё важнее, ты понял самый главный шахматный секрет. Лучший ход, который ты когда-либо сможешь сделать, играя в шахматы, вовсе никакой не лучший. Нет, лучший ход, который ты когда-либо сможешь сделать, играя в шахматы, это тот, которого твой противник желает меньше всего. И ты делал их раз за разом. Ты знал, что я терпеть не могу напыщенный тактический ад французской защиты, знал? Я тебе этого не говорил, но ты почувствовал. Ах, мальчик, я бы обнял тебя, до того я горд.

Нед увидел, что по лицу Бэйба текут слезы.

– всё это благодаря только вам, – сказал он.

– Тьфу на это! Сколько уже, девять... нет, восемь с половиной недель прошло, как ты впервые двинул в мою сторону пешку. И посмотри на себя, посмотри, что ты способен учинить с этими шестнадцатью кусочками дешёвой древесины. Знал ли ты когда-нибудь, что твой мозг может думать так глубоко и играть так подло? Знал? Знал? Скажи Бэйбу, что ты и сам себя изумил.

– Бэйб, я и сам себя изумил, – сказал Нед. – Не понимаю, как мне это удалось. Поверить не могу. Просто не могу поверить. Это вы. Вы сделали меня таким.

– Ничего я не делал. Ничего вообще, только дал тебе ощутить силу твоего ума. Теперь в мире нет игрока, который смог бы назвать тебя любителем или молокососом. Великие тебя, конечно, побьют, но опозориться за доской ты уже никогда не опозоришься, даже если проживёшь с моё. И это требует пышного тоста и выпивки.

Нед рассмеялся:

– Может, свистнуть Рольфа, а?

– Ты думаешь, я шучу. Залезь в свой разум и вытяни оттуда свой любимый напиток. Что это? Ты такой же поклонник виски, как я, или в Харроу тебе привили вкус к великим, глубоким винам Бордо? Или, быть может, тебя радует шепотливое шипение шампанского, напитка негодяев и уличных девок? Что до меня, я жажду маслянистой солёности «Баннахэбхайна», загадочного порождения солодов острова Айлей. Сейчас у меня в руке странно приземистая бутылка, я подцепляю ногтями проволоку на горлышке... эй! Что из сказанного мною тебя так огорчило?

С подбородка Неда на шахматную доску капали слезы.

– Ничего, ничего... просто, понимаете, я, если честно, так и не успел попробовать ни одного напитка. Больше всего я люблю... любил... просто выпить стакан холодного молока.

Воспоминание об открывающем холодильник Оливере Дельфте мелькнуло в голове Неда, и горло его сжало рыдание.

– Тсс! – торопливо прошипел Бэйб. – Не позволяй никому видеть твоё горе. Прости меня, Томас, правда, прости. Я ведь и не знал ничего. всё мой дурацкий язык, нравится ему забредать, куда сам он захочет. Женщины говорили, что я могу соблазнить одними словами, вот я порой и заигрываю в память о них. Это все, чем мне осталось тщеславиться в нашем доме разрушенных рассудков, и в вульгарной спешке моей я увлек тебя в места, которые ты не успел навестить. Но теперь пусть это тебя не заботит. Придёт ещё день, когда ты с удовольствием вернёшься в них.

– Нет! – с силой сказал Нед. – Мне нельзя. Абсолютно нельзя. В моем прошлом есть вещи, которых я пока толком не понимаю, а доктор Малло говорит...

– «Доктор Малло говорит!» Пусть тебя утешает мысль, что он – человек, способный сказать: «Мат в четыре хода, если я не сильно ошибаюсь». Да доктор Малло дерьма от мёда не отличит, и не делай вид, будто это не так. У него душа из гноя и гнилое говно в голове. Он неудачник, и не подпускай даже близко к себе ни единого сказанного им слова.

– Он неудачник? – задохнулся Нед. – Кто же тогда мы? Мы-то тогда кто такие?

– Это нам придётся решать для себя самим, Томас. Ну вот, Рольф топает, давай-ка, запузерь в твой носовой платок великанский чих, как если бы в нос тебе запорхнула пылинка из тех, что витают здесь в солнечном свете.

Последним, что Нед сказал Бэйбу тем вечером, было:

– Вы научите меня, Бэйб? Всему, что знаете. Как научили играть в шахматы. Всему, чему можете, – науке, поэзии, философии. Истории и географии. Музыка, искусству, математике. Ладно? Вы знаете так много, а я так мало. Я должен был поступить в Оксфорд, но...

– Что ж, по крайней мере от этого тебя избавили, – ответил Бэйб, – так что надежда ещё осталась. Да, я стану учить тебя, Томас. Мы пройдем широкой стезей философии, как прошли узкой стезей шахмат, и кто знает, что узнаем мы о себе по дороге?

Бэйб, которому дозволено было проводить в солнечной галерее или на лужайке столько времени, сколько он захочет, смотрел, как Неда уводят за стеклянные двери, и сам себе улыбался.

Очаровательную в своём негодяйстве партию разыграл сегодня парнишка.

Бэйб не то чтобы обладал комплексом Бога, но мозг его, который он сумел сохранить столь изворотливым и живым, жаждал заняться чем-то – что-то лепить и создавать. Он всегда сознавал, что рождён учителем: жизнь, полная действий и идеалов, не дала ему ничего, лишь привела сюда. Во внешнем мире он настоящее своё призвание отринул, а теперь ему предлагался шанс искупить этот грех, под конец жизни посвятив себя великому делу. Не бедным, бесправным, порабощённым, угнетаемым массам, но жизни разума и силе человеческой воли. Перед тем как Нед два месяца назад вошёл в галерею, Бэйб почти уже готов был перестать цепляться за жизнь – сдать внутренние крепости, которые он так старательно строил и преданно обживал все эти годы. Нед о том не ведал, но игра в шахматы с ним стала для Бэйба спасением. Что бы они там ни творили с Недом, с Бэйбом сотворили намного больше. Мозг Бэйба представлял собой каприз Господа Бога, а Господь заслужил большего, чем просто смотреть, как каприз этот умирает вместе со стариком, в которого его поселили. Чудовищная, безупречная в своей полноте память Бэйба была даром, который, собственно, и заставил людей из разведки впервые обратить на него внимание. Однако без энергии, воли и цели память мало чего стоит, а Бэйб обладал и этими качествами тоже, причём в устрашающем избытке. Без них его мозг, сколь ни был он быстр и силен, ни за что не пережил бы жуткого режима наркотиков, одиночества и электрических конвульсии, который ему приходилось сносить долгие годы. В конце концов, мозг и память Бэйба были

продуктом генетического везения, и он нимало ими не гордился, ибо давно уже обнаружил, что воля и одна только воля выделяет его из числа заурядных людей, а владению волей – в отличие от сноровистости мозга – можно научить, её можно передать другому и тем обеспечить ей вечную жизнь.

За исключением «Универсальной британской энциклопедии» (под редакцией Ф. С. Доррингтона), все книги, к которым персонал допускал Неда, были на шведском, немецком и датском. И хотя труд Доррингтона, содержащий сведения обо всем на свете, от Аазена до Ящуря, представлялся Неду вполне приемлемым, у Бэйба имелись на этот счёт собственные соображения. Он отобрал у Неда книгу, открыл её наугад и презрительно фыркнул, тыча сердитым пальцем в страницу.

– Нет, ты только взгляни. Ты видел двух этих Греев?

Нед заглянул через плечо Бэйба. Под именем Грея были помещены две статьи – первая, посвящённая Джорджу Грею, начиналась словами: «Профессиональный спортсмен из Квинсленда, который всего в 17 лет произвёл своей исключительно рискованной игрой сенсацию в мире бильярда...»; вторая была ещё короче: «Томас Грей, английский поэт, похороненный в Сток-Поджес».

– А вот это, – продолжал Бэйб, отлистывая страницу назад, – «Граппа, гора в Италии, место жестокого сражения между итальянцами и австро-германцами во время Первой мировой войны». И ни слова о тяжёлом, гнуснейшем напитке, обеспечившем этим местам бессмертие! Нет-нет-нет, не пойдёт. Придётся мне взять дело в свои руки. Мы начнём со шведских и немецких книг, и начнём сейчас же.

– Но, Бэйб, я не читаю ни по-шведски, ни по-немецки...

– Можешь ты назвать мне великую книгу, которая тебе хорошо знакома? Посмотрим, нет ли её здесь на другом языке.

Нед, испытывая неудобство, поёрзал.

– Великую книгу?

– Роман. Не хочешь же ты сказать, что не прочёл до сей поры ни одного романа.

– Мы проходили в школе «Мэра Кэстербриджа».

И «Повелителя мух».

– Ах, вы проходили, бедный ты ягнёнок! А «Остров сокровищ», его ты когда-нибудь читал? Я точно знаю, что он здесь есть на немецком.

– О да! – с энтузиазмом воскликнул Нед. – Читал по меньшей мере шесть раз.

– Всего-то? Чем это он тебе так не угодил? Эта книга – шедевр.

– Будем читать вместе. Ты ещё сам себе удивишься.

Прошло две недели, и они, поначалу с болезненной медлительностью, продрались через «Остров сокровищ». А после «Рождественского гимна», «Алой буквы» и «Графа Монте-Кристо» Нед обнаружил, что способен не только читать по-немецки, причём довольно бегло, но и составлять предложения. Через некоторое время он уже читал немецкие книги самостоятельно – да ещё и быстрее, чем когда-то английские. За немецким последовали шведский, французский и латынь.

– Беглость равна необходимости, помноженной на уверенность в наличии времени, – любил повторять Бэйб. – Если пятилетний ребёнок способен говорить на каком-то языке, таковая способность должна быть по плечу и пятидесятилетнему человеку.

– Но пятилетний ребёнок может бегать несколько часов, спотыкаясь и падая, и ничуть не устать, – часто жаловался Нед, – отсюда не следует, что и пятидесятилетний способен на это.

– Вздорная болтовня. И слушать не хочу.

В летнее время Бэйб с Недом иногда прогуливались по лужайке, негромко беседуя на шведском (они наслаждались этой игрой – не дать никому из персонала узнать, что Нед выучил здешний язык и понимает теперь разговоры, которые ведутся в его присутствии), и Бэйб раз за разом подталкивал Неда к рассказам о прошлом.

– Чарли Маддстоун. Да что ты? Сам я его не знал, но у меня были друзья, служившие под его началом. Так он ушёл в политику? Какая ошибка для человека вроде него. Он вообще-то и родился с опозданием на сто лет.

Для Неда возможность рассказывать о своей жизни стала великим облегчением, хоть он и без того чувствовал себя полным сил. Жажда знаний всё возрастала в нём, и скоро они с Бэйбом начали беседовать на темы, о которых Нед в жизни своей не помышлял.

– Мы побеждаем время, ты понимаешь, Нед? – Теперь, если никто из персонала не мог их услышать, Бэйб называл его настоящим именем. – Скажи мне, что именно люди, живущие в настоящем мире – мире, который лежит за пределами этого гнусного острова, – считают самым драгоценным предметом потребления? Время. Время, старинный враг, так они называют его. Что мы слышим снова и снова? «Если бы только у меня было больше времени». «Коль Божий мир на большой срок нам щедрый выделил бы рок»⁵³. «Нам вечно недостаёт времени». «У меня никогда не было времени, чтобы заняться музыкой, насладиться жизнью, узнать названия небесных звёзд, земных растений, птиц. Никогда не было времени выучить итальянский». «На размышления времени не осталось». «А где я возьму для этого время?». «Я так и не нашёл времени, чтобы сказать, как любил её». И все, что у нас есть, у тебя и у меня, так это именно оно, время, и если взглянуть на него как на величайший дар, пожалованный человечеству, мы поймём, что здесь, на острове, мы оказались наедине с Августином в его келье и Монтенем в его башне. Мы избранные, привилегированные люди. У нас есть то, чего богатейший на земле человек жаждет сильнее всего и никогда не сможет купить. То, что Анри Бергсон почитал величайшим орудием Божьим, орудием пыток, насылателем безумия. Время. Океаны времени для жизни и становления.

Выпадали дни, когда Нед, вспоминая эту речь, готов был подписаться под нею обеими руками и благодарил судьбу за свой арест и власть над временем, которую тот ему принёс. В другие же минуты чем больше он узнавал, тем пуще злился и артачился.

– Вам известно, почему вы здесь, Бэйб? – спросил он однажды.

– Фу, Нед, это же так просто! Я здесь, потому что я сумасшедший. И все мы здесь по той же самой причине. Разве тебе не объяснили этого, когда привезли сюда?

– Нет, серьёзно. Вы не сумасшедший, и я знаю, что я тоже, хотя благодарить за это могу только вас. Вы не настолько доверяете мне, чтобы рассказать о себе? Вы мне даже настоящего имени своего ни разу не назвали.

Они прогуливались по лужайке, но теперь Бэйб остановился и подёргал себя за бороду.

– Я – отпрыск обедневшей ветви великого и древнего шотландского рода Фрезеров и получил при крещении имя Саймон. Поскольку я был младшим из шести детей, прозвище Бэйб так и пристало ко мне на всю жизнь. На службу меня взяли прямо из университета – из-за моей памяти. – Бэйб говорил, глядя вверх лужайки на далёкие голые холмы. – В этой моей черепушке, которой Бог счёл уместным проклясть меня, всё застревает навеки. А в те дни застревало даже быстрее и крепче. Ум и целеустремлённость никакого к этому отношения не имеют. Я помню время, показанное каждым победителем дерби, – так же, как помню постулаты Спинозы или категорические императивы Канта. Шла холодная война, и человек вроде меня был ценным капиталом. Но у меня была совесть, Нед, и потому настал день, когда я отправился повидаться с одним моим другом, писателем. Я сказал ему, что хочу написать вместе с ним книгу. Большую книгу, издать которую придётся в Америке, потому что в Британии ей никогда не позволили бы увидеть свет. Книгу, способную

53. Марвелл. «Застенчивой возлюбленной». Пер. И. Бродского

положить конец всем грязным трюкам, всем ханжеским увёрткам, всей мерзкой лжи, какая когда-либо произносилась на Западе в ходе отвратительной борьбы за превосходство над предполагаемым противником. Я не предатель, Нед, и никогда бы не стал им. Я любил Англию. Слишком любил, чтобы позволить ей пасть, в попытках вернуть утраченное величие, ниже уровня навозного жука. Ну вот, в итоге оказалось, что друг-писатель никакой мне не друг, и в конечном счёте я попал сюда. Они используют это заведение, когда находят удобным. Когда какой-нибудь человек представляет для них опасность, понимаешь? У Советов имеются психиатрические тюрьмы и прочее, и, как мы с тобой обнаружили, есть они и у нас. Наши психушки удаётся сохранять в большей тайне, это единственное различие, какое мне удалось отыскать. Нед немного помолчал.

– Да, наверное, что-то подобное я себе и представлял, – сказал он наконец. – Потому и хотел все услышать от вас. Если вы попали сюда по этой причине, значит, и я, наверное, тоже. Только вы знаете, почему вас посадили, а я нет. Какой-то... не знаю... какой-то заговор привёл меня сюда, и мне необходимо понять, что он собой представлял.

– Мы теннисные мячики небес, Нед, они собирают нас вместе и лупят, как захотят.

– Вы сами в это не верите. Вы верите в волю. Так вы мне говорили.

– Как всякий, у кого остался хотя бы огрызок совести, я верю в то, что нахожу достойным веры, проснувшись поутру. Иногда я думаю, что нас целиком определяет то, что записано в наших генах, иногда – что это воспитание создаёт нас либо уничтожает. В лучшие же мои дни я искренне и убеждённо полагаю, что мы и только мы одни обращаем себя во все то, чем мы стали.

– Натура, насыщение и Ницше, на самом-то деле.

– Ха! – Бэйб хлопнул Неда по спине и рявкнул так, что его услышала вся заполненная безумцами лужайка: – Ребёночек-то того и гляди народится! – И добавил уже тише, беря Неда под руку: – Послушай, если ты хочешь разобраться в своём положении, не могли бы мы хотя бы отчасти воспользоваться логикой, которой я обучил тебя, едва не истощив при этом мой мозг? Возьми бритву Оккама и отсеки все ненужное, напускающее туман. Оставь только то, что знаешь. Разве я не рассказывал тебе о Зеноне?

– О его парадоксе насчёт Ахилла, которому никогда не удастся пересечь финишную черту? Рассказывали.

– Ага, но Зенон способен преподать нам ещё один урок. Сейчас я тебе покажу.

Бэйб отвёл Неда к высокой ели, косо стоящей на склоне у ограждающего лужайку высокого забора.

– Присядем под дерево. Великие мыслители всегда сидели под деревьями. К тому же это академично. Последнее слово происходит от Академии, роши, в которой Платон наставлял своих учеников. Даже французский Лусее ⁵⁴ поименован в честь сада Лицеум, в коем читал свои лекции Аристотель. На Будду с Ньютоном просветление, как уверяют, снизошло под деревьями, снизойдёт оно и на Неда Маддстоуна. Теперь смотри. Я беру еловую шишку, *immobile strobile* ⁵⁵, кладу её перед тобой и задаю вопрос: это куча?

– То есть?

– Это куча?

– Нет, конечно.

Бэйб добавил ещё одну шишку.

– А теперь куча у нас уже получилась? Нет, разумеется, перед нами всего лишь две шишки. Кстати, тебе никогда не казалось странным, что на нашем языке еловая шишка, *fir cone*, – это анаграмма хвойного дерева – *conifer*? Ты мог бы счесть, что Господь в

54. Лицей

55. Неподвижную шишку (лат.)

очередной раз напортачил. А посмотри на расположение чешуек. Три в ряд, затем пять, восемь, тринадцать. Ряд Фибоначчи. Какая уж тут случайность, верно? Господь Бог снова выдал себя с головой. Но это вопрос посторонний. Покамест у нас две шишки. Хорошо, добавляю третью. Теперь это куча?

– Нет.

– Добавляю четвертую.

Нед, прислонясь спиной к тёплой коре сосны, следил, как Бэйб шарит вокруг, подбирая шишки и добавляя их по одной.

– Да, – наконец сказал он, скорее из жалости к Бэйбу, чем потому, что и вправду так думал. – Теперь я определённо назвал бы это кучей.

– У нас есть куча! – вскричал, хлопнув в ладоши, Бэйб. – Куча еловых шишек! Их семнадцать, голубушек. Итак, Нед Маддстоун поведал миру, что семнадцать предметов официально именуются кучей?

– Ну...

– Семнадцать еловых шишек образуют кучу, а шестнадцать не образуют?

– Нет, этого я не говорил...

– Вот здесь-то и возникает проблема. Мир полон куч вроде этой, Нед. Это хорошо, а это плохо. Это невезуха, а то ужасная несправедливость. Тут массовое убийство, а там геноцид. Это детоубийство, а то просто аборт. Это законное совокупление, а то, по закону, изнасилование. И все они рознятся на одну еловую шишку, не более, и порой одна-единственная, маленькая такая шишечка определяет для нас различие между раем и адом.

– Я как-то не вижу связи...

– Ты сам, Нед, ты сам сказал, что тебя привёл сюда заговор. Это всё равно что сказать, будто тебя привела сюда куча. Кто он, этот заговор? Почему он? Сколько людей в нём участвовало? Ради чего? Не говори мне, что то была куча, просто куча, не больше и не меньше. Скажи – семнадцать, четыре, пятьсот. Увидь вещь такой, какая она есть, во всей её сути, сущности, с её спецификой, с глубиной её природы. Иначе ты никогда не поймёшь и самой пустяковой подробности случившегося с тобой, не поймёшь, даже если проведёшь здесь тысячу лет и выучишь тысячу языков.

Стояла середина зимы, и весь остров искрился белизной под вечным саваном зимней пелены. Кресла перенесли из солнечной галереи в салон, находящийся в глубине здания. В одной из его арочных ниш Бэйб с Недом, сидя за пластиковым столом, играли в нарды.

Каменные арки, тянувшиеся вдоль стен салона, были единственным, что осталось от монастыря, в котором затем обосновалась лечебница, – пустые, романского стиля, аркады его давали редкий здесь предметный урок архитектуры. Только солнце и облака днём да звезды ночью, ну, и ещё округлые холмы, которые летом было видно из окон, и предлагали Неду другие, схожие с этой, возможности использовать в ходе учёбы не одно только воображение.

Нарды, в которые они играли, отличались своеобразием. Поскольку комплекта для этой игры в лечебнице не было, они сделали пять бумажных кубиков – и больше ничего. Доска и тридцать фишек существовали только в их воображении. Смехотворная нелепость игры потешала больничный персонал. Правда, однажды двое пациентов разволновались, попробовали вытащить из-под стола воображаемую доску и растоптать её, – скорее всего, предположил Нед, потому что она угрожала их представлениям о реальном и невидимом. Гордость этих людей, гордость безумцев, способных видеть то, чего никто больше не видит, распалилась, когда они не сумели обнаружить того, что, судя по всему, не было тайной для других. Вследствие слишком сильного воздействия, которое игра оказывала на остальных пациентов, Бэйбу с Недом и разрешили занять эту нишу, удалённую от центральных столов, за которыми сидели все прочие.

Видеть расставленные перед ними фишки не составляло для Бэйба и Неда никакого труда. Они играли по сотне фунтов за очко, и к этому времени Бэйб задолжал Неду уже сорок два миллиона. Напрягаться, чтобы запоминать позиции, им не приходилось, так что они могли вести далеко не простые разговоры на языке, который находили для этого предпочтительным, даже не оспаривая представлений друг друга относительно того, где какая фишка стоит и сколько их остаётся под конец игры. Временами, как, например, этим вечером, Нед покручивал в пальцах плоский камушек. Бэйб обучил его фокусам с монетами и картами, и Неду нравилось, беседуя, практиковаться во французском сбросе, манипуляциях и так далее.

В последнюю неделю Нед и сам оказался в роли учителя – рассказывал Бэйбу о крикете, игре тому не известной.

Сейчас Бэйб говорил о сочинениях С. Л. Р. Джеймса, историка и социального мыслителя, которого он очень любил.

– Жаль, что больше мне его почитать не придётся, Томас, – вздохнул Бэйб. – Я всегда пропускал его посвящённые крикету лирические пассажи. Джеймс связывал эту игру с жизнью в Западной Индии, с колониализмом, Шекспиром, Гегелем – с чем ни попади. Я, в тогдашнем моем молодом пуританском невежестве, считал его рассуждения сентиментальным вздором.

– Знаете, я был хорошим игроком, – сказал Нед. – Думаю даже, что, обернись всё иначе, я играл бы за Оксфорд, а то и за команду графства. Господи, какая нелепость говорить о крикете по-итальянски. Может, сменим язык?

– Определённо, – ответил Бэйб по-голландски. – Этот подходит намного лучше, тебе не кажется? В Голландии немного играют в крикет.

– Вроде бы. Отец преклонялся перед князем Ранжитсинжи. Я вам о нём не рассказывал? Золотой век крикета. Говорили, что следить за скольжением его ноги было всё равно что любоваться Тадж-Махалом при лунном свете.

– Я как-то видел Тадж-Махал при лунном свете. Разочаровывающее зрелище, наподобие...

– Я знаю, – с ноткой нетерпения в голосе прервал его Нед, – вы рассказывали. Я плохо спал этой ночью, отец снова являлся мне во снах.

– К середине тутошних долгих зим мозг всегда обращается к прошлому, – заметил Бэйб, принимая дубль Неда и пододвигая к нему кубик. – Кости в плечах уют, ты вертишься. Ничего, весна уже недалеко. Тогда тебе полегчает. – И Бэйб еле слышно насвистел мелодию.

– «Валькирии», – сказал Нед. – Акт первый, сцена третья. «Siehe, der Lenz lachet in den Saal» Смотри, весна улыбается в окна.

– В самое яблочко. А это? – Бэйб посвистел ещё.

– Да ну их совсем, – отмахнулся Нед, переходя на английский. – Я сегодня не в настроении подвергаться экзамену. Я всё ещё хочу знать, понимаете. Мне нужно знать.

– А осталось что-нибудь, чего ты не знаешь?

– Бэйб, вы уже поняли, полагаю, что я не дурак Мы с вами в частном сумасшедшем доме, или, как предпочитает называть его доктор Малло, «элитной международной клинике». За здорово живёшь никто сюда не попадает. Кто-то заплатил за то, чтобы вы оказались здесь, и за то, чтобы здесь оказался я. И продолжает платить.

– Искусство хорошей разведывательной работы, Нед, не имеет ничего общего со шпионажем. В последнем главное – уметь манипулировать государственными служащими и министрами, которые распоряжаются Секретным фондом. Нюх на деньги у человечества острее нюха на всё остальное. И если ты способен утаить свой банковский счёт и регулярные платежи, если способен перекачивать и направлять потоки правительственных денег, а затем отмывать их, тогда и только тогда ты вправе назвать себя шпионом.

– Хорошо. Стало быть, никакой великой тайны в том «как» нет. Но в моем случае остаётся ещё «почему». И это лишает его всякого смысла. Перед тем как я сюда попал, меня похитили. Однако похитители не тратят годами деньги на тех, кого они похищают. Поэтому

через несколько лет я поверил тому, что твердил мне доктор Малло, – что я фантазёр, подлинная жизнь которого оказалась закопанной так глубоко, что никаких воспоминаний о ней не сохранилось. Я знаю, это неправда, да, наверное, и всегда знал. Я знаю, что меня запахали сюда намеренно. Но кто и почему? Вот что по-прежнему от меня ускользает. Никто и на миг не подумал, будто я помогаю ИРА, а если бы и подумал, то уж точно не поволок бы меня сюда, в место, куда стараются запихать людей вроде вас.

– Как ты знаешь, Нед, сюда попадают и настоящие сумасшедшие. Мы с тобой единственные здешние обитатели, которые тешатся мыслью, будто они – политзаклужённые. Ты продолжаешь отрицать это, но не задумывался ли ты о том, что, возможно, люди, определившие нас сюда, знали, что делают? А ну как я оказался здесь, потому что я действительно сумасшедший? Полный и окончательный сумасшедший.

– Да, – с улыбкой признал Нед, – естественно, задумывался. Надо полагать, вы сумасшедший, если считать сумасшедшим человека, разум которого подвергает сомнению и отвергает каждую норму цивилизованности. Солипсическое накопление богатств собственного «я» и высокомерная изоляция своей воли от могущественной власти человеческих установлений суть психопатологии, которые можно найти в любом учебнике. Психопатологии, являющиеся привилегией художника, революционера и любовника, впрочем, равно как и безумца. На этих основаниях вы можете признать себя сумасшедшим.

– Господи Боже, Томас, согласись также и с тем, что это я научил тебя разговаривать подобным образом.

– Я избрал данный дискурс, чтобы спровоцировать вас, и вам это отлично известно. Я снова и снова возвращаюсь к одной и той же проблеме. Каким-то образом я оказался помехой для британской Секретной службы или как она там называется. В этом, по крайней мере, вы можете со мной согласиться?

Бэйб кивнул, соглашаясь.

– Помните, мы сидели под *risea abies*⁵⁶ и разбирали парадокс Зенона о куче?

– Помню.

– Вы хотели подтолкнуть меня к тому, чтобы я ясно увидел факты? Отделил реальное от умозрительного, действительность от её восприятия?

– Не думаю, что я прибёг именно к этим словам, однако – да, помню и это.

– Ну так вот, каждую ночь я перебираю то, что считаю пятью поворотными моментами моей истории, пытаюсь удостовериться, что вижу их ясно. И ничего не понимаю.

– Расскажи мне об этих поворотных моментах.

– Они очевидны. Во-первых, я по неведению согласился доставить письмо, данное мне курьером ИРА. Во-вторых, меня арестовали за хранение наркотиков, которые мне кто-то подсунул. В-третьих, из-за письма, всё ещё находившегося при мне, меня забрали из полицейского участка и отвезли в некое место, бывшее, как я полагаю, конспиративной квартирой британской разведки, там меня допросили. В-четвертых, под конец допроса мне сказали, что я поеду домой. В-пятых, меня жестоко избили и привезли сюда, здесь я с тех пор и остаюсь. Вряд ли я ошибаюсь, считая эти факты существенными, так?

– Как скажешь.

– Что значит «как скажешь»? Я многие годы бьюсь головой об их стену.

– Из чего, вероятно, следует, – мягко произнёс Бэйб, – что они для тебя бесполезны. Быть может, ты всё ещё подходишь к делу не с

56. Латинское наименование ели

той стороны.

Правильный путь не должен неизменно приводить нас к неколебимой стене фактов, он должен раскрывать рисунок событий. Рисунок, который поддаётся расшифровке. А нумеруя факты – первый, второй, третий и так далее, – ты неявно подразумеваешь наличие между ними причинно-следственных связей, и это заслоняет от тебя сам рисунок.

– Да нет же никакого рисунка! Об этом я и толкую.

– Не спрашивай себя, почему это с тобой случилось. Спроси, почему это случилось с тобой.

– А это ещё что такое?

– Ну, например, враги у тебя были? Ты ни разу не упоминал о такой возможности.

– Никогда, ни единого! – с горячностью отозвался Нед. – Я был самым популярным мальчиком в школе. Я должен был вот-вот стать её старшиной. Я возглавлял крикетную команду. Я был влюблён. Собирался в Оксфорд. Как мог кто-то ненавидеть меня?

Бэйб рассмеялся.

– Что тут смешного?

– Прости, Сейчас попробую объяснить. Ты только что нарисовал портрет человека, у которого имелось достаточно причин, чтобы чувствовать себя счастливым, но разве ты ответил на мой вопрос? Это просто описание человека, благодаря которому и придумана классическая фраза: «Ну как такого не ненавидеть?»

– Не понимаю.

– Ты хочешь сказать, что никогда раньше не слышал следующего стандартного разговора: «Так он хороший спортсмен и работник? И красив в придачу? Только не говорите мне, что он ещё и приятный малый, иначе я его точно возненавижу». Вот так говорят реальные люди в реальном мире, Нед, и ты наверняка это знаешь.

– Но я и был приятным малым...

– «Приятный» – это слово из кучи. Ты наваливаешь кучу приятных поступков и думаешь, что от этого становится приятной сама куча? Каким ты был в действительности? Как делал? Действие, вот что определяет человека, не качества.

– Да ничего я не делал.

– Ну, значит, бездействие.

– Вы хотите сказать, что кто-то меня ненавидел?

– Не обязательно ненавидел. Может, попробуем разобраться в этих твоих поворотных моментах по отдельности? Давай забудем о главном, о твоём появлении здесь, и начнём с самого начала. Предположим, что наркотик тебе подсунили, чтобы тебя опозорить. Кто мог от этого выиграть?

– Никто. Да и что можно выиграть на такой ерунде? Это просто огорчило бы тех, кто любил меня, вот и все.

– А, уже хорошо. Не исключено, что это весьма плодотворная мысль. Не исключено, однако, что кто-то получил бы и выгоду более осязаемую. Старшина школы, капитан команды любит красивую девушку и любим ею. Существует немало раздражённых юнцов, до безумия жаждущих любой из трёх этих вещей. Кто, например, стал бы старшиной, если бы тебя выгнали из школы за хранение наркотиков?

– Откуда я могу знать?

– Какие-то соображения у тебя должны же быть.

– Ну, Эшли Барсон-Гарленд, возможно.

– Эшли Барсон-Гарленд. Расскажи мне о нём. Все, что вспомнишь. Только по порядку, не кучей.

И Нед рассказал Бэйбу все, что знал об Эшли, заключив рассказ словами: «Но он любил меня, я уверен...» – прозвучавшими не очень убедительно, даже для его ушей.

– Как по-твоему, он не подозревал, что ты просмотрел эти пять частных страниц, заполненных самыми сокровенными его мыслями?

– Я страшно старался ничем себя не выдать. Нет, вряд ли он знал об этом.

– Ах, Нед. Бедный Нед. Подумай о том, каким ты тогда был. Об этом приятном, улыбчивом юноше. Много ли ты знал? Насколько способен был скрыть хоть что-то? Так ли уж был хитёр? Ты что, не понимаешь, что искушённый, издёрганный, ожесточённый и поглощённый собой человек вроде самозваного Барсон-Гарленда мог читать в твоей душе легче и яснее, чем ты в его дневнике? Снобы видят социальное унижение, куда бы они ни повернулись, мошенник с первого взгляда понимает, что разоблачён. Да если он и не знал наверняка, можно ли поверить, что не заподозрил!

Нед сердито пожевал нижнюю губу.

– Ладно, пусть так, но почему он должен был меня ненавидеть?

– Напряги воображение.

– Вы, помнится, сказали, чтобы я рассмотрел всё бесстрастно. Если я навоображаю бог знает что, чем это поможет?

– Не следует путать воображение с фантазией. Воображение есть способность проецировать себя в разум другого человека. Это самая трезвая и точная способность, какой мы наделены. Прибегнув к услугам воображения, ты сможешь увидеть, что, с точки зрения Эшли, ты обладал всем тем, чем не обладал он. Мой же инстинкт, должен тебе заметить, подсказывает, что он был ещё и влюблён в тебя, да только сам того не сознавал.

– Ой, ради всего святого!

– Обдумай ещё раз то, что ты прочитал. С таким неистовством мастурбировать в канотье, которое он присвоил... Я не настаиваю, это только теория.

– Да всё это только теория.

– Тогда почему она тебя так раздражает?

– Она меня не раздражает... – Колени Неда принялись подпрыгивать, чего давно уже не случалось. Нед придержал их руками. – Ладно, возможно, раздражает. Потому что она бесполезна. Потому что никуда нас не ведёт.

– Она раздражает тебя, потому что она не бесполезна, потому что способна привести нас к истине. Истине, состоящей в том, что другие могли видеть тебя и не таким, каким, как ты считал, они тебя видят. Возможно, они находили тебя высокомерным, бездумным, несносным и тщеславным, до того самоуверенным, что даже твои вежливость и обаяние были словно кинжалы, вонзаемые в их бедные, сбившиеся с толку подростковые сердца. Но теперь-то ты взрослый человек и должен уметь воспринимать всё это без боли.

– Хорошо, пусть даже так, – сердито сказал Нед. – Но не станете же вы утверждать, будто Эшли Барсон-Гарленд мог дойти до того, чтобы раздобыть наркотик с целью выжить меня из школы. Да он не имел ни малейшего представления о... Кейд! – Нед ударил кулаком по столу, расплющив бумажный кубик. – О господи, Руфус Кейд!

– Ладно, бог с ним, – сказал Бэйб, когда Нед попытался расправить кубик. – Руфус Кейд. Этого имени ты тоже прежде не называл.

– Да он просто пустое место. Я убрал его из сборной школы... нет, это смешно. Никто, никто не может быть таким злопамятным и мелочным, чтобы... хотя он курил марихуану, это я знаю. Постоянно.

– Ну вот, у нас вдруг появились двое юношей с мотивами, пусть даже тривиальными. А у одного из них ещё и имелось то, что мы вправе назвать смертельным оружием.

– Вы знаете, – сказал, почти не слушая его, Нед, – если вдуматься, я всегда подозревал, что Руфус меня не любит. Не могу этого объяснить. Что-то такое присутствовало в том, как он отводил в сторону глаза, когда мы разговаривали. Собственно, груб он не был, но я помню, когда мне пришлось вести «Сиротку» обратно в Обан, после смерти Падди... Руфус был на борту и вёл себя отвратительно. Думаю, он злился из-за того, что я взял на себя командование яхтой. Меня это по-настоящему удивило и расстроило. Возможно, я был высокомерен. Но вы хотите, чтобы я поверил, будто он и Эшли были такими безумными Яго, замыслившими уничтожить Отелло? Господи, я же не был Отелло, я был всего-навсего школьником.

– А в чем состояло преступление Отелло? Он был большой, красивый, удачливый. И у него была Дездемона.

– Но Руфус Порцию и в глаза никогда не видел. Эшли познакомился с ней в один день со мной, однако Эшли... я к тому, что по школе вечно ходили слухи, будто он, может быть, ну, вы знаете, со странностями... Это не значит, что я согласен с вашими словами насчёт его влюблённости в меня, – торопливо прибавил Нед. – В конце концов, не мог же он любить и ненавидеть меня одновременно.

– Только не говори, что забыл всего Катулла, которого я когда-то пытался втиснуть в твою башку, – сокрушённо сказал Бэйб.

– Odi et amo ⁵⁷, да, понимаю. Но если вы скажете, что и Порция меня ненавидела, я просто уйду и никогда больше разговаривать с вами не стану. Я знаю, что это не так. Правда... – Нед замер, уставясь в стол; он лихорадочно размышлял.

– Новая идея, не так ли? – после долгого молчания спросил Бэйб. – Если бы существовало искусство чтения мыслей по лицу человека, я сказал бы, что твои мысли разбегаются, но в конце тоннеля забрезжил свет.

– Гордон. Гордон Фендеман, – медленно выговорил Нед. – Двоюродный брат Порции. Если подумать как следует, то... когда я встретил их в аэропорту... Они вместе отдыхали, и меня царапнуло что-то в том, как он стоял с ней рядом. Не то чтобы ревность, но, помню, мне это не понравилось. Неуютное какое-то было чувство. И Порция сказала после, что так и не прочитала последнюю мою открытку, потому что Гордон испортил её. Случайно, объяснила она, но, может быть, и не случайно.

Бэйб внимательно выслушал все, что смог рассказать о Гордоне Нед.

– Давай посмотрим, верно ли я всё понял, – предложил он. – В день, когда ты вернулся из Шотландии, а Порция с Гордоном из Италии, Эшли и Гордон вместе пошли осматривать палату общин, верно?

– Верно. Я, помню, ещё подумал, что Гордону будет приятно увидеть Матерь парламентов.

– Господи, надеюсь, ты этого хотя бы не сказал? – с улыбкой спросил Бэйб.

– А что, собственно, дурного в этих словах?

– Ну, может быть, они напыщенны, совсем немного?

– Да, пожалуй... – Нед тоже улыбнулся. – Как бы то ни было, дело в том, что позже, когда мы с Порцией были ещё... были ещё наверху и любили друг друга, они вернулись. – Неожиданно Нед снова ударил кулаком по столу.

– Господи, вот оно! Вот оно!

– Гордон и Эшли вернулись?

– Да, но с Руфусом. Понимаете? Эшли, должно быть, нередко встречался с ним то в одном, то в другом пабе. Их было водой не разлить. Руфус вернулся из Шотландии в Лондон тем же поездом, что и я. Эшли повёл Гордона в паб, чтобы познакомить его с Руфусом, и все они вернулись, пока мы с Порцией были наверху.

– Они что-нибудь сказали тебе?

– Они зашли всего на минуту. Эшли сказал... что же он сказал? Он крикнул мне: «А вы, молодые люди, наслаждайтесь обществом

57. Любить и ненавидеть (лат.)

друг друга...» – да, точно. И... Бэйб, послушайте! Внизу на перилах лестницы висела моя куртка. Иисусе, они наверняка задумали всё ещё в пабе. Они даже знали, куда я направляюсь! Знали, что я собираюсь вместе с Порцией в Найтсбридж, чтобы...

– Успокойся, Нед. Успокойся.

– Я просто вижу, как они сидят за столиком паба, наливаются спиртным и жалуются друг другу на Неда, черт его подери, Маддстоуна и рассказывают один другому, до чего им хочется увидеть его крушение. Вот когда они решили погубить мою жизнь. Все, что им нужно было сделать, это позвонить, не назвавшись, в полицию. И они смеялись, подкладывая эту дрянь в мой карман. «А вы, молодые люди, наслаждайтесь обществом друг друга!» Именно это крикнул мне Эшли, и я слышал, как Руфус и Гордон давятся смехом. Я ещё почувствовал себя тронутым, почувствовал гордость. Решил, что мои друзья хихикают, как испорченные школьники, при мысли о том, чем мы с Порцией занимаемся наверху, и возгордился. Они же смеялись потому, что знали – ещё немного, и мне конец. И я вам вот что ещё скажу! Они видели, как всё произошло.

Колени Неда дёргались, пока откровения одно за другим осеняли его.

– Я отчётливо помню хохот, доносившийся из дверной ниши напротив, пока полицейские заталкивали меня в машину. Они погубили меня и смеялись.

Лицо Неда побелело, слюна закипала в уголках рта – совсем как на губах настоящих безумцев, которых они с Бэйбом видели каждый день. Бэйб наклонился, чтобы коснуться его руки.

– всё в порядке, друг мой. Всё в порядке. Не торопись. Возможно, ты действительно сумел подобраться к истине...

– Конечно, сумел! Так всё и было! Какого дьявола я раньше-то не догадался?

– Ты знаешь какого. Я тебе уже говорил. Ты не догадался, потому что не туда смотрел. Теперь смотри повнимательнее. Четвёрка школьников, с одним из них сыграли дурацкую шутку – вот и все, о чем мы с тобой говорим. Шутка, возможно, гнусная, определённо гнусная, однако не позволяй себе...

– Они смеялись, Бэйб! Смеялись надо мной.

Голос Мартина прервал их:

– Что у вас тут происходит? Любовная ссора?

Нед едва не выдал своё знание шведского, вскочив, чтобы ответить гневной колкостью, но Бэйб его опередил:

– Не ссора, Мартин... он забыл счёт. Счёт забыл. – Бэйб бормотал это изумлённо, уставясь на невидимую доску для нарда.

– Вы два, – сообщил по-английски Мартин, – оба псих. Здесь все псих, – он развёл руки, как бы охватывая комнату, – но вы самые. Вам пора по комнатам. Завтра инспекция. Утром бриться, вести хорошо.

В эту ночь Нед не спал. Три смеющихся лица кружились в его голове. Фендеман, Гарленд и Кейд. Имена повторялись в сознании Неда, словно ритмичный стук вагонных колёс или грохот копыт на скаковом кругу. Фендеман, Гарленд и Кейд. Фендеман, Гарленд и Кейд.

Бэйб тоже провёл без сна и эту ночь, и многие из последовавших за нею. Он заметил в Неде перемену, которая его встревожила.

– Не нравится мне, как ты жмёшь по газам своей машины, – повторял он. – Этак она тебя никуда не привезёт. Только сгорит вместе с тобой.

Нед, похоже, не обратил на его слова никакого внимания, он всё глубже и глубже погружался в прошлое, снова и снова проживал последние свои дни в нормальном мире, вслушиваясь в каждое слово, сказанное Фендеманом, Гарлендом и Кейдом, мысленно всматриваясь в каждый их взгляд и жест. Теперь он мог увидеть себя их глазами.

Принимая точку зрения Руфуса Кейда, он видел Неда высокомерного, много о себе возомнившего, Неда невнимательного и

тщеславного. Каждая приветливая улыбка, каждое произнесённое им вежливое извинение ныне представлялись ему очевидным поводом для обиды.

Нед понимал, почему для Эшли он должен был олицетворять самую обеспеченность, самую привлекательность, самую недостижимую привилегированность, совершенство и элегантность. Даже то, что Нед добился для него летней работы у отца, могло показаться покровительством и оскорблением.

Да и Гордон, приехавший из другой страны, несомненно видел в Неде живой образ всего отдалённого, английского, нееврейского, чужого. То, что кузина, Порция, игнорирует его в своей одержимости этим юнцом, безусловно могло породить в Гордоне ненависть.

Все, чем Нед обладал, все, чем он был, он мог теперь истолковать как отталкивающее, безобразное, гнетущее и непристойное. всё в нём – его спортивные джемпера, копна волос, извиняющиеся улыбки и красивые глаза, его не требующая особых усилий спортивность, нежная кожа и персиковый румянец, голос, выговор, манеры, походка, – всё в Неде Маддстоуне выглядело монументом, который всякому сильному духом человеку не терпелось свалить.

Но как они посмели? Как посмели не увидеть, что Нед ничего этого не сознавал? Как смели не понять, что он был беспорочно лишён воображения, мягок и наивен? Какое бы высокомерие он ни выказывал, Нед в те дни никогда не считал, что его чувства важнее чувств других людей. Сама их уверенность в правильности своих суждений о нём таила высокомерие куда как большее того, на какое способен был он. Они скрывали свою злобу. Притворялись, будто любят его. Они хладнокровно замыслили опозорить его в глазах отца и возлюбленной, как будто у него не было ни собственных чувств, ни взглядов, ни права на счастье. То, что они относились к нему, как к символу, лишённому жизни, неспособному страдать, показывало собственную их немислимую порочность. И нет ни малейшей причины, по которой Нед сможет когда-нибудь их простить.

Фендеман, Гарленд и Кейд. Фендеман, Гарленд и Кейд.

– Я пытался применить тот же метод рассуждений и к тому, что случилось после моего ареста, – однажды утром сказал он рисовавшему какую-то схему Бэйбу.

– Давай просто сосредоточимся на том, что делаем, хорошо? Ты уже догадался, что это такое?

– Схема полночастотного усилителя.

Бэйб покачал головой:

– Ты не стараешься. Пересчитай ёмкости.

– Электронный калькулятор. Термостат для системы центрального отопления. Регулятор доильной машины. Какая разница? Бэйб, мы продвинулись так далеко, надо идти дальше. Я знаю, что прав относительно всего, происшедшего до полицейского участка. Эта троица спланировала мой арест. Но о письме они ничего не знали. Мне нужно понять, что случилось потом.

Бэйб вздохнул и отложил ручку.

– Устройство сигнализации на случай тревоги и очень изящное, – сказал он, складывая схему вдвое. – На-ка, разберись в ней на досуге. В следующий раз я задам тебе о ней несколько вопросов. Нед нетерпеливо схватил схему:

– Конечно. В следующий раз.

– Хорошо, попробуй теперь вернуться в прошлое, – попросил Бэйб. – Человек по имени Оливер Дельфт отвёз тебя в загородный дом. Ты сидел на кухне и рассказывал ему, как в твои руки попал конверт с уличающими тебя кодовыми словами. Ну вот, ты снова там. Представь это. Почувствуй себя находящимся на кухне – ты с пакетом молока сидишь за столом, Дельфт со стаканом вина в руке стоит перед тобой.

Нед закрыл глаза и постарался припомнить разговор.

– «...Ты вернёшься домой, в лоно семьи, ещё до десятичасовых „Новостей“... Против магнитофона ты возражать не станешь?» – «Он не был моим другом, просто школьным инструктором парусного спорта... Мы в школе часто ходили под парусом...» И снова вопросы. Бесконечные вопросы.

– Ты можешь вспомнить каждый из них?

– Он выспросил у меня всё. Всё о том плавании. Как долго мы оставались на Джайентс-Козуэй... – Нед напряжённо сощурился. – Он был расслаблен, почти скучал. «Ты хорошо справляешься, Нед, очень хорошо. Теперь уже не долго осталось... ночь была безлунная?.. Хорошо, Нед. Прекрасно, прекрасно. А откуда взялся конверт?.. Ну, наверное, купил где-нибудь. В магазине...» – «Нет-нет». – «Откуда Падди достал его? Из кармана? Из сейфа? Откуда?..» – «Из небольшой такой сумки. Она лежала на штурманском столе...» – «Имя производителя на ней значилось? „Адидас“, „Файла“, что-нибудь?.. Ладно, ладно.

Мы почти закончили, сынок. Твой приятель Руфус Кейд ничего услышать не мог, так? Понятно. На конверте ничего написано не было?..» Вопросы всё продолжались и продолжались.

– Он стоял над тобой, – голос Бэйба доносился, казалось, откуда-то издалека, – задавал вопросы, бобина вертелась, и выглядел он, по твоим словам, почти скучающим?

– Да, но потом у него случилась судорога, и это его немного встряхнуло.

– Судорога? – Бэйб нахмурился. – Что значит «судорога»?

– Ну, он подскочил и заходил взад-вперёд по кухне. Я спросил, что с ним, и он ответил, что у него свело ногу. Потом ненадолго вышел из комнаты и вернулся с пакетом, в котором лежала одежда...

Бэйб подался вперёд.

– Вспомни, что ты сказал? Что ты сказал перед самой судорогой? Какими в точности были твои слова?

– Ну, я рассказывал, о чем попросил меня Падди, – что конверт следует доставить мистеру Блэкроу, Филип А, Блэкроу, адрес... как же называлась та улица? Нет, площадь. Херон-сквер, тринадцать, я совершенно уверен... – Нед замолк. Бэйб через стол глядел на него с выражением ужаса на лице. – Что? Господи, Бэйб, в чем дело?

Бэйб потряс головой и издал странный звук – нечто среднее между стоном и смехом.

– Вам плохо? Что случилось?

– Ах, Нед, Нед, Нед, – Бэйб раскачивался в кресле взад и вперёд, – почему же ты мне этого раньше-то не сказал? Ты только и твердил... Блэкроу, Блэкроу.

Но Падди назвал тебе не Филипа Блэкроу, он назвал другое имя.

– Какое ещё другое! Ради бога, я там был, не вы! Филип А. Блэкроу, Херон-сквер, тринадцать. Я совершенно ясно расслышал.

Бэйб затрясся от смеха.

– Филип А. Блэкроу! Ах ты, бедный юный ослик, так вот что ты услышал? Не понимаешь? Филип А. Да ничего подобного! Филиппа. Филиппа Блэкроу. Вот что это было за имя. Филиппа Блэкроу!

– Филиппа? Почему вы так в этом уверены? – Нед в недоумении взирал на Бэйба. – Нет, возможно, конечно... Вы хотите сказать, что знаете её?

– Мне следовало бы давно уже влиться в общество психов, – сказал Бэйб. – Ты назвал фамилию Блэкроу, а я даже не подумал о связи между ними. Ну и дурак же ты, Бэйб.

– Какой связи? Бэйб, если вам известно что-то, скажите мне.

– Дельфт и Блэкроу. Не могу поверить, что я так туп. Хотя, с другой стороны, кто, кроме меня, вспомнил бы имена, мельком

увиденные в папке с делом больше тридцати лет назад? Да-а, невезучий ты человек, Нед Маддстоун, очень невезучий.

– Расскажите же, Бэйб. Расскажите мне все.

– Ты когда-нибудь слышал о Джеке Кастансе?

Нед отрицательно потряс головой.

– Расстрелян за измену во время Второй мировой. Англичанин, такой же английский, как фарфоровый спаниель, и одновременно фений до мозга костей. Он оставил жену и ребёнка, дочь, которую звали Филиппой. Жена умерла в Канаде, а её богатый брат, Ричард Уиллер, привёз маленькую Филиппу назад в Англию, в свою семью. Она выросла как Филиппа Уиллер и, выйдя со временем замуж за некоего Питера Дельфта, родила ребёнка – имя, пол и дата рождения в деле указаны не были. Питер Дельфт, если память мне не изменяет – чего она, конечно, не делает, – умер в сентябре шестьдесят первого года. В апреле шестьдесят третьего она вышла замуж повторно, за владельца торгового банка Джереми Блэкроу, и, когда я в шестьдесят третьем наткнулся на это дело, выяснилось, что со дня свадьбы никто больше не трудился его пополнять. Таким образом, Филиппа Кастанс стала Филиппой Уиллер, стала Филиппой Дельфт и стала Филиппой Блэкроу. Я читал дело Джека Кастанса, интересуясь лишь его ранними годами. Мне поручили нудную работу – написать статью, своего рода портрет британского сторонника республиканцев, как будто когда-нибудь существовал хоть один человек, подпадающий под такое определение.

– Филиппа Блэкроу была матерью Оливера Дельфта? – Нед с великой неторопливостью подчёркивал каждое слово, как будто боялся, что смысл сказанного зашатается и рухнет. – Он был её сыном. Сыном той самой женщины, которой Падди попросил передать письмо.

– Никаких перекрёстных ссылок в деле не было. – Бэйб неодобрительно поджал губы. – Сын Филиппы просится на службу, и никому даже в голову не приходит связать Оливера Дельфта с дочерью человека, приговорённого к смерти за измену. Да и как можем мы ожидать, что разведка, не способная обнаружить в своих рядах полковника КГБ, заметит подобную мелочь? Не диво, что Оливера проняла судорога, когда ты ни с того ни с сего назвал ему имя. То-то он, наверное, страха натерпелся.

– Так, выходит, он тоже предатель?

– Возможно, но не обязательно. Он мог поступить в разведку, ничего не зная об истинных взглядах матери.

– В любом случае, – подытожил Нед, – он не мог позволить мне, человеку, знающему её имя, привольно бродить по белому свету.

– Вот именно. Если он знал своё дело, то должен был найти способ избавиться от тебя и замести следы. Как он избавился от тебя, мы знаем. Хотел бы я знать, как он замёл следы... – Голос Бэйба замер.

Нед схватил его за рукав:

– О чем вы думаете?

– Представим себе всё это с точки зрения Дельфта, – бормотал Бэйб, обращаясь больше к себе, чем к Неду. – Он на дежурстве. Приходит депеша, сообщающая, что задержан молодой человек с документом, который может представлять интерес для разведки. Он допрашивает тебя, всё отлично, ты оказываешься ни в чем не повинным. И тут он узнает, что к делу причастна его мать. Как ему поступить? Назавтра начальник его отдела начнёт задавать разного рода вопросы. «Из регистрационного журнала следует, Дельфт, что вас посылали в полицейский участок. Кто этот юноша? Что при нём было?» Как бы я поступил, будь я Дельфтом?

– Не понимаю, – нахмурился Нед. – О чем вы?..

– Ш-ш! – Бэйб приложил палец к губам. – Я пытаюсь сыграть его, вот что я делаю. «Я перевербовал его, шеф. Это клад. Но руки прочь, он мой, я не хочу, чтобы его скомпрометировали». Однако ему пришлось бы дать что-то в обмен. Есть, разумеется, запись, но на ней имя его матери, – значит, нужна другая. А скажи-ка, Нед, скажи-ка, он случайно не просил тебя надиктовать на ленту что-нибудь

особенное? Ну, то есть, после того, как оправился от судорог.

– Я не уверен... да! Семья Порции! Он расспрашивал о её отце. Я рассказал все, что знал, и он попросил назвать полный адрес. Попросил даже повторить его дважды. Но зачем? Всё равно не понимаю.

– Ремесло моё было грязным, – ответил Бэйб. – Позволь рассказать тебе, что сделал Оливер.

В эту ночь, пока Нед лежал без сна, к именам, бившимся в его голове, присоединилось ещё одно. Теперь это были – Дельфт, Фендеман, Гарленд и Кейд.

Дельфт, Фендеман, Гарленд и Кейд. Дельфт, Фендеман, Гарленд и Кейд. Он вбивал их кулаком себе в бедро. Выцарапывал ногтями на ладони. Вжигал в свой мозг. Дельфт, Фендеман, Гарленд и Кейд. Дельфт, Фендеман, Гарленд и Кейд.

В прошлом весна всегда была на острове временем, когда Нед особенно остро чувствовал себя узником. Долгая зима истаивала, дни удлинялись, и птицы, прилетавшие на остров, приносили с собой мысли о внешнем мире. Свив гнезда, птицы начинали петь, и Нед ощущал ограниченность своего сознания. Ни литературе, ни науке, ни философии не по силам было тягаться с абсолютной красотой нарциссов и птичьих голосов, не способны они были и унять мучительную боль, которую те пробуждали в нем.

В один апрельский день, ровно через неделю после того, как открыли солнечную галерею, Нед сидел, ожидая Бэйба, за шахматной доской. В последнее время они играли редко. Неда смущало, что он так легко обыгрывает старика, как сердило и явное его безразличие к тому, кто победит, а кто потерпит поражение.

Из потоков солнечного света возник, помаргивая, Мартин и, улыбаясь, приблизился к Неду.

– Ты ждущий Бэйба, я полагаю?

– Конечно, – ответил Нед.

– Тогда ты ждать долго. Ночью у Бэйба быть сердечный приступ. Бэйб сейчас умирай в койка.

Нед вскочил на ноги и сграбастал Мартина за воротник халата.

– Эй, Томас. Ты отпускаяй. Ты хочешь быть связанный в карцере?

– Отведи меня к нему, – крикнул Нед. – Отведи сию же минуту!

– Я не водить тебя ни к кому, – ощерился Мартин. – Ты что про себя решил? Не ты говорить мне приказы. Я говорить приказы тебе.

Нед выпустил воротник Мартина и умиротворяюще разгладил его.

– Пожалуйста, Мартин, – сказал он. – Постарайся понять. Бэйб для меня все. Отцом, братом, возлюбленным. Мы с ним, как... как ты с Хенриком, – Нед махнул рукой в другой конец галереи, туда, где в плетёном кресле сидел, дрожа и обнимая себя за колени, недавно появившийся в лечебнице молодой швед. – Ты и Хенрик, вы ведь близки. Это так здорово. То же самое и у нас с Бэйбом. Ты понимаешь, правда? Понимаешь. Я знаю, доктор Малло тоже понял бы. Он захотел бы, чтобы я был сейчас с Бэйбом, я в этом уверен.

Глаза Мартина сузились, потом он опустил взгляд.

– Я позволять тебе увидеть Бэйб, ты не говорить доктор Малло плохо обо мне?

– Никогда, Мартин. Никогда я не скажу о тебе плохого доктору Малло. Ты мой друг, Мартин. Хороший друг.

И Мартин отвёл Неда в больничное крыло. Путь их лежал мимо кабинета доктора Малло, а затем по коридору, в котором Нед никогда ещё не бывал.

В тесной, на четыре койки, палате Бэйб был единственным пациентом. Он лежал на спине, с трубкой в носу и казался таким маленьким, ссохшимся. Нед опустился у его койки на колени и взгляделся в лицо, которое так любил.

– Бэйб, – прошептал он. – Бэйб, это Томас.

– Я вернусь полчаса, – предупредил Мартин закрывая и запирая дверь. – Тогда ты уйди. Больше Бэйбу не ходить.

Нед увидел, что глазные яблоки Бэйба перекатываются под обвислой кожей век.

– Нед? – Имя было произнесено чуть слышным шёпотом.

Нед взял старика за руку.

– Это я. – Слезы уже катились по его лицу. – Бэйб, ты не можешь оставить меня. Ты не должен меня оставлять. Прошу тебя... прошу... я сойду с ума. Я знаю, я сойду с ума... – Голос его надломился, он всхлипнул. – Бэйб! О господи, Бэйб! Если ты умрёшь, я покончу с собой. Иисусом клянусь, покончу.

Почерневшим языком Бэйб провёл по сухим, шелушащимся губам.

– Я умираю, – сказал он. – Они засунут меня в ящик, стоящий в соседней комнате. Я слышал разговор об этом, когда очнулся час назад. Засунут в упаковочный ящик, опечатают его и свезут на материк, а там выпишут свидетельство о смерти, заколотят в настоящий гроб и отправят домой. Хоронить будут в Англии.

– Прошу тебя, не говори так. – Слезы капали с лица Неда на простыню.

– У нас полчаса, не больше, – продолжал шептать Бэйб, – так что слушай меня. В шестьдесят девятом я готовился к бегству из Англии. Меня схватили, прежде чем я успел скрыться, и привезли сюда, но никто так и не узнал, что я задумал.

– Бэйб, пожалуйста! Ты изнуряешь себя этим... Бэйб взял ладонь Неда и с силой сжал её.

– Не будешь слушать, я умру прямо сейчас, – прошипел он. – Помолчи немного и слушай. Меня взяли прежде, чем я смог бежать. Но я успел перевести деньги. Я знал номера счетов, десятки номеров. Я помнил их все. Я надул их, переведя деньги на один общий счёт. Вот, возьми это, возьми!

Бэйб разжал пальцы. Из них в ладонь Неда скользнул клочок бумаги.

– Возьми. Это деньги, и, думаю, за тридцать лет их стало больше, чем ты сможешь потратить. Банк «Коттер», Женева. Когда они обнаружили исчезновение денег, то прикатили сюда, чтобы допросить меня. Я так лихо замёл следы, что они на стену лезли от ярости. «Где деньги? Что ты с ними сделал?» Я пробыл здесь меньше месяца, но Малло потратил его на то, чтобы бить мой мозг электричеством и накачивать наркотиками. У него не было выбора, уж слишком я буйствовал. Понимаешь, я знал, что они приедут, и готовился к этому. Когда они появились, я пускал слюни, хихикал, идиотски улыбался и плакал. Ты бы гордился мной, Нед. Я был здесь самым безумным из всех. Руины благородного ума. Они уехали, кляня всё на свете, в уверенности, что разрушили разум единственного человека, знавшего, куда подевались деньги. Я бы с удовольствием понаблюдал за их объяснениями с министром. А теперь прочитай, что там написано, заучи наизусть и уничтожь бумагу. Банк «Коттер», Женева. Когда ты уйдёшь отсюда, все деньги будут твоими.

– На что мне, по-твоему, деньги? – Слезы Неда уже текли нескончаемым потоком. – Не нужны мне деньги, мне ты нужен! Если ты умрёшь, умру и я. Ты же знаешь, мне никогда не выбраться отсюда.

– Ты выберешься отсюда! – страстно прошептал Бэйб. – Выберешься в гробу. Послушай. Около кровати лежит железная ложка, забери её. Бери!

Нед, плача от этого бессвязного бреда, взял ложку.

– Спрячь её на себе, нет, не так. Не в дурацкий карман! А если Мартин обыщет тебя?

– Куда же? – Нед озадаченно глядел на Бэйба.

– В анус, парень! Да затолкай поглубже. Плевать, если пойдёт кровь.

– Ах, Бэйб...

– Сделай это, сделай сейчас, или, клянусь всемогуществом Христовым, я умру, проклиная тебя. Вот так! Хочется визжать – визжи, мне всё равно. Даже если кровь будет хлестать из тебя, как из свиньи, заталкивай её, заталкивай! Ну как, стоять можешь? А сидеть? Хорошо, хорошо, ты справился.

Бэйб откинулся на подушку и задышал медленнее.

– Дальше, – наконец выговорил он. – Дальше, Нед. Ты получил клочок бумаги. Посмотри на него. Банк «Коттер», Женева. Этого я написать не решился. Посмотри на бумажку. Там номер, пароль и отзыв. Заучи их. Повтори... хорошо, ещё раз. Ещё... раз. Теперь проглоти. Сжуй и проглоти. Повтори номер... пароль... снова адрес.

– Зачем ты это делаешь, Бэйб? Ты пугаешь меня.

– Я задолжал тебе деньги. Нарды. Ты отлично играешь. Осталось немного, паренёк. Вспомни прошлую зиму. Неделя до Рождества. День, когда мы разговаривали о Филиппе Блэкроу. Я нарисовал схему, помнишь? Ты сохранил её, как я тебя просил?

– Думаю, она у меня в комнате. Среди других бумаг. А что?

– Сегодня четверг. Ночью дежурит Пауль. Поладь с ним. Заведи разговор, расспроси его о футболе. Найди для этого подходящий момент. Воспользуйся ложкой, чтобы не дать запереться замку. Дел у тебя будет много. Потребуется все твои силы. Я отправляюсь на материк утренним катером. О господи, что там такое?

В замке заскрежетал ключ, дверь отворилась.

Мартин поманил Неда:

– Ты сейчас иди со мной. Оставить Бэйба, иди со мной.

– Ты же сказал – полчаса!

– Доктор, он идёт посмотреть Бэйба. Ты иди. Нед бросился на койку, залитое слезами лицо его намочило бороду Бэйба.

– Прощай, мой мальчик. Однажды ты уже спас мне жизнь. Мой разум навсегда останется в тебе. Построй в память обо мне что-нибудь большое. Мы любили друг друга. А теперь, ради меня, перестань реветь. Уходи с миром и посвяти этот день воспоминаниям. Вспомни все. Моя любовь и память пребудут с тобой вовеки.

– Сейчас иди! Сейчас! – Мартин приблизился к койке и грубо оторвал от неё Неда. – К стене. Я тебя обыскать. В больнице много плохих вещей.

Уже в дверях Нед, подталкиваемый Марином, в последний раз окинул взглядом палату.

Веки Бэйба были плотно сжаты. Теперь все его силы уходили на то, чтобы заставить сердце биться быстрее, быстрее – пока оно не разорвётся в груди.

Через час после ленча Мартин принёс в галерею новость о смерти Бэйба.

Нед, одиноко сидевший за шахматной доской, кивнул.

– Ему было больно?

– Нет боли. – Голос Мартина был негромок и почти уважителен. – Очень мирно. Короткий приступ опять, умер быстро. Доктор Малло говорить, что никто ничего не мог делать, – прибавил Мартин с ноткой извинения в голосе. – Ни одна больница мира.

– Ты не будешь против, – тихо спросил Нед, – если я до конца дня останусь у себя в комнате? Я хотел бы подумать и... и помолиться.

– Ладно, я вести тебя туда.

Молча они дошли до комнаты Неда. Мартин оглядел прислонённые к стене стопки книг и бумаг.

– Бэйб, он много тебя научил, да?

– Да, Мартин. Очень многому.

– Некоторые книги на моем языке здесь, но ты не говоришь.

– Немного, читать немного могу, но говорю плохо, – на запинаящемся шведском ответил Нед.

– Да. Выговор у тебя плохой. Может, раз Бэйба нет, мы будем друзья получше. Ты учить английский, я учить шведский. И ещё ты учить меня музыка и математика.

– Это было бы хорошо, – сказал Нед. – Я с удовольствием.

– Я рано оставить школа. Убежал из дома, там отец меня бил. Чем больше ты учить, тем лучше друзья.

– Договорились.

– Тебе не обязательно быть со мной милый. Мартин осторожно оглянулся на дверь. – Я понимать. Иногда я нехороший. Нехороший мысли в сердце. Ты молись и про меня тоже.

– Конечно. – Нед снова почувствовал на щеках непрошеные слезы.

– Ладно, Томас. Я уходить.

Почти полчаса ушло у Неда на поиски нарисованной Бэйбом схемы, и ещё два потребовалось, чтобы увериться, что он должным образом понял её и запомнил.

Пауль заступал на дежурство незадолго до ужина, и Нед, спрятав до времени ложку, постарался, практики ради, втянуть его, пока тот закрывал дверь, в короткий разговор.

– А, кстати, – придержав дверь за внутреннюю ручку, сказал он сквозь щель, – пока ты меня не запер. Ты не мог бы оказать мне услугу? А я за это научу тебя прозвищам всех британских футбольных клубов. Совсем пустячную услугу, а?

– Услугу? – Пауль насторожился.

– Мне бы немножко жевательной резинки, принесёшь?

Пауль ухмыльнулся.

– Может, в ужин? Посмотрим.

– Спасибо. «Трондхайм» сегодня играет?

– Точно, сегодня.

– Ну, удачи ему, – весело сказал Нед, сам закрывая дверь. – Увидимся.

В девять часов Пауль принёс кувшинчик горячего шоколада и несколько таблеток.

– Это ещё зачем? – насторожился Нед. – Я не на пилюлях.

– Доктор Малло беспокоится, что ты расстроишься из-за Бэйба, – объяснил Пауль. – Они слабые. Просто помогут тебе уснуть.

– А, ну хорошо. – Нед закинул таблетки в рот и сглотнул. – Добрый доктор очень заботлив.

– И вот тебе жевательная резинка.

Нед взял пластинку резинки и расплылся в улыбке:

– «Голливуд», какая роскошь! Пауль, ты герой!

– Спокойной ночи, Томас. Выспись как следует.

– О, погоди, скажи-ка, – Нед опять помешал Паулю закрыть дверь, – как там «Трондхайм»?

Ложку Нед держал в правой руке, небрежно опираясь ею о дверь. Он нажимал на дверь всё сильнее, сильнее, пока не осталась щель шириною в дюйм, через которую он мог разговаривать с Паулем, – к этому времени ложка уже прижала язычок замка.

– Три один? Большая победа для вас, – сказал он. – Ладно, завтра, наверное, увидимся. Спокойной ночи.

Одним последним нажатием Нед закрыл дверь. Ложка осталась торчать между дверью и косяком. Едва шаги Пауля стихли в конце коридора, Нед потянул дверь на себя, и та подалась. Ложка удержала язычок. Почти зарыдав от облегчения, Нед вернулся к столу, выплюнул таблетки снотворного и напоследок снова развернул схему Бэйба.

Когда, по его представлениям, было где-то между половиной третьего и тремя, он подошёл к двери и открыл её. Ложка с металлическим лязгом упала на пол, звон прокатился по коридору, и Нед, кляня себя, нагнулся, чтобы поднять её.

Ни звука не доносилось ни из одной части здания, пока Нед, жуя резинку, шёл галереей. Только косточки его босых ступней постукивали о пол, нарушая огромную пустоту молчания, точно саван, окутавшую здание.

Достигнув двери кабинета доктора Малло, Нед, прежде чем войти, с минуту вслушивался. Оказавшись внутри, он включил настольную лампу и огляделся, моргая от неожиданно яркого света. Шторы были опущены, однако под дверью наверняка пробивалась полоска света. Нед понимал, что времени у него в обрез. Он подошёл к висящему на стене деревянному ящику, открыл его, достал ключ. Внезапный порыв подтолкнул его к тому, чтобы взять и другой, поменьше, и попытаться открыть им серый картотечный шкафчик, прикрепленный к противоположной стене. Ключ подошёл, и Нед, быстро обыскав кабинет, нашёл пластиковый пакет для покупок, в который и затолкал пачку за пачкой бумаги и папки. Тугим узлом завязав пакет, он извлёк изо рта резинку, проглотил маленький ключ, снова сунул резинку в рот, выключил свет и вышел в коридор.

Приближаясь к помещениям для персонала и размеренно жуя, Нед крепко прижимал пакет локтём, чтобы тот не так сильно шуршал при ходьбе. Он услышал звуки музыки, увидел впереди полосу света, падающую на пол. Из комнаты, где полагалось сидеть Паулю, в коридор выходило окно, которое Неду было не обойти. Он медленно крался вперёд и почти уже опустился на колени, чтобы проползти под окном по полу, когда дверь комнаты отворилась и в коридор вышел Пауль. Сердце Неда ёкнуло, тело застыло. Пакет хрустнул, и звук этот отозвался в ушах Неда подобием треска, с каким грузовик проезжает по тысяче пластмассовых упаковок для яиц.

Пауль прошёл прямо в комнату напротив, даже не глянув в сторону Неда. Громкий плеск мочи, бьющей в чашу писсуара, эхом понёсся по коридору, и Нед, дрожа от облегчения, встал и пошёл вперёд.

Минуя дверь уборной, он бросил быстрый взгляд влево и увидел Пауля – раздвинув ноги, тот стоял спиной к нему, встряхиваясь и напевая «Оду к радости». Пауль был в футболке и джинсах – одежда самая обычная, но она страшно взволновала Неда. Футболка и джинсы были подтверждением реальности и достижимости внешнего мира.

Он завернул за угол и прислонился к стене. Ночь была не из тёплых, однако Нед чувствовал, как с висков стекают на шею струйки холодного пота. Он перестал жевать и, приоткрыв рот, прислушался. Звук сливаемой воды, шаги, пересекающие коридор, хлопок закрывшейся двери. Отдающая мятой слюна капала из открытого рта. Нед втянул её и зажевал снова.

На противоположной стене помигивал зелёный огонёк – индикатор блока сигнализации. На цыпочках приблизившись к нему, Нед внимательно взгляделся, мысленно накладывая на блок схему Бэйба. Та часть блока, что относилась к больничному коридору, была обозначена как «Зона 4». Нед достал взятый в кабинете доктора Малло ключ и попробовал вставить его в замочную скважину. Ключ не вошёл, и на миг сердце Неда упало, он решил, что проглотил не тот ключ. Он сделал ещё попытку, на этот раз ключ вошёл легко. Переведя дух, Нед повернул ключ на пол-оборота вправо. Зелёный огонёк сменился красным. Задержав дыхание, Нед отщёлкнул вверх четвёртый из переключателей, рядом шедших вдоль блока, и повернул ключ ещё на четверть оборота. Секунду подождал, потом дважды повернул ключ влево, возвратив его в начальное положение. Когда ключ проходил «трёхчасовую» позицию, блок вдруг гуднул – коротко, но с такой силой, что Нед чуть не завопил от испуга. Отступив в дверной проем напротив, он ждал, не отрывая глаз от световых индикаторов. Зелёный помигивал ровно, но рядом с ним теперь появился красный – мигнул четыре раза подряд, выдержал паузу и снова мигнул четырежды, оповещая всякого, кто знаком с системой, что некто пытался отключить Зону 4. Дверь комнаты персонала осталась

закрытой, да и громкость музыки, нёсшейся из радиоприёмника Пауля, не изменилась. Гудение, изданное блоком, прозвучало, точно труба кавалерии в аду, только в ушах Неда. Снова шагнув к блоку, Нед мягко извлёк ключ. Красный огонёк моргал по-прежнему, но всё было тихо. Нед вытащил изо рта жвачку и залепил мигающий индикатор, с силой умяв тёплый комок, чтобы свет не просачивался по краям. Потом отступил на шаг – посмотреть, что получилось.

Его беспокоило, что люди, которые придут поутру, чтобы отключить сигнализацию, могут обнаружить маленькую пломбу из жевательной резинки. Если её заметят после отключения, ничего страшного, а вот если резинку отдерут, пока система будет ещё задействована, четыре вспышки света скажут этим людям все, что им следует знать, и тогда развернется ад. Нед разминал жвачку ключом, разглаживал её, пока она не слилась с поверхностью блока. Света у него только и было что от зелёного индикатора, но Нед давил и мял резинку, пока та не стала практически незаметной.

Убедившись наконец, что всё выглядит нормально, он сунул ключ в рот и беззвучно направился к дверям больничного крыла.

Бэйб был мёртв, а он, Нед, вот уже больше двадцати лет не чувствовал себя настолько живым. Кровь пела в ушах, сердце ухало и бухало в груди, как механизм с ременным приводом, каждая жилочка тела содрогалась под напором энергии. Нед знал – что бы с ним теперь ни случилось, он никогда не пожалеет о том, что смог вернуть себя в состояние столь напряжённого возбуждения. Если из следующей двери выскочит доктор Малло со всем своим штатом, если Рольф прижмёт его, Неда, к стене и снова сломает ему плечо, если у него навсегда отнимут все привилегии, все книги, все бумаги, если его снова подсадят на рацион из хлорпромазина и электрошока, всё равно этот короткий всплеск подлинной жизни был делом стоящим.

Доктор Малло со всем его штатом из следующей двери не выскочил. Следующая дверь вела в палату, смежную с той, в которой умер Бэйб, само же больничное крыло оставалось безмолвным, будто могилы, которые оно обслуживало. Нед взялся за дверную ручку, повернул. Если он промахнулся с блоком сигнализации, сейчас он об этом узнает. Дверь отворилась. Колокола не зазвонили, сирены не завывали. Всё было тихо. Нед закрыл за собой дверь и нашарил выключатель.

Он оказался в кладовке, вдоль стен тянулись полки с медикаментами. В середине комнаты возвышался на козлах стол, на котором стоял упаковочный ящик футов в семь длиной и около трёх шириной, к торцам его были приделаны ручки из толстой верёвки. Нед подошёл к столу, положил ладони на крышку ящика.

– Привет, Бэйб, – прошептал он. – Пока всё идёт хорошо.

Он опустил пакет на пол, огляделся. Чайная ложка так и оставалась зажатой в левой руке, но Нед надеялся найти что-нибудь попрочнее. Поискав на полках, он не обнаружил ничего, что могло бы ему помочь. И уже почти сдался, как вдруг заметил краешек стоявшего прямо под столом синего железного короба с инструментами.

Вооружась стамеской с массивной ручкой, Нед начал вскрывать ящик, стараясь не погнуть ни одного гвоздя. Вся работа заняла пятнадцать минут и к тому времени, когда Нед снял крышку и положил её на пол, он обливался потом.

В ящике лежало укрытое белой простыней тело Бэйба. Нед сглотнул, содрал простыню и отбросил её в сторону. И чуть не вскрикнул от потрясения.

Бэйб улыбался. То была улыбка, которую Нед за последние десять лет успел полюбить. Озорная улыбка причастности к тайне, воодушевления и удовольствия, всегда предшествовавшая новому уроку в новой области знания.

«Подожди, пока не познакомишься с Джойсом, старина!»

«А на следующей неделе Фарадей и магниты – готовься, тебя ждут сюрпризы!» «Завтра, Нед, мальчик мой, битва при Лепанто!»

«Вагнер. Рихард Вагнер! Уж если он влез тебе в душу, обратно не вылезет».

«Атака Маршалла. Дебют не для слаботервных».

«Давай скажем „хайль!“ герру Шопенгауэру, хорошо?»

«Русские глаголы, обозначающие движение. От них с ума можно сойти».

Нед наклонился, погладил Бэйба по бороде.

– Ну что, поехали, – прошептал он.

Нед предполагал, что тело окажется тяжёлым, и весь этот вечер обдумывал, как ему вытащить Бэйба из ящика. Он представлял, как просунет руки под мышки и, напрягая все силы, будет тянуть тело, пока оно не повиснет у него лицом вниз на плече. Чего Нед не мог предвидеть, так это насколько велика будет нагрузка, которая ляжет на его повреждённые плечи. Подтягивая мёртвое тело Бэйба, он чувствовал, как знакомо скрежещет левый плечевой сустав. Вот уже лет семь или восемь ему удавалось избегать вывихов плеч, и хоть он отлично знал теперь, как вправлять их обратно, сегодня обратиться в калеку позволить себе не мог. И потому решил нагрузить правое плечо вместо левого. Сделав девять-десять глубоких вдохов, Нед потянул на себя тело.

Пошатываясь, он взвалил Бэйба на плечи и опустился на пол; пот катил по его лицу, правое плечо обжигала боль. Тело Бэйба свалилось на пол, глухо стукнувшись об него головой, – хрустнув, точно сухой сучок, сломалась шея.

Нед нетвёрдо поднялся на ноги и осторожно вытянул руки в стороны. Правое плечо негромко щёлкнуло, но в суставной сумке удержалось. Нед выровнял дыхание и теперь ждал, когда перестанут дрожать руки и ноги. Ещё раз потянувшись и набрав в лёгкие воздух, он выключил свет, открыл дверь и прислушался. И, убедившись, что тишину ночи нарушают лишь удары его сердца, наклонился и подхватил тело Бэйба под мышки.

Нед медленно тянул тело по коридору больничного крыла, пока не добрался до блока сигнализации. Из радиоприёмника за углом лилась музыка. Он узнал григовскую «Смерть Озе» и инстинктивно опустил глаза на Бэйба, словно намереваясь поделиться с ним шуткой. Он заволок тело за угол, уложил лицом вниз, потом, опустившись у ног Бэйба на корточки, стал подталкивать старика по полу, к комнате персонала. Если Пауль выйдет, чтобы помочиться ещё раз, то волей-неволей споткнётся о труп, и всё будет кончено. Пригнувшись пониже, но так, чтобы оставалась возможность подталкивать Бэйба, упираясь в его ступни, Нед снова налёг на них. Теперь он находился прямо под окном комнаты и толкал всё торопливее, молясь, чтобы по радио зазвучала музыка погромче и побарабаннее. Если уж предстоят похороны, то почему не передать «Смерть Зигфрида», «Dies Irae»⁵⁸.

Верди или «Шествие к эшафоту»? Негромко звучавшие струнные Грига жалобно заплакали, когда Нед миновал окно, распрямился и снова поудобнее взял Бэйба под мышки, чтобы оттащить его по линолеуму к себе.

Добравшись наконец до своей комнаты, Нед последним, грозившим вывернуть плечо усилием взвалил Бэйба на кровать. Он забыл снять покрывало, так что пришлось ещё несколько раз, кляня себя за дурость, перевалить тело туда-сюда, чтобы высвободить ткань и накрыть ею покойника. Он представил, как Бэйб неодобрительно покачивает головой при виде подобной непредусмотрительности и отсутствия здравого смысла.

– Прости, – прошептал Нед. – Mea culpa. Mea maxima culpa⁵⁹.

Потом пристроил голову Бэйба на подушке, подтянул одеяло повыше и наклонился, чтобы в последний раз поцеловать лоб старика.

58. «День гнева» – часть «Реквиема».

59. Моя вина. Моя великая вина (лат)

– Прощай, мой лучший, самый дорогой мой друг. Что бы ни случилось, ты спас меня от смерти.

Возвращаясь в складское помещение, Нед завернул в кабинет Малло и вернул на место ключ от сигнального блока, прилепив остаток жвачки снизу к роскошному кожаному креслу доктора. Когда-нибудь Малло обнаружит её и будет гадать, откуда она взялась.

Нырнув под окно комнаты Пауля, из которого теперь неслась увертюра к «Севильскому цирюльнику», Нед миновал блок сигнализации, вошёл в кладовку, закрыл за собой дверь и снова включил свет.

Теперь нельзя было позволить себе ни малейшей ошибки, так что всё необходимое Нед подготовил с величайшей скрупулёзностью. Он уложил в опустевший упаковочный ящик пластиковый пакет, огляделся вокруг. Пока Нед тащил тело Бэйба по коридору, у него возникла одна мысль, так что теперь он принялся тщательно обыскивать полки, пока наконец не наткнулся на коробку с надписью «Диацетилморфин СЧ». Вскрыв коробку, Нед высыпал её содержимое, десятки и десятки полиэтиленовых пакетиков, в ящик, добавив к ним для ровного счёта и пакет со шприцами. Заглянув вовнутрь, он увидел, что там ещё хватит места для содержимого второй коробки. И третьей. Поразмыслив с минуту, Нед добавил к ним мешок для мусора, достаточно большой, чтобы в него поместились и все полиэтиленовые пакетики, и пакет с документами, взятыми из кабинета Малло.

Начальный план его состоял в том, чтобы вывернуть шурупы из дверных петель и ввинтить их изнутри в крышку ящика, используя вместо отвёртки чайную ложку, однако он уже знал, что в синем коробе имеется банка с шурупами и даже ручная дрель с комплектом буравчиков. Единственное, чего он не нашёл, это верёвки, поэтому пришлось разодрать покрывавшую тело Бэйба простыню на полосы и туго переплести их. Уложив эту самодельную верёвку на внутреннюю сторону крышки ящика, Нед принялся сверлить её при помощи дрели, стараясь, чтобы бурав не пробил дерево насквозь. Ввинчивая шурупы, он загонял вместе с ними и перевитую ткань, образуя подобия верёвочных ручек, каждую из которых проверял, дёргая за неё что было сил, дабы убедиться, что ткань не рвётся, а винты держат крепко.

Наконец Нед уложил крышку на ящик и вставил гвозди в их гнезда. Покачивая крышку, он обнаружил, что три гвоздя, вместо того чтобы входить в отверстия, горделиво торчат наружу. Нед вынул каждый из них, вставил обратно и ещё раз потрянул крышку. Уверившись, что гвозди займут своё место, он снова снял крышку и положил её поперёк ящика.

Нед в последний раз оглядел комнату, затолкал синий короб под стол, придав ему прежнее положение, осмотрел полки и пол. Если не считать того, как лежит крышка, всё здесь осталось в том же виде, как при первом его появлении.

Резко выдохнув, Нед выключил свет и в кромешной тьме осторожно двинулся вперёд, пока не зацепил ногой стол. Взобрался на него и медленно выпрямился, почти коснувшись головой потолка.

Затем поднял крышку и начал шарить по ней пальцами, нащупывая тканевую петлю. Ухватившись за эту ручку, он поднял крышку и, держа её перед собой, точно норманнский щит, вступил в ящик и улёгся на своё полиэтиленовое ложе. Подвигав крышку, Нед убедился, что, пока он с силой тянет на себя перекрученные петли, крышка держится хорошо, и настолько сосредоточился на необходимости бодрствовать, что почти мгновенно заснул.

Стук открывшейся двери заставил его вздрогнуть и проснуться. Крохотные лучики света пробивались сквозь крышку, и поначалу Нед подумал, что проспал слишком долго. Возможно, они решили ещё подержать тело здесь и отправить его вечерним катером. А между тем в его комнате уже обнаружили Бэйба, и охота началась. Нед выругал себя за то, что заснул. Если бы он бодрствовал, то понял бы, что времени прошло слишком много, и попытался сбежать как-то ещё. Бэйб говорил ему, что остров находится примерно в тридцати милях от материка, но даже попытка доплыть туда своими силами и обрести свободу была бы лучше, чем позорное обнаружение здесь, в ящике.

Ленивые утренние голоса, зевки и нытье успокоили его. Ухватившись за петли, Нед изо всех сил потянул крышку на себя и замер в

ожидании, едва осмеливаясь дышать.

Двое мужчин говорили по-датски.

– Потащим на плечах.

– А вон верёвки на что?

– На то самое, только они нам все руки изрежут. Можешь мне поверить, я этим уже занимался. Давай на плечи. Ты первый. Раз, два... взяли.

– Я думал, там старик. Господи, ну и тяжесть.

– Это всё дерево. Пошли.

– А, черт!

– В чем дело?

– Ты, что ли, гвозди вколачивал? Я палец порезал!

Тело Неда болталось в ящике, всякое чувство направления он утратил. Ящик дважды плюхали на пол, отпирая и запирая двери, и каждый раз Нед пугался, что крышка подскочит и его обнаружат. Мысленно он приготовился к драке и бегству.

Но наконец в ящик просочился холодный утренний воздух, и Нед услышал крики чаек, а следом стонущий скрежет двери крытого грузовика. Ящик без особых нежностей пропихнули по металлическому полу – движение это отдалось во всех костях Неда; дверь с грохотом захлопнулась, заработал мотор. Нед вспомнил адскую пытку, в которую обратилась его последняя поездка в грузовике. Он снова увидел мёртвые глаза двух мужчин, избивших его до полусмерти, услышал ритмичный шелест покрышек на неровной мостовой. Он хорошо помнил мистера Гейна, до мелочей помнил тех двух скотов. Но восстановить в памяти личность Неда, душу и тело которого подвергли бесчеловечным истязаниям, не мог. Тот Нед был наивен, испуган и ослеплён жестоким миром, как новорождённый щенок. Он был всего только атомом, лишённым воли, направления, цели. Тот Нед умер без малого двадцать лет назад – жизнь покинула его в день, когда Рольф выломал ему левое плечо, убив в юноше последние остатки надежды и веры. Нед, ехавший ныне в ящике, был совершенно другим существом, человеком железной воли, ангелом мщения – орудием Божиим.

Поднявшись на скалы, Нед обернулся, чтобы взглянуть на паром, стоявший на якоре в полумиле от берега. Когда он вернётся в порт, команда отправит деревянный ящик, набитый теперь цепями и железными тросами, в док, а там, по прошествии времени, его вскроют и обман обнаружится. Не исключено, что с острова уже послали на материк телеграмму и Нед объявлен в розыск.

Вздвогнув, он снял с ноющего плеча большую жёлтую клеёнчатую сумку, украденную на пароме из капитанского рундука. В рундуке нашлись также одежда и бумажник с двумя с половиной тысячами датских крон. Нед не имел ни малейшего представления о том, попало ли ему в руки целое состояние или этих денег едва хватит на скромный завтрак.

Спустя полчаса он вошёл в переполненное кафе, стоявшее на шоссе по дороге в Орхус. То, что он попал в Данию, Неда не удивило. Бэйб говорил ему, что остров находится в Каттегате, где-то между побережьем Швеции и северной оконечностью Ютландии. Нед направился прямо к стойке и заказал чашку кофе и яичницу с беконом. Затем сел и огляделся. Он ещё на подходе к кафе заметил пять припаркованных грузовиков и подумал, что главное сейчас – это решительность и быстрота.

– Привет! – крикнул он, стараясь быть услышанным за грохотом музыкального автомата. Все посетители кафе обернулись и уставились на него. – Кто-нибудь здесь едет на юг? Мне нужно к ночи попасть в Германию. Готов оплатить половину топлива.

Большинство мужчин, находившихся в поле зрения Неда, пожали плечами и вновь опустили глаза в тарелки. Двое покачали с сожалением головой, но ничего не сказали. Черт, подумал Нед, и что теперь делать?

Голос за его спиной произнёс на ломаном датском:

– Я должен быть к вечеру в Гамбурге. Хотите, езжайте со мной.

– Фантастика! – по-немецки воскликнул Нед. – Вы спасаете мне жизнь!

– А, так ты немец. Слава богу. От этого датского ум за разум заходит.

– Знаю, – сочувственно улыбнулся Нед. – Как начну на нём говорить, тут же кровь носом идёт. Позвольте, я возьму вам чашку кофе, не будете возражать? Да и сам по-быстрому перекушу.

– Без проблем, – отозвался его собеседник и, обойдя столик, протянул Неду руку. – Кстати, меня зовут Дитер.

– Карл, – сказал Нед. – Рад познакомиться. А, prachtvoll! ⁶⁰ – Он улыбнулся поставившей перед ним тарелку официантке. – И чашку кофе моему другу, – прибавил он по-датски.

В оставленной кем-то на столике газете Нед отыскал таблицу с курсом валют. Из неё он с немалым облегчением узнал, что у него при себе две сотни фунтов. Если за последние двадцать лет инфляция не обезумела окончательно, денег, пожалуй, хватит, чтобы добраться до нужного ему места.

Нед ехал на переднем сиденье, рядом с Дитером, сказавшим, что везёт бумагу из Скагене, что в пятидесяти милях на север от придорожного кафе на окраине Ольбека, где они познакомились. Стало быть, прикинул Нед, до немецкой границы ещё миль сто пятьдесят. Паром, должно быть, уже входит в гавань Ольбека. Вопрос теперь в том, захочет ли доктор Маяло обращаться в полицию. Он, надо думать, уже обнаружил, что из его кабинета исчезли бумаги, и Нед не сомневался, что это открытие отвратит доктора от мысли связываться с какими-либо властями. Возможно, Малло позвонит Оливеру Дельфту, а возможно, и не решится на это. Нед, оказавшись он на месте Малло, сфабриковал бы свидетельство о смерти и постарался забыть о самом существовании англичанина, навлекшего на него столько неприятностей.

Дитер не принадлежал к числу навязчивых собеседников. Весь его мир, похоже, вращался вокруг жены Труды, детей, чьими фотографиями была оклеена кабина, и футбола, в котором Нед мало что смыслил. Его познания ограничивались полученными от Пауля сведениями о скандинавской лиге. Дитера же дела «Трондхайма» нисколько не интересовали.

– А движение не так чтобы густое, – в какой-то момент заметил Нед.

– Шестнадцатое апреля, – отозвался Дитрих. – Здешний национальный праздник. День рождения королевы, так мне сказали.

– А, ну конечно.

Они остановились позавтракать в окрестностях Орхуса, и здесь Нед совершил первую свою ошибку.

Они сидели за столиком, и Нед взял небольшую вещицу, которую Дитер принёс с собой в кафе.

– Господи, а это что такое? – спросил он, вертя её в руке и недоуменно разглядывая.

– Шутишь? – Дитер улыбнулся во весь рот. Но когда понял, что Нед более чем серьёзен, глаза его сузились. – Так ты и вправду не знаешь, что это такое?

Нед сообразил, что допустил промах, и попробовал обратить всё в шутку.

– Да нет, я хотел сказать, что прежде не видел похожих на этот...

– Не видел похожих? Ты оглядись по сторонам, друг!

Нед огляделся и увидел на соседних столиках по меньшей мере шесть таких же вещей.

60. Великолепно (нем)

– Я, собственно, о цвете... – пояснил он, стараясь, чтобы голос звучал задушевно. – Твой красный, а те всё больше черные и серые.

– Где ты провёл последние десять лет? – спросил Дитер. – Где, интересно, ещё существуют места, в которых нет мобильных телефонов?

Телефонов! Мобильных телефонов. Нед выругал себя за то, что сам не догадался. Он уже заметил двух мужчин, говоривших в эти штуковины.

– Я... я был нездоров, – сказал он. – Лежал в больнице.

– Скорее уж в тюрьме.

– Нет-нет, в больнице. Ты должен верить мне, Дитер. Теперь я поправился. Совершенно поправился, но... понимаешь, кое-какие вещи я пропустил.

Дитер позволил Неду забраться в грузовик, однако по пути к Оберно и немецкой границе всё больше помалкивал. Нед сидел рядом, лихорадочно соображая. Он пришёл к заключению, что самое лучшее для него – проявить своего рода ограниченную честность. Дитер мог остановить первую же попавшуюся полицейскую машину, а это Неду никак уж не улыбалось. Трудновато будет объяснить полицейским, откуда в его клеёнчатой сумке столько наркотиков.

– Буду с тобой честен, Дитер, – наконец сказал он. – Я удрал из датской клиники. Семья поместила меня туда из-за наркотиков, но теперь я в порядке. Правда. В абсолютном порядке. Я еду в Ганновер, у меня там девушка. Я здорово изгадил свою жизнь однако сейчас всё хорошо. Мне просто нужна помощь, чтобы попасть домой.

– Сколько ты там пробыл? – спросил Дитер, не отрывая взгляда от дороги.

– Около года.

– Около года, и ты не знаешь, что такое мобильный телефон?

– Меня лечили электрошоком. Память иногда отшибает. Что я могу сказать? Я не дурной человек, Дитер, клянусь тебе.

– Ладно, – сказал Дитер и снова умолк.

После долгого мучительного молчания, которое Нед не решался прервать мольбами или новыми уверениями, Дитер заговорил сам, на этот раз застенчиво и едва ли не смущённо.

– Знаешь, я тоже несколько лет назад связался с наркотой. Я ведь по образованию инженер. Работа была хорошая, денег куча. Ну я и пристрастился к героину, работу потерял. Только благодаря моей чудесной жене Труди да милосердию и любви моего спасителя Иисуса Христа я теперь чист и здоров. Я отвезу тебя в Гамбург и введу в мою церковь. Церковь лучше больницы. Один Господь способен помочь людям вроде нас с тобой.

– Будь благословен, – прошептал Нед. – Ты воистину – добрый самаритянин.

– Я так понимаю, – продолжал чуть покрасневший от комплимента Дитер, – что паспорта у тебя нет?

– Нет, – подтвердил Нед. – Боюсь, что нет.

– На границе его обычно не требуют, но документы на груз таможенники захотят посмотреть непременно. Будет лучше, если тебя они не увидят. До границы десять миль. Я остановлюсь у следующей заправочной станции, а ты спрячься в кузове. Обыскивать машину они не станут.

– Разрешите, я дам тебе денег на топливо.

На один страшный миг Неду показалось, что он снова ляпнул что-то не то. Возможно, дизельное топливо осталось в прошлом и грузовики ходят теперь на метане, или кислороде, или бог знает на чем ещё.

– Денег? Зачем мне твои деньги, – отказался Дитер. – Я делаю это для моего Спасителя. В нём моя награда.

На протяжении десяти оставшихся до заправки миль Нед, стараясь не пережать, расспрашивал Дитера о его пристрастии к наркотикам и о том, каких денег те ему стоили.

– Неужто героин так дорог? – изумился он.

– Ещё бы! Правда, если его курить, выходит дешевле, – ответил Дитер. – Уж это-то ты должен знать. Ты на чем сидел?

– На марихуане.

– И семья отправила тебя в больницу за марихуану? Господи Боже! Да у меня мать каждый вечер по косячку выкуривает.

– Мои родители люди старомодные, – сказал Нед, охваченный неуютным чувством, что ему многое ещё предстоит узнать об этом новом мире.

На одном из первых пригородных светофоров Гамбурга Нед не без чувства вины подхватил клеёнчатую сумку, открыл дверь и спрыгнул на асфальт.

– Прости, Дитер, – крикнул он, обернувшись к кабине, – но я и вправду не думаю, что твоя церковь сможет мне помочь.

Дитер сокрушённо покачал головой, дважды громко посигналил и тронулся с места. Нед отпрыгнул на тротуар и махал на прощанье, махал, пока грузовик не свернул за угол. Он надеялся, что Дитер по крайней мере увидит в зеркальце этот прощальный жест и поймёт, что его помощь оценена по достоинству.

Как оно на самом деле и было. Нед, затиснувшийся между тюками с бумагой, провёл по обе стороны границы не больше часа. Заднюю дверь грузовика даже не открыли, хотя боковая, справа от Неда, хлопала, пока они подвигались вперёд, дважды, отчего у Неда до сих пор звенело в ушах. Дитер, развеселясь, поддразнивал его на этот счёт по пути через Шлезвиг-Гольштейн:

– Это Господь говорил с тобой, Карл. Можешь мне поверить.

Нед повертелся, оглядываясь. Час был уже поздний, а дел предстояло ещё немало. В маленькой Sparkasse ⁶¹ он обменял кроны на дойчмарки, перешёл улицу, спустился в подземку и поехал в предместье Святого Павла. Его не покидало пронзительное чувство, что Бэйб наблюдает за ним и страшно недоволен тем, что он собирается сделать.

Из предместья Нед перешёл в Рипербан. Сидя у окна бара «Беммель», напротив «Лемица», он вертел в руках стакан молока, наблюдая, как улица снаружи заполняется суматошной толпой, – начиналась лихорадка пятничной туристской ночи. Фонари, краски, шум, музыка – всё казалось ему абсолютно чужим. Он видел мужчин и женщин с ювелирными украшениями и металлическими полосками, продетыми в носы, уши и брови. Видел чернокожих с выкрашенными в соломенные тона волосами и азиатов с волосами оранжевыми. Видел мужчин, гуляющих, держась за руки. Какая-то наголо обритая женщина показала ему, проходя мимо, язык. В языке торчало нечто, сильно похожее на стальной гвоздь. Нед заморгал и судорожно сглотнул.

– Как род людской красив! И как хорош тот новый мир, где есть такие люди ⁶², – пробормотал он и тряхнул головой, точно вылезшая из воды собака.

На станции подземки он купил карту и три брошюры для туристов, которые успел прочитать дважды, прежде чем к нему подошла официантка, сказавшая, что, если он хочет остаться здесь, ему придётся выпить что-то ещё, кроме единственного стакана молока, который он ухитрился растянуть на два часа.

– Разумеется, – кивнул Нед и, указав на розоватый коктейль, стоявший на соседнем столике, попросил: – Принесите мне такой же.

61. Сберегательная касса (нем)

62. В. Шекспир. «Буря», акт V, сцена 1. Перев. М. Донского

– Все коктейли по пять марок, – известила его официантка.

Нед предполагал (да, собственно, и видел это), что его облачение датского рыбака – джинсы, толстый белый свитер и плотная куртка – не пользуется популярностью у ночных обитателей Гамбурга, и потому понимающе улыбнулся, протягивая официантке бумажку в десять марок.

– Я весь день рыбачил. Оставьте сдачу себе и выпейте тоже.

Подозрительная гримаска мгновенно сменилась радостной улыбкой.

– Спасибо, сэр!

– Э-э, забыл спросить, – сказал Нед, когда девушка принесла коктейль. – Что тут намешано?

– Клюква, грейпфрут и водка, – последовал ответ. – Называется «Морской ветерок».

– Хорошее название, – осторожно отхлёбывая, похвалил Нед. – М-м... очень вкусно.

– Вы турист? – Официантка указала на лежащие перед Недом карту и путеводители.

– Верно. Приехал поразвлечься. Этот район не опасен?

– Рипербан? Нет! – Сама эта мысль рассмешила её. – Когда-то давно – может быть, но теперь тут одни бизнесмены да туристы.

– Ага. Значит, торговцев наркотиками или кого-то похожего здесь нет?

Вопрос был задан тоном достаточно невинным, но, произнося его, Нед смотрел девушке прямо в глаза.

Она наклонилась, чтобы вытереть его и прошептала Неду на ухо:

– Вы, может, ищете что-то? Заплатить сможете?

– Да, я кое-что ищу, – ответил Нед. – Вы не знаете никого... э-э... respectableного? Я был бы крайне благодарен. – Он подчёркнуто взглянул на свой бумажник и затем снова на официантку.

– Я позвоню одному человеку. Он знает нужных людей. Вам куда – в центр или на окраину?

Смысл вопроса дошёл до Неда не сразу.

– А, понимаю, – сказал он. – На окраину, пожалуйста.

– Хорошо. – Вид у официантки был немного удивлённый. – Посмотрю, что можно сделать.

– Спасибо... э-э... я не знаю вашего имени.

– Козима.

– Спасибо, Козима. Карл Фрейтаг, к вашим услугам.

Нед смотрел вслед Козиме, направлявшейся к телефону на стойке бара. Проговорив не больше тридцати секунд, она положила трубку и кивнула Неду. Он кивнул в ответ и приветственно поднял бокал с коктейлем. Потом взял сумку и отправился в уборную, чтобы подготовиться к встрече.

Человек, полчаса спустя вошедший в бар «Беммель», был старше Неда – лет около пятидесяти, что Неда несколько удивило. Он больше походил на преуспевающего издателя или рекламного агента, чем на татуированного гангстера в кожаной куртке, которого ожидал увидеть Нед.

– Понтер, – представился он, обойдясь без рукопожатия и присев за столик Неда. – Насколько я понимаю, у вас ко мне дело. Чем могу быть полезен, герр Фрейтаг?

– Я хочу, чтобы вы взяли то, что я держу под столом, – сказал Нед. – Это шприц... не бойтесь, на нём колпачок.

– Эй, послушайте, – Гюнтер начал подниматься со стула, – моё дело – продажа, а не покупка.

– Тогда найдите человека, который это купит, – сказал Нед. – Я предлагаю фармацевтического качества жидкий диаморфин, самый

чистый героин в мире. И его у меня достаточно, чтобы вы смогли хорошо заработать.

Гюнтер замер.

– Сколько?

– На полмиллиона марок, которые вы сможете по меньшей мере удвоить, если с умом его расфасуете. Мне нужны четыреста тысяч наличными, годная к употреблению кредитная карточка и любой контакт, который позволит купить паспорт.

Секунд пять, не меньше, Гюнтер глядел Неда прямо в глаза, потом сунул руку под стол, чтобы взять шприц.

– Мне придётся проверить товар. К этому Нед был готов.

– Оставьте в залог две тысячи марок, – сказал он.

Гюнтер кивнул, и Нед под столом передал ему шприц.

– Я позвоню. – Гюнтер встал, извлёк из кармана маленький мобильный телефон и отошёл подальше от Неда, чтобы тот не услышал разговора.

Нед смотрел, как он закуривает, набирает номер говорит. Эта новая техника всё ещё поражала его, он гадал, на какое расстояние можно звонить по такому телефону. Гюнтер стоял слишком далеко, чтобы Нед смог уловить хотя бы часть сказанного, но ко времени его возвращения к столику все, похоже, было улажено – Гюнтер, не разжимая губ, коротко улыбнулся.

– Вот ваши две тысячи. – Он опустил на столик пачку сигарет. – Я вернусь через час. Если всё в порядке, мы с вами отправимся в одно место, и там проверят остальной товар. Козима присмотрит за вами. Если вы уйдёте с моими деньгами до того, как я вернусь, за вами последуют и соответственно с вами поступят. Очень грубо. Если же всё пройдёт хорошо, паспорт будет готов через два дня, а кредитную карточку и наличные получите сегодня ночью. Вы всё поняли и со всем согласны?

– Более чем. – Нед протянул руку и улыбнулся. – К возвращению вас будет ждать бутылка шампанского.

– Bis bald ⁶³, – сказал Гюнтер, быстро пожимая Неду руку.

– Tschus! ⁶⁴ – ответил Нед.

Через пять минут после ухода Понтера Нед подозвал Козиму.

– Спасибо, Козима, – сказал он, протягивая ей банкноту в сто марок. – Вы были очень добры.

Козима улыбнулась и сунула банкноту в карман передника.

– Пожалуйста.

– Так Гюнтер – ваш возлюбленный? Козима рассмеялась.

– О нет, – ответила она, – мой отец. Нед постарался не показать удивления.

– Понимаю. – Тут ему пришла в голову новая мысль. – А скажите, Козима, какой отель, по вашему мнению, лучший в Гамбурге?

Девушка из-под полуприкрытых век оглядела Неда, совсем как художник, оценивающий натурщицу.

– Для вас, я бы сказала, – «Четыре времени года». Очень классный. Очень старомодный. Совсем как вы.

– Вы мне льстите. И ещё одно, прежде чем вы принесёте мне чашку кофе и стакан молока. (От «Морского ветерка» голова у Неда немного кружилась.) Смогу я через час или около того найти в окрестностях приличный и открытый магазин одежды? Мне также понадобится багаж.

– Это Гамбург! Здесь ничего не закрывается.

63. До скорого (нем.)

64. Пока (нем.)

– Хорошо. Возможно, мы сходим за покупками вместе. После того как я закончу дела с вашим отцом, разумеется.

Козима весело улыбнулась.

– Любимое моё занятие. «Хьюго Босс», я полагаю. Нечто тёмное и элегантное.

Платиновая карточка «Американ Экспресс», которую Гюнтер раздобыл для Неда, была выдана на имя Пауля Кречмера. Сидевшая за стойкой блондинка в чёрном лишь мельком взглянула на неё, сунула под столом в какую-то машинку и вместе с ключом от номера вернула Неду. Он решил, что у неё там что-то вроде кассового аппарата, хотя машинка и не походила ни на один из виденных им до сих пор.

– Да, кстати, в понедельник утром мне нужно быть в Женеве. – Он наградил блондинку лучшей из своих улыбок, добавив к ней сложенную бумажку в сто марок – Будьте так добры, позаботьтесь о билете, хорошо?

– Непременно, герр Кречмер, – просияла блондинка. – С удовольствием. Вы предпочитаете «Свисс Эйр» или «Люфтганзу»?

– Знаете что, выбирайте сами. Первый класс.

– Первый класс? – Она чуть нахмурилась. – Не думаю, что в столь коротких рейсах предусмотрен первый класс.

– Тогда любой другой... – Нед легко взмахнул рукой. – Уверен, вы раздобудете для меня самое лучшее место.

– Конечно, герр Кречмер. А этим вечером могу я быть вам чем-то полезной?

– День был долгий, – ответил Нед. – Все, что мне требуется, это душ и постель. И никаких звонков, пожалуйста.

Он пошёл к лифтам, стараясь не показать, как его поражает обилие явственно отдающего девятнадцатым веком мрамора, красного дерева и дуба. «Никаких звонков!» Нед улыбнулся собственному нахальству.

Девушка-портье проследила, как он пружинистой походкой шагает к лифтам, и повернулась к администратору.

– О боже, – вздохнула она. – По-моему, я влюбилась.

– Я тоже, – ответил администратор.

Субботнее утро Нед провёл в номере, играя с телевизионным пультом и читая журналы. В середине дня ему позвонил Понтер и пригласил к себе на обед – квартира его находилась в двух шагах от отеля.

– С удовольствием, – согласился Нед, – буду польщён. Во второй половине дня я собираюсь пройтись по магазинам, не будет ли ваша очаровательная дочь настолько добра, что поводит меня по городу? Могу вас уверить, что намерения у меня самые почтенные.

Гюнтер хмыкнул в трубку:

– Вы её страшно разочаруете. Она рассчитывала на что угодно, только не на это!

С помощью Козимы Нед купил лэптоп, принтер и множество книг по компьютерам и Интернету. Журналы, найденные им в номере, были полны статей, посвящённых тому и другому, и Неду хотелось как можно больше узнать об этой, по-видимому, очень важной стороне жизни. Он, смущаясь, поинтересовался у Козимы, что такое Интернет, однако её объяснения скорее запутали его ещё больше, чем что-либо прояснили.

Компьютерный магазин походил ни больше ни меньше как на пещеру Аладдина, набитую совершенно непонятными волшебными вещами, Нед старался не выдать изумления, которое вызывали у него картинки на экранах, цвета распечатываемых фотографий, сканеры, видеокамеры, устройства глобального позиционирования, электронные ежедневники. Компакт-диски напомнили Неду эпизод из виденного в юности «Звёздного пути», а купленный им мобильный телефон с откидной крышкой ещё прочнее утвердил в мыслях о корпорации «Старшип Энтерпрайз». Узнав же, что эти аппараты – не просто «уоки-токи», что с них можно звонить на любой другой, мобильный или иной телефон, находящийся в какой угодно стране мира, Нед просто разинул рот, так что Козима и продавец не смогли удержаться и захихикали. Он был Рипом Ван Винклем, пробудившимся от столетнего сна.

На железнодорожной платформе, глядящей на Альстер, Нед зашёл в фотокабинку, чтобы получить шесть фотографий для паспорта. Ожидая их появления, он негромко бормотал сам себе:

– Слава богу, не всё тут переменялось. Вот эти машины я хорошо помню.

Гостиничному коридорному пришлось перетаскивать покупки из такси в номер Неда в два приёма. Нед наблюдал, как на полу гостиной подрастает их гора, и лицо его выражало замешательство настолько комическое, что Козима подошла и поцеловала его.

– Откуда вы взялись, Карл?

– Не стоит называть меня Карлом, – ответил Нед. – Здесь я Пауль Кречмер.

– Вы явились с другой планеты. Из рая, быть может?

– Из рая? – Нед улыбнулся. – Нет, не думаю, что это подходящее название.

– Так откуда же? Вы никогда не видели компьютера, мобильного телефона, компакт-дисков, электронной записной книжки... откуда вы?

Она потянула его к спальне, но Нед оперся ногами в пол, точно мул.

– Козима...

– Так. Отсюда проистекает, что вы, скорее всего, ещё и девственник. Не путайтесь.

Не пугайтесь!

Неду пришло вдруг в голову, что, с учётом всего, сделанного им за последние двадцать четыре часа, с учётом того, в какую странную вселенную он, спустя восемнадцать лет, попал, на его месте испугался бы всякий. Испугался бы ошеломляющего мира инфракрасных лучей, спутниковой связи, микроволн, испугался бы новинок этого мира, его кнопок, звуков. Испугался бы полной своей изолированности, отсутствия друзей, испугался бы Понтера и – более всего – до полусмерти испугался бы удивительной лёгкости, с которой ему удавалось пока добиваться всего, чего он хотел. И тем не менее Нед знал, что обратился в человека, который никогда больше не испытает страха. В прошлом он боялся того, что с ним происходит. Отныне он никогда не будет пассивной жертвой событий. И ничего с ним больше не произойдёт. Происходить будет с другими, происходить по его воле, и отныне в его душе нет места страху.

– Хорошо, – сказал он, следуя за Козимой в спальню. – В таком случае научите меня. Ученик я способный.

Во второй половине следующего дня Понтер появился в «Четырёх временах года» и с торжествующим «трам-пам-пам» извлёк из кармана пиджака поблёскивающий немецкий паспорт. Нед жадно схватил его и, не успев ещё открыть, чтобы взглянуть на свою фотографию, в очередной раз обнаружил невежество:

– Германия? Но тут не сказано какая... Гюнтер изумлённо глянул на дочь:

– Какая?

– Существует только одна Германия, – сказала Козима. – С восемьдесят девятого года. Ради бога, не говорите, что вы этого не знали.

– А, да... конечно. – Нед улыбнулся. – Я... э-э... я на мгновение забыл.

– Забыли? – Гюнтер, не в силах поверить услышанному, уставился на него.

– Надо же, – вздохнула Козима, – а ведь последняя моя версия сводилась к тому, что вы, скорее всего, уроженец Восточного Берлина, что вас пытал «Штази» и вы только что вернулись к нормальной жизни. И что мне теперь думать – ума не приложу.

– Кто вы? – спросил Гюнтер. – Кто вы, черт побери, такой? Вы немец, но о Германии ничего не знаете.

– Будем считать, что я находился в отъезде. Так ли уж это важно? Мы совершили сделку и помогли друг другу. Я благодарен вам обоим за все. – Нед вытащил из ведёрка бутылку шампанского. – Завтра рано утром я улетаю в Швейцарию, так давайте выпьем за

общее наше здоровье и расстанемся друзьями.

– Пойдите, – сказала, отбирая у него бутылку, Козима, – куда проще повернуть пробку, вот так. Когда вы вернётесь?

– Планы мои пока не определились. Скажите, Гюнтер, у вас случайно нет в Женеве знакомых, которые могли бы оказаться мне полезными?

– Что, ещё одна партия? Если так, поверьте, я буду счастлив избавить вас от любых излишков.

– Нет-нет. Мне может понадобиться новый паспорт, только и всего.

– Тогда вам стоит повидаться с моим другом Никки. – Гюнтер записал на визитной карточке телефон. – Он русский, но без его разрешения в Женеве ничего не делается.

– Спасибо. – Нед взял карточку и протянул Гюнтеру бокал. – Prosit ⁶⁵.

– Prosit.

Козима, когда уходила с отцом из номера, едва сдерживала слезы.

– Я больше никогда тебя не увижу, – шмыгала она носом, вцепившись в куртку Неда.

– Глупости. Ты оказалась замечательным другом, и, разумеется, мы увидимся снова. Я не забываю друзей. На днях позвоню.

– Пойдём, дорогая, – позвал от двери Гюнтер. – До свидания, Карл, Пауль, как бы вас ни звали. Если у вас появится ещё одна партия товара...

– Вы узнаете о ней первым, – пообещал Нед. Он закрыл дверь и прислонился к ней.

Было слышно, как в коридоре Гюнтер шипит дочери:

– Сбежал из сумасшедшего дома, попомни мои слова.

– Папа, он самый здоровый человек, какого мы когда-либо встречали, и ты это знаешь.

– Да он понятия не имеет, как открывают бутылку шампанского!

– По-твоему, это доказательство безумия? Ты вон банку с огурцами открыть не способен.

– А где ещё он мог добыть медицинского качества зелье? Говорю тебе, всё сходится.

Продолжая спорить, они свернули за угол, к лифтам. Нед ухмыльнулся, оглядел заваленную пакетами комнату. Укладываться придётся долго.

Нед вошёл в большой зал кантонального банка «Коттер» и улыбнулся кассирше в дорогих жемчугах.

– Простите, не могу ли я поговорить с менеджером? Это по поводу моего счёта.

Бэйбу-то хорошо было записывать номера и пароли, но как, собственно говоря, в швейцарских банках снимают со счёта деньги? Нед основательно подготовился к тому, что его ожидает разочарование. Он представлял себе, как гладколицый банковский служащий окинет его исполненным надменного презрения взором: «Счёт открыт тридцать лет назад, сэр. Он не может быть вашим». – «Я... это счёт моего отца». – «Он не оставил нам никаких распоряжений. Документы у вас имеются? Удостоверение личности?»

В его воображении клерк в полосатых брюках нажимал под столешницей кнопку звонка, после чего Неда выкидывали на мостовую, а то и отправляли в тюрьму за попытку мошенничества. Возможно, впрочем, что англичане уже успели добраться до счёта и обо всем договорились с банком. «Сэр, этот счёт закрыт много лет назад. Сейчас офицер нашей службы безопасности проводит вас в британское консульство».

А может быть, вся эта история Бэйбу просто приснилась.

65. Будем здоровы (нем.)

На деле всё оказалось проще простого. Кассирша вручила Неду бланк, в который он вписал номер счёта. Графы для пароля на бланке не было. Кассирша взяла бланк, взглянула на него и под звон электрического замка скрылась в комнате за турникетом. Спустя совсем недолгое время в банковский зал вышел подтянутый молодой человек, отнюдь не лишённый сходства, внутренне усмехнулся Нед, с воображаемым клерком в полосатых брюках.

– Добрый день, сэр, – по-английски сказал он и протянул руку. – Пьер Госсар. Будьте любезны, пройдите со мной.

Нед очутился в кабинете, обставленном дорогой мебелью, – особенно бросались в глаза письменный стол и два кресла в стиле Людовика XV. Указав Неду на одно из кресел, Госсар уселся за стол.

– Всего одна-две формальности, – сказал он, постукивая пальцами по клавиатуре компьютера, выглядевшего на богато изукрашенном столе решительно неуместным. – Будьте добры, напишите, пожалуйста, первый пароль.

Он передал через стол листок бумаги, Нед написал: «Саймон сказал» – и вернул листок Госсару, который, заглянув в него, бросил взгляд на экран компьютера, кивнул и протянул листок Неду:

– Второй, пожалуйста.

Нед написал: «Это ограбление» – и снова вернул листок.

Госсар тонко улыбнулся и протолкнул листок в маленький металлический ящик.

– Для секретных бумаг, – пояснил он. – Раз – и нету. Ну-с, дорогой сэр, всё выглядит вполне удовлетворительно. Чем могу быть вам полезен?

– Что ж, прежде всего я хотел бы знать, сколько на моем счёту денег.

– М-м... да... – Госсар пощёлкал по клавишам. – Вы, конечно, понимаете, что, поскольку счёт соотнесён с основным индексом курсов акций на европейских биржах, я могу назвать вам всего лишь баланс, отвечающий пятничным торгам. За последние тридцать лет на счёту скопилась весьма изрядная сумма.

Нед кивал, как будто разговоры о ведущем индексе курсов акций, биржах и изрядных суммах были для него делом самым привычным. Госсар написал на свежем листке цифры и протянул Неду. Нед взглянул.

– Это в швейцарских франках? – легонько кашлянув, спросил он.

– Именно так, – ответил Госсар.

Нед кашлянул ещё раз и быстро прикинул в уме. Примерно два с половиной франка за фунт. Боже милостивый!

– Что касается того, как я распоряжусь моим счётом, – сказал он насколько мог естественно, – тут мне хотелось бы немного подумать. Возможно, мы могли бы снова встретиться в пятницу? Насколько я понимаю, вам от меня ничего больше не требуется?

– Решительно ничего, сэр. Поскольку ваш счёт открыт так давно, новые правила погашения на него не распространяются. С другой стороны, он не настолько стар, чтобы подвергнуться проверке в соответствии с недавними схемами репараций для евреев.

– Превосходно, – сказал Нед. – Пятница, одиннадцать утра?

– Буду с нетерпением ожидать нашей встречи, сэр.

Когда Нед добрался до своего номера в отеле «Д'Англетер», его всё ещё трясло. Он сидел на балконе, прихлёбывая кофе и глядя на озеро. Смотрел на радугу, переливавшуюся в брызгах фонтана.

Смотрел и плакал.

– Ах, Бэйб. Почему тебя нет со мной?

Нед опустил взгляд на гостиничный блокнот, в котором уже успел набросать ряды цифр.

– Сумма и вправду изрядная, – прошептал он, обращаясь к себе самому и роняя слезы на бумагу. – Даже при том, сколько теперь

стоит чашка кофе, триста двадцать четыре миллиона фунтов всё ещё остаются изрядной суммой. Ах, Бэйб, есть справедливость на свете. Воистину есть.

4. Полностью продуманные поступки

Саймон Коттер прилетел в Англию на собственном самолёте осенью 1999 года. Впереди летела закрепившаяся за ним слава финансового авантюриста. Не было в Англии честолюбивого молодого человека, который не желал бы привлечь к себе внимание этого замечательного буканьера. Никто не правил интернетовским коммерческим бумом с подобным размахом, отыскивая молодых, энергичных и честолюбивых мечтателей, чьи рискованные затеи выходили на технологические биржи по таким начальным ценам, что даже у много чего повидавших маклеров глаза лезли на лоб. Некоторые поговаривали, будто раздувшийся, радужный мыльный пузырь электронной коммерции того и гляди лопнет, и всё же не было пока в этой сфере деятельности человека, набиравшего высоту быстрее, чем Саймон Коттер, владелец компании «КоттерДотКом». Мрачные пессимисты твердили, что пузырь этот возносится вверх лишь потому, что надут он горячим воздухом очковтирательства, что мир уже подташнивает от высотной болезни. Оптимисты же уверяли, что движение его поддерживается пламенным горением истинного духа новаторства и предприимчивости, каковые и переживут любых скептиков.

Коттеру не было ещё сорока, но, если верить слухам, на каждый год его жизни приходилось по двадцать пять миллионов. В Интернете существовал сайт, отслеживавший его состояние, оценивая таковое в соответствии с колебаниями рынка, – и в один из октябрьских дней этот сайт показал, что Коттер заработал четыре миллиона фунтов стерлингов всего за восемь часов продаж. То был Человек Тысячелетия, и, к восторгу британской прессы, он намеревался поселиться в Англии, стране – по уверениям некоторых, – бывшей его родиной.

Коттер был холост и, как говорили, излучал магнетическое обаяние, заставлявшее задыхаться и стонать от обожания и мужчин, и женщин. Циники заявляли, что при таком капитале и такой власти даже голожаберный моллюск и тот показался бы полным шарма и сексуальной притягательности. Да ничего подобного, отвечали им, – посмотрите хотя бы на Билла Гейтса. Не всякое золото блестит.

А то обстоятельство, что никто не знал, откуда взялся Саймон Коттер и почему он с такой неприличной быстротой забрался на самый верх, лишь добавляло ему загадочности, и добавляло изрядно. Вроде бы ещё минуту назад никакого Коттера в мире не было, а минуту спустя он превзошёл величием самого Гарри Поттера. На эту тему даже сочинялись стихи, благо удачное созвучие двух имён облегчало поиски рифмы.

По слухам, этот человек свободно говорил на девяти языках и был непобедимым игроком в нарды. Французы считали его французом, однако права на него предъявляли также немцы, австрийцы и итальянцы. Швейцарцы же просто указывали на его головной офис, расположенный в предместье Женевы, – не более чем в пяти километрах от места, в котором придумали Мировую Паутину, – и заявляли, что швейцарского в Коттере не меньше, чем в йодле. Кое-кто, многозначительно постукивая себя пальцем по носу, бурчал нечто мрачное о русской мафии, колумбийских картелях и иных темных и опасных учреждениях. Женева, может быть, и породила на свет Мировую Паутину, соглашались они, но это также и место, в котором отмываются грязные деньги, поступающие со всех концов света. Где деньги, там и грязь, говорили они. Добром это не кончится. Самое яркое солнце – закатное.

Люди же умудрённые помалкивали, считая ниже своего достоинства обращать внимание на всякое там твяканье из подворотни. Разговоры приводят лишь к росту цен, равно как и к их падению. Разговаривать может любой дурак. Пересуды да сплетни дешёвы и дешеветь продолжают. Что такое вся эта телефонная революция с её факсами, пейджерами, сотовыми, электронной почтой, корпоративными сетями связи и видеоконференциями в реальном времени, как не более дешёвый и быстрый способ балабонить, трепаться и вообще молоть разную чушь? Если же в ней присутствует нечто большее, пусть пока поживёт. Дайте нам время всё

обдумать, говорили они. Мы, люди, спокойно ждущие на платформе, может, и приедем на место позже тех, кто на бегу запрыгивает в уходящий поезд, зато у нас больше шансов занять хорошее сиденье и ехать с удобствами. Куда нам надо, мы все равно попадём, но при этом в целости и сохранности. Хотите скакать в колеснице победителя – ради бога, но только помните, что она-то и терпит крушение на первом же опасном повороте..

Коттер тоже предпочитал помалкивать. Его представители могли с шумом и помпой расписывать очередного отысканного «КДК» молодого умника авантюрной складки, да и сам он мог время от времени появляться на каком-нибудь завтраке в честь нового предприятия, посвятившего себя делу электронной коммерции, однако персональных интервью этот Робеспьер Цифровой революции не давал и никаких теорий, которые мир мог бы переварить или разодрать в клочья, не выдвигал. Одни только его черные волосы, борода и тёмные очки, которых он никогда не снимал, и позволяли журналистам изощряться в выдумывании прозвищ. Его называли Кибер-Спасителем и Иисусом Дерзающих.

Когда он, что было для него совершенно нехарактерно, вдруг сообщил журналисту из лондонского финансового журнала о скором своём возвращении домой, Англия испустила вздох удовлетворения и гордости. Ему немедля предложили билеты на встречу нового тысячелетия в соборе Св. Павла, членство в четырёх клубах, открытые счёта у дюжины портных и возможность дать на четвёртом канале интервью Крису Эвансу. От последнего предложения он отказался.

«В сущности, я человек совершенно неинтересный, – написал он по электронной почте продюсеру канала. – Пригласите кого-нибудь другого. Поверьте, со мной вас только скука возьмёт».

Никто ему, разумеется, не поверил, и толпа журналистов, ожидавшая Коттера в Хитроу, сделала бы честь любой поп-звезде.

Среди англичан, смотревших репортажи о его появлении, слушавших комментарии прессы и вникавших в аналитические разборы, которыми средства массовой информации пробавлялись в течение нескольких следующих недель, было немало таких, кто немедля принялся сочинять письма к нему, содержавшие идеи насчёт новых, способных завоевать мир интернетовских сайтов или просто просьбы о деньгах, работе либо благотворительных пожертвованиях.

Однако особый интерес представляет для нас то, как отреагировали на его приезд три совершенно разных человека.

Эшли Барсон-Гарленду, члену парламента и королевскому адвокату, только что достался выигрыш в удивительной лотерее палаты общин, позволяющей «заднескамеечникам» попытаться протолкнуть свой собственный законопроект. Барсон-Гарленду очень хотелось внести на рассмотрение парламента билль, который доказал бы заботу его партии о британской семье. Он знал, что на следующих выборах, когда бы те ни случились, каждая партия постарается представить себя истинной защитницей Семейных Ценностей. И считал, что, поскольку его партия выборы эти почти наверняка проиграет, ему будет очень и очень полезно приобрести репутацию виднейшего в рядах тори выразителя интересов британской семьи. Когда осядет поднятая падением его партии пыль и нынешний её лидер уйдёт – как то и следует – в отставку, тори понадобится кто-нибудь вроде Эшли, чтобы привести их к победе в 2005 году – давно уже намеченному им как год, в котором он обоснуется на Даунинг-стрит.

Сочинённый Барсон-Гарлендом проект билля требовал утверждения ещё более строгих законов, касающихся контроля над Интернетом. Всем британским интернет-провайдерам надлежало нести перед законом ответственность за любую неподобающую информацию, проходящую по их каналам связи. Барсон-Гарленд призывал возвести вокруг родного острова непроходимый барьер, способный защитить английскую семью от «прилива грязи», угрожающих «поглотить» как тех, кто «юн и уязвим», так и иных «входящих в группу риска членов общества». (Всякого рода колебания по части использования штампов он давно уже преодолел. Штampы срабатывали. По какой-то удивительной причине они срабатывали, и только дурак мог считать себя выше их.) В соответствии с предложенным Эшли «Биллем о поставщиках интернет-услуг», следовало создать независимое агентство, которое получило бы право

выборочно просматривать любую электронную почту, – примерно так же, как полиция имеет право пользоваться радаром на любом шоссе. Конечно, противники такого законопроекта могли считать себя поборниками гражданских свобод, однако Барсон-Гарленд сумеет показать, что в действительности эти люди суть не кто иные, как враги Семьи. Только те, у кого имеются сомнительного характера планы, только те, у кого есть что скрывать, могут возражать против очищения киберпространства. Рядовые, достойные, законопослушные граждане лишь приветствовали бы подобную инициативу.

Эшли вовсе не ожидал, что его билль пройдёт через парламент и обратится в закон. Личные законопроекты почти неизменно проваливаются, однако билль позволял ему водрузить собственный (патриотический) флаг на семейной территории и «поддержать общее дело». Правительство лейбористов уже пыталось доказать свою заботу о семье, разглагольствуя о семейных налоговых льготах, о скидках с подоходного налога, пропорциональных числу детей, и прочих механизмах, нагонявших зевоту даже на тех, кто от них непосредственно выигрывал. Его же билль позволял застолбить прибыльный участок и заставить новых лейбористов повертеться. Если они выступят против Эшли, он наживёт на такой глупости порядочный политический капитал. Популярны у среднего класса бульварные газетёнки уже были на его стороне. «Великий национальный барьер» Эшли Барсон-Гарленда апеллировал к «внутреннему чутью» (как эти газеты предпочитали называть фанатизм и предрассудки) «подавляющего большинства» тех, кого тревожили и «лживые увёртки» людей, по которым давно уже плачут психушки, и «воинствующий» еврофеодализм. Чем, в конце-то концов, является Интернет, как не черным ходом, через который к нам лезет культурная иммиграция самого гнусного толка? Дети (дети, великий Боже!) отданы на милость проповедников гомосексуализма, антикапиталистически настроенных бунтарей, торговцев наркотиками и извращенцев. К счастью, всему этому противостоит такой человек, как Эшли Барсон-Гарленд! Его «Билль о поставщиках интернет-услуг», что ни говори, «нажимает на правильные кнопки» и «посылает правильные сигналы».

В тот вечер герой рядовых, достойных, законопослушных граждан смотрел специальный выпуск «Би-би-си», посвящённый «Феномену электронной коммерции», – смотрел главным образом для того, чтобы выяснить, что из сказанного им в интервью продюсеры программы подрезали, исказили, а то и вовсе выкинули. Когда начался сопровождавшийся обычными журналистскими гиперболами показ материала о Саймоне Коттере, он презрительно усмехнулся, однако известие о том, что Коттер навсегда возвращается на родину, заставило его наострить уши. Эшли откинул крышку ноутбука, ввёл пароль и начал записывать в своём дневнике:

Подобно Уинстону Черчиллю, я обнаружил, что порою достаточно лишь прочесть либо услышать слова «патриотизм», «Англия» или «родина», как на глаза мои наворачиваются слезы. Полагаю, это явление можно обозначить как «старческий маразм». Что-то рановато он у меня наступил. Каков поворот – когда я был подростком, мой член начинал дёргаться и протекать, стоило мне только увидеть такие слова, как «юноша» или «мальчик». В зрелые годы «семья», «очаг» и «страна» стали словами, от которых подрагивают и протекают мои глаза, увидевшие их на печатной странице. Различные симптомы одной и той же болезни, несомненно...

Этот Саймон Коттер меня заинтересовал. Он не лезет ко всем со своими взглядами. Он разбогател благодаря предприимчивости и, значит, по необходимости должен быть прирождённым тори – при всей его хипповатой внешности. Теперь, когда звезда Новых Лейбористов закатывается, его необходимо заманить в свои сети и затем приручить. Весьма вероятно, что он инстинктивно сочтёт мой билль угрозой для себя. Однако если я попрошу о встрече с ним... скажу, что ценю его вклад, что стремлюсь проконсультироваться со всеми заинтересованными сторонами, учесть все точки зрения, выслушать все мнения, объединить людей, а не разобщить их и т. д. и т. д., – возможно, мне удастся подольститься к нему и склонить к того или иного рода сотрудничеству. Недурной был бы улов...

Эшли захлопнул крышку компьютера и снова взглянул на экран телевизора. Там обсуждался его законопроект. Какой-то одетый в

тенниску жидковолосый молокосос-миллионер обвинял Барсон-Гарленда в попытках создать стерилизованную внутреннюю сеть связи, которая отрежет Британию от остального мира.

– Киберпространство подобно огромному городу, – талдычил золотушный олух, выговаривая гласные так, что Эшли корежило. Этот нытик ещё и интонацию повышал в конце каждого предложения, как будто все они были вопросительными. – Наряду с торговыми центрами, галереями, музеями и библиотеками в нём имеются также трущобы и кварталы красных фонарей. Разумеется. Они имеются в Амстердаме, Нью-Йорке, Париже, Берлине и Лондоне. Чего не скажешь об Эр-Рияде, Саудовской Аравии или Монтгомери, штат Алабама. Где бы мы предпочли жить – в Лондоне или в Эр-Рияде? В Амстердаме или в Алабаме? Повсюду, где существует свобода, вы найдёте также секс, наркотики и рок-н-ролл. Интернет ничем в этом смысле не отличается.

Эшли насмешливо фыркнул.

– И повсюду, где существуют секс, наркотики и рок-н-ролл, – произнёс он, – вы найдёте обезлюдевшие населённые пункту распавшиеся семьи и нравственные пустоши, изгаженные зарапортовавшимися ничтожествами вроде тебя.

Фраза понравилась Эшли, и он добавил её к сегодняшней записи в дневнике.

Руфус Кейд вошёл в свою квартиру и плюхнулся на диван.

– Староват я для этого становлюсь, – тяжело вздохнув, сообщил он себе самому.

На автоответчике мигала лампочка, но Руфус решил с ним не связываться. Не иначе как Джу, Джейн или Джули опять понадобились деньги. Неужели нельзя было жениться на бабе, чьё имя не начинается с «Дж»? Хоть раз в жизни. Хотя бы на пробу. На той же Люси из его офиса – хорошая была девушка. Хорошая девушка, обалденный передок и всё такое. Или на Зои. Или на Дон. Они вот не лезли к нему с судебными распоряжениями и письмами адвокатов. Они называли его «Руфи» и поддразнивали насчёт его живота. В следующей жизни он, прежде чем заговорить с какой-нибудь «Дж», отбежит от неё на целую милю. Ноющие сучки, все до единой. За школу плати, за медицинскую страховку плати, за отдых плати. И каждому ребёнку, гневно думал Руфус, вытряхивая последние остатки марафета на покрытый стеклом кофейный столик, каждому сопливому ребёнку совершенно необходимо лечить долбанные зубы. Какой-то ублюдок из Сохо решил, что зубные скобки это хрен его знает как круто, – и тут же во всей стране не осталось подростка без дорогих разноцветных проволочек, намотанных на его замудоханные клыки. Яйца бы им всем поотрывать.

Руфус взял газету. С первой её страницы щерился прыщавый, едва достигший половой зрелости, новоиспечённый электронный миллионер.

– Пидоры, – пробормотал Руфус. – Как они, на хер, это делают?

Ровно неделю назад Руфус направил Майкла Джексона, Мадонну, Мэрилин Монро и принца Уэльского в Центр проектирования бизнеса, на завтрак новой электронной компании. Невесть по каким причинам устроитель завтрака – «КоттерДотКом», мать её, кто же ещё? – попросил присутствовать и Руфуса, что его и рассердило, и озадачило. Он мог найти себе занятие и получше, чем смотреть, как Мадонна расплёскивает вино и как пьяные журналисты дёргают Майкла Джексона за вихры. На хрена он им там понадобился? Но с ними же не поспоришь. Кто платит, тот и заказывает музыку, а «КДК» платила больше всех. Люди в массе своей считали, что его агентство уже устарело (слишком отдаёт восьмидесятыми, душка, этакая *vieux charreau*⁶⁶), а это придавало благоволению новичков вроде «КДК» особую ценность. Да если в они попросили, Руфус скакал бы голышом сквозь горящие обручи. Он стоял, походя на разжиревший лимон, и

66. Поношенная шляпа (фр.)

наблюдал, как его модели снуют по комнате, разнося бутерброды и выпивку. Пришлось отсидеть скучную, разозлившую его презентацию, после чего он напился. Конечно, если подумать, утро не пропало совсем уж впустую. Скоро, напомнил он себе, взглянув на часы, должен прийти Джон.

Просто судьба какая-то. Только нюхнёшь от души, выходишь из нужника, и тут этот толстый старикан стоит у зеркала, причёсывается.

«Если хочешь, у меня есть ещё немного».

«Немного чего?» Вряд ли, конечно, он полицейский, но осторожность не помешает.

«Нет, если тебе это неинтересно, так и ладно. Очень чистый, очень дешёвый. Попробуй».

И этот малый протягивает мне пакетик, вот так, запросто. Невероятно. И чтоб я сдох, зелье оказалось клёвое. Обалдеть! У меня чуть крышу, на хер, не снесло.

«Сколько?» – спрашиваю я, снова выходя из кабинки, – глаза мокрые, сердце шаршит, что твой паровоз.

«Пятьдесят за грамм».

Пятьдесят. Это чего же такое? Уже пятнадцать лет назад по шестидесяти шло. Пятьдесят. Тут что-то нечисто.

«Ладно, друг, брось. В чем подвох-то?» «Да мне просто нужно, чтобы ты сразу унцию взял. Хочу сбыть эту хреновину с рук».

«Слушай, у меня при себе наличных кот наплакал».

«Карточка есть?»

«Шутишь?» Я на секунду решил, что он про кредитку спрашивает. «А, понял». Даю ему визитную карточку.

«„Лица“? Это что же такое?»

«Агентство фотомоделей, они тут прислуживают. Моя компания». «Двойники?»

«В нашем деле мы их называем дублёрами».

«А, ну да, понял. Значит, двойники. А я-то думал, это настоящий принц Чарльз. Я Джон. Созвонимся».

И ушёл, оставив мне пакетик с двумя граммами, который он даже обратно не попросил. Должен сказать, остаток дня я толком не помню. А назавтра – целая унция всего за пятьсот пятьдесят фунтов. Не надолго её хватило – двадцать восемь грамм на пять дней. Тридцать, если считать первое бесплатное угощение. Ты, Руфус, жжёшь свечу с обоих концов плюс ещё посередине.

Послышалось треньканье дверного звонка, и Руфус, поднявшись с дивана, подошёл к домофону.

– Джон.

– А, привет. Поднимайся.

Ко времени, когда Джон одолел лестницу, лицо его залил пот, и пыхтел он, будто дырявый аккордеон.

– Господи, – прохрипел он. – Ты что, о лифтах не слышал?

– Ну, извини, друг.

Квартира находилась на третьем этаже, но даже Руфус – рыхлый, нездоровый, страдающий от лишнего веса – обычно добирался до неё без того, чтобы начать отдуваться, как подышающий морж.

– Водочки примешь?

– Не, я за рулём.

Руфус налил себе, краем глаза посматривая, как Джон достаёт из кармана мешочек и опускает его на кофейный столик.

– Сам-то не двинешь?

– Да нет, друг, пойду.

Надо же, как повезло! Сколько раз тот или иной барыга норовил составить ему компанию. Или ещё того хуже – не желал вылезать из дому, и приходилось переться к нему. Эту часть жизни наркомана Руфус ненавидел больше всего. Вынужденные, притворно дружеские отношения. Если тебе понадобилась свинья отбивная, достаточно просто зайти в лавку мясника, говорил он себе. Покупаешь кусок мяса и уходишь, унося его в сумке. И никакого трёпа, никакого дерьма. Никаких «твоё здоровье, друг». А с другой стороны, приходишь к дилеру за беляш-кой, и он целый час усыпляет тебя разговорами о музыке, спорте, политике, генетически модифицированной пшенице и злодеяниях Всемирного банка. Вот и выписываешь эти приятельские па, чтобы сукин сын не подумал, будто ты относишься к нему, как к прислуге, или ставишь его ниже себя. Притворяешься, будто всё это дело имеет какое-то отношение к дружбе, к классному богемному братству. Какое облегчение, что Джону этот бред ни к чему! И всё же, думал Руфус, неплохо было бы хоть разок увидеть, как он закумарит. Просто увидеть, и всё. Барыги, которые сами не принимают, действовали Руфусу на нервы и почему-то вызывали чувство вины.

– Можно тебя спросить кое о чем? – произнёс уже от двери Джон. Он, похоже, немного нервничал.

– Конечно. Валяй.

– Ты не хотел бы войти со мной в долю, по-крупному?

– По-крупному?

– Понимаешь, тут дело в моем брате. Он перекинулся пару недель назад, сердечный приступ...

– О черт. Мне очень жаль.

«Скоро и ты отправишься следом, – добавил он про себя. – Если не гены, то от жира лопнешь».

– Да ладно, чего там. Коли на то пошло, мудака он был, каких мало. Я его видеть не мог. Но только у него родни никакой, кроме меня, не было, так что мне досталось в наследство пять кило этого чёртова зелья, и я не знаю, как от него избавиться. Нашёл в буфете, когда прибирался в его квартире.

– Джон, я бы с удовольствием. Поверь мне, с удовольствием, зелье отличное, но в дело я не войду. Я просто не знаю, с чего начать.

– Да нет, я к тому, что до меня дошли разговоры насчёт одних парней из Сток-Ньюинтона, которые крутятся на этом рынке. Турки. Вот я и подумал, может, ты съездишь к ним со мной, сможешь толкнуть товар. Я бы тебе сорок процентов отвалил.

– Если ты уже знаешь этих людей, зачем тебе я?

– Я не хочу, чтобы меня облапошили. Ты бизнесмен, у тебя выговор, как у выпускника частной школы, и всё такое, в тебе чувствуется класс. Тебя они надуть не решатся. А я что? Смотришь, они просто заберут товар да и пристукнут меня в тёмном углу, понимаешь?

– Сорок процентов?

– Ну да. По-моему, честно.

Руфус быстро прикинул в уме. В килограмме тысяча грамм. Пятьдесят тысяч фунтов. Пятью пять – двадцать пять, получается четверть миллиона. Сорок процентов от четверти миллиона это... сто тысяч. Сто кусков. Сто кусков.

– Идёт, – сказал он. – Что они за люди?

– Да уж не бойскауты, конечно. Торговцы наркотиками, сам понимаешь. Но я так считаю, бизнес есть бизнес. Как насчёт четверга, вечером? Я бы им звякнул, договорился. Могу заехать за тобой, и мы отправимся к ним вместе.

Они пожали друг другу руки, и Джон медленно заковылял по лестнице вниз, а Руфус опустился на диван и сделал медленный, глубокий вдох. Сто кусков. Сто долбанных кусков.

Имея сто кусков, он сможет создать в Сети международное агентство. Двойники, поющие телеграммы, обслуживание приёмов.

Можно будет через Сеть нанимать людей по всему свету. Они оплачивают регистрационный сбор, он даёт им работу. Со ста кусками ничего не стоит позволить себе роскошную рекламу, подобрать иллюстративный материал, разработать модель сайта, финансовый план. Он поручит всё это «КоттерДотКом», пускай повернутся. Не исключено, удастся даже свести знакомство с самим великим Мессией.

Руфус окунул в мешочек кредитную карточку и зачерпнул самый здоровенный дозняк, какой он когда-либо видел.

Завтрак в доме Фендеманов всегда был делом непростым, вопреки тому; чего можно было бы ожидать, учитывая возраст и пол его участников. Гордон не ел ничего, но зато каждый день пробовал новый сорт чая или кофе, Порция налегала на бекон, колбасу и яйца, а Альберт, в тех редких случаях, когда он вообще завтракал, съедал от силы ломтик тоста.

На всё это имелись причины. Альберт по утрам особым аппетитом не отличался. К тому же все, что заставляло его покидать свою комнату и отрываться от компьютеров, представлялось Альберту пустой тратой времени. Как-то он пролил кофе на модем, потом содержимое большого стакана с апельсиновым соком загубило принтер. Порция же отыскивала новую высоко-протеиновую диету. Диета подразумевала столь малое потребление углеводов, что Порция, не обращая внимания на любовное поддразнивание мужа и сына, каждое утро проверяла с помощью палочек для диабетического тестирования свою мочу, дабы выяснить, какие количества кетонов выводятся из её организма. Гордон пробовал разные сорта чая и кофе, потому что торговал ими. Кофе он обычно лишь прополаскивал рот, поскольку унаследовал от отца слабое сердце и врач не советовал ему употреблять кофеин. Кот же по имени Ява ел все, что дают, однако предпочитал сардины в томатном соусе, потому что был не без странностей.

Впрочем, именно в это утро Гордон, решив поэкспериментировать с какао, развёл на кухне жуткую грязь. Тонкий, как пыль, порошок переносился с поверхности на поверхность, с кончиков пальцев на кончики пальцев, что в конце концов породило всеобщую панику.

– Где мой счётчик углеводов? – стенала Порция.

– Пап, эта зараза уже повсюду, – пожаловался Альберт, входя на кухню и показывая Гордону ладони. – Взгляни. Чем старательнее его стираешь, тем больше он во всё въедается. У меня уже на клавишах какао, какао на экране и даже на носу какао.

– Неплохая строчка для песенки, – одобрительно отозвался Гордон. – Брось, малыш, это всего-навсего порошок. Попробуй этот мокко, совсем неплох.

– Девятнадцать граммов из ста! – ахнула Порция. – Глазам своим не верю.

– Нет, лапа, – сказал Гордон, склоняясь над её плечом и капая кофе на страницы книги. – Эти цифры относятся к какао подслащённому. А в неподслащенном только три грамма, видишь?

– Всё равно, – сварливо ответила Порция, убирая из-под капли книгу, – мог бы быть поосторожнее.

– Я сильно удивлюсь, если ты переварила хотя бы одну сотую миллиграмма. – Гордон повернулся к Альберту, старательно мывшему руки под краном. – Ну-с, дитя моё, сколько было вчера посещений?

– Новый рекорд. Триста двадцать восемь. Из семи стран. Недурно, а?

– Недурно, – согласился Гордон.

– Если хотя бы половина из них, даже четверть оставят заказы, представляешь, что это будет?

– Дела идут, Альби.

– Я то и дело получаю письма с вопросами, производим ли мы прямые продажи. И каждый раз, отвечая «нет», чувствую, что теряю деньги.

– Продавать что-либо непосредственно отдельным людям – это тихий ужас, – сказал Гордон. – В нашем распоряжении все супермаркеты, вот пусть они этим и занимаются.

– Да, но, пап, ты бы видел, куда они запихивают наш товар. На самые нижние полки. И никаких специальных предложений, целевой рекламы, продажи с нагрузкой, ничего.

Порция вышла в прихожую, за газетами и почтой. Она слышала эти препирательства уже сотни раз, с того самого дня, как Гордон поручил Альберту разработать сайт компании. И, будучи преданной женой и матерью, считала, что правы оба. Возможно, бизнес должен включать в себя и электронную коммерцию, на чем настаивал Альберт. Но возможно, прав и Гордон, возражавший против хлопот и затрат, которых потребует гарантированная доставка заказанного через Сеть товара, и против дополнительных накладных расходов, связанных с рекламой, отгрузкой и наймом персонала, которому придётся заниматься всем этим.

Компанию «Кафе Этичность», пять лет назад основанную Гордоном на деньги, унаследованные от матери Порции, Хиллари, ожидал огромный успех. Гордон стал героем студентов, воинствующих радетелей за экологию, антиглобалистов и тех, что сами себя назначили защитниками третьего мира. Этическая торговля была нынче на устах у всех, а отвага, проявленная Гордоном, когда он бросил хорошо оплачиваемую работу преуспевающего брокера товарной биржи и основал собственное дело, закупая продукт непосредственно у фермеров и кооперативов из беднейших, самым унижительным образом зависящих от товарного диктата стран, обратила его в одного из популярнейших бизнесменов Британии. Он появлялся на телеэкране – в передаче «Время вопросов», в «Ночных новостях», – и многие полагали, что, будь он британским и только британским подданным, давно бы уже ему стоять в очереди на рыцарское звание. Порция в его дела не вмешивалась, продолжая возделывать собственную, университетскую грядку. Альберт как-то предложил написать веб-страничку и для неё, но она мягко отказалась. Порции не верилось, что сайт, посвящённый сиенской темпере, принесёт хоть какую-то пользу ей и её студентам.

– Порнография и письмо для тебя, – сказала она, вернувшись с почтой, сыну, – и, разумеется, счета для нас.

Порнографией Порция называла излюбленное чтение Альберта. Почти каждый день очередной посвящённый компьютерам или Сети журнал плюхался на коврик перед дверью, и Альберт утаскивал его в спальню, из которой выходил несколько часов спустя с раскрасневшимися щеками и отсутствующим взглядом. Хоть бы эти журналы и впрямь были порнографическими, по временам с тоской думала Порция. Что такое секс, она по крайней мере понимала. Прилагаемые к журналам бесплатные компакт-диски заполнили дом. Порция, любившая мастерить что-нибудь (это позволяло ей не забывать, что она не просто сухарь-профессор, автор нескольких малоизвестных, дорогих книг), сооружала из них забавные инсталляции. Был, например, столик, верхушка которого состояла сплошь из компакт-дисков «Америка-он-лайн», утопленных в плексиглас. Были разбросанные по всему дому серебристые мобили и скульптурки. Письменный стол Порции украшало множество скреплённых стопкой дисков, исполнявших роль подставок для ручек. В кухне на диски ставились чашки и тарелки.

Стоявший у тостера Альберт распечатал единственное пришедшее ему сегодня письмо и ахнул:

– Ни хрена себе! – Он протянул было письмо Гордону, но передумал: – Нет, погоди. Не трогай, пока не вымоешь руки. Прочти лучше ты, мам.

Взяв письмо, Порция подошла к окну. Старческая дальнзоркость настигла её слишком рано. Слишком много слайд-шоу, слишком много корпения над слишком многими документами в слишком многих темноватых тосканских библиотеках.

Письмо было отпечатано на фирменном бланке из дорогой бумаги.

«КоттерДотКом»

Дорогой мистер Фендеман!

Вы привлекли наше внимание как автор и администратор сайта компании «Кафе Этичность». Как Вы, возможно, знаете, наша

компания уже приобрела единственную в своём роде репутацию – благодаря нашим выдающимся достижениям и новациям в непрерывно растущем мире электронной коммерции. Тем не менее мы постоянно ведём поиски одарённых, наделённых воображением и творческими способностями людей, которые могли бы присоединиться к нашим усилиям по формированию нового бизнеса на передовых рубежах цифровой революции. Мы уверены, что Вы можете оказаться как раз там человеком, который нам нужен.

Если бы Вы могли посетить наш лондонский офис и обсудить с нами возможность создать и затем возглавить новый Отдел этической торговли, мы были бы рады обговорить с Вами условия работы, которые включают в себя наиболее передовые в нашей сфере бизнеса схемы вознаграждения акциями компании, личного медицинского страхования, пенсионного обеспечения и добавочных выплат.

Мы будем очень признательны Вам, если Вы сохраните это предложение в тайне.

Искренне Ваш Саймон Коттер.

Гордон отобрал письмо у Порции.

– Это наверняка розыгрыш, – сказал он. – При всем уважении к тебе, Альби, кто-то водит тебя за нос.

– Посмотрим. – Альберт выхватил письмо из покрытой мыльной пеной руки отца и направился к телефону.

– Но, дорогой, – воскликнула Порция, – а как же Оксфорд?

Альберт был слишком поглощён набором номера, чтобы ответить.

Родители стояли, глядя, как он возбуждённо разговаривает по телефону. В какой-то момент он выпрямился, и Порция увидела, что сын слегка покраснел.

– В три часа? – говорил он. – Абсолютно. Без проблем. В три часа. Буду у вас. Конечно. Абсолютно.

Он повесил трубку, лицо его выражало ошеломление и восторг. – Ну?

– Я разговаривал с ним! С самим!

– Но ведь не станешь же ты с ним встречаться?

– Ты в своём уме? – Альберт с изумлением уставился на мать. – Ещё как стану! Ты же слышала. Сегодня в три. В его офисе.

– Ты хоть скажи ему, что в октябре собираешься в Оксфорд, хорошо? Объясни, что в ближайшие три года и думать не можешь о долгосрочной работе.

– Плевал я на Оксфорд! Я только что разговаривал с Саймоном Коттером, мама! С Саймоном Коттером!

– Да кто он такой? Мать Тереза и Альберт Швейцер в одной посуде? Самое главное – это твоё образование.

– Вот и будет мне образование.

– Он хоть знает, сколько тебе лет?

– Мам, в «КДК» есть люди, всё ещё ожидающие, когда у них выпадут молочные зубы. Работающие на Коттера миллионеры с несформировавшимися мошонками и непрорезавшимися титьками.

– Что ж, готова признать, это звучит многообещающе.

– Ты понимаешь, о чем я. Я буду там далеко не самым молодым человеком.

– Гордон, скажи хоть ты ему.

Гордон снова взял в руки письмо. Порция почувствовала какую-то исходящую от мужа эманацию, и та её встревожила. Раздражение? Ну не зависть же? И едва эта мысль мелькнула в её голове, как она с ужасом поняла, что сомневаться тут не приходится. Именно зависть. Что-то в том, как язык мужа постукивал по зубам, как глаза его быстро бегали по письму, словно продолжая отыскивать доказательства, что это все-таки розыгрыш, сказала ей, и сказала твёрдо, что он завидует собственному сыну. Гордон был раздражён,

обижен, сердит. Никто, кроме Порции, не смог бы заметить этого, но у неё увиденное вызвало самую настоящую тошноту.

– Ну что же, – произнёс Гордон ровным тоном человека бывалого, умудрённого и объективного. – Если ты намерен встретиться с ним, дай ему, черт возьми, понять, что не согласишься ни на что – ни на что, не переговорив предварительно с нами. А если речь зайдёт о контракте, адвокаты нашей компании должны будут заглянуть в него ещё до того, как ты даже подумаешь его подписать. Эти люди могут быть очень убедительными, внушающими огромное доверие и тем не менее...

– Конечно, пап, конечно. Господи Иисусе! – Альберт послал родителям улыбку, сунул в рот кусок тоста и вылетел из кухни.

Политиков Оливер Дельфт ненавидел. Большинство людей, признающих в неприязни подобного рода, объясняют её происхождение тем, что у них с души воротит от ханжества, двуличия и популистской вульгарности этого племени. Дельфт же ненавидел его по причинам совершенно противоположным. Его выводили из себя мучительная медлительность, проистекающая из соображений нравственного толка, и мания «подотчётности». Подотчётности в двух смыслах этого слова. Их крюкотворство, выражавшееся в помешательстве на аудитах, финансовой открытости и правилах Казначейства, сковывало его по рукам и ногам в степени не меньшей, чем постоянные нервные оглядки на Комитет палаты общин по этике, «нормы поведения» и журналистские расследования. Если что-то следует сделать, так делать это необходимо без сомнений и нерешительности. Топтание на месте, нравственные колебания почти всегда оказывались, на взгляд Оливера, поведением в наименьшей степени нравственным. Он предупреждал их относительно Косово, Чечни, Нигерии, Восточного Тимора, Зимбабве, Мьянмы – он мог бы назвать дюжину поражённых мелкими метастазами мест, которым решительная доброта хирургического вмешательства пошла бы только на пользу, а между тем в этих местах разрастались и набирали силу опухоли, и всё по причине «нравственной международной политики» и «конструктивных договорённостей». Политиканы попросту не желали прислушиваться к нему и платить необходимую цену.

У тайного мира есть и собственная великая тайна – он способен приносить немалую прибыль. Эта простая и удивительная истина спасала департамент Дельфта от вмешательства разного рода министерств, – во всяком случае, от вмешательства большего, чем то, какое ему так и так приходилось сносить. Тайны приносят деньги, и в том, что касалось разного рода темных делишек, Британия (в особенности теперь, когда идеологические факторы делали мир ещё более сложным и обращали интеллектуалов и фанатиков в мучеников и предателей) по части нераспределённой прибыли от всего остального мира не отставала. И до тех пор, пока соответствующие цифры должным образом учитывались в бухгалтерских книгах, можно было рассчитывать на то, что министерства позволят Дельфту пользоваться свободой, намного превосходящей ту, какой располагал со времён Второй мировой любой из его предшественников. И тем не менее Оливеру любое вмешательство представлялось чрезмерным. Печально, но факт – акционеры компании, приносящей большую прибыль, присматривают за каждым её пенни с ретивостью куда большей, нежели свойственна тем, кто держит акции компании безубыточной, а то и теряющей незначительные средства. За годы работы Дельфт перекачал на личные счета деньги, которых вполне хватало, чтобы вести после ухода в отставку безбедное существование, но ведь известно, что лучшее – враг хорошего. Впрочем, в настоящее время безупречность Дельфта ни у кого сомнений не вызвала. Каждый пони для дочерей. Каждое кольцо для жены покупались на деньги, взятые из его скудного государственного жалования и остатков некогда унаследованного им капитала. О том, что он обеспечил себе на будущее жизнь более чем состоятельную, никто и не догадывался. Он был прикрыт со всех сторон. Тем временем внешне жизнь Дельфта шла своим скучным, малоприятным путём. Сегодня, к примеру, был день разного рода совещаний и встреч.

Он отсидел с обычным своим показным терпением проводившееся раз в две недели заседание комитета ПРР. Подотдел распределения ресурсов представлял собой реализацию мудрой мысли, осенившей двадцатитрёхлетнего вундеркинда из Казначейства,

а потаённое презрение Оливера к модным механизмам отчётности, изобретаемым подобного рода причудливыми существами, не имело границ. Старомодная двойная бухгалтерия с её заполняемыми гусиными перьями гроссбухами, поля которых испещрялись сбивающими с толку пометками, была куда надёжнее, да и мухлевать в ней было намного труднее. ПРР же использовал новейшие «механизмы сбора данных» и «номинальную бухгалтерию», посредством которых моделировалось финансовое поведение департамента, и, что гораздо важнее, подотдел этот разработал собственную компьютерную эмблему, цветовое кодирование департаментов и экранную заставку, что немедля обратило его в любимца всех до единого министров и полностью закрыло для критики.

Вследствие минутной слабости Оливер согласился позавтракать с Эшли Барсон-Гарлендом, чтобы обсудить его несчастный законопроект. Они встретились в Мейфэре, в клубе «Маркз». Свидетельствующие о хорошем вкусе интерьеры клуба и тактичная компетентность персонала («Здравствуйте, сэр Оливер». Откуда, черт возьми, они знают его имя? Вот какие служащие ему бы не помешали) несколько улучшили настроение Дельфта, а вникнув в меню, он и вовсе приготовился приятно провести время, несмотря даже на соседство политика.

Эшли появился в баре наверху с опозданием в две минуты и ещё пять потратил на извинения, задуманные, с дрожью отвращения уяснил Оливер, как очаровательные и исполненные самоуничижения.

Чтобы успокоиться, Оливер напомнил себе, что он лет на шесть-семь старше этого лысого, несущего напыщенный вздор человека с двойным подбородком. У Оливера имелся тайный порок – тщеславие. Он был равнодушен к мужской косметике и средствам для ухода за кожей – об этом знала только его жена, ни коллеги, ни подчинённые даже не догадывались. Физиономия же Эшли, отметил Оливер, несла на себе несмываемые следы самомнения, амбициозности и дешёвого мыла – подобно тому, как лица великих давних дней Империи несли отпечатки джина и тропического солнца. Конечно, увлажнители, кремы от шелушения кожи и освежающие ночные маски способны до некоторой степени улучшить общее состояние кожи, но от двойного подбородка и стеклянистой тусклости глаз мало что помогает. Возможно, это предупреждения, которые посылает нам природа, думал Оливер.

– Я вижу, меню вам уже показали, – сказал Барсон-Гарленд, когда ему наконец удалось выпутаться из заунывного рассказа о том, как он добирался в такси от Вестминстера до Чарльз-стрит. – А как насчёт вин? Предадимся бургундскому? Здесь есть отменное «Кортон-Шарлемань» – это для начала, – кроме того, я стороной узнал, что недавно у них появилось «Ля Таш», пропустить которое, безусловно, было бы безумием.

Оливер прекрасно знал, что единственный наличествующий в карте вин «Ля Таш» стоит больше четырёхсот фунтов за бутылку. И подозревал, что Барсон-Гарленд знал, что он это знает. «Так, – подумал он. – Значит, пытаешься произвести на меня впечатление? Обработать? Это ты-то, в твоём галстуке выпускника Харроу и запонках с эмблемой „Крайст-Черч“⁶⁷ ? Господи Иисусе, кем нужно быть, чтобы носить запонки колледжа, который ты закончил?»

Они спустились из бара в обеденный зал. Барсон-Гарленд заказал фаршированные белужьей икрой яйца в мешочек, каковые он с отталкивающим изяществом и поглощал во время разговора.

– Прежде всего, позвольте заверить вас, что я пришёл сюда не для того, чтобы завербовать вас в сторонники моего билля, – говорил он. – Это было бы предосудительно. Совершенно предосудительно. Однако, как вам, возможно, известно, и в палате, и вне её всё ещё сохраняется определённое непонимание значения моего предложения. Есть люди, сомневающиеся в его технической, юридической и практической осуществимости. Последняя, как вы знаете, зависит от создания нового правительственного органа, отчасти схожего с

67. «Дом Христа» – аристократический колледж Оксфорда

американским Агентством национальной безопасности. Наша Джи-Си-Эйч-Кю ⁶⁸ тут не годится. Уверен, в этом вы со мной согласитесь.

Оливер произвёл головой движение, которое можно было истолковать и как кивок.

– Вот именно. Агентство, которое я предлагаю создать, обладало бы значительной, возможно даже повергающей в трепет властью. У нас уже имеются спутники, способные сканировать поверхность Земли, я же предлагаю использовать электронные средства, которые будут вести сканирование, так сказать, под её поверхностью. У нас есть макрокосм, так давайте же обзаведёмся и микрокосмом. Существуют, однако, люди, опасющиеся, что я намерен обратить, как всего лишь этим утром выразилась «Гардиан», гражданские свободы в ничто.

Оливер снова произвёл ни к чему не обязывающее движение головой. В сознании его постепенно складывалась тошнотворная картинка: Барсон-Гарленд вклеивает в альбом отзывы прессы на его счёт и отправляет альбом маменьке.

– На мой взгляд, – продолжал Эшли, деликатно промокая салфеткой уголки рта, – мне необходимо доверенное лицо, человек безупречной чистоты, обладающий признанным опытом в сфере разведки и готовый взвалить на свои плечи ответственность за создание такого агентства, причём начиная с нуля. Если в соответствующих организациях станет известно, что человек, обладающий репутацией сэра Оливера Дельфта, готов взяться за эту работу... – Барсон-Гарленд чопорно отхлебнул вино, предоставив концовке фразы повиснуть в воздухе.

– Мне не довелось слышать ничего, – сказал Оливер, – что позволяло бы верить, будто ваш билль ожидает успех.

– Естественно. Билль непременно провалится. Это аксиома. Прочитали и забыли. Но вопрос уже будет поднят, понимаете? Вот в чем всё дело. И будет вслух сказано, что правительство обладает достаточной властью, чтобы его разрешить. Дух, так сказать, выпорхнет из бутылки. А разного рода утомительные мелочи вроде открытого обсуждения так или иначе приходится принимать, э-э, по капле в день.

– Мне неприятно напоминать вам об этом, БГ, но вы не состоите в правительстве. Вы состоите в оппозиции.

– Ну, что до этого, – Эшли взмахнул рукой, – в политике неделя может быть долгим сроком, десятилетия же пролетают на одном дыхании. Благословенная Маргарет уже воспринимается как давний сон, разве нет? Точно так же не успеем мы и глазом моргнуть, как Его Тонность исчезнет в пустоте истории. Уверен, вы согласитесь со мной, что наличие более долгой стратегической перспективы в интересах вашей службы. Считайте это ставкой на будущее. Не сомневаюсь, вам уже приходилось культивировать неприятно амбициозных политиканов вроде меня. Видите? Мне, по крайней мере, присуща трезвая самооценка.

– Если даже я сообщу моим хозяевам, что одобряю предложенную вами идею, вам-то какая будет от этого польза?

– От этого будет польза стране, – ответил Эшли. – Сказанное мной может показаться сентиментальным, но я, представьте себе, верю, что именно так оно и будет. А кроме того, укрепятся и мои позиции в этой сфере. Пребывание в оппозиции предоставляет несколько возможностей не просто говорить, но и делать что-то. Популярность моего билля у некоторых журналистов и у большинства публики – это одно, но я должен ещё доказать своей партии, что способен пройти по темным и скользким коридорам, населённым людьми, подобными вам, и не остаться в дураках. Вы следите за моей мыслью?

– Угу, – отозвался Оливер. – Стараюсь.

Барсон-Гарленд напоминал ему ядовитых жаб, в головах которых сокрыты, как уверяют, драгоценные камни. Существа, конечно, уродливые и опасные, и тем не менее при верном с ними обхождении сулящие большие богатства.

68. Штаб-квартира правительственной связи – отдел британской разведки, ведающий средствами электронного слежения и шифрования

– Взаимная выгода не содержит в себе ничего незитичного, – произнёс, словно читая его мысли, Эшли. – Я бы сказал, как раз наоборот.

– Вы помните нашу первую встречу? – спросил Оливер.

Вопрос, похоже, застал Эшли врасплох.

– Постойте, постойте, дайте подумать. – Он повертел в пальцах бокал с вином, щуря свинячьи глазки. – Я горжусь своей памятью. Скорее всего, мы познакомились на рождественском приёме, который «Телеграф» устроила в клубе «Брукс». Декабрь девяносто девятого.

– О нет, – покачал головой Оливер. – Мы встретились гораздо раньше. Вы тогда ещё учились в школе.

В сознании Эшли возникло сразу несколько жутких картин – укромные любовные свидания в общественных уборных Манчестера.

– Вот как? – с мертвенной улыбкой выдавил он. – Не уверен, что полностью вас понимаю. Где и когда это могло произойти?

Залившая лицо Эшли тёмная краснота и страх, прыгающий в его глазах, не ускользнули от внимания Оливера.

– На Кэтрин-стрит, – сказал он, внимательно вглядываясь в собеседника. – Вы работали у Чарльза Маддстоуна. Личный секретарь, помощник, что-то вроде этого.

– Господи Боже. Как же вы всё это помните?

Выражение ужаса сменилось на лице Эшли мгновенным облегчением, и Оливер в который раз пожалел, что не обладает властью Дж. Эдгара Гувера, позволявшей тому поглубже заглядывать в жизни его хозяев-политиков. Похоже, в отрочестве Барсон-Гарленда кроется некая тёмная тайна. Может быть, думал Оливер, он стыдится своего происхождения. Этот аффектированный тон патриция и стоящая сто пятьдесят фунтов галстучная булавка с Савил-роу слишком хороши, чтобы быть настоящими. Разумеется, при наличии свободной, никем не ограничиваемой прессы ресурсы разведки не так уж и нужны. Чем дальше будет продвигаться в своей карьере Барсон-Гарленд, тем больше сведений о нём нароют журналисты.

– Вот беда, никак не могу припомнить ту нашу встречу, – продолжал Эшли. – Конечно, сэр Чарльз обладал обширными политическими связями, а я был молод, неопытен... Постойте! – Эшли, в голове которого забрезжила истина, вытаращился на Оливера. – Вспомнил! Вы Смит! Боже мой! Смит, так вы себя назвали. Смит! При всей моей молодости, я даже тогда и на миг не поверил, что это ваше настоящее имя. Я прав, не так ли? Вы были Смитом.

Оливер наклонил голову:

– Безусловно.

– Подумать только. Как странно. И какая грустная была история. Пожалуй, я не вспоминал о ней в последние – сколько? пятнадцать лет? Возможно, и больше. Существует ли что-нибудь... – он понизил голос, – что-нибудь, известное вам о l'affaire Maddstone ⁶⁹, но не ставшее достоянием публики? Оливер пожал плечами:

– Я сказал бы, что в один прекрасный день драга начнёт углублять русло реки и у нас появится череп.

Эшли понимающе покивал:

– Бедный старина Нед.

Перед ними уже поставили основные блюда, подошёл, чтобы предложить Эшли пригубить «Ля Таш», *sommelier* ⁷⁰.

– Похоже, юриспруденция дело прибыльное, – сухо заметил Оливер. – Сидящий перед вами бедный государственный служащий

69. Дело Маддстоуна (фр.)

70. Винный официант (фр.)

хотел бы поблагодарить вас за столь головокружительное знакомство с жизнью высшего света.

Эшли улыбнулся.

– Тсс, – прошептал он. – В том, что касается трат, я всего лишь скромный любитель. Мой виноторговец проболтался на прошлой неделе, что Саймон Коттер недавно предоставил ему карт-бланш на создание лучшего винного погреба в Европе. И он уже потратил больше миллиона.

– Господи помилуй, – пробормотал Оливер.

– Но это ещё не самое поразительное. Этого человека ни разу не видели пьющим что-либо, кроме молока.

– Молока?

– Молока, – подтвердил Эшли. – Вообще-то, завтра утром мне предстоит аудиенция. Если он предложит молоко мне, я, боюсь, завизжу и забьюсь в судорогах.

– Ему нужен юрист?

– Нет-нет. Я навёл о нём справки. Политические взгляды его никому не известны. Собственно, – продолжил, состроив значительную мину, Эшли, – вся его жизнь окутана тайной.

– Тут я вам помочь ничем не могу, – сказал Оливер, прочитав во взгляде Эшли мольбу хоть о какой-нибудь информации. – У нас в его деле наличествует только дата рождения.

– А, так вы им тоже занимались?

– Естественно. И знаем о нём столько же, сколько вы. Но разумеется, если нам что-нибудь подвернётся...

Оливер решил внушить Эшли уверенность, будто служба разведки в его распоряжении. В конце концов, не исключено, что консерваторам хватит ума когда-нибудь избрать его своим лидером. Им придётся, конечно, потратиться на консультанта по созданию имиджа. Не говоря уж о дерматологе. Однако разве Барсон-Гарленд не разведён? Это негоже. Защитник семейных ценностей обязан состоять в счастливом браке. Нет, они всего лишь разъехались, вспомнил Оливер, и так тихо-мирно, что даже пресса в это не полезла. Графская дочь, если память ему не изменяет. Штрих не из самых популистских, не из тех, что позарез нужны нынче партии консерваторов. С другой стороны, и снобизм избирателей Великобритании тоже недооценивать не стоит. Предпочли же они оксфордские манеры Тони Блэра натужной дурости йоркширского «человека из народа», которая так и перла из Хейга. Что до бедняги Джона Мейджера...

Нет, волна истории заносила на Даунинг-стрит мусор почище Барсон-Гарленда и, несомненно, не раз ещё занесёт. Если Эшли удастся убедить Саймона Коттера отстегнуть несколько миллионов и бросить их в денежный сундук тори, остановить его уже не удастся.

Оливер улыбнулся самой чарующей и доверительной из своих улыбок:

– Великолепный завтрак, Эшли. Лучшего я не упомяну. Нам следовало бы встречаться вот так почаще.

– Возможно... Что у нас сегодня? – Эшли глянул на часы. – Четверг. Как насчёт того, чтобы встречаться здесь в первый четверг каждого месяца? Пережёвывать сплетни, прокладывая собственный путь по карте вин?

– Замечательная идея.

– Вы позволите мне выдвинуть вашу кандидатуру в члены клуба?

Оливер поднял перед собой обе ладони.

– Не мой уровень, – сказал он. – Совершенно не мой.

И они распрощались – и каждого согревало не только хорошее вино, но и удовлетворение достигнутым.

В камере Джима и Микки Дрейперов зазвучала тема из фильма «Миссия невыполнима». Подушка Микки приглушила её, и всё же она осталась достаточно громкой и назойливой, чтобы отвлечь братьев, смотревших «Побег из Шоушенка» и вовсе не желавших ни на что отвлекаться.

– Хрен с ним, – сказал Джим. – Кто сюда станет звонить в воскресенье вечером? Не подходит.

Проиграв целую минуту, музыка смолкла. Тим Роббинс с друзьями-сокамерниками потягивал пиво на крыше тюрьмы Шоушенк.

– Во повезло ублюдкам, – сказал Джим. – Я бы тоже от пинты не отказался.

– А я бы не отказался от солнышка, – откликнулся Микки.

Вновь зазвучала «Миссия».

– Какого хера?

– Сейчас посмотрю. – Микки подошёл к своей койке и сдвинул подушку. – Не показывает. Номер закрыт. Ответить гаду?

Джим приостановил фильм, Микки нажал кнопку мобильного.

– Это мистер Дрейпер?

– Микки Дрейпер. А ты кто?

– Добрый вечер, Микки, – сказал незнакомый мужской голос. – Сожалею, что вынужден оторвать вас от воскресного просмотра. Тим Роббинс сбежит, а начальник тюрьмы покончит с собой. Морган Фримен наконец-то получит условное освобождение и присоединится к Роббинсу в Мексике. Очаровательный фильм. Я решил, вам стоит узнать, чем он закончится, потому что досмотреть его вы, боюсь, не сможете.

– Кто ты, в жопу, такой?

– Доброжелатель, звонящий, чтобы предупредить, что вас с братом с минуты на минуту лишат всех привилегий.

– Чего сделают?

– Вам и Джиму обеспечен совершенно нелепый уровень комфорта и защищённости. Это немного несправедливо, вам не кажется?

– Кто там? – спросил, обернувшись от экрана, Джим.

– Псих какой-то обдолбанный, – ответил Микки. – Говорит, нас лишат привилегий.

– О нет, – сказал голос, – отнюдь не псих. И с учётом того, что я взял на себя такие хлопоты, чтобы заранее предупредить вас, это замечание отдаёт неблагодарностью. К вам вот-вот нагрянет тюремная стража. Она отберёт у вас телевизор, тостер, чайник, радиоприёмник, мебель, даже мобильный телефон, по которому мы так мило беседуем. Боюсь, вам опять придётся выкарабкиваться наверх с самого дна.

– Кто это? – повторил Джим.

– Да трепло говённое. Это Сноу тебя подослал?

– С сожалением должен сообщить, что не имею чести состоять у мистера Сноу в помощниках. Всё это исключительно моя работа. Встаньте у своих коек, Микки. Стражники уже близко. И меня не покидает печальное ощущение, что настроение у них самое поганое. Вы с Джимом в последнее время немного размякли, заплыли жирком, – надеюсь, впрочем, вам удастся выдержать то, что вас ожидает. Всего хорошего.

Микки уронил телефон на койку.

– Ну что там?

– Мудак какой-то, – ответил Микки. – Разыграть нас надумал. Ну, погоди, выясню я, кто ты такой...

Микки обернулся к двери, встревоженный стуком подкованных каблуков, явно приближавшихся по коридору к камере.

– Нет, – опешил он. – Не может быть.

– Так что? – озадаченно повторил его брат.

Чей-то голос прокричал их имена, причём тоном, какого они не слышали уже многие годы, затем дверь в камеру распахнулась.

– Дрейпер Джи, Дрейпер Эм! Встать у коек. Проверка!

В камеру вошли пятеро вертухаев, а следом за ними – начальник стражи Мартин Кардифф.

– Так, так. И что мы здесь имеем? Сильно смахивает на вавилонскую оргию. Вавилонскую, мать её, оргию. В жизни подобного разврата не видел. Во всей моей жизни.

Строго говоря, это не было правдой, поскольку начальник стражи Кардифф начинал каждое утро с чашечки кофе и ломтика тоста, которые он потреблял в этой самой камере.

– Вы только взгляните, мальчики. Софа, книги, журналы, кофеварка. У них даже холодильник имеется. Очень уютно.

– Что за херня, Мартин? Глаза Кардиффа сузились:

– Мартин? Мартин? Боже. Куда подевалась вежливость? Куда подевалось уважение?

Кардифф кивнул одному из стражников, и тот, выступив вперёд, всадил кулак в живот Джима Дрейпера, да так глубоко, что Джим с воем повалился на пол.

– Для тебя, жирная жопа, я мистер Кардифф. Жирная, омерзительная жопа, – добавил он, с отвращением взирая на блюющего Джима.

Микки шагнул к Кардиффу.

– Зачем ты это делаешь? За каким хером ты это делаешь?

На сей раз удар нанёс сам Кардифф – кулак его обрушился сбоку на шею Микки. Металлический каркас койки зазвенел, когда голова Микки врезалась в него.

– Гонг извещает нас о начале второго раунда, – сообщил Кардифф. – Теперь по программе борьба без правил, мальчики.

Тюремщики расхохотались и принялись за работу.

Час спустя Джим и Микки валялись голыми на полу опустевшей камеры. Вертухаи вынесли всё – даже постельное белье и матрасы. Перед тем как захлопнуть дверь, они, подтянув сюда шланг, смыли кровь и блевотину.

Пять лет Джим и Микки Дрейперы правили тюрьмой. Ничто в ней не шевелилось, не делалось и не продавалось без их разрешения. Такой порядок, как водится, великолепнейшим образом устраивал начальника тюрьмы и его подчинённых – все они платили Дрейперам положенным образом, предоставляя им удобства и свободу, которые прочим заключённым и не снились. И вот всё это у них вдруг отняли. Обитатели соседних камер слышали, как братья рыдали, моля о пощаде, так что о падении их знала уже вся тюрьма. Власть держится на силе и внешней неуязвимости. Причины ненавидеть Дрейперов имелись у многих заключённых, и теперь, когда их лишили всякой поддержки и защиты, жизни братьев предстояло измениться кошмарнейшим образом.

Джим приподнял голову. Плакаты, украшавшие стены, исчезли, и все, что он увидел на них, это подтеки крови и обрывки синей клейкой ленты. Брат лежал рядом с ним на полу.

– Микки? – прошептал Джим, отчего по всему его телу разлетелись острые стрелы боли. – По телефону. Кто это, на хер, был?

Но Микки ещё не пришёл в себя.

Джим уронил голову на пол и попытался собраться с мыслями. Сидеть им осталось ещё целый год, и все эти двенадцать месяцев будут наполнены страхом и болью. С этого дня они брошены в ад. Только одно утешало Джима. У Дрейперов имелось преимущество перед обычными людьми, преимущество, помогавшее им в их беспокойной, отчаянной жизни, придававшее силы. Они всегда были

вместе.

– Думаю, их следует при первой же возможности разлучить, – сказал Саймон Коттер.

– Вы имеете в виду разные камеры?

– Лучше разные корпуса. Такая возможность имеется?

– Считайте, что уже сделано, сэр.

Коттер прикрыл трубку ладонью и пожал плечами, извиняясь перед юношей, только что вошедшим в его кабинет.

– Одну минуту, – сказал он. – Мне нужно кое-что уладить.

Альберт, решив, что его попросили выйти, повернулся к двери.

– Нет-нет. Оставайтесь. Садитесь, садитесь.

– Сэр?

– Я это не вам, Кардифф.

– Вам неудобно разговаривать, сэр?

– О нет, ничего подобного. Как наши друзья чувствовали себя нынче утром?

– Замечательно, сэр. Микки провалялся в отключке восемнадцать часов, но теперь очухался. В течение месяца им придётся кормиться через соломинку.

– А вот это новость хорошая. Отличная работа.

– Э-э...

– Говорите, мистер Кардифф.

– По-моему, вы случайно переплатили мне, сэр.

– Как вы честны. Нет, я не переплатил, мистер Кардифф. Всего лишь выразил признательность за хорошо сделанную работу. Письмо, присланное вами по электронной почте, превосходно. Восхитительное чтение. А ведь вы вовсе не обязаны были трудиться над ним. Знаете, вам стоит подумать о литературной карьере.

– Ну что же, огромное вам спасибо, сэр. Вы очень добры.

– В таком случае, до свидания.

Коттер положил трубку и улыбнулся гостю. Его позабавило, что юноша с великой сосредоточенностью изучает ковёр, – как будто если он не будет смотреть на телефон, то ничего и не услышит. Логика тут никакой, но по-человечески оно понятно и к тому же свидетельствует об очаровательной воспитанности.

– Ради бога, простите меня. Чрезвычайно рад вас видеть. Я Саймон Коттер.

Альберт встал и протянул через стол руку.

– Нет-нет. Уж лучше я к вам подойду. Мы тут особого значения столам не придаём. Столы хороши для компьютеров и телефонов, но разговаривать через стол неудобно.

Они обменялись рукопожатием, и Саймон провёл Альберта в угол кабинета.

– Ну вот. – Саймон уселся в кресло, а Альберту указал на диван. – Я уже писал вам, как мне понравилась работа, сделанная вами для компании вашего отца. Блестяще. Едва не сказал «для любителя», однако все мы любители в этой игре, а ваша работа, я думаю, блестяща по любым меркам.

– В конце концов, по-французски «любитель» то же самое, что «любовник», – смущаясь, сказал Альберт. – А моя работа в

значительной мере была делом любви.

– Bravo! Чего я не написал, так это того, что, на мой взгляд, «Кафе Этичность» – это одно из величайших достижений последних лет. Ваш отец, должно быть, замечательный человек.

Альберт просиял.

– Да, это на самом деле так! Он раньше работал в Сити, на товарной бирже, занимался фьючерсами на чай и кофе, но однажды поехал в Африку, увидел, как там живут люди, и это полностью изменило его взгляды. Теперь он говорит, что главное – не будущее кофе, а будущее людей.

– Будущее людей, да... превосходно. Будущее людей. А интересно, что он думает о возможности вашего прихода к нам?

– Ну, поскольку наш сайт пользуется успехом, он, скорее всего, надеется, что после университета я... – Альберт не закончил фразу и взглянул на Коттера. Коттер сочувственно подсказал:

– Он думает, что после университета вы присоединитесь к нему, так? И станете заниматься сетевой стороной дела.

Альберт кивнул:

– И мама...

Саймон прижал ладонью начавшее непроизвольно подпрыгивать колено.

– Ваша мама, – легко сказал он, – она ведь знаменитость – профессор Фендеман, не так ли? Я читал её книги.

– Думаю, она опасается, что я не получу диплома.

– Естественно. Как и любая мать. Вы собираетесь поступить в Оксфорд – как скромно с вашей стороны, что вы его не упомянули, – поступить туда, насколько я знаю, в следующем октябре. В какой колледж?

– Сент-Марк.

– Почему именно в него?

– Мама всегда твердила, что он самый лучший.

– Угу... Сент-Марк – это тот, в котором находится прославленный Двор Маддстоуна, не так ли?

– По-моему, да.

– Занятное, сколько я помню, место.

– Мама хочет, чтобы я поступил именно туда. Боится, что я останусь без образования.

– Думаю, она абсолютно права, – сказал Коттер. – Я с нею полностью согласен.

На лице Альберта отразилось такое разочарование, что жалко было смотреть. – А...

– Но, – продолжал Коттер, – мне неприятна мысль о том, что я останусь без вас. До октября ещё около десяти месяцев. Почему бы нам с вами не заключить соглашение? Присоединяйтесь к нам, и если через десять месяцев вы с родителями по-прежнему будете считать Оксфорд хорошей идеей, вы туда и отправитесь. Когда же вы выйдете из него – в шапочке и мантии, со специальностью и дипломом, – мы всё ещё будем здесь. В конце концов, вы могли бы работать у нас во время каникул, и если дело у вас пойдёт хорошо – а я думаю, что так оно и будет, – мы, возможно, выплатим вам аванс – стипендию, если угодно. Собственно говоря, мы как раз сейчас подумываем о том, чтобы учредить в Оксфорде кафедру информационных технологий, так что университет, я полагаю, благожелательно отнесётся к любому нашему предложению. Подобно всем старинным и достопочтенным учреждениям Англии, Оксфорд, едва лишь в воздухе запахнет деньгами, способен совершить кувырок назад, да и вообще какой угодно кульбит. Как вам такая идея?

– Мне... мне... – Альберт беспомощно искал нужное слово. – По мне, так идея блестящая.

– Тогда я попрошу наш юридический отдел составить проект контракта. Я, если вы ничего не имеете против, предпочитаю всё делать

быстро. Будем считать, что контракт доставят вам сегодня в пять часов вечера. Ваши родители, разумеется, захотят показать его своему адвокату. Буду рад, если к пятнице вы уже примете решение. Ваш визит ко мне должен быть полностью продуманным поступком.

Альберт взглянул поверх головы Коттера. Проектор отбрасывал на стену кабинета надпись: «Полностью продуманные поступки».

– А, вы заметили. Мой девиз. Вы увидите его повсюду. На наших экранных заставках, на писчей бумаге. – Коттер встал, и Альберт тоже мгновенно вскочил на ноги.

– Мистер Коттер, я и не знаю, что сказать.

– Просто Саймон. Мы здесь обходимся без формальностей. Ни официальных костюмов, ни «мистеров». – Коттер, провожая Альберта к дверям, приобнял его за плечи. – И кстати, вы обнаружите, что кофе и чай у нас только от «Кафе Этичность». А теперь прошу меня простить. Я увяз в переговорах относительно приобретения газеты. Вы даже не представляете, до чего сложен этот процесс.

– Правда? А я покупаю их каждый день, – сказал, дивясь собственной наглости, Альберт. – Просто протягиваю деньги человеку в киоске и... voila!

– Ха. – Коттер игриво ущипнул Альберта за руку. – Ко всему прочему, ещё и чувство юмора!

«Как он похож на мать, – думал Коттер. – Как он до нелепого похож на мать!»

– Хотел бы я, чтобы это было так просто, – добавил он. – А то я уже почти жалею всех Мердоков ⁷¹ нашего мира. И газета-то не из самых ходких, всего-навсего старушка «ЛИП», но тем не менее правила...

– «ЛИП»?

– «Лондон ивнинг пресс». Основана ещё до вашего рождения. И всё же самое время, чтобы у «Стандард» появилась соперница, вам не кажется? Как знать, может быть, у вас будет там своя колонка. Кстати, если примете решение ещё до пятницы, позвоните.

Шагая по мосту Ватерлоо к ресторану, в котором поджидали его Гордон с Порцией, Альберт то и дело оглядывался на только что покинутую им высоченную стеклянную башню. Он не был ни суеверен, ни религиозен и всё же не мог не гадать, какая сила или божество послали ему столь невероятную удачу. Как и у всех семнадцатилетних юношей, чувство вины в нём было сильнее чувства гордости, так что обычно он ждал от судьбы скорее кар, чем наград. Четыре с половиной года назад, во время бармицвы, он мысленно скрестил пальцы и в продолжение всей церемонии предавался скабрёзным, святотатственным мыслям. И несколько недель потом ожидал, что Бог поквитается с ним. Но ничего не дождался. Бог выразил свой гнев, послав ему хороших друзей, крепкое здоровье и добрых родителей. А в довершение всего ему теперь предстояло стать фаворитом при дворе короля Коттера.

По каменной лестнице ресторана «Кристофер» он взлетел, перескакивая через две ступеньки сразу. Порция и Гордон, нервно прихлёбывавшие за своим столиком минеральную воду, его появления не заметили. Альберт остановил проходившего мимо официанта и улыбнулся ему во весь рот.

– Вы не могли бы принести вон на тот столик бутылку шампанского? Лучшее, какое у вас найдётся.

– Разумеется, сэ.р. – Официант поклонился и убежал.

– Милый! – Порция поманила сына. – Ну как?

Как всё прошло?

– Ух, чтоб меня! Не знаю, с чего и начать.

71. Кит Руперт Мердок (р.1931) – владелец транснациональной корпорации «Ньюс», контролирующей средства массовой информации по всему англоязычному миру

Ощущая себя до нелепости взрослым, Альберт уселся за столик и рассказал родителям о планах Саймона Коттера.

– Как видите, лучшего мне не найти ни на земле, ни на небе, – завершил он свой рассказ. – Блестяще, а?

К столику приблизился с ведёрком льда и бутылкой «Кристалль»⁷² официант.

Гордон, хмуро вглядывавшийся в столовые приборы, словно стараясь уловить в задыхающемся рассказе Альберта некий намёк на подвох, поднял на официанта глаза.

– Это зачем? Я шампанского не заказывал.

– Э-э, пап, это я его заказал. Деньги верну тебе в самом скором времени, обещаю.

Порция сжала руку Альберта.

– И правильно сделал, – сказала она, с тревогой поглядывая на Гордона. – Нам безусловно есть что отметить, верно, дорогой?

Альберт, уловив в её голосе просящую нотку, наклонился к отцу, чтобы поддержать мать.

– Пап, я понимаю, всё происходит слишком быстро, но ведь это же великолепно, как по-твоему? Я хочу сказать, что в любом случае ничего не теряю.

Гордон вдруг улыбнулся и потрепал сына по плечу.

– Конечно, великолепно, Альби. Просто годы, проведённые в Сити, научили меня осторожности, только и всего. Уверен, всё будет хорошо. Я горжусь тобой. Честно.

– Он сказал... – Альберт чуть покраснел, – сказал, что считает тебя замечательным человеком, пап.

– Да? Неужели? Ну что же, он и сам человек замечательный.

– Ты знаешь, он сейчас покупает газету, «Лондон ивнинг пресс».

– Ты уверен? Об этом нигде не писали.

– Абсолютно. Он сказал, что дело это сложное, но пора бы «Стандард» получить конкурента. И ещё он учреждает в Оксфорде кафедру.

– Это всё ладно, – вмешалась Порция, – но ты мне лучше скажи, что он за человек? Снял он хоть раз свои солнечные очки? Тебе не показалось, что он еврей? На фотографиях он выглядит очень смуглым и симпатичным. Как по-твоему, он красит волосы?

– Ради всего святого, мам... – Альберт с Гордоном встретились взглядом и расхохотались, ощущая мужскую солидарность.

– Ну, – словно оправдываясь, произнесла Порция, – такие вещи важны. Они могут многое рассказать о человеке.

– Да, кстати, он прочитал все твои книги. Так он сказал. Это тебе что-нибудь о нём говорит?

Отец и сын, увидев, что Порция покраснела, рассмеялись снова.

– Выпьем за здоровье этого образца вкуса и здравомыслия, – провозгласил, поднимая бокал, Гордон.

– За Саймона Коттера! – воскликнули все трое.

Руфус Кейд сидел у себя в квартире, любовно оглядывая деньги, кучей сваленные перед ним на столе. Он уже пересчитал их два раза и теперь раздумывал – не пересчитать ли и в третий? Пересчитывать сто тысяч подержанными двадцатками задача не из простых, но когда эти деньги – твои, когда никакие налоговики и бывшие жены не в состоянии наложить на них жадные лапы, такой пересчёт представляет собой приятнейшее препровождение времени.

72. Одна из самых дорогих марок французского шампанского, производимая домом «Редерер»

Руфус насыпал на незанятый участок кофейного столика дорожку кокаина. Наконец-то, наконец-то дела пошли на лад. Нынешний вечер – последний, больше он нюхать не будет. Всем этим двадцаткам можно найти применение и получше. Он преобразует свой бизнес, сойдётся с какой-нибудь девушкой, чьё имя не начинается на «Дж», и переедет за город. Чистый воздух, здоровые физические упражнения и правильная диета превратят его из рыхлого, потного красноглазого борова, с коим он уже свыкся, в человека, которого действительно можно будет любить. Сейчас, глядя на деньги, он вдруг понял, что за всю свою исковерканную жизнь ни разу не смог проникнуться к себе хотя бы простой приятелью. Теперь он станет больше думать о других. Чем не «спасенья узкая тропа»? Чтобы вступить на путь, в конце которого маячит любовь к себе, необходимо сделать крохотный шаг навстречу другим людям.

Возможность появляться в офисе с утра пораньше, да ещё и с чистой, трезвой головой – и сама-то по себе вещь ценная. Теперь в его голове всегда будет звучать сигнал, издаваемый трезвостью, – ясный, высокий, никогда не стихающий. Его весёлость и чувство юмора войдут в разговор. Впереди целый уик-энд, который он посвятит самоочищению. Начать можно в любую минуту – выбросив дозировочные стёклышки и серебряную трубочку. Может быть, он даже съездит в гости к родителям. Руфус представил себе эту сцену: радость, которая охватывает мать, букет цветов у него под мышкой, шутку, которая сама собой вдруг приходит на ум, и улыбку – более широкую, чем все, какими он улыбался за многие годы. Не такой уж он и дурной человек. Ему присущ сдержанный юмор, спокойная общительность. Всего этого хватило на то, чтобы превратить трёх женщин подряд в его жён и несчётное количество других – в любовниц.

На стене за спиной задребезжал домофон, и от этого грубого вторжения внешнего мира в его размышления сердце Руфуса подскочило. Он встал с дивана и, сняв трубку переговорного устройства, с удивлением отметил, что рука его дрожит.

– Кто это?

В устройстве прозвучал, перекрывая рёв уличного движения, незнакомый голос, говоривший как-то уж слишком нараспев:

– Я друг Джона. Нам необходимо поговорить, это очень важно.

Руфус обернулся, окинул взглядом наваленные на столе деньги.

– Мне сейчас не очень удобно. Я... Я кое-кого ожидаю.

– Всё займёт не больше пяти минут. Речь идёт о вашей безопасности.

– Хорошо, ладно... третий этаж.

Руфус нажал кнопку домофона и бегом поскакал на кухню, за чистым мешком для мусора. Побросав деньги в мешок, Руфус запихал его в угол за креслом. Когда в дверь квартиры постучали, он тяжело отдувался и пот градом катил по его лицу.

Отерев рукавом лоб, он открыл входную дверь. За нею, смущённо улыбаясь, стоял высокий, мощного сложения человек неопределённых лет, глаз его за зеркальными стёклами очков видно не было.

– Простите, что пришёл в столь поздний час.

– Ничего, ничего... входите. Я просто... ну, вы в курсе.

Гость вошёл и остановился посреди гостиной. Руфус, не веря своим глазам, уставился на него.

– Пойдите... по-моему, я вас знаю.

– Меня зовут Коттер. Саймон Коттер.

Голова у Руфуса и так уж немного кружилась от усилий, которые потребовались, чтобы спрятать деньги. А присутствие в его квартире такого человека, как Саймон Коттер, окончательно выбило его из колеи. Только одно и пришло на ум: в тот день, день завтрака в Ислингтоне, что-то пошло не так с его двойниками. Но чего ради самому Коттеру заявляться к нему домой? Да ещё и поздним вечером в пятницу.

– Я что-то не совсем понимаю. Вы назвались другом Джона.

– Всё верно, – сказал Коттер. – Я пришёл, чтобы предупредить вас.

– Предупредить?

– Братья Сулейман немного расстроены.

Руфус заморгал.

– Простите. Братья Сулейман? Не уверен, что я их знаю.

– Вы продали им партию кокаина, причём за большие деньги. Настоящего порошка в ней оказалось всего несколько унций. Остальное, увы, шербет. И это их ничуть не обрадовало. Шербет продают в кондитерских лавках вразвес и, насколько я знаю, по прискорбно низкой цене. Прискорбно низкой. Они хотят вернуть свои деньги. Возможно, им захочется прихватить в придачу к деньгам кое-какие части вашего тела. Если говорить совсем уж честно, люди они не самые приятные.

Все поплыло перед глазами Руфуса. Пот разъедал их.

– Я ни малейшего представления не имею, о чем вы тут говорите, – произнёс он голосом, который и ему самому показался нелепо дрожащим и слишком тонким, чтобы звучать убедительно.

– Вот как? – Брови Коттера приподнялись. – Ну, тогда я зря трачу ваше время, а заодно и своё. Я полагал, вам захочется понять причину того, что с вами произойдёт.

– Нет, конечно, понять, что происходит, мне хочется, но...

– Вы продали липу, и покупатель намеревается вас наказать. Всё очень просто.

– Так это же был товар Джона! Джон обо всем и договорился. Я участвовал в сделке только как...

– Да, но Джон оказался тем ещё пройдохой. Понимаете, по моим сведениям, он уверил их, что всё это время представлял вас. Для Сулейманов Джон просто пустое место. Носильщик, не более того.

– Но это же ложь! – Руфус вцепился в лацканы Коттерова пиджака. – Объясните им! Скажите, что я вёл себя честно. Вас они послушают. Я вёл себя честно!

– Я? – Коттер без усилия, словно смахивая с пиджака муху, оторвал от своих лацканов руки Руфуса. – Чего ради, клянусь именем Господа прекрасной земли нашей, я стану вам помогать?

– Вы же знаете, как всё было! Вы сможете их урезонить!

Коттер посмотрел на часы:

– Они появятся здесь не более чем через пять минут. Я оставил входную дверь на защёлке. Жаль, что вы в такой плохой физической форме. Насколько я знаю, излюбленное их оружие – мачете.

От ужаса и замешательства Руфус только что не приплясывал на месте.

– Вы шутите. Это же Англия!

Коттер с приятным удивлением окинул его взглядом.

– Да, – подтвердил он, – это Англия. А вы англичанин. Вытрите лицо, перестаньте трястись и постарайтесь держаться молодцом, таков мой совет. Можете быть уверены, если они увидят вас поскуливающим, в соплях и в поту, это их только пуще озлобит. Поверьте. Я немного разбираюсь в бандитах.

Руфус, которого посетила безумная мысль схватить мешок с деньгами и удрать, кинулся в угол гостиной.

– А, вот, значит, где вы их припрятали. – Коттер заглянул за кресло. – Ну, по крайней мере, долго искать им не придётся. Возможно, они вам это зачтут.

– Во имя милосердия, умоляю вас!

- Во имя милосердия? – Голос Коттера был резок и холоден. – Вы только что произнесли слово «милосердие»?
- Возьмите деньги. Берите все.
- Мой дорогой Кейд, у меня уже столько денег, что я навряд ли сумею все их потратить. Вы что, газет не читаете?
- Тогда отпустите меня. Защитите. Расплатитесь с ними, я сделаю все, все, что вы скажете.
- Все? Вы это серьёзно?
- Клянусь! – Что-то в голосе Коттера внушило Руфусу надежду. – Только скажите, я всё сделаю.
- Очень хорошо. Присядьте.

Руфус подчинился мгновенно. Пот и какая-то слизь капали с его подбородка на диван. Коттер уже много лет не видел, чтобы человека била такая дрожь. Лицо Руфуса, руки, ноги – сотрясалось все.

- Чего вы хотите? Скажите, и я это сделаю.
- Я хочу, чтобы вы построили для меня машину времени. – Что?
- Я хочу, чтобы вы построили машину времени и отправились на ней в прошлое, на двадцать лет назад.
- Я... я не понимаю.

– Правда? Но ведь это так просто, – сказал Коттер. – И это единственное, что вас спасёт. Мне только и нужно, чтобы вы вернулись в тот день, когда вы, Эшли Барсон-Гарленд и Гордон Фендеман задумали погубить мою жизнь. Вернитесь и перемотайте запись назад. Отмените ваше решение.

Руфус вперился в гостя помутневшим взглядом. Это галлюцинация. В тот самый день, когда он решил завязать с кокой, наркотик наслал на него какой-то безумный, психотический кошмар.

– Вы не помните? – продолжал Коттер, снимая очки и глядя Руфусу в глаза. – Не помните, как подложили наркотики в карман моей матросской куртки? Не помните, как стояли в Найтсбридж в дверях кабака и хохотали, когда меня увозили? Вернитесь назад и сделайте так, чтобы ничего этого не было. Окажите мне такую услугу, и я расплачусь с Сулейманами, я им ещё и приплачу. И вы тоже будете купаться в досужей роскоши до конца вашей жалкой, отвратительной жизни.

– Нед? Нед Маддстоун? – Руфус вскочил с дивана. – Иисусе, так и есть! Это ты. Мать честная, поверить не могу!

– Однако я почему-то не думаю, что вы сможете это сделать, – ведь не сможете, правда? Я немного разбираюсь и в психологии, и в технике. И что-то подсказывает мне, что изобрести машину времени вам решительно не по силам.

– Господи, друг, где же ты пропадал? Что с тобой случилось?

– Не приближайтесь ко мне. – Коттер отступил на шаг, поскольку Руфус снова попытался вцепиться в его пиджак. – Как вы смеете даже думать о том, чтобы прикоснуться ко мне?

– Так это всё шутка, верно? Ты меня разыграл. Так ты себе представляешь месть. Испугать меня до усёру. Ну, чтоб я сгорел, друг...

– Что касается «испугать до усёру», – отозвался Коттер, – вам ещё предстоит обнаружить, что это не просто фигура речи. Вы обнаружите также, что существует нечто похуже испуга. Нечто, именуемое смертным страхом.

– Ты это не всерьёз. – Выражение, появившееся на лице Коттера, почти рассмешило Руфуса. – Ну, брось, мы же были мальчишками! Не соображали, что делаем. И потом, тебя ведь похитили, об этом писали во всех газетах. Мы-то тут ни при чем. Иисусе, друг...

– Мой отец умер. Мой отец. Полгода он цеплялся за жизнь, incapable ни говорить, ни шевелиться. Он умер, терзаемый виной и страхом, потому что думал, будто его единственного сына похитили и убили из-за него, из-за его работы. Благородный, достойный человек, всё отдавший своей стране. Человек, несравнимо превосходящий вас душевными качествами и благородством. Он умер из-за того, что сделали со мной вы и ваши друзья.

Внизу на улице взвизгнули тормоза, и Руфус в ужасе обернулся. Коттер отошёл к двери и снова надел очки.

– Я просто хочу, чтобы, когда они за вас примутся, вы думали обо мне. Думали об испуганном, сбитом с толку ребёнке, у которого ваша зависть и злоба отняли все.

Руфус пошарил за креслом и теперь стоял в центре комнаты, прижимая к себе мешок.

– О пожарной лестнице они знают, – сказал Коттер. – За ней наверняка присматривают.

– НЕД! – взвизгнул Руфус.

Но Коттер уже вышел.

– МАДДСТОУН!

Коттер быстро поднялся этажом выше, заглянул в лестничный пролёт и увидел троих мужчин, бегом поднимавшихся на третий этаж. Увидел серебристый блеск металла, когда один из них переложил нож из руки в руку. В квартире Руфус снова и снова визгливо выкрикивал его имя.

Дверь захлопнулась, визг прекратился.

Через пять минут дверь квартиры открылась и трое вышли из неё. Один нёс чёрный мешок для мусора. Храня молчание, они спустились по лестнице.

Саймон подождал, пока отъедет машина, и крадучись вернулся в квартиру.

Руфус лежал на полу, в растекающейся луже крови, уже достигшей краёв ковра. Чуть в стороне, на кофейном столике, были аккуратно, словно букеты, только что доставленные от цветочницы, сложены, одна рядом с другой, его ноги.

– Бог ты мой, – сказал Саймон. – Ты опять обезножел, Руфус.

Руфус смотрел на него.

– Имел я тебя, – прошелестел он. – И в аду тоже буду иметь.

Саймон, оглядев его, покачал головой.

– Фу! – неодобрительно сказал он. – Так я был прав? Теперь ты знаешь, что такое испугаться до усёру. Жаль мне того, кто тебя обнаружит. Постой-ка, уборщица приходит сюда, насколько я помню, по понедельникам. Возможно, мне стоит пощадить её чувства и предупредить полицию. Скажем, анонимным звонком... Ты ведь у нас специалист по этим делам, не так ли? А знаешь, вообще-то тебе повезло. Говорят, истечь кровью до смерти довольно приятно. Готов поспорить, особенной боли ты не чувствуешь. Шок бывает иногда милосердным. Хотя, разумеется, мне это слово представляется бессодержательным.

Когда он выходил из квартиры, Руфус что-то прокричал ему вслед. Голос прозвучал хрипло, но в следующие несколько часов Руфус, пока из него истекала жизнь, утешался мыслью, что Саймон наверняка услышал каждое его слово.

– Я тебя сразу раскусил, Нед, мать твою, Маддстоун, – выкрикивал он. – Ты всегда был надменным сукиным сыном. Я с самого начала видел тебя насквозь! Я поимел тебя, Нед! Поимел. И ты это заслужил. Что бы с тобой ни случилось, ты это заслужил.

Саймон освободил язычок дверного замка, прислонился снаружи к двери и услышал, как язычок защёлкнулся. В ушах у него гудело так сильно, что слова Руфуса в них не пробились. Он медленно спустился по лестнице, вышел на холодный воздух.

Нед, дрожа от приятного возбуждения, поднял взгляд к ночным небесам. Звезды подмигивали ему.

– Четыре! – прошептал он и подмигнул в ответ.

«Страницу Барсон-Гарленда» ожидал своего рода *succes d'estime* ⁷³. Взяв за образец постоянных обозревателей не разделяющих его мнений вечерних газет, Эшли быстро обнаружил в себе дар выражать вещи самые скучные и очевидные в шаблонно полемической манере, в точности отвечавшей потребностям переутомлённых обитателей пригородов, всегда готовых спутать многословную мизантропию с утончённым мышлением. Любовь лондонцев к язвительным выпадам в адрес «политической корректности», казалось, не знала границ, и Эшли с наслаждением ей потакал. Он был в избытке наделён удивительной журналистской способностью излагать самую суть господствующих буржуазных предрассудков на языке якобы «не схожем с другими», «бесстрашном» и «чуждом условностям». Да и героическая неудача билля Эшли ничем не повредила его всё укреплявшейся репутации человека, которому хватает смелости поднимать свой голос в защиту «здорового смысла», «достоинства», «моральных устоев», глубочайших чувств «безмолвного большинства» и излюбленного таковым «инстинктивного чутья народа Британии». В партии начались разговоры. Барсон-Гарленд со своей задней скамьи сумел добиться для консерваторов большего, чем их ведущие фигуры, красующиеся на самых передних скамьях палаты. Главный политический обозреватель «Би-би-си», не обвиняясь, назвал его серьёзным претендентом на лидерство при любых будущих выборах. Всё складывалось великолепно.

С биллем Саймон Коттер помочь ему не смог, но тем не менее выразил свои симпатии напыщенным слогом, очень схожим со слогом самого Эшли.

– Я не сомневаюсь, что доступ правительства к сетевому трафику есть вещь в конечном счёте неизбежная, – признал он. – Императивы финансовой безопасности, общественной морали и системной защиты от вирусов со временем сделают эту идею неотразимой. Однако одобрить её открыто я себе позволить не могу. Уверен, вы понимаете, что по причинам коммерческого характера я вынужден принимать сторону защитников гражданских свобод. Полагаю, когда придёт время, вы сыграете значительную роль в реализации этой идеи, и хочу заверить вас, что с нашей стороны, со стороны «КДК», вас ожидает полная поддержка. Пока же, не могли бы мы с вами обсудить кое-что другое? Как вам, вероятно, известно, мы недавно приобрели «Лондон ивнинг пресс». Мой редактор ищет сейчас хорошего постоянного обозревателя. Вы не хотели бы занять это место?

И сама идея, и то, как элегантно (на взгляд Эшли) Коттер её изложил, были привлекательны чрезвычайно, Барсон-Гарленд видел здесь большие возможности. На волне своего недавнего успеха в роли народного трибуна и заступника здравого смысла он затеял серию идущих в прямом эфире телевизионных дебатов. Вооружась микрофоном и сколотив отряд экспертов, пострадавших и скептиков, он появлялся в студии, точно великий инквизитор, испытующий проблемы морали и этики до самого их донышка: Великая Белая Опра, интеллектуальный Джерри Спрингер, Морэль Монтель ⁷⁴.

Первая передача, называвшаяся «Крушение феминизма», прошла очень удачно, теперь он готовился к следующей. Продюсер объяснила ему, что на телевидении важно вводить в бой самую тяжёлую свою артиллерию лишь во второй передаче серии. – Если первая хороша, – сказала она, – вторая должна быть ещё лучше. Те, кто пропустил первую, услышат о ней от друзей или прочитают в газетах. И всё их стадо будет ждать номера два, так что он должен быть сногсшибательным.

Передача, именуемая «Сетевая угроза», и впрямь могла свалить с ног кого угодно. Родители, чьи дети задолжали телефонным компаниям немислимые суммы или свели через чаты знакомство с гнусными извращенцами, музыканты, чьи гонорары оказались под

73. Умеренный успех (фр)

74. Опра Уинфри – популярная ведущая нескольких ток-шоу на американском телевидении; Джерри Спрингер – популярный американский актёр и ведущий скандального «Шоу Джерри Спрингера»; Морэль Монтель – герой романа Ги де Мопассана «Милый друг»

угрозой, – все они были приведены в боевую готовность и ожидали возможности предъявить обвинения защитникам Сети; создателям программного обеспечения, позволявшего массовым порядком нарушать авторское право; провайдерам, оказавшимся неспособными отфильтровывать злодейские новостные группы; выпускающим кредитные карточки компаниям; безответственным поставщикам онлайн-услуг медицинских услуг и вообще Интернету в целом. Один из работающих на программу исследователей смастерил самую настоящую бомбу, воспользовавшись информацией, открыто лежащей в Сети, другой накопил через неё наркотиков, а третий – и это определённо грозило стать самым сенсационным разоблачением за всю историю телевидения – в течение полугода выдавал себя за двенадцатилетнюю девочку и намеревался прямо во время программы встретиться со своим адресатом – другим подростком, а на самом-то деле взрослым, как показал лингвистический анализ, человеком. Встречу предстояло заснять скрытой камерой, причём в ближайших кустах должны были сидеть готовые произвести арест полицейские.

В день эфира Эшли оказался единственным, похоже, не потерявшим головы участником передачи. Группа родителей, ужинавшая в студийном кафе, засекала за соседним столиком человека, чей лэптоп показывал омерзительные фотографии мёртвых тел с оторванными руками и ногами. Родители подняли крик, обвиняя продюсеров в бесчувственности, идиотизме и намеренном манипулировании порочными наклонностями. Шум улегся, лишь когда выяснилось, что зловерный лэптоп принадлежит журналисту, занимающемуся проблемой ангольских мин, да ещё и совсем для другой программы. Журналист этот, отошедший от столика, чтобы занять очередь к кассе, получил строжайший выговор за то, что оставил свой компьютер без присмотра. Родителя же, который открыл лэптоп, удалось отговорить от предъявления иска, после чего восстановилось относительное спокойствие.

Ко времени вступительного слова Эшли студия словно потрескивала от напряжения.

– Киберпространство, последний рубеж... – начал он, стоя в центре студии. – Мы искали новый мир и новую цивилизацию. Мы отважно шагнули туда, куда не ступала прежде нога человека, и что же стало нам наградой? Взрывной рост преступности, игорного бизнеса, порнографии, видеоигр и порока – вот хорошее старомодное название отвратительного старомодного зла. Никакие законы не стоят между семилетним ребёнком и попытками развратить его невинность. Нам говорят, что тут ничего не поделаешь. Правда ли это? Разве не существует такой вещи, как политическая воля? Разве мы уже стали жертвами гигантской машины? Или у человечества ещё хватит, как оно всегда и бывало, сил сказать «Нет»? Неужели слишком поздно просто преисполниться решимости и избрать иной путь?

Анархии и деградации, глядящим на нас из самых гнилых уголков Сети, противится только один общественный институт – древний, благодетельный, возвышенный и мудрый, но, по всей видимости, бессильный перед лицом человеческого стремления к новым технологиям... назовём этот институт Семьёй. Каким прискорбно маленьким выглядит он рядом с колоссальными капиталовложениями и ненасытной алчностью электронной коммерции, рядом с великим электронным будущим. Возможно ли, что тихий, спокойный голос Семьи будет услышан на фоне столь оглушительного рёва? Сможет ли Британская Семья и вправду воспротивиться... Сетевой Угрозе?

Музыка. Аплодисменты. Титры. Подборка кадров, показывающих Эшли Барсон-Гарленда, лысого, невзрачного, даже некрасивого, но каким-то образом обретающего обаяние благодаря самой своей заурядности. Вот он спокойно стоит, вот набрасывается на свою жертву, вот проталкивается через рады восхищённых гостей студии. Вот разгорячённые споры, а вот слезы примирения. Лицо Барсон-Гарленда возносится над всеми прочими лицами. Последняя картинка: глядя прямо в камеру, он подводит итоги, глаза его не отрываются от ваших, пока он сводит воедино все темы дебатов. Заключительная музыка. Заключительные титры. Заключительные аплодисменты.

Большой двухсторонний жидкокристаллический экран телевизора висел под потолком атриума «КоттерДотКом». Расположенное здесь кафе было, как и всегда, переполнено. К восьми часам вечера большая часть помещений компании обращалась в обезлюдившую провинцию, по которой бродили охранники, уборщицы и горстка ярых карьеристов. Саймону Коттеру уже не раз приходилось со всевозможной мягкостью напоминать своим подчинённым, что пора бы разойтись по домам и немного пожить нормальной жизнью. В этот

вечер он тоже находился в атриуме, посмеивался вместе со всеми над вступительной речью Барсон-Гарленда.

– Вот так так, – произнёс он, взглядываясь поверх очков в череду титров. – Сдаётся мне, ребятки, что Сеть ожидает хорошая взбучка.

– Послушать его, – сказал сидевший за одним с ним столиком Альберт Фендеман, – так каждый, кто имеет хоть какое-то отношение к Сети, – это пришелец с другой планеты. Я к тому, что и у нас тоже есть семьи. Он это сознает?

– Кстати сказать, трудно представить себе, что у него есть семья, – заметила девушка, с напряжённым неодобрением взглядывавшаяся в экран, стоя у того же столика.

– Вообще-то, – смущённо сказал Альберт, – он старый друг моей семьи.

– Да ну? – удивился Саймон. – Придётся нам отзываться о нём с большей сдержанностью.

– Господи, это зачем же? Мне-то он никогда не нравился. Вечно разговаривал со мной, как школьный учитель, даже когда я был молодым.

– А теперь ты, разумеется, старый, – улыбнулась девушка, бывшая, несмотря на свои двадцать с небольшим, одной из лучших программисток страны.

– Ч-ш-ш! – прошипел кто-то от соседнего столика. – Брэд Месситер выступает.

Барсон-Гарленд стоял перед гостем программы, которого у Коттера знали все. Брэд Месситер основал фирму, ставшую наиболее быстро разрастающимся английским интернет-провайдером, и Эшли собирался зажарить его живьём.

– Вы размещаете вашу рекламу в детских телевизионных программах и в детских журналах. Ваши компакт-диски, украшенные карикатурами и фотографиями футбольных звёзд, бесплатно раздаются в кондитерских. Но при этом ваша компания не предоставляет никаких фильтров, никаких средств родительского контроля...

– Родители могут приобрести пакет программ с полными средствами контроля, которые... – беспомощно начал Месситер, но Эшли его оборвал:

– Вы ещё получите возможность высказаться. Вы предлагаете полный пакет услуг для работы в Интернете, включая и средства неограниченного доступа к новостным группам самого скверного пошиба.

Всем нам известны коммерческие сайты, многие из которых – что верно, то верно – защищены от свободного доступа, поскольку требуют ввести номер кредитной карточки. Однако новостные группы предлагают фотографии и фильмы любому желающему. Любому. Позвольте мне перечислить лишь некоторые из тех, в которые пользующийся вашими услугами ребёнок может заглядывать всего только потому, что у него имеется персональный компьютер, и в силу детской любознательности. Alt.binary.pictures.bestiality, alt.binary.pictures.lolita, alt.binary.pictures.foreskins ... ⁷⁵ а существуют ещё буквально сотни других, слишком абсурдных, причудливых и шокирующих, чтобы упоминать их в эфире. Вот природа бизнеса, который принёс вам миллионы и миллионы. Так или не так, мистер Месситер?

– В настоящее время тысячи журналов и фотографий...

– Так или не так, мистер Месситер?

– ...рассылаются почтовой службой, являющейся формально собственностью королевы. Вы можете счесть их не менее отвратительными, однако...

– Так или не так! – принялась скандировать аудитория. – Так или не так!

75. Последние слова в названиях этих адресов – «содомия», «лолита», «крайняя плоть»)

– Да, это так, однако, как я сказал...

– Это так! – Эшли отдернул от Месситера микрофон и двинулся прямо на камеры. – Извращённая логика мистера Месситера едва не заставила нас поверить, что её величество королева занимается распространением порнографии, – полагаю, это все, что нам нужно знать о мистере Месситере. Мы ещё вернёмся к нему, а пока посмотрим, как идут дела у нашего исследователя, Джейми Росса. Вот уже полгода, как Джейми, в образе двенадцатилетней Люси, поддерживает романтические отношения с мальчиком тринадцати лет по имени Том. Невинные, очаровательные, вполне приемлемые отношения. Дружба по переписке, не более того. Теперь Том предложил Люси встретиться. Наши эксперты-лингвисты проанализировали электронные письма, которые Том отправлял Люси, и пришли к выводу, что они написаны хорошо образованным, взрослым человеком. Джейми.

Сдавленные смешки послышались в атриуме компании Коттера, когда на экране появился серьёзного вида репортёр, стоящий на углу Аргайл-стрит и Марлборо-стрит и шепчущий в микрофон. Рядом с ним нервно переминалась маленькая девочка.

– Через секунду я войду, чтобы встретиться с «Томом», в популярную у молодёжи закусочную Вайзенхаймера, находящуюся всего в пятидесяти ярдах от Оксфордской площади. Он ждёт девочку, поэтому я взял с собой мою дочь, Зою. У меня при себе скрытая камера и диктофон. Полицейские находятся рядом, чтобы произвести арест, если выяснится, что «Том» является, как мы и подозреваем, взрослым, который притворялся ребёнком.

На экране появилась не очень качественная, но приемлемая картинка: репортёр Джейми Росс входит в закусочную и садится за столик, нацелив торчащий из кейса широкоугольный объектив на входную дверь. Через секунду-другую входит и усаживается за другой столик его дочь, Зоя.

– Пока ничего, – шептал Джейми в радиомикрофон. – Тут всё больше молодые люди, судя по виду, туристы, однако за разными столами сидят и несколько взрослых. Пожалуй, место для такого рода свидания выбрано идеально. О, что это?

Нервного вида мальчик лет двенадцати-тринадцати вошёл в закусочную, коротко глянул на Зою, потом в сторону Джейми с его камерой и уселся за пустующий столик.

– Ну, не исключено, что наши эксперты ошиблись. – В голосе Джейми явственно проступило разочарование.

– Эксперты? Ошиблись? – Собравшиеся в атриуме Коттера от души веселились. – Да разве такое бывает?

– Возможно, мне следует спросить мальчика, что он здесь делает... – Джейми подобрал с пола кейс с камерой и направился к мальчику. – Привет, – сказал он, опуская кейс на стол. – Ты случайно не Том?

Мальчик, не говоря ни слова, встал и ткнул в него пальцем.

В тот же миг к ним с разных сторон бросились с полдюжины мужчин и женщин, окруживших изумлённого Джейми.

– Вы арестованы, – заявил один из них, надевая на Джейми наручники, – по подозрению в попытке соращения мало...

– Минутку, я Джейми Росс из «Би-би-си».

– Вы не обязаны ничего говорить в свою защиту, но должен предупредить вас, что ваше молчание может быть истолковано...

На секунду экран погас, затем на нём снова возникла студия с несколько потерявшимся Эшли Барсон-Гарлендом.

– Ну, – говорил он, – похоже на то, что... так сказать...

В атриуме «КДК» Альберт с молодой программисткой только что не катались по полу, воя от хохота тюленьими голосами.

– Тише! – цыкнул на них Коттер. – Давайте досмотрим до конца.

– Похоже, это тот случай, когда два разума питали мысль одну, – продолжал Эшли, изо всех сил стараясь не утратить апломба, – два сердца, э-э, бились в унисон.

– Чего? – взревел, содрогаясь от наслаждения, Альберт. – Он что, совсем спятил?

– Роберт Браунинг, – отозвался Саймон. – Когда рассудок ослабевает, власть переходит к рефлексу литературного цитирования.

– И тем не менее мы можем извлечь из случившегося урок. Мир чатов определённо вызывает слишком большую, чтобы не встревожить и нас, озабоченность родителей. Разумеется, мы сообщим вам об освобождении Джейми Росса, как только получим сведения о нём.

– А кто присматривает за Зои?

– Э-э, ну, не приходится сомневаться... – Эшли взгляды в аудиторию, пытаюсь понять, кто это вылез с вопросом. – Я уверен, что она...

– Двенадцатилетнюю девочку просто-напросто бросили совершенно одну в забегаловке Уэст-Энда. Я её вижу на мониторе. Сидит за столиком одна-одинёшенька.

– Я уверен, что Джейми немедленно проинформирует полицию...

– И вы называете это ответственным поведением?

– А, мистер Месситер. Так это вы?

– Совершенно верно, я. А вы подорвались на собственной mine, не так ли?

– Мистера Месситера, похоже, чрезвычайно заботит судьба незащитного ребёнка, леди и джентльмены. – Самообладание быстро возвращалось к Эшли. – А между тем его компания продолжает открывать порнопорталы по всему Интернету, не беря на себя никакой ответственности. Он даже ухитряется валить вину на родителей. Оказывается, это они виноваты. Если бы они позаботились купить дорогое и сложное программное обеспечение, мешающее их детям соваться куда не следует, всё было бы в порядке.

– Оно вовсе не дорогое, его можно бесплатно получить в...

– Итак, позвольте мне представить вам эксперта в области интернет-безопасности. Козима Кречмер из компании «КоттерДотКом»!

Атриум стих, все взгляды оторвались от экрана и обратились на Саймона. Тот слегка пожал плечами:

– Если Козиме угодно выступить по телевидению и поделиться своим опытом, как я могу ей мешать?

Все головы снова повернулись к экрану. Ходили слухи, что Козима, которую Коттер перевёл сюда из женевского отделения, представляет собой нечто большее, нежели просто главу Исследовательского отдела защиты серверов. Совсем недавно её сфотографировали выходящей с Саймоном из ресторана. Сомнительно, чтобы она согласилась выступить на стороне Эшли Барсон-Гарленда без прямого указания Саймона. Альберт хмурился, глядя, как она берет микрофон. Он не мог поверить, что его наставник, его герой, его бог станет поддерживать что бы то ни было, представляющее угрозу для неприкосновенности и независимости Сети.

Саймон взирал на экран с выражением ласковой благосклонности.

– Фрейлейн Кречмер, я уверен, что только люди, последние два года отдыхавшие на Марсе, не слышали о компании «КоттерДотКом». Вы специализируетесь по сетевой защите, не так ли?

– Совершенно верно.

– Насколько я знаю, провайдеры имеют возможность сами решать, какие из новостных групп пропускать через свои серверы. Это так?

– Безусловно.

– Итак, компания мистера Месситера, крупнейший независимый провайдер Великобритании, вовсе не вынуждена предоставлять доступ ко всем новостным группам. Она может отфильтровывать те из них, что содержат, к примеру, поставленную вне закона детскую порнографию.

– Определённо.

– Далее, как вам, возможно, известно, я предложил билль, который позволит отслеживать такого рода непристойную деятельность, однако так называемые «интернет-компании» заверили меня, будто подобные меры «практически нереализуемы». Правы ли они?

– Нисколько. Можно, конечно, использовать прокси-серверы и так называемые «брандмауэры», однако, как правило, обнаружить тех, кто размещает в Сети незаконные материалы, как и тех, кто ими пользуется, вполне возможно.

– Это возможно? Считаете ли вы, что правительство обязано предпринять шаги, позволяющие следить за потоками подобной информации?

– Нет, не считаю.

Эшли заморгал.

– Простите, фрейлейн Кречмер...

– Козима, с вашего позволения.

– Раньше вы говорили мне, что являетесь сторонницей такого мониторинга.

– Вот как?

– Вам хорошо известно, что это так.

– Видите ли, это сложная тема. Тут большое значение имеет вопрос о гражданских свободах. В последнее время я очень много размышляла над ним.

– Гражданские свободы? А как же право семей жить, не опасаясь скверны? Оно уже в счёт не идёт?

Громкие аплодисменты заглушили начало ответа Козимы.

– Хорошо, – сказала она, – предположим, что я получила в ходе моих исследований сведения, уличающие некоего человека в регулярном использовании Интернета ради собственного сексуального удовлетворения. В том, что он загружает в свой компьютер незаконную порнографию, и тому подобное. Вправе ли я разоблачить его?

– Разумеется, вправе. Если жёсткий диск его компьютера содержит незаконные материалы, это то же самое, что хранить их в отпечатанном на фотобумаге виде. Мы все это знаем.

– Да, но человек этот умён. Он разглядывает картинки на экране, но не сохраняет их. И стирает временную память, после того как... после того, как удовлетворит себя, вы понимаете?

Твёрдый голос Эшли покрыл смехи, послышавшиеся в задних рядах публики:

– Все эти гипотетические рассуждения, на мой взгляд, уводят нас в сторону от главной темы дискуссии. Мы обсуждаем...

– Они имеют прямое отношение к нашей теме, – крикнул из аудитории Брэд Месситер – не в микрофон, но достаточно громко, чтобы его услышали. – Расскажите нам поподробнее об этом гипотетическом случае, Козима.

– На самом-то деле, – сказала Козима, у которой, в отличие от Месситера, радиомикрофон был приколот к отвороту жакета, – он вовсе не гипотетический. Я говорила о вас, мистер Барсон-Гарленд. О вас. Вы тратите в среднем шестнадцать часов в неделю, посещая сайты с фотографиями мальчиков-подростков.

Вся студия ахнула, как один человек, а Эшли, побелев, резко повернулся к Козиме.

– Должен предупредить вас, что я юрист, – прорычал он. – Голословные обвинения подобного рода дают серьёзные основания для судебного преследования. У вас нет ни малейших доказательств в поддержку столь неслыханного...

– Ну как же нет, конечно есть, – откликнулась, указав на свой кейс, Козима. – Я отслеживаю ваши выходы в Интернет уже многие месяцы, наблюдая за тем, как вы посещаете сайты, новостные группы и подростковые чаты.

– Я... я... – На лбу Эшли проступили капли пота. – Естественно, в ходе подготовки моей кампании я исследовал все, что имеет к ней отношение. Было бы нелепостью пытаться разработать закон, направленный против порнографии, предварительно с ней не ознакомившись.

– Да, но почему только мальчики? Почему только сайты с такими названиями, как «Отборные булочки для вас», «Гладкие ягодицы» и «Первый минет», – почему только они?

Эшли почувствовал, как его с головой накрывает волна хохота.

– Всякому здравомыслящему человеку, – прошипел он в микрофон, – совершенно ясно, что я стал жертвой продуманного заговора, имеющего целью запятнать моё имя и принизить проводимую мною национальную кампанию в защиту семьи. При использовании мной Интернета вы регистрировали лишь то, что устраивает вас, умышленно игнорируя тысячи других посещений, которые я законно производил во время моих исследований. Эти злонамеренные, мерзкие попытки опорочить меня показывают, как далеко готов зайти сетевой истэблшмент в своих...

– Я заметила, – безжалостно продолжала Козима, – что вы неизменно очищаете свой диск и буферную память. Так что дома у вас решительно никаких доказательств найти не удастся.

– Разумеется, не удастся! – взвизгнул Эшли. – В моем доме нет доказательств, потому что все, сказанное вами, просто куча вранья, инсинуаций и полуправды. Не знаю, известно ли вашему работодателю, чем вы занимаетесь...

– И вашему тоже, не забывайте. У вас колонка в его газете...

– Это не относится к делу! Если я выясню, что вы шпионили за мной в рабочее время, юридические последствия будут такими, каких вы и вообразить себе не способны. Можете мне поверить, фрейлейн!

Две дюжины челюстей отвисли в атриуме, четыре дюжины округлившихся глаз не отрывались от гигантского экрана. Сцена, думал Саймон, которая, несмотря на разницу в числе и составе людей, воспроизводится по всей стране. Альберт украдкой покосился на своего героя, но ничего не смог различить за зеркальными стёклами. Лишь одна из бровей Саймона была чуть приподнята в умеренном удивлении.

Мать и отец Альберта следили в детстве за высадкой на Луну: Гордон – в Нью-Йорке, а Порция – в Лондоне. Альберт и сам сохранил смутные воспоминания о преследуемом новенькими вертолётами белом «бронко» О. Дж Симпсона ⁷⁶, кружащем по автострадам Лос-Анджелеса, но это... это обратится в воспоминание, по которому будет судить о себе целое поколение. «Где ты был, когда Козима Кречмер в прямом эфире размазывала Эшли Барсон-Гарленда?» – «Телевизор смотрел, козел, а ты что подделывал?»

Козима Кречмер оставалась, похоже, единственным в студии спокойным человеком. На верхней галерее режиссёр лихорадочно переговаривался по телефону с инспектором канала, подключившим к разговору юриста.

– Продолжайте, – распорядился инспектор. – Мы тут ни при чем. Это дела Барсон-Гарленда. Вряд ли он сможет обвинить нас в том, что его оклеветали на его же собственном шоу.

– Я предполагаю, – говорила между тем Козима, – что вы давно уже загружаете в свой компьютер непристойные, совершенно незаконные фотографии подростков. Вы мастурбировали, глядя на них, а затем стирали.

Несколько родителей закрыли ладонями уши своих детей, и те заёрзали, пытаясь освободиться.

– Вы только что обеспечили себе судебное дело, которое вас уничтожит! – возопил Эшли, тыча в неё пальцем и трясясь от ярости.

76. Популярный американский футболист и актёр, обвинённый в убийстве своей жены и ее любовника и оправданный за недостатком улик

– Это ваше право. У меня имеются видеозаписи, на которых вы занимаетесь именно этим. Да! – повторила Козима, и внезапная тишь пала на студию, и все глаза обратились к Эшли. – Часы и часы записей, показывающих, как вы мастурбируете перед экраном в вашем лондонском доме.

– Любой суд откажется принять такие записи к рассмотрению, – выдавил Эшли, чувствуя, как в животе его скапливается страшная тяжесть, – если они существуют, конечно. Что не соответствует действительности. Вы всё больше и больше погрязаете в крупных неприятностях, юная леди.

– Но речь идёт не о любом суде. Речь идёт об этом суде. Вашем суде. Вы не можете возражать против демонстрации моих доказательств здесь.

Козима извлекла из кейса две кассеты.

– «Нет таких шагов, которые мы не были бы вправе предпринять во имя семьи, во имя достоинства». Ваши собственные слова. Так или не так, мистер Барсон-Гарленд?

Эшли, закован, стоял в центре студии. Хор под управлением Брэда Месситера скандировал: «Так или не так! Так или не так!» Голоса сливались и нарастали в ушах Эшли. Рот его открывался и закрывался, но глаза неотрывно следили за видеокассетами, которыми Козима, ни на секунду не выпуская их из рук, помахивала над головой.

– У меня имеются также распечатки вашего дневника, мистер Барсон-Гарленд. – Свободная рука Козимы нырнула в кейс и появилась наружу с пачкой бумажных листов. – Чрезвычайно любопытное чтение.

Заверещав от ярости, Эшли бросился к Козиме, но внезапно развернулся и выскочил из студии, швырнув на пол микрофон. Слепо пролетел он мимо охранников, слишком испуганных и смущённых, чтобы его остановить. Промчавшись по коридорам, выбежал в вестибюль, почти не заметив толпу сотрудников «Би-би-си», глазающих на вмонтированные в стену экраны. Миновав стеклянные двери, Эшли, как безумный, прорезал, направляясь к Вудлейн, подковообразный двор. В спину ему что-то кричали, но он прорвался через турникет охраны наружу. На улице, выстроившись в ряд, стояли машины. Он бросился к ближайшей и начал дёргать за ручку дверцы.

– Всё в порядке, приятель, всё в порядке. Успокойтесь. – Водитель щёлкнул переключателем блокировки дверей, и Эшли плюхнулся на сиденье.

– К Сент-Джеймсу!

– А я вас знаю! Вы тот малый, Барсон-Гарленд.

– Неважно. – Дыхание вырывалось из груди Эшли тяжёлыми всхлипами. – Дьюк-стрит, и как можно быстрее.

– Лады. Жалко, что ваш билль не прошёл. Самое время взяться за этих извращенцев. У меня у самого детишки есть.

Эшли сунул руку в карман и едва не заплакал от облегчения, когда пальцы его нащупали кожаный смайтсоновский футляр для ключей. На прошлой неделе он забыл ключи в гардеробной телевизионного центра и вынужден был вернуться за ними в полночь. Тогда он ругал себя на все корки, однако, не случись этого, он сегодня не взял бы ключи с собой. Оглянувшись назад, он увидел людей, валивших из здания центра через предназначенные для публики боковые двери.

– Я как-то Гэри Глиттера вёз, – сообщил таксист.

Как и опасался Эшли, на Мэйсон-Ярд уже собралась небольшая толпа. Направленный на дверь его дома ручной софит телевизионщиков повернулся к нему, едва машина свернула с Дьюк-стрит в проулок.

– Ба, да у вас тут поклонники толкнутся, – объявил, прикрывая глаза ладонью, таксист. – Хотят небось, чтобы вы возглавили партию?

Эшли сунул ему двадцатку и открыл, держа наготове ключи, дверцу машины.

– Вы очень добры, начальник. Читайте, мой голос у вас в кармане.

– Мистер Барсон-Гарленд! Мистер Барсон-Гарленд!

– У меня нет комментариев, нет комментариев. Нет комментариев. Решительно никаких!

Он проталкивался через толпу, втянув голову в плечи, выставив руку с ключами в направлении двери.

– Присутствует ли хотя бы доля истины в этих утверждениях?

– Я же сказал, никаких комментариев! Совершенно никаких.

Эшли захлопнул дверь и запер её. И стоило ему остаться в одиночестве, как из глаз потоком хлынули слезы.

Наверху в кабинете трезвонил телефон. Эшли выдрал провод из розетки и стоял теперь с мокрыми от слез щеками посреди ковра. Символы успеха со всех сторон окружали его. С написанного Ромни портрета глядел, подбоченясь, сэр Уильям Барсон, которого Эшли позволял посетителям принимать за своего предка. На полках поблёскивали первые издания Гиббона, Карлейля и Бёрка. Компьютер стоял на столе.

Ложь. Всё ложь. Его заманили в ловушку. По какой-то злой, ужасной причине его заманили в ловушку и заставили выдать себя. Видеокамеры в его кабинете? Это же немыслимо. Кто мог бы такое устроить? Немыслимо! И все-таки что-то они пронюхали. Не могли же они просто догадаться, что он постоянно занимался...

Эшли включил компьютер и ввёл первый пароль. Файлы дневника были, двойной надёжности ради, защищены ещё одним паролем. Открыть их не смог бы никто. Он дважды щёлкнул мышкой на последней записи, сделанной вчера, когда мир ещё лежал у его ног. Система запросила второй пароль, Эшли ввёл и его. Страницы дневника появились на экране.

Печальная новость о старине Руфусе Кейде. Судя по всему, бедняга «ликвидирован наркодельцами», как это принято называть. Думаю, такой конец был неизбежен. Ещё со школьных дней было ясно, что миляга Руфус обречён на жизнь, полную зависимости и падений. Кажется, у американцев это называется «маниакальной личностной тягой» или ещё какая-то чушь в этом роде. Я не видел Руфуса с тех пор, как он лет пять назад заходил ко мне с пренеприятнейшей просьбой о деньгах, которые он собирался вложить в некое дурацкое агентство фотомоделей. Думаю, стоит пойти на похороны и помолиться о спасении его души. Да не отвернутся от него Небеса. В «Телеграф» лестная рецензия на мою первую программу. Оказывается, я – «прирождённый ведущий, сочетающий лёгкость повадки с непреклонным нежеланием уходить в сторону от сложных нравственных вопросов». Держись, Дэвид Старки!

«Лестная»! Придётся ли ему ещё когда-нибудь воспользоваться этим словом? Или даже отдалённо с ним схожим? Утирая слезы, Эшли просматривал страницы, пока не увидел нечто такое, отчего у него обмерло сердце.

Красный текст!

Невозможно, но так.

Последний в дневнике абзац был набран красным. Эшли никогда с цветным текстом не баловался. Никогда. Да и шрифт тоже не его. Он таким ни разу не пользовался.

Эшли чувствовал, что ему не хватает смелости перевести взгляд в нижнюю часть экрана. Если он прочитает этот абзац, то уже наверняка будет знать, что это не ошибка, не результат нескольких неумышленных щелчков мышью. А ему этого вовсе не хочется. Но прочитать придётся.

Лицемер, lecteur, mon semblable, mon frere!⁷⁷ Не в первый раз приходится мне читать твой дневник, Эшли Гарленд. Не далеко же ты продвинулся, верно? От онанирования в школьное канотье к онанированию перед фотографиями школьников. Какое жалкое падение. Всё сплошь притворство, снобизм, нетерпимость, пустозвонство и показуха. С твоими мозгами, Эшли Гарленд, ты мог бы достигнуть большего. Но холодное, страдающее запором сердце изначально обрекло тебя на позор, унижение и крах. Интересно, как с тобой обойдутся в тюрьме? Фальшивка, извращенец, фарисействующий ханжа. Я отомстил тебе сполна. И да будешь ты вечно гнить в жгучей грязи собственной развращённости.

Красный текст поплыл перед глазами Эшли. Он стиснул виски ладонями, словно заставляя мозг сосредоточиться. Слезы капали на клавиатуру.

Это какое-то безумие. Дикое, необъяснимое умопомешательство. Конечно, у него были враги. Далеко не все любили его, он знал это. Он всегда это знал. Но чтобы вот такая сумасшедшая ненависть?

На экране вдруг замигал значок одной из папок. Папка называлась «Вкуснятина!». Эшли точно знал, что никогда её раньше не видел. Он дважды щёлкнул на значке – оказалось, что папка содержит больше двух тысяч файлов, все сплошь фотографии и фильмы. Наугад выбрав один, он вывел на экран видеоклип, состоящий из сцен столь подробных, отчётливых и непристойных, что у Эшли перехватило дыхание. Участвовали в сценах исключительно мужчины и мальчики.

В дверь позвонили.

Эшли мгновенно закрыл файл и отправил всю папку в корзину.

Ещё звонок.

Эшли попытался очистить корзину. На экране появилось окошко:

Введите пароль уничтожения.

Эшли ввёл свой пароль и предпринял новую попытку.

Пароль неверен. Эшли ввёл второй пароль.

Пароль неверен. Система отключается...

Не веря своим глазам, Эшли смотрел, как экран пустеет под шелест и потрескивание статических зарядов.

В дверь позвонили в третий раз.

На стене за компьютером запылали голубоватые отблески. Эшли встал, подошёл к окну и сквозь щель между портьерами глянул вниз. Сверкание вспышек едва не ослепило его, он отступил от окна.

– Будьте вы прокляты, – всхлипнул он, дрожа всем телом. – Будьте вы все прокляты.

В воображении его возникла картина – мать и сестра у себя дома в Манчестере. Смотрят телевизор. Возможно, вместе с соседями. Внизу во дворе есть камера, направленная на его окна. Да, наверняка смотрят, побелев от стыда, прикрыв ладонями рты. Соседи

77. Мой читатель, мой ближний, брат мой (фр.)

потихоньку выползают из комнаты и стремглав разбегаются по домам, к собственным телевизорам. И в палате все тоже смотрят, все члены партии консерваторов. И жена смотрит, вместе со своим отцом, а тот говорит: «Я же предупреждал, этот твой Эшли человек не нашего круга. Я с самого начала так считал». Оливер Дельфт тоже всё уже видел и вычеркнул имя Эшли из списка полезных контактов. Новость расползлась и по клубу «Карлтон», и там все смотрят, собравшись у телевизоров. И все увидят, как его сейчас поведут, все будут следить за его процессом.

Ну уж нет. Никому за ним следить не придётся. Ни единому человеку.

В дверь всё звонили, звонили, а снизу, с улицы, донёлся искажённый и усиленный мегафоном голос:

– Мистер Барсон-Гарленд! Я суперинтендант Уоллес. Прошу впустить нас в дом. Двор будет очищен от камер и журналистов, даю вам слово.

Эшли проковылял на кухню. Здесь маняще поблёскивали его ножи, «Сабатье». Те немногие друзья, какие у него имелись, знали Эшли как отличного повара. Ножи, как и он сам, были само совершенство. Он вытащил один из деревянного держателя и, плача, точно дитя, вернулся в кабинет.

Всю свою жизнь, вдруг понял Эшли, он чувствовал себя антилопой, за которой гонится лев. Жаркое, вонючее дыхание судьбы следовало за ним по пятам, но ему всегда удавалось сделать новый рывок, всегда хватало ума и энергии для нового ошеломляющего зигзага, позволявшего сохранять расстояние между собой и страшным зверем. И вот наконец челюсти сомкнулись на нём, а ему наплевать. Будь они прокляты, будь все они прокляты! Разве он выбирал, каким ему быть? Разве хотел он быть некрасивым, лысым, человеком «не нашего круга», социально неприспособленным, человеком, которого тянет к подросткам, которого они презирают с такой высокомерной лёгкостью и тщеславием? Они, с их копнами шелковистых волос, с их шелковистым обаянием. Да будь они все прокляты!

Эшли вонзил себе в горло нож и повернул его – раз, другой, третий.

И в тот же миг услышал, как внизу вышибают дверь, и сквозь струи хлещущей крови увидел, что компьютер его ожил. Ему показалось – конечно же, показалось, – будто по экрану слева направо ползут, извиваясь, как лента серпантина, ярко-красные буквы:

Нед Маддстоун посылает тебя в ад.

Мозг Эшли ещё успел удивиться – почему в исступлении его последних мгновений на этой подлой земле ему вдруг явилось имя Неда Маддстоуна? Возможно, так тому и следовало быть. Нед был архетипом их. Подлинный альбом выкровок непринуждённой, копноволосяй уверенности в себе.

Он умер, проклиная и имя Неда Маддстоуна, и самую мысль о нем.

Саймон Коттер запер дверь своего кабинета и, похлопывая себя по бедру, перепрыгивая по три ступеньки зараз, стал спускаться по лестнице.

– Три! – на ходу прошептал он.

Альберт и прочие так и стояли у телевизора. При появлении Саймона они обернулись и выжидающе уставились на него.

– Не смог дозвониться, – сказал Саймон. – Должно быть, он отключил телефон. О, смотрите-ка, «Би-би-си» застеснялась, попробуйте «Скай-ньюс».

Альберт отыскал пульт, и на экране появились носилки, торопливо затаскиваемые в выбитую парадную дверь лондонского дома Барсон-Гарленда.

Саймон мысленно напомнил себе первым делом позвонить редактору «ЛИП». Позаботиться предстоит о многом: некролог, новый «Голос разума» – куча всяких мелочей.

Оливер Дельфт перешёл на бег на месте, чтобы посчитать пульс. Восемьдесят девять, неплохо. Сделав пять-шесть резких выдохов, он оглядел площадь и стал ждать, когда успокоится дыхание. Он не любил показываться жене на глаза даже слегка запыхавшимся и потому, как правило, проводил несколько минут на крыльце, чтобы вернуться в дом, выходя человеком, всего лишь прогулявшимся до почтового ящика и обратно.

Небо на востоке светлело. За деревьями, в посольстве одной из балканских стран светилось несколько окон. В прошлом Оливер нередко удивлял своих подчинённых тем, что предупреждал их о приближении кризиса, основываясь всего-навсего на наблюдениях за посольскими окнами, – в этом присутствовала ирония, доставлявшая ему, в так называемый цифровой век, немалое удовольствие.

Внезапно он нахмурился. У тротуара рядом с его машиной стояла чья-то ещё. Серебристый «лексус», номер не дипломатический. Оливер различил силуэт сидящего за рулём огромного, толстого водителя. Отметив про себя номер, Оливер полез в карман за ключом.

Первым знаком, уведомившим его, что в доме творится нечто странное, был детский смех. Как правило, отпрыски Оливера за завтраком особенно не веселились. Сидели, ссутулясь, над овсянкой, хмуро читали надписи на пакетах или ныли, упрашивая родителей выключить радио и включить телевизор. Второй странностью был витающий в воздухе запах бекона. Оливер придерживался диеты с малым содержанием жиров, а Джулия всю жизнь была вегетарианкой. Дети, хотя младшенькой уже исполнилось тринадцать, всё ещё оставались поклонниками кокосовой стружки да кукурузных хлопьев.

Подходя к кухне, Оливер услышал мужской голос. Вот пропасть, подумал он. Дядя Джимми, черт бы его побрал!

Джимми, брат Джулии, был любимцем детей, но, как оно часто бывает с тем, что нравится детям, взрослым представлялся невыносимо скучным. Да и время подходящее, сообразил, взглянув на часы, Оливер. Дядя Джимми нередко «заскакивал» рано поутру, после того как самолёт, которым он прилетал из Америки, садился, а до пробуждения делового мира ещё оставалось скоротать несколько часов. Но его появление хотя бы проясняло загадку припаркованного у дома «лексуса» с шофёром. Оливер соорудил на лице радушное выражение и распахнул дверь кухни.

Если бы Оливера попросили составить список из тысячи человек, которых он ожидал бы увидеть сидящими за его кухонным столом и показывающими фокусы членам его семьи, миллиардер от электронной коммерции Саймон Коттер в этом списке не значился бы.

– А вот и ты, дорогой! – произнесла жена. Коттер поднял взгляд от стола и улыбнулся.

– Доброе утро, сэр Оливер. Простите, что вторгся в вашу семью. Да ещё и в такую рань. Ехал мимо в аэропорт и решил рискнуть – вдруг вы ещё дома. Совершали пробежку?

Оливер, невесть почему застенчившись своего спортивного костюма и головной повязки, кивнул.

– Большое удовольствие видеть вас, мистер Коттер. Если позволите, я заскочу наверх, переоденусь...

– Ну же, Саймон! Где он?

Индия, младшая дочь Оливера, схватила Саймона за руку, ощупала его рукав и подёргала за бороду.

– Ага. А где бы ты хотела, чтобы он оказался? Быть может, под сахарницей? В стойке для тостов? В газете?

– Под сахарницей.

– Ну хорошо. Загляни.

– Черт подери!

Оливер с удивлением отметил, что Руперт, уже закончивший Оксфорд и в последнее время ставший утомительно утончённым,

таращит глаза и прорезывает от нетерпения точно так же, как и все остальные.

– Ещё! Ещё раз!

Ко времени, когда Оливер спустился вниз, в кухне уже всюду шло чтение мыслей. Даже мать Оливера, сидевшая в кресле-каталке чуть в стороне от других, даже она, похоже, наслаждалась происходящим, если, конечно, можно считать надёжным показателем количество слюны, сочащейся из уголков её рта.

Джулия, дети и Мария – все они уже нарисовали каждый своё на листках бумаги и теперь теснились вокруг Коттера, театрально приложившего по пальцу к каждому виску и, собрав морщинами лоб, уставившегося в пол.

– Великий Коттини должен подумать. Он должен подуууумать... э-э-э... no desme la lata! – негромко бормотал Коттер.

Мария захихикала, удивив этим Оливера. Она что-то произнесла по-испански, и Коттер живо ответил ей.

– Мой дух-наставник открыл мне все! – объявил он после того, как поочерёдно взгляделся в лицо каждого из посмеивающихся, раскрасневшихся детей. – Оливия, поскольку она очень умна и очень красива, выбрала бы симпатичную лошадь, да? Я думаю, ты нарисовала лошадь.

Оливия развернула свой листок и показала всем нарисованную лошадь.

– Вообще-то это пони, – пояснила она. Коттер хлопнул себя по лбу:

– О, как я глуп! Конечно, пони. Не лошадь! Пони! Прости меня, дитя, по утрам моя сила убывает. Теперь обратимся к Хулии. Хулия, думаю, выберет яблоко. Да. Вот тут я совершенно уверен. Яблоко. Наполовину съеденное.

Джулия развернула листок, и по кухне прокатился восторженный хохот.

– Хорошо. Мы кое-чего добились, да? Переходим к Руперту. Руперт существо одухотворённое. Сам Руперт этого пока что не знает, но он – самый одухотворённый из присутствующих. Руперт, я думаю, выбрал камин, в коем он видит символ своего пылко горящего сердца.

– Хрен знает что!

– Руперт!

– Прости, мам, но какого же черта?

– Теперь что касается Индия. Индия тоже очень красива, Индия мудра, Индия умнее, чем все её братья и сестры, вместе взятые...

Оливер переглянулся с женой. Жена сияла, и он, кивнув, чуть улыбнулся ей.

– Итак, Индия выбрала бы, я полагаю, предмет самый обманчивый. Но что, должен спросить себя я, есть самая обманчивая в мире вещь? Ничто. Ничто – вот самая обманчивая, самая нечестивая вещь в мире. Покажите мне ваш листок, о обманчивая и нечестивая дева.

Индия, покраснев, развернула пустой листок и сорвала оглушительные аплодисменты.

– И наконец, сеньорита Мария. Что бы такое могла она нарисовать? Мария хорошая женщина. Мария добра. Мария благочестива. Мария нарисовала в цыплёнка, я думаю, который является, как и она, благочестивым творением Божиим.

Уронив свой листок и перекрестившись, Мария залопотала на испанском, и Коттер ответил ей стремительным потоком слов. Мария поцеловала его и, хихикая, выпорхнула из кухни.

– Ещё, пожалуйста, ещё!

Коттер глянул на Оливера и улыбнулся.

– Боюсь, мне необходимо переговорить с вашим отцом. Дела! – таинственно прошептал он и глухо застонал.

Дети застонали в ответ и потребовали обещания, что он придёт к ним ещё раз.

– Поднимемся наверх, – Оливер повёл Саймона к лестнице, – там нам не помешают.

– Великолепный дом. – Саймон одобрительно оглядывался по сторонам.

– Собственно, это дом моей матери.

– А.

Оливер заметил любопытный взгляд, брошенный Саймоном на смонтированный в лестничном пролёте лифт.

– Несколько лет назад у неё случилось несколько ударов подряд. Разум не пострадал, однако...

– Как печально. И Мария ухаживает за ней?

– Да. Вот сюда.

– Благодарю вас. Очаровательная комната. У вас чудесная семья, сэр Оливер. Редкость по нашим временам.

– Просто «Оливер», прошу вас. Что ж, должен сказать, развлекли вы их здорово. Не хочется повторять их приставания, но как, черт возьми, вы это делаете?

– А, пустяки. – Саймон постукал пальцем по своим темным очкам. – Бумагу-то им я раздал. Всё остальное, боюсь, очень скучная химия. Ничего больше. Вроде тех фокусов, к которым ваши ребята из МИ-6, полагаю, то и дело прибегали в прежние дни. Только детям не говорите.

– Даю слово. Но вот... – Да?

– Я насчёт сказанного вами об Индия – что она умнее других. Это чистая правда, однако откуда вы-то это узнали?

– Ну, это само лезет в глаза. Глупость скрывать куда проще, чем мозги. Вы и сами наверняка это замечали.

– Что ж, тут вы попали в точку. Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо. Вы, верно, гадаете, зачем я к вам заявился.

Оливер, который вот уж пятнадцать минут как кусал от любопытства язык, благодушно пожал плечами:

– Да, это определённно сюрприз. Приятный, уверяю вас.

– М-м. Боюсь, мои методы ведения бизнеса несколько неортодоксальны, как вы, должно быть, и сами знаете.

– Новые правила для новой индустрии.

– Точно. Буду с вами абсолютно откровенен. Как вам, вероятно, известно, «КоттерДотКом» пришлось отказаться от услуг главы её отдела интернет-безопасности.

– Козимы Кречмер?

– Печальная история. Многие относятся к этой женщине как к своего рода кибер-героине, однако, как я дал ясно понять, она действовала без ведома и согласия компании.

– Как я полагаю, семья Барсон-Гарленда обратилась в суд?

– Я заверил их адвокатов, что все исследования проводились Козимой в её свободное время, не тогда, когда она работала на компанию. Теперь иск направлен исключительно против неё. Она где-то прячется, скорее всего, в Германии. Боюсь, миссис Гарленд трудновато будет получить от неё хотя бы пенни. В конце концов, похоже на то, что её утверждения были отнюдь не безосновательны. Прискорбно.

– Хм... Должен признаться, то был самый увлекательный вечер, какой я когда-либо проводил у телевизора.

– Вы ведь довольно хорошо знали Барсон-Гарленда?

Оливер, внимательно оглядев пальцы, извлёк из-под ногтя соринку.

– Знал? Да, пожалуй, знал. Хоть и не сказал бы, что хорошо.

– Если верить слухам, он пытался завербовать вас в союзники этого его «Агентства безопасности». И обещал вам место главы этого

агентства, если оно когда-нибудь будет создано.

– Правда? Я...

Оливер, услышав скрип на лестнице, обернулся, быстро пересёк гостиную и распахнул дверь.

– А, Мария, вам нужна помощь?

– Извините, что помешала, сэр Оливер. Я просто подумала, может, вы или мистер Коттер захотите выпить по чашечке кофе? Или печеньиц? Я много всяких напекла.

Оливер неловко переминался у камина с ноги на ногу, ожидая, пока Мария уберёт с кофейного столика стопки журналов и книг по искусству, чтобы расчистить место для подноса. Коттер о чем-то перемолвился с ней по-испански, и она вышла ухмыляясь, точно школьница.

– Кружева на подносе! – сказал, закрывая дверь, Оливер. – Вы и тут в самую точку попали. Помнится, я читал в каком-то журнале, что вы бегло говорите на девяти языках. Это правда?

– Частичная, – ответил Коттер и взял печенье. – Я провёл столько времени, изучая языки, что так и не научился толком считать, а потому сказать вам, на скольких языках я говорю, мне сложно.

Оливер сдержанно улыбнулся.

– Вы, вероятно, гадаете, – продолжал Саймон, – кстати, печеньица полное объедение, просто тают во рту... гадаете, откуда мне известно о попытках Барсон-Гарленда совратить вас.

– Этот вопрос приходил мне в голову.

– Я не цеплял жучки под столики клуба «Маркз» и не подкупал тамошних четверговых лакеев, на этот счёт не волнуйтесь. Нет, дело попросту в том, что милейший Барсон-Гарленд флиртовал и со мной тоже. Торговал собой, так сказать, и направо, и налево.

– Понятно.

– Видите ли, он никак не мог решить, идти ли ему по правительственной линии или приткнуться к частному сектору. Нюх у него на этот счёт действительно был хорош. Кто станет в дальнейшем править миром – те или эти? Кое-кто считает, что правительствам следует подумать о создании глобальной интернетовской полиции. Другие боятся, что именно это и произойдёт, и потому криком кричат о личной тайне и гражданских свободах. Вы, вероятно, знаете, что недавний прилив вирусов, червей, почтовых бомб и нападений на порталы привёл международное сообщество к неизбежному и окончательному выводу. Ничего тут поделывать нельзя. Надёжной защиты не существует. Или она слишком дорога. Слишком непрактична. Юридические последствия существования границ, различий в трактовках авторского права и тому подобного запутаны и неразрешимы. Единственное реальное решение, решение, принимаемое на локальных корпоративных уровнях, доступно лишь частному предпринимателю, и состоит оно в том, чтобы проводить собственную политику, устанавливать собственные барьеры, самому заниматься вакцинацией и профилактикой. Только частный сектор способен пересекать границы, только у него имеются ресурсы и силы, позволяющие взять ответственность на себя. Пост главы отдела интернет-безопасности компании «КоттерДотКом» приобретает ещё большее, чем прежде, значение. Честно говоря, даже если бы Козима не спятила, я всё равно предложил бы его вам. Что, если вы ещё не догадались, я и делаю. Строго говоря, это та же работа, какую предлагал вам Эшли Барсон-Гарленд, но она масштабнее, она настоящая, она защищена от политического вмешательства и до непристойного хорошо оплачивается. Правда, ответ мне нужно получить очень быстро. Этим утром я улетаю в Африку и был бы рад услышать, что вы готовы начать, как только уладите всё со своими людьми... пока же мне совершенно необходимо отлить. Вы не могли бы?..

– Да, конечно. Вот сюда, вторая дверь направо.

– И попробуйте печеньица. Такие лёгкие. Диета ваша от них несколько не пострадает.

Выйдя из комнаты, Саймон двинулся через лестничную площадку в указанном ему направлении. Проходя мимо лестницы, он заметил, что лифт уже наверху. Внимание его привлекла полуприкрытая дверь – Саймон толкнул её и вошёл.

Мать Оливера Дельфта, одинокая и неподвижная, сидела в кресле-каталке у выходящего на площадь окна. Саймон подошёл, встал рядом с нею. Глаза старухи выкатились. Саймону показалось, что лицо её всё же способно что-то выражать – в нём как будто мелькнул проблеск приятного удивления.

– Филиппа Блэкроу, – прошептал Саймон. – Какая странная встреча. Известно ли вам, что на вас лежит ответственность за разрушение моей жизни? Знаете, что из-за вас я провёл двадцать лет в сумасшедшем доме? Двадцать лет – из-за вас и вашего мерзавца сына.

Дыхание вырывалось из лёгких Филиппы с шипением и бульканьем, Саймон чувствовал, как она напрягается, стараясь совладать с обвислыми щеками и вялым ртом, заставить их двигаться так, чтобы получилась человеческая речь. Слюна стекала с губ старухи, скрюченные, иссохшие руки тряслись, как сухие листья в грозу.

– Я должен был доставить вам письмо. От ваших друзей-фениев. Но его перехватил ваш сын – единственный из всех живущих на свете. Вот как жестока бывает судьба. Чтобы прикрыть вас и спасти собственную никчемную шкуру, он отправил меня гнить среди безумцев, навсегда. А теперь я вернулся. И в сравнении с судьбой я куда более жесток. Я подумал, что вам следует это знать. Бесконечно более жесток. Мне сказали, что в вашем безжизненном теле ещё обретается разум. Теперь у него будет чем заняться до окончания ваших дней. Прощайте.

Образ Филиппы, унесённый с собою Саймоном, был образом поникшей матери, по щёкам которой льются слезы. Спуская в туалете воду и возвращаясь к Оливеру, он не мог видеть, что рот старухи силится сложиться в улыбку, не мог знать, что слезы, лившиеся из её глаз, были слезами счастья.

Альберт ворвался в дом и ещё из прихожей крикнул:

– Мам! Пап! Вы где?

Только позвав трижды и не получив ответа, он сообразил, что Гордон с Порцией поехали за дедом, чтобы привезти его к ужину. Собственно, потому-то Альберт и отправился сегодня на работу пораньше, просто кошмар поездки в метро изгнал из его головы все мысли об этом. Зазвонил телефон, и Альберт гневно влетел в кухню, швырнул сумку на кухонный стол, даже не подумав о том, что может расколотить экран лежащего в ней ноутбука, сорвал трубку с аппарата и оставил её болтаться, ударяясь о стену. Кот Ява потёрся о лодыжку, Альберт ногой отпихнул его.

– Дерьмо! – закричал он. – Всё дерьмо! И все дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Тяжело дыша, он вытащил из кармана куртки газету, присел за стол и в двенадцатый раз перечитал статью. Ява невозмутимо восседал в углу, с холодным достоинством игнорируя хозяина.

КАФЕ НЕЭТИЧНОСТЬ

Кофейный скандал заварился этим утром в мире «этической торговли», когда «Лондон ивнинг пресс» обнародовала эксклюзивную информацию о том, что Гордон Фендеман, основатель компании «Кафе Этичность», любимец «новых лейбористов» и говорунов от экологии, ухитрился, ради того чтобы начать своё дело, мошенническим образом лишить африканское племя прав на землю и разрушить жизненный уклад целого народа. Согласно местным источникам информации, так называемые «кооперативы», сотрудничающие, по уверениям «Кафе Этичность», с этой компанией, на самом деле состоят из людей, которых автобусами возят на плантации,

расположенные в двухстах милях восточнее мест обитания их племени. Источники утверждают, что это является результатом достигнутой посредством подкупа договорённости между Фендеманом (41 год) и местным правительством, целиком состоящим из представителей образующего большинство населения страны племени, враждующего с изгнанным со своей земли народом.

Это разоблачение способно значительно пошатнуть быстро расширяющийся рынок этической торговли и в очередной раз бросить тень сомнения на способность «новых лейбористов» здраво судить о бизнесе. Всего две недели назад премьер-министр, выступая в Сити, назвал компанию Фендемана «маяком, указующим новые пути торговли с третьим миром», – заявление, о котором ему придётся теперь горько пожалеть.

Согласно сообщениям, Фендеман, муж специалиста по истории искусства Порции Фендеман, в 1998 году заключил сделку с вождями малого племени, которые ради неё отвергли очень выгодное предложение глобального консорциума. Вождей уверили, что соглашение с «Кафе Этичность» послужит их интересам, им предложили долю прибылей, улучшенные условия работы и обеспеченное будущее для их народа. Впоследствии они с ужасом обнаружили, что условия этого договора фактически позволяли Фендеману согнать их, заменив рабочими из другой части страны, с земли, которой владели бесчисленные поколения их предков. Теперь перемещённый народ стоит лицом к лицу с будущим, полным голода, болезней и бесприютности, причём в стране, где это племя и без того сильно ограничено в правах. Как было подсчитано, личная прибыль Фендемана, проистекающая как из сделки с местным правительством, лишившим этот народ его земель, так и из всё возрастающего объёма продаж компании, превышает один миллион фунтов в год. Комментарий см. на с.12.

«Комментарий» на двенадцатой странице был неопишуем, просто неопишуем. Альберту казалось, что мир вокруг него рухнет. И расчленив отчаяние на составные части было невозможно.

Его отец. Как можно писать такое? Как они посмели? Ведь это явная ложь. Он слишком хорошо знал отца, чтобы верить в написанное. И тем не менее эта статья глубоко уязвит отца. Он человек гордый. И чем бы всё ни закончилось, грязь пристанет к нему навсегда.

Его работа – пять месяцев Альберт протрудился на ниве этической торговли. И на первых же порах добился большого успеха. Он гордился сделанным, гордился помощью, которую оказал миру. А теперь вот гнусная писанина, сколь бы ни была она лжива, навсегда останется в сознании людей. Потребитель, уже протянувший руку к продукту, на этикетке которого значится слово «этическая», отдернет её словно ужаленный. «Так, так, – скажет он себе. – Вроде был какой-то непристойный скандал, связанный с компаниями этого типа. Нет уж, обойдусь-ка я лучше „Нескафе“». И все, сделанное Альбертом, пойдёт прахом.

Саймон. «Лондон ивнинг пресс» – это его газета. Конечно, он человек занятой. Альберт ещё не встречал никого, наделённого такой работоспособностью, таким умением вникать в детали. Да ещё только вчера, в баре, Альберт предложил своим друзьям выпить за него. Описывая завидные способности Саймона, он то и дело прибегал к этому самому слову – «детали». Вот качество, которое всегда отмечало великих людей, – умение вникать в детали.

Что и создавало проблему, Альберт и на миг не мог вообразить, будто Саймон, как бы ни был он занят, ничего не знал о нападках «ЛИП» на Гордона. Должен был знать. А если знал, почему допустил их?

Не предупредив Альберта, не отведя его в сторонку и не сообщив новости. Те же самые друзья, которым он так нахваливал Саймона, отзывались о нём не без цинизма. «Поверь мне, – сказал один из них, – никто не способен делать такие деньги, не будучи в глубине души сукиным сыном». «Ты не прав, совершенно не прав», – настаивал Альберт.

И всё же теперь память вернула ему странное ощущение, испытанное, когда он стоял рядом с Саймоном, наблюдая по телевизору

за публичным уничтожением Эшли Барсон-Гарленда. В лице Саймона не было ничего, во что Альберт мог бы ткнуть пальцем, и тем не менее у него появилось некое ощущение. Ощущение общей атмосферы. Саймон словно излучал какие-то волны, которые Альберт старался упрятать в своём сознании как можно дальше. Это походило на эманацию страха, полового влечения или вины, но не было ни тем, ни другим, ни третьим. Чем-то ещё. А слухи, которые поползли по компании? Козима? Действовала на свой страх и риск? Да иди ты! Она и пописать-то не пошла бы без разрешения Саймона, а уж тем более не выступила на телевидении. Альберт счёл всё это обычным офисным трёпом. Но может быть, может быть, что-то такое в Саймоне было. Если честно разобраться в своих чувствах, то возможно... возможно, учуянное им в тот вечер было жестокостью.

Гордон был его отцом. Этическая торговля – его жизнью. Саймон – его богом. Отцы слабы. Жизнь – сплошное предательство. Боги жестоки. Альберт читал и видел достаточно, чтобы признавать всё это объективными фактами, он только не ожидал, что столкнётся с ними так скоро, да ещё и со всеми сразу. Один-единственный удар судьбы отнял у него всю троицу. Он сидел, счастливый, в поезде метро, слушал музыку; листал вечернюю газету – он и купил-то эту проклятую газетёнку потому, что она принадлежала Саймону, – и в единый миг все три столпа его жизни рухнули.

Услышав, что входная дверь открывается, Альберт поднялся из-за стола.

– Где он? Где мой внук?

Сложив газету, Альберт запихал её обратно в карман.

– Я на кухне, дед. Подъедаю тут кое-что, пока ты всё не слопал.

– Нахал! Мальчик – нахал. Ну как его не любить?

Деда Альберт обожал. Дед служил постоянным напоминанием о его еврействе, его наследии. Ему было трудно поверить родителям, уверявшим, что много лет назад дед читал лекции по истории и увлекался местной политикой. Из оголтелых левых, говорила Порция, – невероятно! Потом что-то произошло, Альберт так толком и не выяснил что, нечто связанное с ошибочным арестом, и Питер оставив преподавание, обратился к религии, отдался делам местной синагоги. Семья у них была по определению дружная. Как сын двоюродных брата и сестры, Альберт давно уже привык к остротам друзей по поводу того, что родной дед одновременно приходится ему и двоюродным, к разного рода поддразниванию насчёт ослабления генов, – он любил свою семью и наслаждался особой близостью, порождаемой тем, что кровь, текущая в его жилах, не принадлежала двум враждующим кликам. Никаких шуточек по поводу супружеских отношений у Фендеманов в ходу не было.

Альберт обнял деда и с одного, брошенного поверх его плеча взгляда понял, что ни Гордон, ни Порция ещё ничего не знают.

– Ну, дорогая? Чем будем кормиться?

– Увидишь, папа, увидишь. – Порция, смеясь расцеловала отца и сына. – У тебя встревоженный вид, милый, что такое?

– Да ничего, мам, ничего. День выпал тяжёлый.

Альберт сознавал, что принять решение ему будет не так уж и трудно. Кровь сильнее преклонения. Это его семья. И значит, она гораздо важнее любого его героя. Ещё не слишком поздно. Слишком поздно никогда не бывает.

– Эй, а почему трубка снята?

– Оставь её, пап. Нет, правда, оставь. Пятница, вечер. Солнце уже село. Никакой работы. Никаких звонков.

Питер погладил внука по щеке.

– Что за мальчик! Просто съел бы его. Что, разве я не прав?

Альберт зажёл свечи, задёрнул шторы. Он знал, что очень скоро их дом окажется в осаде.

– Добро пожаловать, Оливер. Уверен, мы о приняли правильное решение. Не хотите прогуляться по зданию, познакомиться с людьми? Вы высоту хорошо переносите?

– Высоту?

– На крыше имеется совершенно сказочный офис с прекрасным видом на Лондон, но, если желаете, мы поселим вас поближе к земле.

– Нет-нет. Высота – это хорошо.

– Конечно, к виду вам не привыкать, не так ли? А знаете, вон из того моего окна видна ваша прежняя контора. Не хотите помахать своему преемнику ручкой?

– Честно говоря, не хочу, – сказал Оливер. – Только отряся со своих башмаков прах государственной службы, начинаешь понимать, как сильно ты её всегда ненавидел. Кстати, если я забуду передать вам приглашение к обеду – на следующую неделю, дети меня убьют. В четверг вам будет удобно?

– С удовольствием, и передайте, пожалуйста, детям мою благодарность. Ну-с, может быть, пройдемся? А, с добрым утром, Альберт. Позволь представить тебя сэру Оливеру Дельфту. Наш антивирус, античервь и антихакер.

– Здравствуйте. Саймон, мне нужно поговорить с вами, сейчас же. Это чрезвычайно важно.

– Так. Оливер, мне очень жаль, вы не будете против, если я?..

– Нет-нет. Если вы не против, я послоняюсь тут в одиночестве. Мне так даже удобнее. Полагаю, этот коридор куда-нибудь меня да приведет?

– То есть, куда только захотите. Дорогой представляйтесь сотрудникам, утром я уже разослал им по почте радостную весть.

– Увидимся попозже.

– Альберт, я отлично понимаю, почему вы здесь. Позвольте мне сказать...

– Как вы могли это сделать? Как?

– Я ведь издатель, Альберт, не редактор. Я не могу допустить, чтобы меня обвиняли во вмешательстве...

– Ой, ну чушь же, абсолютная чушь Я не идиот. А вот это, в сегодняшней «Таймс», вы видели? Они уверяют, что отец скупил акции «ЛИП» за день до того, как вы объявили о её приобретении, что он воспользовался секретными сведениями. Это же обо мне! Когда я впервые пришёл сюда, вы сказали, что покупаете газету, и я... я случайно обмолвился об этом при нём. Не придавая этому никакого значения. И теперь его изображают каким-то мошенником. А он не мошенник. Он мой отец. Он порядочный человек. Что вы с ним делаете?

– Альберт, успокойся. Я уверен, в конце концов всё обернётся к лучшему.

– Как бы там ни было, я... я пришёл сказать, что ухожу от вас.

– Но, Альберт, это же нелепо.

– Это вопрос... вопрос чести. Я не могу работать у вас. Вы мой враг. Речь идёт о чести семьи. Мы очистим имя отца от грязи, даже если на это уйдёт последний наш пенни. И я намереваюсь разоблачить вас. Вы – людоед. Животное. Я обращаю вашу жизнь в ад. Прощайте.

– Альберт, всё это не более чем нелепая поза. Утрите глаза. И возвращайтесь к нам.

Альберт не покидал своей комнаты девять дней. Перекачивал в Сеть страницы информации. Скоро все на свете узнают, что на самом деле представляет собой Саймон Коттер. Альберт собрал воедино все сплетни, слухи, даже намёки и домыслы, когда-либо

высказывавшиеся шепотком насчёт его смертельного врага. Многие ещё вылезет наружу, такова уж природа Интернета. Даже если интересующий вас человек – это сама мать Тереза, всё равно отыщутся люди, жаждущие скандала, верящие в теорию заговора и обладающие поводом для ненависти. Альберт же имел то преимущество, что хорошо знал свой предмет. Ничем таким уж ужасным он не располагал, но, чтобы выставить Коттера на смех, хватало и этого.

Альберт наблюдал, как загружается последняя страница. Он выбрал бесплатный австралийский сервер. В общем-то, разницы никакой, но лучше разместить сайт по возможности дальше. Это создавало впечатление, что враги Коттера рассеяны по всему земному шару. Через месяц, уже в Оксфорде, он продолжит свою кампанию. Деньги Вафик Саида там, может, и приняли, но у Коттера, когда Альберт с ним покончит, не возьмут ни гроша. Уж больно он самонадеян. Тщеславно, легкомысленно самонадеян. – Альберт! Впусти меня. Пожалуйста... Почему же нет? Пусть мать видит, что он не просто сидит тут и дуется, как Ахилл в своём шатре. Он вооружился и изготовился к битве.

– Сейчас, мам. Только у меня тут, боюсь, беспорядок.

Поднявшись с кресла, Альберт отпёр дверь. В коридоре стояла Порция с подносом в руках.

– Господи Боже! Чем ты здесь занимался?

– Да знаю, знаю. Времени не было. Здорово, Ява.

Порция робко вступила в комнату и остановилась в центре её, чуть покачиваясь, словно ей предстояло вот-вот потерять равновесие.

– А куда же я поднос-то поставлю?

– М-м... вот сюда, – Альберт отгрёб в сторону груды компакт-дисков, фотографий и трусов. – Брысь, Ява!

Ява, запрыгнув на стол, лупил, как коту и положено, мышку.

– Завтрак, – твёрдо объявила Порция. – На самом деле это вчерашний ужин и сегодняшний завтрак одновременно. Ты абсолютно должен поесть. А я буду сидеть и смотреть. Пусть я разговариваю, как еврейская мамаша из анекдота, мне всё равно. Ты просто должен поесть.

– Да, да. Все, что угодно. Взгляни, мам...

– И никаких «все, что угодно»! Я буду следить за каждым исчезающим у тебя во рту бутербродом. А потом спать. Так ведь и не прилёт за ночь, верно?

– Да хорошо, хорошо... ты всё же взгляни. – Альберт улыбнулся. – Ты пришла в исторический момент. Официальное открытие всемирного антикоттеровского сайта. Смотри.

Альберт снова присел за компьютер и взялся за мышку.

– Видишь – www.ihacotter.co.au. Это приветственная страница. «Добро пожаловать в нашу гостиную». Вот Коттер в центре своей паутины, я придал ему сходство с пауком. Передвигаешь мышку к пауку, и он тут же удирает в другую часть паутины. И если щёлкнуть на любой из частей, получишь относящиеся к ней сведения, видишь? Можно заглядывать в самые разные места – совсем как в буфеты гостиной. Вот страница «Дай пощёчину Коттеру». Щёлкнешь на его физиономии – он получит затрецину и послышится вот такой звук. Слушай.

Из динамиков компьютера донеслась звонкая, как в мультфильме, плюха, а следом плаксивое «о-ой!».

– Вообще-то я украл это из «Симпсонов», но какая разница! А вот страница слухов. К ней каждый может добавить что-то своё. Видишь? Я разместил тут всякую ерунду вроде «он пьёт одно молоко» или «он красит волосы». Пытается купить себе место под солнцем.

Даёт деньги оксфордскому Сент-Марку. И «Эм-си-си»⁷⁸ тоже, чтобы проскочить мимо очереди и стать его членом, так что я установил каналы связи с сайтами «Эм-си-си» и Сент-Марка, чтобы люди там начали изнутри кампанию против него.

– Милый, а вот этого делать не стоит. Он обратится в суд.

– Да и пусть его. Пусть, черт подери, обращается. И отлично. Как это будет выглядеть? Судиться с семнадцатилетним мальчишкой, отца которого чернят его газеты? Вот уж не думаю. Даже если он добьётся судебного запрета или ещё чего, представляешь, что тут начнётся? Ты же знаешь, что такое Сеть. Да его за несколько дней утопят в грязи. Он обратится в самую ненавистную фигуру всех времён и народов. И цены его акций – фр-р-р-р-р... А теперь посмотри, это страница. «Теория заговора». Козима Кречмер, годится? Здесь рассказывается, что она сделала по его распоряжению, чтобы уничтожить Барсон-Гарленда. Она была его любовницей. Ну и так далее. А, вот это тебе понравится. Фотостраница, на которой из него, из лысого, можно сделать... ну что-то вроде фоторобота, понимаешь? Придельываешь человеку бороду, усы, меняешь цвет волос, чтобы понять, не смахивает ли он на разыскиваемого преступника. Как знать, вдруг его кто-нибудь опознает. В том-то и штука с Саймоном Коттером, чтоб он пропал. Никому не известно, кто он. Может, он вообще нацистский военный преступник. Ну-ка, сейчас мы из него арийского блондина соорудим.

– Дорогой, он слишком молод, чтобы... Порция вдруг умолкла. Альберт обернулся к ней.

Она в полном ошеломлении смотрела на экран.

– Ты как будто привидение увидела, мам. Что случилось?

Порция на секунду закрыла глаза.

– Мам?

– Послушай, съешь ты все-таки эти бутерброды, сию же минуту.

– Да, непременно. Но скажи, как тебе?

Порция наклонилась и поцеловала сына, сама поражаясь спокойствию, звучащему в её голосе.

– Ну конечно, блестяще. Я и вообразить не могу, как ты до такого додумался.

– Может, папе показать?

– Только не сейчас, любовь моя.

– А что?.. Где он?

– Здесь, в столовой. Ты не волнуйся, с ним всё хорошо. На следующую неделю назначено заседание правления. Ему хотят предоставить возможность объясниться. Он готовится к своей... своей...

– Защите?

– Ну, не совсем. Правление полностью доверяет ему.

– Чертовски надеюсь, что это так. – Начав есть, Альберт обнаружил, что жутко голоден. – Роскошные бутерброды, мам.

– Но ясно, что акционеры будут сильно давить на правление.

– Он же не подаст в отставку?

– Видишь ли, он думает, что это в интересах компании. Пойдёт на пользу её репутации и стоимости акций.

– Так это же всё равно что признать себя виновным! Он не может уйти!

78. Марилебонский крикетный клуб – законодатель этой игры

– Ну, собственно, это и будет обсуждаться правлением. Как ему отойти в тень, чтобы его уход не выглядел признанием вины. Всё правление стремится помочь ему. Ещё бутербродов сделать?

– Хватит и этих. Спасибо, мам.

– Да чего там. Ладно, пойду. Я сегодня... – Порция откашлялась, чтобы скрыть дрожь в голосе, – сегодня вернусь поздно и надеюсь найти тебя спящим в постели. Ты понял?

Она наклонилась, поцеловала его, сжимая кулаки, чтобы не выдать пробиравший её озноб.

– Я тебя очень люблю. Ты ведь знаешь?

Уже повернувшийся к экрану Альберт ответил с набитым курятиной ртом:

– Я тебя тоже. Я тоже. О, смотри! Уже от кого-то почта пришла. Видишь, ещё и с довеском – «И я ненавижу Коттера». Интересно, что там.

Альберт дважды щёлкнул мышью. Экран мгновенно опустел.

– Что за херня?

Ярко-красный текст ленточкой зазмеился по экрану.

ТЫ ХОЧЕШЬ ДУЭЛИ? ТЫ её ПОЛУЧИЛ. ВСЕ ТВОИ ФАЙЛЫ ЗАРАЖЕНЫ. ПРОЩАЙ.

– Нет... нет! – Альберт выключил и снова включил компьютер.

– Что случилось, милый?

– Это он, он! Послал мне долбаный вирус! Поверить не могу. Вся система уничтожена. О господи!

– Но он же не мог...

– Должно быть, он ведёт постоянный поиск. Обнаружил австралийский сайт и понял, что это я. Дьявол!

– Ладно, Альберт. Успокойся.

– Ничего, лэптоп у меня всё ещё есть. В него он не влезет. Начну сначала. Ещё и получите сделаю. Пойду с ним в кибер-кафе. Это только начало, мать его! В Сети все равны.

– Альберт...

– Не могу разговаривать, мам. Работать надо. Закрыв дверь сына, Порция медленно прошла на кухню. Вся страшная правда обрушилась на неё. Эшли и Руфус Кейд. Могла бы и раньше догадаться, хоть была бы настороже. Эшли и Руфус Кейд. А Гордон следующий.

Из люка в стене, соединяющего кухню со столовой, доносился странный шумок – будто фермер ворошил вилами сено. Гордон сидел за обеденным столом, роясь в грудe факсов. Порция подумала, что никогда не видела его таким оживлённым и энергичным. И предпочитала не вспоминать о страхе, который по временам замечала в его глазах.

«Мы будем бороться, пока не очистим имя моего мужа от грязи».

Сколько раз за свою жизнь она слышала эти слова от жён Эйткина, Гамильтона, Арчера, Клинтона, Никсона и других людей, несчётных, пытавшихся выпутаться из скандала, между тем как жены их «стояли плечом к плечу рядом с ними»?

Она знала, что Гордон – не плохой человек. Он, как и большинство мужчин, по-детски жаждал быть любимым, по-мальчишески отчаянно норовил доказать свою значительность. Порция могла вообразить его совершающим множество недостойных поступков, причём по множеству достойных причин. Он потратил большую часть жизни на попытки как-то «зацепиться». Второсортный муж, проживающий

доходы жены, которая вышла за него из жалости, из-за того, что впала в отчаяние. В начале их супружества они целиком зависели от денег Хиллари. Порция была блестящей студенткой, работала над докторской диссертацией, впереди у неё маячила перспектива университетской карьеры, а Гордон – американцем-аутсайдером, так толком и не сумевшим приладиться к здешней жизни. Десять лет пустых обещаний, которыми кормили его друзья, нанесли его гордости тяжёлый урон.

– Я сейчас вроде как финансовый советник.

На самом-то деле он вёл комиссионную торговлю закладными. По мнению Порции, лучше уж было продавать оконные рамы или травяные настойки.

– Подвернулась возможность получить привилегированный контракт. Пока приглядываюсь. Очень внимательно. – Это Гордон подумывал, не открыть ли ему кофейню на американский манер.

– Ну, как вам сказать. Бизнес-консультации.

И тоже пустой номер.

– Посредничество, мягкий товар. – Продажа кофейных фьючерсов, с использованием того немногочисленного, что осталось после смерти Хиллари. И тут он тоже прогорел.

И наконец, последний бросок. Собственно, идею подала Порция, хотя Гордон старался об этом не вспоминать. Она услышала по радио передачу о резком падении цен на чай и кофе – давней теме его нытья.

– Дорогой, я знаю, такое падение цен обходится тебе очень дорого. Но как насчёт сборщиков?

– Ну, им, наверное тоже не сладко приходится.

– Уверена, на Западе многие готовы платить за чай и кофе немного больше, если сочтут, что помогают этим третьему миру.

– Отличная мысль, мам!

– Да, вроде бы смысла она не лишена.

– Порш, тут всё работает немного иначе...

– А как, пап?

– Помню, – продолжала Порция, – Питер заставлял нас покупать никарагуанский кофе. Чтобы поддержать революцию и показать нос Америке. Его продавали повсюду. В книжном магазине «Коллегс»⁷⁹, в лавках здоровья – в такого рода местах. Была реклама в «Нью стейтсмен». А Питер даже вывесил рекламные плакаты в хэмпстедской библиотеке.

– Конечно, в теории-то оно хорошо...

– А почему ты всегда зовёшь деда Питером?

– Правда? Все-таки об этом стоит подумать, тебе не кажется, Гордон?

И наконец-то он кое-чего достиг. Успеха на собственных условиях.

Порция просунула голову в люк:

– Гордон, мне придётся уйти на час-другой. Тебе ничего не нужно?

– Всё хорошо, Порция. Всё хорошо. Из Африки, Южной Америки, Индонезии поступила куча сведений в мою пользу. Выглядят просто отлично.

Порция улыбнулась и подняла вверх оба больших пальца. Она давно уже думала, что в столовых, которыми редко пользуются,

79. Магазин в Лондоне, специализировавшийся на продаже советских книг и левых английских изданий

воцаряется меланхолическая атмосфера заброшенности. Гордон и раньше раскладывал документы на этом столе, и никогда ничего путного не получалось. Запах мебельной полировки и свечного воска напоминал Порции о смерти. Мухи засахаривались и умирали, надолго сохраняясь в носике полупустого графина с портвейном, паутина окутывала на каминной доске высушенные цветы и еловые шишки. Порция помнила зеркало над буфетом затянутым в чёрную ткань. Питер, Альберт и Гордон, все в изодранных шейных платках, отсидели неделю, оплакивая Хиллари, на низких деревянных скамеечках, – у Альберта было такое торжественное, такое белое лицо, что ей хотелось покрыть его поцелуями, крепко прижать к себе. Питер провёл эти семь дней, скорбя о жене, а возможно, и об атеизме единственной дочери, о её презрении к ритуалам. Столовые не оставляют надежд. Ровно никаких.

Утро Саймон потратил на разговоры по телефону. Теперь он просматривал в электронном ежедневнике список намеченных на сегодня дел.

Письмо в колледж Сент-Марк **ok**

Джон **ok**

Флойд **ok**

Дрейперы **ok**

Агенты по недвижимости **ok**

М'бинда **ok**

(отель?) **ok**

Альберт **ok**

Акции КЭ **ok**

ДМ **ok**

Ну что ж, действует он достаточно проворно, успевает следить за всем. Сегодня он думал покинуть офис пораньше, отправиться в «Лордз»⁸⁰ и попрактиковаться в крикете. Но, пока он просматривал список, какая-то часть его сознания нашёптывала страшное слово «скучно». Скоро всё будет кончено. Саймон от души выругал себя по-русски. Потом по-шведски. Человеку его способностей скучно быть не может. Сама эта идея нелепа. Он может стать кем только захочет. Писателем. Изобретателем. Переводчиком. Государственным деятелем. Диктором. Филантропом. Коллекционером. Прожигателем жизни. Если ему никогда не было скучно в маленькой больничной палате на далёком острове посреди Каттегата, как может он заскучать, когда весь мир лежит перед ним, точно площадка для игр?

На столе зазвонил телефон, Саймон нажал кнопку.

– М-м?

– Простите, Саймон. Я знаю, вы просили вас не беспокоить. Однако тут женщина. Говорит, вы наверняка захотите её увидеть. Я бы её и слушать не стала, но она – мать Альберта. Не знаю, может быть...

– Минуту.

Он опять нажал кнопку. Планы его были всеобъемлющи и абсолютны, саму основу их составляли полностью продуманные поступки.

80. Крикетный стадион в Лондоне, принадлежащий Марилебонскому крикетному клубу

Этого визита он не ожидал, но, естественно, возможность его учитывал. Что ж, он готов.

– Очень хорошо, Лили. Пусть войдёт. Саймон поднялся из-за стола и, обойдя его, направился к креслам для посетителей.

– Миссис Фендеман, входите. Кофе? Нет, разумеется, нет. Извините, с моей стороны это... возможно, воды? Фруктового сока?

– стакан воды был бы в самый раз.

– Вы не могли бы, Лили? Спасибо. Пожалуйста, миссис Фендеман, присаживайтесь. И расскажите, чем могу быть вам полезен.

Порция села. Ей было трудно поднять голову и взглянуть ему в глаза.

– Думаю, вы знаете – чем, мистер Коттер. Вы можете оставить в покое мою семью.

Саймон опустил в кресло напротив.

– О боже, – произнёс он. – Всё это так сложно. Прежде чем вы скажете что-нибудь ещё, позвольте заверить вас, что у меня нет ни малейшего желания вредить вашему сыну. Он очень милый, интеллигентный мальчик. Вы можете им гордиться.

– Я и горжусь. Для этого мне вашего одобрения не требуется.

– Разумеется, нет.

– Я заметила, – продолжила Порция, – вы не сказали, что не желаете вредить моему мужу.

– Миссис Фендеман, важно, чтобы вы постарались понять, насколько сложны отношения, существующие между владельцем газеты и её редакционной коллегией.

– Ох, ну не надо...

– А, спасибо, Лили. Очень мило. Теперь уж точно никаких звонков, хорошо? Вот и лапушка.

Саймон смотрел, как Порция наливает воду в стакан. Она взглянула на него с печальной улыбкой.

– Если бы я ничего не знала ещё до прихода к вам, то поняла бы сейчас, – сказала она.

– Простите?

– Эта привычка подёргивать вверх-вниз коленом. Я ещё могу различить в вас того, кем вы были когда-то. Растерянного юношу.

Саймон встал. Глубоко вздохнул.

– Ах, Порция, – произнёс он. – Порция. Я и сказать тебе не могу, что...

И он принялся мерить шагами кабинет.

– Я был на лекции, которую ты читала в прошлом апреле. Смотрел с улицы, как ты ходишь по своей кухне. Всё тот же дом на Плау-лейн. Я читал твои книги. Видел твой свет в глазах Альберта. Но увидеть тебя здесь... Это так...

– В глазах Альберта нет света. Больше нет. Ты его загасил.

Однако Саймон не собирался сворачивать на предложенный Порцией путь.

– Речь, я полагаю, о его сайте, не так ли? Я заходил туда. Альберт снабдил меня светлыми волосами. Зрелище довольно пугающее. Тогда ты всё и поняла, верно? Или давно уже знала?

– Честно говоря, не уверена. Я видела тебя только по телевизору и в журналах. Что-то такое шевелилось в сознании. Недоверие. Тревога, быть может...

– Недоверие? – Саймон снова уселся напротив неё. – Как можешь ты говорить о недоверии?

– Ну, некое неуютное чувство. Пожалуй, что и недоверие. Прошу тебя, Нед. Я не хочу говорить ни о чем, кроме моей семьи. Моего сына.

– Он должен был стать моим сыном!

– Но не стал. Половина в нём от Гордона, половина от меня. От тебя ничего.

– Я знаю. Знаю. Я думал... мне приходило в голову... быть может, ты солгала насчёт его возраста. Быть может, он в действительности на два года старше. Быть может, он был зачат...

– Вот и опять колени запрыгали.

Саймон встал.

– Я понимаю, он сын Гордона. Но и ты должна понять, – он снова начал расхаживать, – что со мной произошло. Что они со мной сделали.

– Эшли, Гордон и Руфус. Я знаю, что они сделали.

– Знаешь? Откуда ты можешь знать? Нет ни малейшей возможности.

– Гордон мне рассказал.

Саймон остановился, повернулся.

– Рассказал? – Ходьба возобновилась. – Да. Ясно. Он тебе рассказал. Наверное, в этом есть смысл. Ты поняла, кто я, сообщила ему.

Он признался во всем и послал тебя ко мне. В этом есть смысл.

– Вы, может быть, разбираетесь очень во многом, мистер Коттер...

– Порция, прошу тебя. Ты же знаешь моё имя. Вот и пользуйся им.

– Вы, может быть, разбираетесь очень во многом, мистер Коттер, – упрямо повторила Порция, – говорите на многих языках, управляете множеством предприятий, контролируете множество жизней, но о людях вы не знаете ничего. Гордон рассказал мне всё много лет назад. Много лет. Примерно в то время, когда родился Альберт. Мысль о случившемся разъедала его мозг, точно опухоль. Он наблюдал, как я день за днём хожу в больницу, чтобы разговаривать с вашим отцом, и признавал, что ответственность за всё это лежит на нём. И страдал. Он, знаете ли, любил меня. И никогда не прекращал попыток найти вас. Я сдалась задолго до него.

– Что ж, это, определённо, был умный способ завоевать тебя. В уме его я никогда не сомневался.

– А стоило бы, ума у него не много. Доброе сердце и никаких мозгов. Посмотрите, в какую беду он попал.

– В беду? Ты посмотри лучше, в какую беду попало то африканское племя. Доброе сердце!

– Ох, ради всего святого. Вы что, собираетесь открыть здесь дискуссию о моральной ответственности? Почему мы должны относиться к африканцам, как к детям? Когда они сами себе причиняют вред, разве это неизменно наша вина? Разве Гордон вёл себя хуже правительства, которое, собственно, всё и устроило? Хуже, потому что он белый и должен «понимать, что к чему» яснее, чем бедные, беспомощные негрятки? Да, он поступил дурно. Как и мы поступаем дурно всякий раз, когда покупаем куклу, изготовленную детьми, работающими на предприятиях с потогонной системой. Добрые, достойные, благородные, либерально настроенные мужчины и женщины помещивали некогда сахар в своих чашечках с кофе, прекрасно сознавая, что кофе этот собран рабами. Мы носим кожаные туфли, и в один прекрасный день это вдруг признается верхом безнравственности. Мы покупаем то да се, мы живём в этом мире, мы все соучастники, все варимся в одной нравственной каше. Ради любви к Господу, как можете вы быть таким высокомерным? Неужели нельзя хоть на миг посочувствовать человеку, тонущему в трясине?

– Которую создал он сам.

– Так ведь это делает происходящее ещё более достойным жалости. Не будь в этом его вины, он, подобно вам, купался бы в роскоши возвышенного гнева. Когда судьба швыряет в нас кирпичами, это не так уж и тяжело. Когда же мы сами швыряем их, а они возвращаются и бьют нас, это уже безнадежно. Это его вина, поэтому он... он пытается притворяться... Видели бы вы его... он так растерян. Так абсолютно беспомощен. – Порция разозлилась на себя, услышав, как дрожит её голос, и осознав, что на глазах у неё закипают слезы.

– Мне жаль, Порция. Правда, жаль.

– Да не нужна мне ваша жалость, мне нужно обещание. Думаю, репутацию Гордона теперь уже не спасти, но Альберт... Оставьте его в покое. Ради Бога, оставьте его в покое.

– Он первым полез в драку. – Теперь Саймон стоял напротив Порции, прислонясь к стене. – Если я хорошо его изучил, он сейчас сидит с ноутбуком в каком-нибудь кибер-кафе, используя псевдонимы и не принимая, из страха перед новыми вирусами, никакой почты. Это поединок интеллектов.

– Он ребёнок. Отпустите его.

Саймон вспомнил о написанном утром письме в Оксфорд. Письме, получив которое, колледж наверняка откажется принять Альберта.

– Прости, Порция, – сказал он. – Машина уже запущена.

Порция взглянула на стену над его головой.

– И всё это, на самом-то деле, полностью продуманные поступки.

– Когда-нибудь ты поймёшь.

– Не стану притворяться, будто мне известно все, что с вами отучилось. Но результат я вижу ясно. Возможно, вам стоит поблагодарить Гордона. Вы обладаете почти безграничным богатством и умом, который, как все твердят, поражает широтой, обилием знаний и мощью. Похоже, у вас есть все, чего жаждет мир.

– Но нет тебя, Порция. Тебя у меня нет. Нет детей от тебя. Нет истории нашей семьи, нет молодости.

– Вы знаете, как отреагировал бы Нед, что бы с ним ни сотворили? Скажем, если бы Гордон в припадке ярости отсек ему руку? Нед покраснел бы и, заикаясь, сказал: «Господи, всё правильно. В общем-то я сам виноват. Прошу вас, не волнуйтесь. Мне страшно жаль». Вот чем ответил бы Нед на любую выпавшую ему беду. Ослепительной улыбкой и смущённым шарканьем.

– Я – Нед, и таков мой ответ.

– Я не знаю, кто вы, мистер Коттер, но могу с полной уверенностью сказать, что вы никак уж не Нед Маддстоун. Я, видите ли, хорошо его знала.

– Ты поймёшь. Очень скоро. – Саймон шагнул к ней. – Я не несу ответственности за происходящее. Скоро всё закончится и ты всё узнаешь. У нас будет время поговорить, повспоминать. Ты увидишь, что я – всего лишь орудие. Орудие Божие.

Порция, уже стоявшая в дверях, содрогнулась.

– Милосердное небо, – прошептала она. – Несчастный вы человек. Как мне вас жалко!

Оставшись в одиночестве, Саймон какое-то время простоял в задумчивости. Потом вызвал по внутреннему телефону Лили.

– Те письма, что я вам дал. Их ведь ещё не отправили?

– Пока здесь, Саймон.

– Принесите, хорошо? Вот и чудно.

Он обнаружил, что всё ещё не может сидеть без того, чтобы колени его не ходили ходуном, и потому перечитал письмо в колледж Сент-Марк, прислонясь к стене у окна. Потом положил письмо на стол, улыбнулся. С этим можно и подождать.

5. Кода

Последнюю четверть часа Альберт и Порция просидели на кухне – каждый ощущал оставленный Гордоном запах страха, но заговаривать о нём первым никто не спешил. Гордон ушёл в половине девятого, на заседание правления.

– Да не сидите вы, как на похоронах, – весело сказал он, запихивая бумаги в портфель.

Мать и сын гордились лицемерием друг друга. Альберт и вообразить-то не мог, что Порция способна произнести: «Разорви их в клочки, тигр!» – а она не представляла себе, что наступит день, когда Альберт хлопнет отца по плечу и скажет: «Молодцом, пап!»

Гордон вышел, быстро кивнув на прощанье, – как бы показывая, что день нынче самый обычный. В обычный день, как хорошо было известно и Порции, и Альберту, он, расцеловав обоих, сказал бы: «Пора пометать немного бисера перед свиньями» или «Пожелайте мне удачи», а то и «Фух! Ещё один дерьмовый день ждёт нашего героя».

И пока в их чашках остывал кофе, пока за дверью кухни горестно подвывал, просясь его впустить, Ява. Порция рассказала Альберту все, что знала о Неде Маддстоуне.

– Почему же ты мне раньше-то не говорила? – спросил Альберт. – И почему папа ничего не сказал?

– Наверное, следовало бы. Это не казалось нам... необходимым. Впрочем, папа не знает, что Нед вернулся. Да и откуда ему знать? Я сама поняла всё только вчера. Никому из нас не известно, что произошло с Недом после его исчезновения. Думаю, мы этого никогда не узнаем. Но твой отец много лет ужасно переживал из-за него. Возможно, переживает и сейчас. Мы с ним об этом не разговариваем.

– Ты... ты по-прежнему любишь Неда?

– Я очень люблю твоего отца. И тебя.

– И деда.

– И деда, конечно. – И Яву?

– Уж тем более Яву.

Оба рассмеялись. Порция погладила Альберта по руке – в знак признательности за то, что он снял бремя с её плеч, – и он сжал в ответ её ладонь.

Теперь он сидел, открыв лэптоп, у себя в спальне, с Явой на коленях, всё старавшимся врезать как следует мышцы, и ждал электронной почты. Мать не ответила на его вопрос, поэтому Альберт решил, что она всё ещё любит Саймона, Неда... как бы того ни звали.

Компьютер пропел мелодию, Альберт подскочил на стуле, и Ява сердито спрыгнул с его коленей. В ящике входящей корреспонденции появилось письмо.

Simon Cotter Re: Ned

Приложения не было. Сейчас Альберта не заботила даже возможность того, что Коттер научился посылать вирусы обычной почтой. Он открыл письмо.

10/10/00 09:20 утра, Альберт Фендеман, aef@anon.anon.anon.co.tm написал:

Дорогой м-р Коттер

] Моя мать всё мне объяснила, однако она не знает, что я пишу

] Вам.

]

] Я очень сожалею о страданиях, которые в прошлом причинил

] Вам мой отец.
]
] Я понимаю, почему Вы делаете то, что Вы делаете, и обещаю
] отныне оставить Вас в покое.
]
] Спасибо за ценный опыт, который я приобрёл, работая у Вас.
] Надеюсь, у Вас и у Вашей компании всё идёт хорошо.
]
] Прошу Вас, не прекращайте той достойной работы, которую Вы
] осуществляете в области этической торговли.
]
] Ваш]
] Альберт Фендеман

Альберт,

Спасибо за письмо. Запустите компьютер. Не обращайте внимания на то, что экран пуст. Нажмите Alt-Control-Shift-N, подождите несколько секунд, а затем нажмите Shift-Delete. После запроса пароля введите «Babe» (с заглавной B). Вы обнаружите все Ваши файлы нетронутыми.

Желаю Вам приятно провести время в Оксфорде. Если когда-нибудь в будущем Вам придётся искать работу. Вы знаете, куда обратиться. Вас ожидает блестящая карьера. Не обманите ожиданий матери.

Ваш Саймон.

P.S. У Вас замечательный почтовый адрес. Мой указатель сообщает, что tm – это Туркменистан. Изячно.

Саймон Коттер, simoncotter@cotdotcom.com

Любые мнения, выраженные в отправленном по электронной почте письме, являются мнениями отдельного человека и не обязательно разделяются компанией. Данное письмо и любые переданные с ним файлы предназначены исключительно для использования указанным в письме получателем или организацией, которой оно адресовано. Письмо может содержать материалы, защищённые правом атторнея ⁸¹ не разглашать информацию, полученную от клиента. Если Вы не являетесь указанным в письме получателем или особой, ответственной за доставку письма указанному в нём получателю, Вам следует считать, что письмо получено Вами вследствие ошибки и что любое его использование строго запрещено. Если Вы получили это письмо по ошибке, пожалуйста, перенаправьте его по адресу housekeeping@cotdotcom.com.

Настоящее примечание подтверждает также, что, хотя это почтовое сообщение было очищено от компьютерных вирусов, его получатель несёт единоличную ответственность за проверку того обстоятельства, что письмо и его содержимое были проверены и приняты его собственными антивирусными системами.

81. Поверенный, доверенное лицо – юридический термин

Саймон закрыл лэптоп и аккуратно уложил его рядом с собой на сиденье.

– Подождите меня, Джон, – сказал он, открывая дверцу машины. – Я ненадолго.

– Хорошо, сэр.

Выйдя из машины, Саймон оглядел высокое здание на другой стороне улицы. Он прошёл сквозь целую батарею камер, не глядя в их объективы и не избегая их.

За полчаса до него примерно так же смотрел на это здание Гордон Фендеман. Он совершил ошибку, постаравшись прикрыть, проходя через строй прессы, лицо кейсом, что лишь придало ему вид виноватый и нелепый.

Из дома Гордон вышел с ощущением в желудке, которого не испытывал уже лет двадцать – с той поры, когда в ужасе ожидал появления полиции с новостями о Неде Маддстоуне и ордером на арест. Жена и сын не одурачили его за завтраком своей показной шутливостью и весёлым похлопыванием по плечу. Он видел, яснее ясного, страх в их глазах. Они ему не верили. И не верили вдвойне. Во-первых, они считали его виновным в безобразной измене этическим принципам, а во-вторых, не верили, будто его хватит на то, чтобы довести дело до победного конца. Он читал это неверие в лице Порции. «Только постарайся, чтобы не получилось ещё хуже, Гордон. Постарайся, чтобы не получилось хуже».

Презрение – вот что они испытывали к нему. Как будто на лбу его было крупными буквами написано: НЕУДАЧНИК «Посмотрите на меня, я шмук! – хотелось ему крикнуть людям, поднимавшимся вместе с ним в лифте. – Кусок дерьма! Смейтесь надо мной, что же вы не смеётесь? Не стесняйтесь. Остальные-то смеются!»

В растрёпанных чувствах Гордон и поныне, о чем бы он ни думал, прибегал к американским оборотам. Это помогало ему ощущать себя человеком более целостным. Возможно... возможно, если бы его родители не умерли так рано, он и добился бы успеха. В конце концов, какое уж такое образование получил он в этом хэмпстедском сумасшедшем доме? Черт бы его подрал, этот дом, и ведь он так в нём и живёт. В этом тёмном, ужасном доме. Ему следовало ещё годы назад воспользоваться своим паспортом и перебраться вместе с Порцией и Альбертом в Штаты. На деньги, которые можно было выручить за домину на Плау-лейн, ничего не стоило купить жилье где-нибудь в штате Нью-Йорк. В той же Итаке. Альби вырос бы американцем. Порция могла получить место в университете, да и сам он там уж чего-нибудь да добился бы. Американцы не взирают на тебя со здешним снобизмом. Вся эта вынесенная из частных школ вежливость была для него всё равно что нож под ребра. Бормочут «Боже, мне так жаль», да ещё с этой их самоуничижительной улыбочкой, ах-ах! Самоуничижение, чтоб мне задницу оторвало! А то они не знают, кто босс, кто свой, а кто чужой. Конечно, жена и сын любят его. Но что это за любовь, если они смотрят на тебя, как на раненого оленя? Слишком напуганного, чтобы сказать ему, что они думают, потому что думают-то они, что ты слишком напуган, чтобы их выслушать. Это не любовь, а оскорбление. Самое что ни на есть оскорбление!

Он их тоже любил, он знал это. Он хотел обеспечить их, защитить, хотел, чтобы они любили его, чтобы обожали, но ведь ему не дали ни единого шанса. Никто ни разу не спросил у него совета даже по самому простому вопросу. Те же являвшиеся в дом водопроводчики и электрики. Они неизменно просили Порцию показать им, где тут подвод питания, где запорный кран или ещё какая-нибудь дрянь. Теперь просят Альби. Точно инстинктом каким обладают. Он может стоять рядом, посреди комнаты – хозяин дома, глава семьи, – но разве у него спросят, что ему больше нравится, пластик или фанера? Господи, от него, наверное, за милую разит неудачником. Собственный его сын в семнадцать лет зарабатывал больше, чем он когда-либо в своей жизни. А всё эта гнусная жопа, Саймон Коттер. Этого унижения Гордон до конца своих дней не забудет.

На сорок третьем этаже его поджидали члены правления, с обычными их сердечными шуточками и лживой любезностью. Первис Аллоуэй выступил вперёд и пожал ему руку, одновременно – верный признак близящегося предательства – положив другую на плечо.

– Возможно, самое лучшее, господин председатель (как они любят официальные титулы!), если заседание буду вести я, тем более что посвящено оно главным образом... ну, вы понимаете...

– Хорошо, хорошо... – Гордон решил обойтись без обычных вежливых экивоков. – Я и сам хотел предложить это.

– Тогда приступим?

Гордон, отдуваясь, чувствуя, как пот льёт по лицу, подошёл к противоположному от Аллоуэя концу стола. Открыв кейс, он разложил перед собой несколько стопок документов. Наступило смущённое молчание, и Гордон сообразил, что с количеством бумаг он перестарался. Только спятившие сутяги да панические фанатики от здравоохранения таскают с собой столько документов, подумал он. Гордон чувствовал, как из всех пор его лица лезут наружу капельки пота, что дышит он так, словно взбирался сюда не на лифте, а пешком. Он покраснел и сел, а тем временем Аллоуэй, откашлявшись, приступил к делу.

– Джентльмены, я открываю наше чрезвычайное заседание. Согласно статье девятой, мы вправе оставить мелкие вопросы в стороне и перейти к главному пункту повестки дня, очерченной в лежащих перед вами бумагах. Я обещал сделать в полдень заявление для прессы, что, полагаю, даёт нам время рассмотреть вопрос, э-э, всесторонне. Не желает ли кто-нибудь сказать несколько вступительных слов, прежде чем мы выслушаем мистера Фендемана?

Все были мягки, тактичны и добры. Никто не имел ни малейшего намерения бросить хотя бы подобие тени сомнения на честность Гордона. Несколько членов правления отпустили – кто иронические, а кто и язвительные – замечания в адрес британской прессы и присущего ей чувства ответственности.

Сюзи, секретарша Гордона, сидела слева от Аллоуэя и стенографировала всю эту чушь.

– Я не уверен даже, господин исполняющий обязанности председателя, – заявил один из членов правления, – что у «Лондон ивнинг пресс» имеется в Африке собственный корреспондент.

– Совершенно верно! – энергично встрял Гордон. – У меня есть друг, работающий в Найроби, во Всемирной службе «Би-би-си», так он свидетельствует, что никогда ни единый представитель британской прессы... – Гордон умолк, сообразив, что никто не предоставлял ему слова. – Ладно, полагаю, мы об этом ещё поговорим.

Нашлись и такие, кто пожелал напомнить правлению, что именно широта взглядов Гордона Фендемана, именно присущее Гордону Фендеману чувство справедливости, именно идеализм Гордона Фендемана и его отвага, прежде всего, и позволили создать этот бизнес. Начав с нуля, он построил компанию, сделав её сначала уважаемым поставщиком кофе, а там и одной из главных фигур, определяющих цены на рынке. Марка компании известна повсюду. Вопрос же относительно его обращения с акциями, тем более с акциями – тут есть своя ирония, не правда ли? – «Лондон ивнинг пресс», данного правления не касается. Если Гордону необходимо время, чтобы разобраться со своими хулителями, возможно, он мог бы временно уйти в отставку? Данный член правления хотел бы подчеркнуть слово «временно», потребовав занести его в протокол и, на чем он в особенности настаивает, включить в заявление для прессы. Когда Гордон очистит своё имя – а никто из присутствующих не сомневается, что так оно и будет, – он сможет, чему все лишь обрадуются, вернуться в кресло председателя. Как бы собравшиеся джентльмены отнеслись к такому плану?

Восклицания «слушайте, слушайте!» и хлопанье папками по столу последовали столь быстро, что Гордон мгновенно понял – это компромиссное решение уже принято за его спиной.

– Прежде чем мы проголосуем это... – начал Первис Аллоуэй. (Гордон проглотил слюну и набрал в грудь воздуха, чтобы приступить к произнесению своей выдающейся речи.) – Я хотел бы сообщить правлению об одном поступившем ко мне необычном запросе. Возможно, он несколько нестандартен, но, поскольку заседание у нас чрезвычайное, созванное в чрезвычайных обстоятельствах, возражений, я полагаю, не будет.

Все уставились на Первиса, и Гордон понял, что на сей раз удивление охватило не только его одного.

– Сегодня утром я получил письмо от дамы, остановившейся в отеле «Хаззлитс», – продолжал Аллоуэй. – её зовут принцесса М'бинда, и она утверждает, будто располагает сведениями, жизненно важными для сохранения доброго имени нашей компании. Она ждёт в моем кабинете. Я думаю, нам следует её выслушать.

Во рту у Гордона пересохло, и он, сознавая, что все лица обратились к нему, глотнул воды. Поставив стакан, Гордон поднял глаза и изобразил на лице изумление, вызванное тем, что на него направлено столько взглядов.

– Разумеется, – сказал он, – отчего же не выслушать? Пусть войдёт.

Аллоуэй нажал под столом кнопку председательского звонка, и двери зала заседания отворились.

Все присутствующие неуклюже поднялись на ноги, последним и самым неловким оказался Гордон.

– С добрым утром, ваше, э-э... с добрым утром, принцесса. – Аллоуэй был не совсем уверен в тонкостях протокола, к тому же его, как и остальных, застигла врасплох необычайная красота девушки, вошедшей в зал и робко прислонившейся спиной к стене.

В ней было шесть футов роста, и всё её тело обвивала яркая зелено-красно-жёлтая ткань. Члены правления вдруг с неловким чувством сообразили, что фотографии, развешанные по стенам зала, изображают очень похожих на неё, во весь рот улыбающихся в объектив девушек в совершенно таких же одеждах, – девушек с полными кофейных зёрен корзинами на голове.

Аллоуэй, подойдя к стене, взялся за кресло и поставил его справа от себя, хоть и чуть дальше от стола.

– Прошу вас, мадам, будьте добры, присядьте.

Но девушка осталась стоять, раскинув руки и притиснув ладони к стене; большие глаза её не отрывались от окна. Аллоуэй всё сразу понял.

– Дело в высоте, моя дорогая? Вы хотите, чтобы мы задёрнули шторы?

Девушка кивнула, один из членов правления занялся шторами, другой включил свет. Напряжение немедленно покинуло тело принцессы, и она с большим изяществом опустилась в кресло. Глаза её встретились с глазами сидевшего на дальнем от неё конце стола Гордона и уже их не отпускали.

С того мгновения, как было названо её имя, дыхание Гордона становилось всё более частым, во рту пересохло так, что, казалось, всё там вот-вот растрескается, однако он понимал, что ещё раз глотнуть воды – значит проиграть психологическую схватку.

– Итак, – Аллоуэй заглянул в лежащее перед ним письмо, – вы утверждаете, что у вас имеется информация, жизненно важная для интересов компании. Возможно, вы будете настолько добры, что представите нам и сообщите, что это за информация?

– Я принцесса М'бинда из народа анкоза, – начала девушка. – Мы – горный народ. Мой отец, Б'голи, был нашим царём...

Она говорила, карандаш Сюзи порхал по странице, а мысли Гордона унеслись в Восточную Африку. Ему пришлось поехать туда, поскольку груз кофе, на который он потратил последние свои – вернее, Хиллари – деньги, оказался задержанным, как полагал Гордон, в порту. На деле, зерна хранились в другом месте и уже начали гнить. Это была его вина. Какую-то бумажку забыли послать из Лондона ещё восемь месяцев назад. Обычное его везение.

Когда всё наконец уладилось – ценой огромных затрат, – он познакомился в баре с человеком, рассказавшим ему об анкоза.

– Они там сами разбили плантации, на пустом: месте, и те только-только начинают плодоносить. Немного робусты, но всё больше арабика. Есть и зерна высшего качества, отборные. Отличный горный воздух, однако торговать кофе они ни хрена не умеют. Тащат его на базар, представляете? Чертовски хорошая для культуры земля, а пропадает впустую. Я пытаюсь заинтересовать нашу публику.

Что ж, Гордон добрался до племени первым, обаял вождя по имени Б'голи и уговорил назначить его эксклюзивным закупщиком кофе, рождаемого почвой этих округлых, сиреневатых гор. Затем поспешил вернуться в цивилизованные места, продал, потеряв жуткие деньги,

начальную партию, на оставшиеся деньги учредил собственную брокерскую контору и нанял юристов, дабы те превратили подписанное Б'голи соглашение в железобетонный договор. Б'голи договор должным образом подписал, и по городу пошли разговоры о появлении нового торговца. Недели через две после регистрации фирмы Гордона навестил человек из правительства.

– Бог ты мой! Неужели вы собираетесь вести дела с анкоза? Тут все знают, какие они продажные. Они вас надуют и обчистят. С другой стороны, мой народ, кобали, более чем надёжен. С ним иметь дело гораздо проще. Да и в правительстве сидят одни кобали. Насколько быстрее будет ваш кофе проходить через порт, насколько аккуратнее с ним станут обходиться, если вы будете работать только с кобали! Л при торговле с анкоза сомнительно, что до ваших складов доберётся хотя бы одно зерно. Нет-нет, друг мой. Куда лучше вести дела с нами. Пойдите, а это что? В договоре речь идёт не об анкоза... только о земле. Мой дорогой друг, так это же всё упрощает! Анкоза не владеют этой землёй. Нет-нет-нет. Уверю вас, не владеют. Я вам скажу, что мы сделаем. Мы возместим вам расходы на все дополнительные работы – сотни тысяч фунтов английских стерлингов – и поможем прогнать этих прохвостов анкоза с земли, которую они незаконно заняли.

Он не виноват. Не виноват. Это всё тот человек из бара. Не Гордон, так кто-нибудь другой, всё это так или иначе было неизбежно. Анкоза прогнали бы в любом случае. Он не виноват. Вот только М'бинда... Он захотел её, как только увидел. Попросил, чтобы её не увозили. Девочка безутешно плакала, когда её отца и прочих членов семьи пошвыряли, словно мешки с картошкой, в грузовик и повезли вниз, в долину. Да и изнасилования никакого не было. Она говорит – изнасилование, но это же ложь. Она была... ну, если и не податлива, то неуступчивости тоже никакой не проявляла. Ни то ни се. Безжизненная кукла. Её слово против его, вот в чем дело. И его слово против её. Пока же необходимо выглядеть удивлённым, разгневанным всем, что она говорит, как если бы очередное её обвинение вызвало у него очередное потрясение. Его немного тревожило присутствие Сюзи. Она ни разу на него не взглянула, но карандаш её всё летал, и чуть заметно двигались губы. Все слова принцессы переводились в питменовские иероглифы, которые Сюзи позже отпечатает в виде протокола заседания. Гордону хотелось вырвать у неё блокнот и разорвать его в клочья. М'бинда заканчивала, и никто уже на Гордона не глядел. Нет, неверно. Она глядела. Без отвращения, без мстительной ненависти. Просто глядела, спокойно и прямо, и от этого лёгкие Гордона сжимались в комок.

– Когда меня отпустили, я нашла мою семью в жестяных хибарах, в пыльной деревне у подножия гор. Пошли дожди, вода с гор затопила деревню, и пыль превратилась в грязь. Мать и двое моих братьев умерли от малярии. Отец и сестры – от холеры. Такова моя история. Мой отец, царь нашего народа, очень верил мистеру Фендеману, теперь же он мёртв, а мой народ голодает, гибнет от болезней, и сердца людей разбиты, потому что у них отняли дом.

Аллоуэй, наклонившись, погладил её по руке:

– Спасибо, ваше высочество. Правда, большое спасибо.

Гордон невольно закашлялся и попытался обратить кашель в смешок.

– Абсурд, – сбивчиво затараторил он, промокая лицо носовым платком, – я имею в виду – джентльмены, да что же это такое? – Он поглядел всем им в глаза, каждому по очереди. – Я думаю... я настаиваю, чтобы мне, наконец, предоставили слово. Во-первых, я должен сказать, что никогда в жизни не видел эту женщину.

Он прибёг к слову «женщина», поскольку понимал, и это пугало его, насколько юной она выглядит. Он знал, что все, восседающие за столом, уже произвели подсчёты и определили, что пять лет назад, когда Гордон находился в Африке, девушке было не больше тринадцати-четырнадцати лет.

– Во-вторых, то, что она говорит относительно договора с царём Б'голи, это хитроумная смесь полуправд. Да, речь в договоре шла о земле, не о народе. Но такова обычная практика. Вы всё это знаете. Она нарисовала чарующую картину наивной простоты и

возвышенного благородства, но нищета? Ну уж, извините. Эта леди прилетела из Африки и остановилась – где, вы сказали, Первис? – в «Уолдорфе». В отеле «Уолдорф», мать его, простите мне мой французский! Всем бы нам быть такими нищими, принцесса! И самое главное. Где доказательства? Или я должен быть осуждён на основе того, что рассказала одарённая актриса, способная играть на струнах сердец, в которых поселилось чувство вины? Господь всемогущий, я женатый человек. У меня семья. Где доказательства? Без них всё это не более чем болтовня.

– Вот тут я, пожалуй, могу вам помочь.

Юсе головы повернулись к дверям, от которых донеслись эти слова. В зал вошёл и с улыбкой встал за спиной М'бинда, положив руку на спинку её кресла, Саймон Коттер.

Гордон замигал, стряхивая заливающий глаза пот, попытался что-то сказать, но слова не шли из его горла.

Первис Аллоуэй вскочил на ноги.

– Я не знаю, кто вас впустил, – мистер Коттер, не так ли? – но здесь происходит закрытое заседание правления, и я должен попросить вас удалиться. Если вам угодно предложить нечто на наше рассмотрение, сделайте это официально, в письменной форме, и передайте ваше прошение председателю.

– Я не имею привычки, мистер Аллоуэй, – ровным тоном ответил Саймон, – подавать письменные прошения самому себе – официальные или какие-либо иные.

– Виноват?

– Сегодня в десять утра я стал главным держателем акций вашей компании, и, полагаю, это даёт мне полное право находиться здесь.

Члены правления зароптали, один из них потянулся к мобильному телефону. Аллоуэй хлопнул ладонью по столу:

– Джентльмены, прошу вас! – Он повернулся к Коттеру: – Это действительно так?

Саймон протянул ему листок бумаги:

– Вот регистрационная запись о сделке, только что переданная моим брокером. Если хотите, можете проверить её с помощью ваших служащих.

– Нет-нет. Тут, надо полагать, всё в порядке... По правде сказать, мистер Коттер, мы и понятия не имели о ваших намерениях относительно нашей компании. Вы пришли к нам в сложный момент.

– Я невольно подслушал, как защищался мистер Фендеман. Голос у него, если позволите так выразиться, зычный.

Лицо Гордона посерело, ему было трудно справиться с дыханием. Он чувствовал, что воротник пропитан потом, что холодные капли стекают из-под мышек до самых бёдер.

– Я сказал, что могу помочь вам, – продолжал Коттер, – и я могу. Позвольте мне перейти непосредственно к вопросу о доказательствах. Вот это, – он выложил на стол три листка, – данные под присягой письменные показания, которые, как легко видеть по печатям, должным образом заверены у нотариуса. Первое подтверждает получение мистером Фендеманом ста тысяч фунтов от правительства. Подписано человеком, предложившим взятку. Под вторым стоит подпись другого правительственного служащего, показавшего, что мистер Фендеман настоял, и это было частью сделки, чтобы при депортации народа анкоза тринадцатилетнюю принцессу М'бинда оставили ему. Третий аффидевит подписан двумя водителями и солдатом, все они видели, как мистер Фендеман тащил принцессу в хижину. Солдат, который, боюсь, был в то время совсем молодым человеком, подглядывал сквозь дырку в стене хижины и наблюдал изнасилование от начала и до конца. По первому требованию каждого из этих людей, если мистер Фендеман сочтёт нужным оспорить их показания, можно будет доставить в Объединённое Королевство.

Несмотря на колотье в груди и гул в ушах, Гордон всё же сумел выдать слово. Прозвучало оно хрипло, чуть громче шёпота, но каждый из присутствующих услышал его, а Сюзи так даже и записала.

– Почему? Саймон улыбнулся.

– Почему? Простое правосудие, мистер Фендеман. Простое правосудие.

Пот заливал глаза Гордона, но он, дёрнувшись так, что едва не порвал лёгкие, вдруг понял все. Он видел этого человека только раз, двадцать лет назад, но забыть так и не смог. Образ его вмещал в себя все, что было ненавистно Гордону и в Англии, и в нём самом.

– Это ты! – прокаркал он.

Теперь у него осталась всего одна мысль. Окно. Шторы задёрнуты, но если бежать достаточно быстро, плечом вперёд, он справится. Он вырвется на свободу и сделает то последнее, чем сможет гордиться Альби.

И он понёсся, как обезумевший бык. Он слышал летящие от стола крики: «Задержите его!» – и краешком глаза увидел, как испуганное лицо Сюзи поднялось наконец от блокнота.

Удар получился сильный, но удар этот отбросил его, точно мячик для сквоша, назад. Да и чего мог бы Гордон ждать от такого презренного, ни на что не годного мудака, как он, неудачника от начала и до конца? Упав на пол, Гордон почувствовал, что горло ему сжимает железная удавка, и тотчас дикая боль полыхнула, как молния, вдоль всей левой стороны его тела. Вот так двадцать лет назад умирал у него на глазах отец. Так же ревел он в агонии, так же хватался за горло. Сюзи, благослови её Бог, первой оказалась с ним рядом, ослабила галстук, приподняла голову. Остальные толпились за нею, а над спинами их маячило взиравшее на Гордона сверху вниз лицо.

– Нед, мать твою, Маддстоун, – выговорил он, умирая. – Будь ты проклят вовек.

Саймон покинул зал ещё до того, как из тела Гордона вырвался последний выдох. Время шло, дела подпирали. Необходимо посетить парикмахера, да ещё и проехать многие мили, прежде чем можно будет заснуть.

– Два! – прошептал он, тактично закрывая за собой дверь.

Оливера Дельфта послали в Найтсбридж на поиски хакера. Хакера надлежало не арестовывать, а склонить к сотрудничеству.

– Козима напала на его след и с тех пор следила за ним издали. Хороший браконьер, из которого может получиться ещё лучший лесничий, – сказал Оливеру Коттер. – Очень молодой, но абсолютно блестящий.

Оливеру никак не удавалось найти нужный дом. Номер 46, кафе-мороженое, наличествовал, номер 47, колледж, в котором иностранцам преподавали английский язык, тоже. А вот 46Б отсутствовал напрочь. Оливер стоял у дверей колледжа, пытаясь понять, что ему делать дальше. Неприятно было снова оказаться в положении человека, работа которого требует вечной беготни. Он охотно принял предложение Коттера, а следовало бы сообразить, что за всё приходится платить. На прежней работе выше Оливера не стоял никто. Платили там сущие гроши, бюрократические ограничения были удушающими. Но разве теперь он не попал в положение птички в позолоченной клетке?

Пока он стоял так, вглядываясь в дверной звонок, на плечо его легла сзади чья-то рука. Оливер резко опустил плечо, пытаясь повернуться, однако обладатель руки дело своё знал и это движение предвидел. Рука лишь сильнее сжала плечо.

– Вы поедете с нами, сэр. Микки, открой дверцу. Я зачитаю джентльмену его права.

Если это частный сектор, Оливер предпочёл бы не иметь с ним никакого дела. Двое усевшихся по бокам от него кривоносых страшил полицейскими, несмотря на их форменную одежду, пластмассовые наручники и напыщенные словеса, не были. В своё время Оливер знал кое-кого из подобной публики и сейчас готов был поспорить, что все сведения этой парочки о полицейских участках ограничиваются цветом кафельной плитки в камерах. Но он ощущал в них силу и жестокость и потому вступать с ними в препирательства

не хотел. Если они работают на того хакера, «КДК» грозит серьёзная опасность. Эта немчура, его предшественница, ни черта в своём деле не смыслила – все, с кем он сталкивался у Коттера, так ему и говорили. Она напоролась на что-то, чего не понимала. Тем не менее Дельфт доверял своей изобретательности и чуял, что в конечном итоге происходящее может обернуться ему во благо. Если Дельфт входит за вами в дверь, любил повторять он, то выходит из неё всегда первым.

Они ехали на север, все молчали. Водитель заинтересовал Оливера. Он заметил в зеркальце следящие за ним глаза этого человека. Лет шестидесяти, не лишённый чувства собственного достоинства, – не то что иеху на заднем сиденье. Вот он вполне мог быть копом. Вроде бы в нём чувствуется что-то знакомое? Да нет, навряд ли.

Машина свернула на подъездную дорожку сельского дома, и подобие дежа-вю снова кольнуло Оливера под ложечкой. Детство, каникулы? Происходящее становилось всё более странным.

Его провели в пустую кухню, велели сесть.

– И не двигаться.

– Трудновато сесть, не двигаясь.

Серьёзная ошибка. Здоровенный кулак врезался сзади в его шею. Оливер сел. Резкие удары сзади по шее, как и удары в нос, приводят к произвольному срабатыванию слёзных протоков. Оливер быстро поморгал и открыл глаза пошире, чтобы те не покраснели от слез. Ему вовсе не хотелось, чтобы его видели плачущим. Это уж было бы слишком смешно. Пока с него стягивали обувь и галстук, он глядел в потолок, раздувая ноздри и шмыгая носом, – так люди, бывает, смотрят на солнце, чтобы заставить себя чихнуть. Неужто эти идиоты воображают, будто он, Оливер Дельфт, из тех, кто способен повеситься? Да ещё когда всё становится таким интересным? Громилы вышли, заперев за собой дверь.

Слезы унялись, и Оливер огляделся вокруг. Плита «Ага» и холодильник. Может быть, всё же каникулы? Какой-то паршивый уик-энд много лет назад? Теперь он был уверен, что уже был здесь. Холодильник старенький, приземистый «Престколд». Судя по светлому участку стены за ним, он совсем недавно сменил другой, повыше и поуже. Очень странно.

На столе лежал номер «ЛИП». Сегодняшний утренний выпуск.

ШВЕЦИЯ: ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В АДСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ

Внимание Оливера привлёк не столько заголовок, сколько снимок под ним.

Малло!

Слава Иисусу, что он оставил службу! Бог да благословит Саймона Коттера! Похоже, вонь поднимется та ещё.

Заговорит ли Малло? Если ему пригрозят арестом, может и заговорить. Вот же козел – и всех-то достоинств в нём было, что строгое соблюдение правил. Дипломы по стенам, правительственные проверки, всё чинно-благородно. Что он ухитрился натворить, чтобы навлечь на себя гнев правительства Швеции?

Остался ли в его обитых мягким камерах кто-либо, способный привести расследование к департаменту Оливера? Ну, во-первых, там был этот идеалист из Портонна ⁸², учёный-химик – как его звали? – Майклз, Френсис Майклз. Был Бэйб Фрезер, если, конечно, он ещё жив, что вряд ли. Оливер видел Бэйба всего один раз, во время расследования по поводу денег, которые этот сукин сын прикарманил, – к тому времени легендарная личность свихнулась намертво, от мозгов остались рожки да ножки. Тогда-то Оливер и узнал об «Острове доктора

82. Городок в Англии, в котором находится военный микробиологический исследовательский центр

Малло». Нет, со стороны Бэйба опасности ожидать не приходилось. Ну и наконец, молодой Нед Маддстоун. Оливер помнил его как безмозглого слабака. Электрошок должен был давным-давно отправить его в страну умалишённых.

Сопровождающая снимок статья сообщала немного. Говорилось лишь, что условия в лечебнице были «средневековые» и что имеются свидетельства о физических и сексуальных злоупотреблениях. Ничего такого, что заслуживало бы первой страницы. Если всё это стряслось в Англии, Оливер ещё понял бы, почему такое сообщение попало в английскую газету, но чего ради докучать лондонцам рутинной ерундой подобного рода? Сексуальные злоупотребления, вот в чем дело, решил он. Эти слова позволят продать по всей стране миллионы экземпляров. Законопослушные граждане любят почитать о них за завтраком или в поезде. И поцокать в ужасе языком, между тем как в сокровенных глубинах их начинают шевелиться самые потаённые, самые тёмные фантазии.

– Простите, что заставил ждать. Надеюсь, вам здесь удобно. Я вижу, вы плакали, вот возьмите мой носовой платок.

– Саймон? – Оливер вытаращил глаза. Коттер был без очков. И волосы выкрасил в соломенный цвет. Хотя нет, избавился от краски.

Светлые волосы его пронизывала седина.

– Саймон? – переспросил Нед. – Не знаю такого. Приглядитесь получше.

Оливер пригляделся и понял, что смотрит в голубые глаза Неда Маддстоуна.

– Холодильник не в точности тот же, – заметил он наконец.

– Да, – сокрушённо признал Нед. – Но ничего более близкого я раздобыть не сумел. Думал, это поможет вам почувствовать себя как дома.

– О да, помогло, даже очень. – Держался Оливер замечательно. – А вам немало пришлось повозиться.

Нед обвёл кухню взглядом.

– Спасибо. Я всегда говорил, что хороший дизайн – это искусство изъятия, а не прибавления. Вы, полагаю, заметили, что, помимо холодильника, здесь нет других предметов обстановки, – причину этого вы вскоре узнаете. В общем-то этот старый дом особых изменений не претерпел. А, ну да, есть ещё «Ага». Всё та же, давняя. Да, «Ага», подумать только! Что бы мы без неё делали?

– Я, собственно, не о том. Я имел в виду Эшли Барсон-Гарленда, а теперь ещё и беднягу Гордона Фендемана. Мне следовало бы догадаться, какая между ними связь.

– Люди то и дело повторяют мне эти слова. Но не вините себя, дело-то давнее. Только, знаете, не стоит говорить «бедняга Гордон Фендеман». Он теперь счастлив. Отбыл в лучший мир.

– А вы прямо ангел отмщения, не так ли?

– Стараюсь, Оливер, стараюсь, как могу. Как вы скоро обнаружите.

– Значит, из «адской лечебницы в Швеции» вы всё же сбежали? – Оливер подбородком указал на газету.

– А, я так и думал, что это вас позабавит. На самом деле всё это глупости, номер отпечатан специально для вашего развлечения. Вам будет приятно узнать, что милейший доктор Малло всё ещё на месте. Только теперь он работает на меня. У меня имеются кое-какие документы, которые он предпочёл оставить известными только нам двоим. Как вы знаете, человек он весьма разумный. Любит называть себя рационалистом. Напыщенно, но довольно трогательно.

– Вам совершенно необходимо читать мне лекцию? Если в этом и состоит моё наказание, могу сообщить вам, что я замечательно умею отключаться.

– Мой добрый старый друг, неужели я читал вам лекцию? Как некрасиво с моей стороны. Позвольте предложить вам стакан молока. Нет? Тогда выпью я. Вы совершенно уверены? Ну ладно. Густое, свежее. Не пастеризованное и обезжиренное, как в прошлый раз. В конце концов, всякая аутентичность имеет пределы.

Оливер лихорадочно думал. С пластиковыми браслетами на запястьях ему не справиться. Он уже понял, кто вёл машину, – сержант Флойд из отдела по борьбе с наркотиками, которого он подкупил когда-то, чтобы тот помалкивал об аресте Неда. Кто такие двое других, он всё ещё не имел представления, однако одна малоприятная идея на этот счёт у него имелась.

– И как же вам удалось сбежать? Должен признаться, вы не произвели на меня впечатления человека, способного на это.

Нед присел за стол напротив Оливера.

– Думаю, вы знакомы с Бэйбом. Вы ведь состояли в команде, которая пыталась выбить из него сведения, когда обнаружилась пропажа денег.

– Стало быть, это мистер Память сложил для вас кусочки разрезной картинки? Ваших ограниченных способностей на это, полагаю, не хватило бы.

– Теперь его способности перешли ко мне.

– Ой, не думаю, старый вы шарлатан. Бэйб был человеком особенным.

– Что ж, – ответил Нед, не позволяя себе впасть в раздражение. – Хотя бы на этот счёт мы с вами придерживаемся единого мнения. Знаете, он помнил даже вашу мать. И это после того, как один только раз увидел её имя в деле. Дату рождения, все.

– Должно быть, он здорово обрадовался, когда в его руки попал чистый холст, – сказал Оливер. – Туповатый юнец, жадно рвущийся к знаниям. Он научил вас всем этим языкам. Напичкал азами философии и математики. Да и побег ваш, готов поспорить, тоже устроил он. Сами вы с этим не справились бы. Кишка тонка. И что же, мне следует ожидать, что он того и гляди войдёт в эту дверь? «Ага, изнеженный азиатский нефрит, вот сегодня я выпил бы!» Что-то в этом роде? Мой прежний начальник любил его изображать.

– Бэйб мёртв. Да, побег подготовил он. Да, он учил меня. Да, я был туповат. Но вы же не ожидали, что я куплюсь на столь очевидную уловку.

– Ну ещё бы, наш герой выше этого, не так ли? Растратил страсти все. И кто же вы теперь? Немезида? Молот Господень? Ледяная Рука Судьбы?

– Да что-то в этом роде, – ответил Нед. – У вас будет куча времени, чтобы решить, что я собой представляю. Вы сможете также поразмыслить над тем, что собой представляете вы. Впереди у вас годы и годы. К тому же рядом с вами будут Мартин, Пауль, Рольф, добрый доктор Малло, они помогут вам прийти к решению. Наилучший из возможных уход. Больше, боюсь, вы никого не увидите. Персонал невелик, но, поскольку вы будете единственным пациентом, я уверен, вам не покажется, что обслуживают вас плохо.

– Да что вы...

– Вот путешествие может оказаться болезненным. Впрочем, не более болезненным, чем моё. Мой водитель, Джон, парочка его друзей, братьев Дрейпер, и бывший суперинтендант Флойд отвезут вас за море. Джон, водитель, – вы его знали как мистера Гейна, он немного растолстел, но присущего ему обаяния не утратил – выломает вам плечо, будет довольно больно. А поскольку это дурно скажется на плавности вашей походки, Рольф сломает и второе.

– Вы сумасшедший.

– Если я сумасшедший, то и вы тоже. С вами не произойдёт ничего такого, что не происходило со мной. Но вы человек взрослый. А я был испуганным ребёнком.

– Моя семья! У меня есть семья. Вы сидели за одним столом с моими детьми!

– И у меня была семья, Оливер. И у Фендемана. Когда вы попросили меня надиктовать на магнитофон имя Питера Фендемана, вы думали о семье Порции?

– Но с её отцом всё в порядке. Его выпустили через неделю. При аресте спецназ вёл себя немного грубо, однако вскоре его

освободили. Он и сейчас жив, не так ли? Он счастлив. И подумайте... – Оливер уже цеплялся за соломинку, – подумайте, почему он назвал дочь Порцией? Помните Порцию из «Венецианского купца»? «Не действует по принуждению милость; как тёплый дождь она спадает с неба на землю и вдвойне благословенна: тем, кто даёт и кто берет ею»⁸³.

– Нет, это просто замечательно, что вы вспомнили о шекспировской Порции! Счастливое совпадение – я как раз собирался сказать ещё об одной возможности, которая будет вам предоставлена, если вы действительно не хотите остаться до конца ваших дней гостем доктора Малло.

– Да? И что же? Что это?

– У Шекспира – на случай, если вы запомнили, – есть две Порции. Одна, как вы только что совершенно справедливо отметили, в «Венецианском купце». Но вы забыли упомянуть о другой. О Порции из «Юлия Цезаря».

У Оливера кружилась голова.

– Не понимаю.

– Она, если помните, предпочла покончить с собой, проглотив горящие угли. В детстве это всегда вызывало у меня острый интерес. Как это возможно? Так вот, эта плита, «Ага», старой конструкции. Работает на твёрдом топливе. Боюсь, других средств, позволяющих лишиться себя жизни, в этой комнате не имеется. Я всё основательно проверил, а мне ведь известно, как меблируют комнаты, чтобы предотвратить самоубийство. Пол и стены обиты резиной, ничего металлического, каменного или деревянного здесь нет. Вы можете, конечно, побиться головой об холодильник, но сомневаюсь, что это убьёт вас, зато соглашение наше аннулирует наверняка. Решайте сами. Пластмасса ваших наручников отличным образом расплавится, если их приложить к печи. Мучительно, сколько я себе представляю, зато действенно. Вы просто поднимаете крышку печи и угощаетесь. В общем и целом, Оливер, решать вам. Наглотаться, подобно Порции, горящих углей или провести остаток дней в сумасшедшем доме. На то, чтобы принять решение, вам отводится десять минут.

– Вы безумец!

– Да, вы всё время это твердите. Не понимаю, что можно изменить, повторяя одно и то же. Если это неправда, вам вряд ли стоит ожидать, что оскорбление меня поколеблет. Если же правда, тогда, полагаю, обращаться ко мне с мольбами и вовсе бессмысленно. Так или этак, Господь все едино милостив, а больше и говорить не о чем. Девять минут сорок пять секунд.

Помощники Неда находились в гостиной – мистер Гейн ломал голову над кроссвордом, прочие сгрудились вокруг него. Нед помог Гейну справиться с задачей.

– Тут должна быть «рубаха». «Своя... ближе к телу».

А вы написали «собака», Джон.

– А, черт! Да. Промахнулся. Привязались ко мне эти приматы. Знаете – устал как собака, устал как макака.

– М-да. – Нед, дивясь причудливости мыслительных процессов мистера Гейна, принялся проверять, всё ли подготовлено должным образом. – Двигатель фургона разогрет? Хорошо. Судно ждёт. Каждый из вас знает, что ему следует делать.

– Всё готово, сэр, – отрапортовал Флойд. – Когда доберёмся до Левингтона, будет уже достаточно темно для...

Вопль, раздавшийся в этот миг, не походил ни на что, когда-либо слышанное любым из находившихся в гостиной. Мистер Гейн и братья Дрейпер хорошо знали, что такое насилие. Флойд тоже много чего повидал в своей жизни, но это... это было нечто для них новое.

83. В. Шекспир. «Венецианский купец», акт IV, сцена 1. Пер. Т. Щепкиной-Куперник

Флойд рванулся к двери кухни, но Нед схватил его за руку и остановил:

– Дайте ему минуту. Это его выбор.

Дрейперы расширившимися глазами смотрели один на другого. Гейн уставился в ковёр, а Флойд вылупился на Неда. Вопли прервались.

– Теперь, полагаю, можно. – Нед первым оказался у кухонной двери.

Одежда и волосы Дельфта горели, волдыри величиной с апельсин вздулись на губах, рот был раззявлен в крике. Но ни языка, ни голосовых связок у него уже не осталось, и звук изо рта не шёл. Дельфт привалился к стене, впившись скрюченными пальцами в своё тело.

Увидев Неда, Дельфт качнулся в его сторону. Нед поспешно закрыл дверь и запер её на засов.

– Дадим ему ещё пять минут. Тогда всё будет кончено.

Флойд положил руку на грудь Неда:

– Мне плевать, сколько вы платите. Кто-то должен войти туда и прикончить его, чтоб не мучился.

Нед, обогнув его, вернулся в гостиную.

– Минутку, – сказал он, остановившись у камина и повернувшись к своим помощникам. – Давайте-ка разберёмся в наших делах.

Мистер Флойд, вы занимались арендой дома?

– Вы знаете, что я, но какое?..

– Вы заплатили наличными. То же относится к машине и фургону?

– Конечно.

– Никто не знает, что вы побывали в этом доме. Как только мы сотрём все отпечатки, здесь будет чисто.

– Да дело не в этом, сэръ...

– Именно в этом, мистер Флойд.

Нед извлёк из кармана маленький револьвер и выстрелил Флойдку в горло. Поворачиваясь против часовой стрелки, он прострелил головы Гейну и Дрейперам. Потом окунул дуло револьвера в оставленную Гейном на столе у дивана чашку чая – дуло приятно зашипело. Нед допил чай, склонился над телом Гейна. Вытянув из кармана его куртки ключи от машины, он сунул их в свой карман и направился на кухню.

Дельфт, корчась и содрогаясь, валялся на полу. – Один, – прошептал Нед, на прощанье двинув ногой по обгорелым останкам.

Он доехал на машине до Питерборо и бросил её на стоянке у вокзала, рядом с «лексусом», который они с Гейном оставили здесь восемь часов назад. День выдался суматошный, а ведь ещё не со всеми делами покончено.

Нед дрожал, и это удивляло его, поскольку он сознавал, что спокоен. Он ощущал тот подлинный покой, который снисходит лишь на людей, честно заслуживших ночной отдых. Мир и покой, порождаемый только истинными достижениями.

Теперь он готов обратиться к добрым делам. Память о Бэйбе будет увековечена в каждом большом городе, от Копенгагена до Канберры. Библиотеки, школы, больницы. Международный университет. Научные центры. Сиротские дома, основанные на новейших, прогрессивных принципах. Дети со всего света будут совершенствоваться в них свои умы и тела. И рядом с ним будет Порция. Они вместе станут править величайшей в мире благотворительной империей. Станут источниками всего, что есть хорошего на свете. Быть может, всё случившееся с ним было частью какого-то огромного, удивительного плана. До чего тускла была в его жизнь без великого движущего мотива, так много лет озарявшего его изнутри. Небеса направляли его. И привели к этой полной величия минуте.

Он оглядел дом с другой стороны улицы. В темноте светилось всего одно окно. Должно быть, Порция с Альбертом сидят на кухне и

мирно беседуют.

Он позвонил в дверь, однако никто ему не ответил. Позвонил ещё раз. Кошка спрыгнула со стены и потёрлась о его лодыжки, скорбно мяуча. Нед слышал и другой скорбный звук – негромкое, плачущее пение на языке, которого он не знал. Он толкнул дверь, та распахнулась. Кошка скользнула в дом, опередив его.

– Порция? Ты здесь? Порция, это Нед.

Пение стало громче. Нед увидел свет, льющийся сквозь люк в стене кухни, и прошёл в столовую.

– Порция, это я. Что ты здесь делаешь?

Чёрная ткань закрывала зеркало над буфетом, на низкой скамеечке сидел Питер в разорванном пиджаке и разорванном галстуке. Он выпевал, уставившись в пол, еврейскую молитву.

– Питер? Это я. Вы меня помните?

Питер поднял глаза.

– Нед? Я помню тебя. Ты Нед.

– А где Порция, где Альберт?

– Уехали. Все уехали. Сын моего брата умер, слышал?

– Куда? Куда они уехали?

– Кто знает?

Оставив столовую, Нед ринулся на второй этаж. Одежда валялась по полу, зияли платяные шкафы, в ванной валялись флаконы шампуня и тюбики зубной пасты, пол усеивали пузырьки с таблетками, щётки для волос, куски мыла. Они покинули дом в панике, в дикой спешке. Неужели они думали, что им следует бояться его? Его, Неда?

Он поспешил вниз. Стенания старика сводили его с ума.

– Куда они уехали? Вам-то они должны были сказать!

Питер ничего не ответил, но продолжал раскачиваться взад-вперёд, распевая молитвы. Нед прошёл в кухню, поискал молоко. Свет из холодильника упал на стол, и Нед увидел на нём конверт.

Неду Маддстоуну.

Он помнил её почерк! После стольких лет – помнил. Он прижал конверт к щеке.

– А теперь уходи, – донёсся из гостиной голос. – Уходи и никогда не возвращайся. Ты и так наделал достаточно. Уходи.

Нед сидел в машине и плакал. Она ничего ему не оставила. Только старые письма. Даже записки и той нет. Но она же не сможет спрятаться от него. При его-то власти он отыщет её в любом уголке света.

И что потом? Допустим, он найдёт Порцию. И что станет делать дальше? Запрет её под замок? Заставит выйти за него замуж? Слишком поздно. Да и всегда было слишком поздно.

И Нед понял, что ему следует сделать. Надо вернуться домой. Всё очень просто. Всё очевидно. Он должен вернуться домой, уйти подальше от грохота и ужаса этого мира. Домой, где царит либо яркий свет, либо уютная тьма. Домой, где все его понимают. Туда, где покой, свобода, нежность, любовь. Дом – на любом известном ему языке – это самое лучшее, самое сильное слово. Дом. Его шведский остров. Там живут друзья, там призрак Бэйба будет приходить и снова учить его.

Он стоял на палубе, глядя назад, на Англию. Ключья бумаги летели из его ладони, вспархивая, как бабочки, за кормой. Остатки прошлого века – века, когда влюблённые писали друг другу письма и посылали их, запечатывая в конверты. И временами, чтобы

выразить свои чувства, они прибегали к разноцветным чернилам или опрыскивали почтовую бумагу духами.

Он неторопливо разодрал последнее из писем, лишь мельком глянув на половинку оставшейся в руке страницы.

Я воображаю, как твои волосы, пока ты пишешь, спадают тебе на лоб, и это заставляет меня извиваться и, пену пускать изо рта, подобно... подобно... ладно, об этом мы ещё поговорим. Я думаю о твоих ногах под столом, и во мне начинают играть и искриться миллионы триллионов клеток. От того, как ты перечёркиваешь «t», у меня занимается дух. Я прижимаю конверт к губам, представляю, как ты лизнул его, и голова моя начинает кружиться. Я свихнувшаяся, спятившая, скучная, сопливая и слезливая барышня, и я люблю тебя без меры.

Нед позволил ветру вырвать из его руки и этот клочок.

* * *

Стивен Фрай родился в двадцатом веке, а умрёт в двадцать первом. В процессе написания шести его книг он выпил четыреста двенадцать тысяч чашек кофе, выкурил полтора миллиона сигарет и протёр девятнадцать пар штанов. Родимых пятен не имеет.